

Гай Юлий Орловский

Ршч@ршч

Длинные Руки —
вице-принц

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Ригард Длинные Руки
Ригард Длинные Руки — воин Господа
Ригард Длинные Руки — паладин Господа
Ригард Длинные Руки — сеньор
Ригард де Амальфи
Ригард Длинные Руки — властелин трех замков
Ригард Длинные Руки — виконт
Ригард Длинные Руки — барон
Ригард Длинные Руки — ярл
Ригард Длинные Руки — граф
Ригард Длинные Руки — бурграф
Ригард Длинные Руки — ландлоуд
Ригард Длинные Руки — пфальцграф
Ригард Длинные Руки — оверлоуд
Ригард Длинные Руки — коннетабль
Ригард Длинные Руки — маркиз
Ригард Длинные Руки — гротграф
Ригард Длинные Руки — лорд-протектор
Ригард Длинные Руки — майордом
Ригард Длинные Руки — маркграф
Ригард Длинные Руки — тауграф
Ригард Длинные Руки — фрейграф
Ригард Длинные Руки — вильдграф
Ригард Длинные Руки — рауграф
Ригард Длинные Руки — конунг
Ригард Длинные Руки — герцог
Ригард Длинные Руки — эрцгерцог
Ригард Длинные Руки — фюрст
Ригард Длинные Руки — курфюрст
Ригард Длинные Руки — гротсфюрст
Ригард Длинные Руки — ландесфюрст
Ригард Длинные Руки — граф
Ригард Длинные Руки — князь
Ригард Длинные Руки — эрцфюрст
Ригард Длинные Руки — рейхсфюрст
Ригард Длинные Руки — принц
Ригард Длинные Руки — принц-консорт

Ригард Длинные Руки —
вице-принц

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Ричард

Длинные Руки —
вице-принц

ЭКСМО
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

В оформлении переплета использован рисунок
В. Коробейникова

Серия основана в 2004 году

Орловский Г. Ю.

О-66 Ричард Длинные Руки — вице-принц : фантастический роман / Гай Юлий Орловский. — М. : Эксмо, 2012. — 416 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-60008-3

Драконы, тролли, коварные чародеи, свирепые огры, однако, как принц Ричард не раз убеждался, самый страшный враг — человек. И, вынужденно вступив в жестокую войну, он погружается в водоворот неистовых приключений, где жизнь то и дело повисает на волоске.

Но разве можно победить опасность без опасности?

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-60008-3

© Орловский Г. Ю., 2012
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2012

Часть первая

Глава 1

В левом крыле дворца, где я выделил покои королям, шумно и празднично, пахнет жареным мясом, острыми специями, вином. Служанки таскают кувшины, все до одной разбурьяненные, перехихикиваются, глазки задорно и блудливо поблескивают, что значит, их хозяйки уже попадали в объятия внезапно возникающих на пути молодых и красивых лордов, у многих рубашки весьма помяты в определенных местах.

Навстречу идет, придерживаясь за стену и опустив голову, высокий рыцарь в небрежно наброшенном на плечи кафтане, как мне показалось, мертвецки пьян, хоть и на ногах.

Я охнул, узнав с трудом:

— Арчибальд!

Он поднял голову, лицо опухшее, с трудом поймал меня на перекрестье мутного взгляда.

— Ваше... высочество...

Я сглотнул ком в горле, вместо веселого и беззаботного белозубого красавца, на котором и простые доспехи всегда сидят щегольски, словно сшиты лучшими портными, сейчас опустившееся существо.

— Арчибальд, — сказал я, заставляя себя вместо слов никчемного сочувствия и глупых утешений, которыми его наверняка достали,

говорить громко, звучно и высоко, — родина в опасности!.. Настал тот час, для которого мы, настоящие мужчины, рождены на свет! С севера надвигается Тьма Кромешная, она поглотит весь мир, если наши длинные мечи не остановят и не рассеют. Срочно, даже немедленно, дорогой друг, прямо сейчас собирайте всю свою дружину. Прихватите у отца и у всех, сколько сможете... вы меня слышите?.. и навстречу битвам, сражениям и красивой гибели, что решит все проблемы и покажет миру, чего мы стоим, кем мы были и какие они сволочи, что нас не ценили!

Он слушал вполуха, но что-то проникало в его череп, глаза постепенно прояснялись.

— Навстречу, — спросил он хрипло, — гибели?

— Да, — подтвердил я твердо и возвышенно. — Либо погибнем гордо и красиво, и нас будут оплакивать эти... ну, девы, либо вернемся с победой, и тогда у нас не будет препятствий... вы поняли, граф?

Он медленно расправлял сутулую спину и стал почти тем прежним, надменным и стройным, даже голос прозвучал четче:

— Только прикажите... ваше высочество...

— Все отряды, — сказал я, — грузите на платформы и перебрасывайте в Армландию. Там уже своим ходом двинетесь дальше.

— На Север? — проговорил он сипло.

— Да.

Он тряхнул головой, переспросил:

— Все-таки Карл?

— Хуже, — ответил я. — Мунтвиг. Карл уже вдоволь напился человеческой крови, а теперь возжелал духовной пищи. Мунтвиг же примитивно, вот дурак, алчет подвигов и славы... Нам нужно успеть встретить его на границах наших границ, а также рубежей. Или хотя бы не дать ему засадиться слишком уж глубоко в

наши земли Скарляндии и Варт Генца... Да, они уже наши!..

Он отклеился от стены, лицо медленно меняется, а сам он из страдающего от неразделенной любви менжнуна превращается в настоящего рыцаря, ведь для нас великие подвиги важнее всего на свете. Правда, я, как истинный политик, на всякий случай забросил червячка, что по возвращении не будет препятствий насчет фиолетовой леди, но это так, вроде бантика, а в лоб о таком приземленном в рыцарской среде говорить неприлично.

— Ваше высочество, — проговорил он крепнущим голосом, — разрешите выполнять... немедленно?

— Разрешаю, — ответил я милостиво. — Еще как разрешаю.

— Спасибо, ваше высочество...

— Вперед, — сказал я в напутствие, — навстречу подвигам и славе!

В большом зале, что чуть поменьше моего тронного, но тоже весьма, в окружении своих лордов пируют короли: Фридрих Барбаросса, Роджер Найтингейл, Херлуф Сильвервуд и, черт бы его побрал, Кейдан, его я ожидал увидеть меньше всего, а желал бы встретить и того меньше.

Сволочь, он все-таки моложе всех венценосцев, рослый и все так же крепкий, еще и свою отвратительную пегую бороденку сбрил за время нашей справедливой и нужной человечеству и прогрессу оккупации королевства. Возможно, увидел, что мужчины с бритыми подбородками не выглядят так уж женственно, как свысока утверждают его кацапистые советники.

— Господа, — сказал я звучно, обращаясь только к королям, — от границ пахло кровью! Я хочу предложить вам нечто более высокое, чем наливать вино и жрать эти немужские сладости.

Барбаросса лениво повернул голову в мою сторону.

— Что стряслось, дорогой друг?.. Кого на этот раз стараетесь обжудить?

Я сказал четко:

— Готовятся очень даже обжудить всех нас. Да-да, и вас тоже!

Барбаросса посерьезнел, а Херлуф сказал неспешно:

— А в самом деле, если запахло кровью... как поэтично, кстати, то лучше поговорить об этом... не здесь.

Я покосился на Кейдана, этот молчит и неторопливо поворачивает в растопыренных пальцах чашу с вином вокруг своей оси.

— На втором этаже, — сказал я, — есть такой же зал... только маленький и не такой. А наши благородные лорды успеют за время нашего отсутствия, весьма короткого, с успехом перемыть нам кости.

Лорды заворчали, бросая на меня сердитые взгляды, не всем мой солдатский юмор приемлем, либералы, что ли. Свита Кейдана вообще смотрит с ненавистью, но, увы, ножны у всех пусты, стража на входе мечи отбирает у всех.

Найтингейл со вздохом опустил чашу на стол.

— Но мы поместимся?

— Да, — ответил я, — если животы втянем.

Барбаросса сказал степенно:

— Я согласен. Разве у меня живот?

— Присоединяюсь, — поддержал Найтингейл.

— Тоже, — сказал Херлуф.

Они все трое поглядывают на Кейдана, однако тот промолчал, затем на меня посмотрел в упор Барбаросса, следом Найтингейл, в глазах короля Шателлена вообще мягкий совет соблюдать приличия, если я рыцарь и достойный правитель.

Я повернулся к Кейдану, на языке вертится то «господин бывший король», то «гражданин Кейдан»,

но взял мысленно себя за глотку, придушил слегка, мол, недолго ему осталось быть королем, а сейчас мы на людях, вынуждены расшаркиваться и все такое, выдавил светскую улыбку.

— Ваше Величество?

Кейдан даже не изменился в лице, повел бровью в сторону остальных и сказал громко:

— Я украсил тот зал весьма достойно, там хороший стол и восемь кресел. О важном лучше поговорить там.

Я стиснул челюсти, а короли начали подниматься, словно слово Кейдана для них куда более весомо, чем мое. Как же, все венценосные и легитимные, а я всего лишь принц, да и то коронованный без соблюдения некоторых моментов, к отсутствию которых можно и придраться.

Гуляки за столами свое недовольство по поводу нашего ухода выразили глухим ревом, но слуги поспешно наполнили им кубки и чаши, погасив народное недовольство так, как делалось всегда со времен Древнего Рима.

Телохранители прошли по обе стороны группы королей, не позволяя беспокоить Их Величества, а на втором этаже слуги уже распахнули двери и провожали с поклонами к столу.

Барбаросса откровенно осматривается, Найтингейл корректно ничего не замечает и смотрит только на меня, Херлуф кивнул одобрительно, мол, ничего так, никогда бы не подумал, что и у варваров есть что-то, а Кейдан даже бровью не повел, хотя в этом кабинете кресел прибавилось, а пару слишком фривольных картин я, в ожидании визита отца Дитриха, еще в первые же дни велел бросить в камин.

Комната для совещаний высших военачальников, так я ее позиционирую, светлая, чистая, удобная, с

минимумом мебели, а высокие сводчатые окна дают массу света.

Они степенно расселись, все чисто по-мужски: раз кресел двенадцать, а нас пятеро, то каждый оставил справа и слева по свободному месту, у мужчин в крови насчет личного пространства.

— Тревожные новости, — сказал я бодро и возвышенно, — далеко на севере восходит грозная звезда Мунтвига! Это свирепый полководец, он соперничал славой с императором Карлом, великим завоевателем.

Барбаросса поинтересовался с истинно королевским величием:

— Нас это как-то касается?

— Очень, — заверил я. — Как доложили разведчики, император Карл услышал глас Божий, упрекающий его в грехах, раскаялся и, сменив корону на вериги, отправился пешком в монастырь замаливать свои якобы великие подвиги. Однако Мунтвиг моложе и амбициознее, собрал свои армии и двинулся в земли Карла, поспешно подгребая его оставленные королевства под свою длань.

— Бойкий юноша, — заметил Херлуф одобрительно.

Слуги быстро расставили кубки, я поглядывал украдкой на Кейдана, но тот даже бровью не повел, узнавая свое фамильное богатство.

Барбаросса первым ухватил поставленный перед ним кубок, выпил залпом почти половину, прежде чем сообразил, что это не совсем то вино, которое степенно отхлебывал внизу с простым народом баронов и графов. Роба побагровела, закашлялся, с недоумением посмотрел в кубок.

Найтингейл, которому слуга налил из другого кувшина, подчиняясь моим едва заметным знакам, отпил с опаской, посмотрел на Барбароссу с непониманием,

сделал глоток побольше, а потом присосался, как паук к толстой молодой мухе.

Херлуф смотрел то на одного, то на другого, а когда сделал глоток, тоже поперхнулся, сказал задущенно:

— Что за... вино... Продрало до печенок.

— Рад, — сказал я, — что и вам понравилось.

Кейдану подмывало налить чистого спирта, однако он предельно осторожен, наблюдает за всем и многое замечает. Слуга перехватил мой взгляд и наполнил бывшему королю Сен-Мари из того же кувшина, что наливал Найтингейлу.

Кейдан сделал глоток спокойно и с неподвижным лицом, явно готов ко всему, но я успел уловить тень изумления в глазах, такого изысканного вина здесь пока еще не знают, хотя монахи трудятся над развитием виноделия повсюду.

— Мунтвиг на землях Карла не остановится, — сообщил я. — Тем более что они достаются ему так легко.

— Насколько я понимаю, — пробормотал Барбаросса, — это где-то очень далеко на севере?

— Ваше Величество, — сказал я с мягким упреком, — далекое вчера может оказаться близким завтра. А то и сегодня.

Он кивнул с самым снисходительным видом.

— Продолжай.

— Мунтвиг, — напомнил я, — всегда соперничал славой с Карлом, хотя его известность больше гремела дальше к северо-западу от империи Карла. Не думаю, что и Мунтвиг вдруг уйдет в монастырь, это было бы слишком большой удачей, так что мы должны быть готовы к нападению на наши земли.

Барбаросса сказал медленно:

— А с каких пор Скарлянды и Варт Генц... ведь речь о них?.. стали нашими землями?.. Почему мы обязаны их защищать?

Херлуф поинтересовался:

— И вообще, что за Мунтвиг?

— Мунтвиг, — пояснил я, — как я уже сказал, был соперником Карла по славе, только шел западнее Карла, покори́л несколько королевств, в том числе Бургунт и Горланд, в королевстве Шумеш потерпел первое поражение, потом были еще неудачи. В конце концов ушел с войсками далеко на север, где захватил обширные земли и обосновался там.

— А теперь что с ним случилось?

— Увидел, — проворчал Барбаросса, — что нет Карла.

— Карл ощутил себя непобедимым, — сказал я, — и достигшим вершин славы. Но он в своем роде гений, ему мало было побед в войнах, он мог возжелать чего-то еще, более высокого.

Найтингейл хмыкнул.

— Заняться поисками Истины?

— Именно, — сказал я, — а Мунтвиг намного проще, потому опаснее. Он жаждет реабилитироваться после поражения, произошедшего из-за его чрезмерной самонадеянности, когда попытался захватить с наскоку крепость Эвергарт. Там он положил треть армии и вынужден быть отступить. Он не думает ни о каких монастырях, он постарается побыстрее прибрать к рукам остатки армии Карла, которой сейчас делать нечего и которая умеет только воевать, после чего, уж не знаю, остановит ли его Большой Хребет?

Барбаросса прорычал утомленно:

— Кто решил, что он пойдет так далеко?

— Там королевства, — объяснил я, — которые входили в империю Карла. Их осталось только подобрать!.. Кроме того, вполне возможно, до него уже докатились вести о сказочно богатой земле за Большим Хребтом, куда сумели проникнуть какие-то армландцы и куда,

конечно же, он тем более войдет с легкостью!.. Ему наверняка рассказали и про берег моря, про флот, пиратов, острова... Это же мечта для завоевателя!

Херлуф взглянул на меня и обронил невинным голосом:

— Вам виднее, юный друг.

Они выслушали меня очень внимательно, люди такого ранга сразу трезвеют, когда речь о важном, а когда я умолк и ждал их реакции, долго сопели, переглядывались, двигали бровями, только Кейдан все так же смотрит мимо меня, а когда замечает, то в лице нет даже ненависти, словно перед ним пустое место.

— Ладно, — прорычал наконец Барбаросса. — Допустим, Мунтвиг в самом деле сильнее даже Карла. Но почему ты решил, что он не остановится до самого... ха-ха... Большого Хребта?

Найтингейл кивнул, добавил, поясняя мне, как ребенку:

— У него по дороге столько королевств... И везде придется оставлять свои гарнизоны. Так у него совсем не с кем будет идти вперед!

— Увязнет, — коротко сказал Херлуф.

— А если у него, — возразил я, — как у Карла, другая тактика?.. Захватывая королевство, забирать побольше мужчин в свою армию и двигаться дальше?.. Покоренные страны Карлу были уже не интересны. Он был романтиком по-своему и стремился к необычному. А с Мунтвигом столкнуться придется.

— Почему?

— Королевства Скарлянды и Варт Генц, — пояснил я. — Они были захвачены Карлом, до сих пор считаются как бы входящими в его империю. Но эти королевства уже давно отстроились и...

Барбаросса сказал саркастически:

— И обратились к тебе за помощью?

— Король Варт Генца, — напомнил я, — был нашим союзником в сдерживании неоправданной и неспровоцированной агрессии Гиллеберда. Конечно, я откликнулся на просьбу о помощи.

— Слыхали-слыхали, — сказал Барбаросса, — и что даже корону тебе предлагали, а ты так это скромненько: ах-ах, не надо, что вы, как можно, я недостоин, давайте чуть позже, лучше завтра с утра.

— Про чуть позже я не говорил, — возразил я.

Он посмотрел с веселой издевкой.

— Но мы здесь все свои?

— А сам он в Варт Генце, — предположил Херлуф, — обеими руками казну выгребал?

— Это он делает в первую очередь, — заверил Барбаросса. — В общем, Ричард, ситуация складывается такая. Мои лорды не поймут, если призову их собирать войска и вести на север встречать какого-то там Мунтвига, непонятного и неинтересного. Зато обещаю, как твой союзник, помочь защитить твои завоевания, если Мунтвиг подойдет к границам Фоссано.

— Получается, — возразил я, — будете защищать только себя?

— А Ламбертинию? — возразил Барбаросса. — Она ж так вклинилась между моими Фоссано и Фарландией, что и не захочешь защищать, а придется... Кстати, не желаешь обменять эту Ламбертинию, я давно на нее зуб точил, на что-нить?

— На что? — спросил я.

Он потербил пояс, где солидно позвякивают широкие металлические бляхи.

— Да хоть на что! Вот на этот пояс, к примеру? Смотри, как хорош! И пузо держит... в пределах.

Я разом ощутил жуткую безнадежность, Барбаросса и так может забрать себе Ламбертинию, в моем положении нечего и пикать.

Добрый Найтингейл вздыхал и смотрел на меня с сочувствием. В мудром взгляде я читал, что не стоило так вот поспешно хапать все земли, которые в силу каких-то причин удастся захватить легко и быстро. Захваченное нужно еще и удержать, когда местные опомнятся... а если еще появится противник и со стороны, тогда вообще лучше все бросить и отступить.

Глава 2

А может, мелькнула неожиданная мысль, в самом деле бросить Скарлянды и Варт Генц? Я же снял с них такой урожай, о котором даже и не мечтал: все налоги сгреб в свой карман, собрал всех крепких молодых мужчин и создал две армии!

Барбаросса поглядывал на меня исподлобья, что-то высчитывает, судя по глазам, наконец пробасил:

— Нет, наш Ричард не отступит.

— Гордость не позволит, — согласился Херлуф.

— Тогда он не государь, — обронил Найтингейл с глубоким сочувствием. — Он все еще рыцарь. Ему бы на турнирах!

Барбаросса прорычал:

— Нам всем жаждетсЯ оставаться только рыцарями. Однако... во имя счастья подданных мы ведь преступили... некую черту? И пусть запятнали свои имена в глазах обывателей, что ничего не понимают, но судят обо всем, но мы... терпим и работаем для их, сволочей, благополучия?

— Это мы, — буркнул Найтингейл, — мы уже битые, тертые, понявшие... А он еще выюнош с чистым сердцем, хоть и старается казаться понявшим все, грязным и циничным.

— Потому, — произнес Херлуф с циничной усмешкой, — мне кажется, я выражу общее мнение, когда предложу просьбу о войне с этим Мунтвигом... так его зовут?... оставить без ответа... в его же интересах. В интересах нашего друга принца Ричарда, а не Мунтвига, конечно. У каждого из нас свое королевство, которое охраняем и бережем, а это первая заповедь государя. Благо наших граждан должно быть для государя выше, чем жажда прославить свое имя в веках.

Слуги внесли на подносе жареное мясо, Барбароса скривил рожу, остальные лишь скользнули хмурыми взглядами. На королевское угощение все-таки полагается подавать хотя бы целиком зажаренного вепря, оленя или быка, а тут всего лишь тонкие ломтики мяса.

Я сказал виновато:

— У нас не пир, а деловое совещание, потому просто перекус... да и надо заесть вино.

Барбаросса отмахнулся.

— Ладно, попируем позже.

Он небрежно взял ломоть мяса и отправил в пасть. Мне показалось, что даже не разжевал, а проглотил, как гигантская утка. Хотя да, мясо настолько нежное, что жевать стоит только для удовольствия, а так само тает во рту.

Найтингейл, ободренный опытом с прекрасным вином, взял тоже ломтик, но едва составленный умелыми дизайнерами аромат шибанул в ноздри, проглотил едва ли не быстрее, чем Барбаросса.

Херлуф, поглядывая на обоих с улыбкой, брал мясо спокойно и с королевским достоинством, не столько ел, как смаковал, наслаждался, а когда встретился со мной взглядом, кивнул с полным одобрением.

— Прекрасная кухня, — сказал он. — Уверен, Его Величество Кейдан тоже доволен, что его запасы все еще украшают столы королевского дворца!

Кейдан чуть наклонил голову, но смолчал.

Барбаросса пожирал мясо, хватая сразу по несколько ломтиков и запихивая пятерней в огромный рот, но, когда слуги принесли еще и еще, сдался и только посмотрел грустными глазами на лакомства, что пропадут теперь, не съеденные им лично.

— Скажу честно, — рыкнул он утомленно, — когда ты явился с безумной идеей напасть сообща на Гиллеберда, я решил помочь только потому... гм... что ты когда-то оказал мне очень важную услугу, а я такое не забываю. Я, честно говоря, даже не думал, что мы с такой легкостью справимся, все-таки у Гиллеберда была лучшая в регионе армия, но ты всех обхитрил, нас с Найтингейлом тоже.

Найтингейл улыбнулся, кивнул.

— Да, бойкий у нас родственник.

Барбаросса посмотрел на него в удивлении:

— Родственник?.. Ах да, он же теперь твой полужать, ха-ха!..

Найтингейл ответил с достоинством:

— Я не сказал бы, что это худший из зятей.

— Еще бы, — сказал Барбаросса с тяжелым сарказмом, — это же надо суметь продать дочь дважды! Я бы голову разбил о стену, но не додумался бы. Всегда считал, что такими хитрыми могут быть только сенмаринцы...

Все посмотрели на Кейдана, что за все время обсуждения не проронил ни слова. Сейчас, когда все умолкли и только втихую зыркают друг на друга, не зная, что добавить и нужно ли, когда все сказано ясно и четко, он пошевелился и сказал несколько манерным голосом:

— Эту реакцию следовало ожидать. Она мне понятна, возражений не вызывает, потому скажу о другом. Несмотря на все разумные слова достойных великих и мудрых королей, мы все же предполагаем, что принц Ричард отправится Мунтвигу навстречу, несмотря на все наши предостережения.

— С голыми руками, — буркнул Барбаросса.

— С теми войсками, — уточнил Кейдан с королевским величием, — которые удастся собрать, пусть даже их будет горстка. А нам стоит подумать, как поступим мы.

Найтингейл сказал завистливо:

— А что вам-то думать? Сен-Мари за Большим и даже очень Большим Хребтом!

— Если Мунтвиг, — ответил Кейдан, — сокрушив все, подойдет к хребту, то самое меньшее, что он сделает, — перережет единственный торговый путь между королевствами Сен-Мари, Вестготией и остальным севером.

Барбаросса буркнул язвительно:

— Будете торговать и с Мунтвигом, какая разница?

— Будем, — согласился Кейдан, даже не попытавшись отказываться, — однако Мунтвиг не прекратит пытаться ворваться в наше королевство и предать здесь все огню, а это... нас будет тревожить, если сказать мягко. Потому следует продумать, чем же все-таки помочь этому... принцу.

Я не поверил своим ушам, только никто из королей почему-то не удивился, а Кейдан продолжил:

— Нам важно, чтобы этот принц там на дальних рубежах как можно больше обескровил Мунтвига. И когда сам погибнет, та сволочь с Севера подойдет к нашим границам уже ослабленным. Или вообще не рискнет.

Барбаросса хмыкнул:

— Ваше желание удержать Тоннель в нашей власти понятно. Я берусь ввести войска в Армландию и перекрыть доступ на эту сторону.

— Я помогу, — сказал Найтингейл. — Ну, чем смогу. Херлуф сказал ехидно:

— А вы поможете как? Подгробете под себя Ламбертинию?

Найтингейл кивнул в сторону Барбароссы:

— Он подгробет ее с такой скоростью, что не успеешь сказать «мама».

Я натянуто улыбался, дескать, шутят, понимаю, хотя на душе становится все холоднее. Это не шутки, все так и будет. Мне трудно было удерживать все в моих руках даже без внешней угрозы, а теперь так и вовсе все рассыплется. А такие лакомые куски да не подобрать...

Тревожная обстановка во дворце начала нарастать с момента срочного отъезда герцога Готфрида, а после появления гонца с вестью о Мунтвиге стало по-настоящему беспокойно и неуютно.

Вельможные лорды, собравшиеся на выборы короля, сбиваются в группки, шепчутся, оглядываясь на других, и обрывают разговоры, когда к ним кто-то подходит.

Я увидел, как в дальнем зале блеснуло золото пышных волос, там в кругу мужчин женщина с прямой гордой спиной и тонкой талией в длинном зеленом платье до полу. Она как ощутила мой взгляд и повернулась, крепкая, с хорошо развитыми плечами, яркий румянец на молодом лице, блестящие глаза и пухлые спелые губы. Леди Элинор.

Она с небрежностью оставила рыцарей, расточающих ей комплименты. Я молча ждал и невольно любовался ее спелой молодостью и спортивной упругостью

ее фигуры, туго натянутой кожи на лице, где ни намечка на морщинки, даже мельчайших, и общей чистотой и свежестью ее облика.

Издали она чарующе улыбнулась, но, когда приблизилась, лицо стало строгим и озабоченно деловым.

— Рич, что теперь?

— Не знаю, — ответил я сердито. — Почему герцог не мог подождать до выборов?

Она без всякого перехода превратилась в разъяренную тигрицу, защищающего малолетнего тигренка:

— Не смей, для него орден Марешаля — самое главное в жизни!

— Два сапога пара, — сказал я горько. — Оба за идею зарежете.

— За идею?

— За любимое дело, — уточнил я. — Дождемся результатов голосования. Я все еще рассчитываю на победу герцога, но если стряется небывалое...

Она вздохнула.

— Ты так привык к победам? Ричард, даже у тебя не все может идти гладко.

— Мы все просчитали верно, — возразил я, — и готовились долго. Может быть, слишком долго. Это говорит о моей тщательности и осторожности!

— Я дождусь выборов, — ответила она, — однако что-то мне очень неспокойно.

— Берегите Дженни, — сказал я неуклюже. — Как там Родриго?

— Растет, — ответила она с некоторым безразличием, и я понял причину такого резкого поворота от прежнего обожания, теперь всем на свете для нее стал герцог Готфрид, а бедный любимец Родриго, чьи капризы всегда удовлетворялись, впервые столкнулся с тем, что называют воспитанием мужчины. — Скоро его из пажей можно будет в оруженосцы.

— Рано, — сказал я сожалеюще, — умом развит, а силенок пока маловато. Надеюсь, Мартин это учитывает. Где Дженни?

— Я видела ее на веранде.

— Надо с нею повидаться, чувствую себя виноватым.

— Да? Это хорошо, — сказала она с удовольствием, — тогда я проведу к ней.

— Спасибо.

Навстречу все чаще попадались в окружении свиты осанистые лорды в парадных формах, слышались привычные голоса глашатаев, объявляющих имена высоких гостей и титулы, возгласы церемониймейстеров, приторно пахнет женскими духами.

Сперва я увидел леди Розамунду и ее подруг, они бросали ревнивые взгляды в сторону. Я повернул голову, увидел Дженифер и понял чувства первых красавиц королевства. Провинциалка не уступает им красотой и гордой статью, но настолько вся наполнена огнем, что все мужчины невольно тянутся к ней, как мотыльки к пламени.

Моих фавориток, точнее, тех фрейлин, которых считали фаворитками, а также тех, кто пытался ими стать, как уже знаю, примирило с Дженифер только то, что она моя сестра.

Более того, все начали набиваться к ней в подруги, удобный повод, чтобы сблизиться с ее грозным и могущественным братом.

Она увидела нас с Элинор, поспешила навстречу. На этот раз лицо бледное, в глазах тревога.

— Ричард!.. — крикнула она умоляюще. — Почему все так?

Я обнял ее, поцеловал в лоб, потом не выдержал и прижался губами к пылающей щеке.

— Дженифер, — сказал я с трудом, — все в руке Господа. Герцогу пришлось срочно ехать в Турнедо,

для него создание могучего Арндского королевства куда важнее крохотной короны Сен-Мари, а мне, увы, нужно двигаться с войском навстречу Мунтвигу... Прости, Дженни, что все вот так... ничего я и не успел, но сейчас тебе с Элинор лучше немедленно вернуться в Брабант.

Она вскрикнула:

— Но... разве корона не важнее?

Элинор нахмурилась, а я сказал торопливо:

— Дженни, дело в том, что все владения короля Гиллеберда я передал ордену Марешаля. Земли и замки ламбертинского герцога Блекмура — тоже. Я имею в виду личные владения. Так что уже сейчас экономическая мощь ордена равна королевской, а возможностей у герцога Готфрида в самом деле будет больше, чем у любого короля. Хотя, если честно, я бы все-таки на его месте сперва завершил все здесь. Корона правителя Сен-Мари не такая уж помеха для великого магистра! Оставил бы меня заместителем, я не стал бы отбиваться.

Элинор обняла нас с Дженифер, несколько мгновений мы стояли тесно, и я вдыхал сладкий аромат женских тел, потом она отстранилась и сказала серьезно:

— Беспокоишься из-за Кейдана?

— Да, — ответил я. — А ты?

Она покачала головой.

— Дженифер нужна была ему из-за Брабанта. Но сейчас Брабант не отгораживается от Сен-Мари, а Кейдану, как мне кажется, есть о чем подумать помимо Брабанта.

Дженифер поглядывала то на меня, то на Элинор. Я сказал с неприязнью:

— Я ему не доверяю. По морде видно, пакостный человек! Потому вам лучше убраться. На время.

Элинор спросила быстро:

— На какое?

— Пока я вернусь, — сказал я серьезно. — Я вернусь! И со всех спрошу.

Она посмотрела на меня пристально.

— Да уж... некоторых уже сейчас трясет.

Дженифер сказала слабо:

— Да? А я больше почему-то замечаю, как многие злорадствуют.

— Я вернусь, — ответил я мстительно, — и устрою Страшный Суд! И будет плач и скрежет зубовный... Простите меня, но вот там вроде бы отец Дитрих.

— Он самый, — подтвердила Элинор с неприязнью.

— Простите, я вас покину...

Отец Дитрих как заметил меня, развернулся всем телом, я увидел суровые вопрошающие глаза.

— Отец Дитрих, — заговорил я еще издали, — уж простите меня великодушно, однако сами видите, я всеми фибрами и жабрами хотел в тот Храм Истины, однако теперь...

Он вздохнул, мелко перекрестил меня.

— Да, суета сует... Вот так и жизнь проходит в бегенье с химерами. Однако, мне кажется, ты меня не совсем верно понял.

— Отец Дитрих?

Он взял меня за локоть, пальцы у него на диво цепкие, огляделся и повел к выходу на балкон. Я кивнул сопровождавшим меня телохранителям, и они сразу закрыли дорогу своими телами.

С балкона открывается дивная картина прекрасного Геннегау, но отец Дитрих повернулся к парапету спиной, на меня взглянули мудрые глаза много прожившего, много повидавшего и много понявшего в этой сложной жизни.

— Сын мой, — произнес он мягко, но с укором, — ты не совсем верно меня понял... или я не сумел объяснить достаточно внятно.

— Отец Дитрих?

Он сказал со вздохом:

— Я рекомендовал тебе побывать в Храме Истины вовсе не от имени церкви. И все еще рекомендую.

Я быстро вернулся в зал, ухватил ближайшее кресло и бегом принес на балкон.

— Отец Дитрих, прошу вас. Позвольте, помогу сесть.

Он с легким кряхтеньем опустился на сиденье, в спине звучно хрустнуло.

— Благодарю, сын мой.

— Отец Дитрих, — напомнил я, — вы рекомендуете посетить Храм Истины... от себя лично? Почему?

— Увы, сын мой, — сказал он невесело, — церковь, в силу того что ее идеалы должны принять сердцем как можно больше людей, подстраивается под их вкусы... нет, требования широких масс.

— И уровень? — подсказал я.

— Да-да, — сказал он, — спасибо. Именно уровень. Люди все-таки в массе хорошие и простые, совсем не герои и не подвижники. Их пугают рассказы о великих аскетах, занимавшихся истязанием плоти, им нужны более простые и понятные примеры того, почему нужно жить по-христиански, а не... язычески.

Я воскликнул с жаром:

— Это я как раз понимаю, отец Дитрих!

— В самом деле? — спросил он с сомнением. — Ты ведь так молод и горяч...

— Да, — сказал я торопливо, — но я как бы zelo ленив ввиду развращенности комфортом... ну, нашими современными удобствами, ишь, мясо жарим уже и на сковородках, какой позор и падение нравов! Потому я и сам хотел бы упрощенного христианства, чтобы и христианином быть, и ничего для него не делать. Но я рыцарь, понимаю, делать надо и через «не хочу», но простой народ через это «не хочу» переступить не может.

Он посмотрел на меня пытливно и с одобрением.

— Понимаешь, — проговорил он с некоторой озадаченностью, — а с виду ты... гм... так мускулист и силен, что тебе мозги как бы и вовсе ни к чему.

— Спасибо, святой отец, вы мне польстили.

— Помнишь, — сказал он, — я как-то говорил о Тертуллиане?

— Да, отец Дитрих!

Он вздохнул, отвел взгляд.

— Тертуллиан сделал для церкви едва ли не больше, чем все апостолы вместе взятые, ну, за исключением Павла. Тертуллиан заложил основы, фундамент учения, однако церковь отказывается признавать его учителем церкви.

— Из-за его характера?

— Отчасти, — сказал он. — Отчасти. Его пылкий и непримиримый характер позволял ему одерживать сокрушительные победы в диспутах с языческими мудрецами, однако он с таким же неистовством громил и церковные постулаты, упрекая в мягкотелости, терпимости, беззубости... Его не отлучили от церкви только потому, что тогда такой процедуры еще не существовало, но у многих иерархов церкви и сейчас начинается нервный тик, когда слышат его имя или приходится читать его работы. Так вот, сын мой, в Храме Истины, можно сказать, одни тертуллианы...

— Ого!

Он вскинул руку.

— Погоди, погоди. Ты же знаешь, что, если бы тертуллианов было слишком много, мир бы рухнул. Только дети искренне верят, что можно получить все и сразу, но взрослые знают, что, увы, мир тяжел и неповоротлив. Если попросить Тертуллиана помочь вытащить телегу из грязи, он потянет коня с такой силой, что оторвет ему голову! Ты понял, надеюсь.

— Да понял я, понял, — сказал я с тоской. — Но без тертуллианов телег вообще бы не построили!

— Тертуллианцы, — сказал он, — могут дать несравнимо больше, чем вся церковь... но только такому же, как и они и кто может принять их дары, не уронив на ноги. Потому я и советую тебе пройти испытания в их Храме... от своего имени, хоть и тревожусь за их исход.

Он оперся обеими руками на подлокотники, напругся. Я успел подхватить вовремя, и великий инквизитор поднялся, уже снова суровый и с непроницаемым лицом, чуточку недовольный даже, будто потому, что приоткрылся до такой степени.

Я торопливо преклонил колено и поцеловал ему руку.

— Спасибо, отец Дитрих... Спасибо!

Глава 3

Сэр Жерар, которого я вообще-то привык видеть возникающим на пороге моего кабинета, незаметно сопровождает меня всюду и появляется, как только начинаю искать его взглядом.

— Ваше высочество?

— Снова не дают поспать сладко, — сказал я раздраженно, — и понежиться на заре под пенье петухов.

— Под пенье петухов? — спросил он. — Вот уж не думал, что под их отвратительные крики кто-то нежится. Или это вы... поэтически?

Подошел граф Фортескью, сдержанный, величавый и внушающий, каким и должен быть глава Министерства по делам иностранных королевств.

— Я бы их всех поубивал, — поддержал он светскую беседу, — но отгоняют нечистую силу, так что

пусть орут... э-э... поют. А что стряслось, ваше высочество?

— Отбуду сразу после коронации, — сообщил я шепотом, — унесся бы и сейчас, но... Из Турнедо я поведу навстречу Мунтвигу те войска, что расквартированы в королевстве, там самая надежная и боеспособная армия. А также придется забрать армии из Ламбертинии и Мезины, что вообще-то рискованно.

— Даже очень, — заметил сэр Жерар холодно.

Я сказал с тоской:

— Надеюсь, скоро получу более подробные данные о Мунтвиге. Мы даже не представляем, что у него за силы! Если подберет всю или почти всю армию Карла, да еще с собой приведет вдвое больше...

Жерар сказал так же деловито бесстрастно:

— Ваше высочество, я пойду готовить надлежащие указы прямо сейчас.

Я наклонил голову, отпуская, он коротко поклонился и удалился. Фортескью сказал негромко:

— Ваше высочество, с вашего позволения я послал гонцов во все королевства, что окажутся на пути Мунтвига. Как бы они к нам ни относились раньше, но сейчас это естественные союзники.

— С какими предложениями?

— Союз и взаимопомощь, — ответил он.

— Вы все сделали верно, — сказал я, — и... спасибо, граф.

Он поклонился.

— Ваше высочество?

— Что приняли такое решение, — пояснил я, — не дожидаясь, что скажу я. Министерство иностранных королевств в надежных руках.

Телохранителей в коридоре прибавилось, как и слуг, я прошел к своему кабинету, дверь услужливо распахнули, я насторожился, рассмотрев в кресле у моего сто-

ла мужчину в таком черном плаще, что рядом сама чернота показалась бы белой, на голове такая же черная шляпа с молодецки загнутыми краями, на тулье загадочно помигивают звезды, а если присмотреться, то можно рассмотреть и спиральные галактики.

Он вскочил, едва не опрокинув кресло, сорвал с головы шляпу и красиво раскланялся.

— Принц... мое глубочайшее почтение...

— Здравствуйте, — буркнул я, — сэр Сатана. Да сидите, сидите! Разве ваша гордыня позволяет вам вскакивать кому-то навстречу?

— Гордыня не позволяет, — ответил он бодро, — а вежливость просто настаивает!.. Ваше высочество, я с глубочайшим сочувствием хочу выразить искреннее сожаление по поводу... этого случая... с Мунтвигом.

Я сказал саркастически:

— Ну да, можно подумать, что не ваших рук дело. Да сядьте же! А то как издевательство какое... непонятное.

Он опустился в кресло, очень серьезный и растерявшийся светскую ироничность.

— Моих, — произнес он сдержанно, — или не моих, это ни при чем. Я вовсе не хотел причинять вам не только неприятностей, но даже беспокойства. Я в восторге от вашего размаха, ваших преобразований... и чтоб все это смахнуть нашествием какого-то северного варвара?

— А как же, — сказал я едко, — насчет вредить всегда, вредить везде, вредить до дней последних донца? Вредить — и никаких гвоздей?

Он усмехнулся, покачал головой.

— Сэр Ричард, вы запомнили обо мне только то, что я, дескать, поссорившись с Творцом, который заставлял нас, ангелов, поклониться человеку и признать его царем вселенной, поклялся вредить этому самому

созданию, чтобы доказать его недостойным такого высокого звания. Остальное просто пропускаете мимо ушей. Да и то... та информация пришла к вам от моих противников.

— Вас я тоже слушал очень внимательно, — ответил я. — Так что не совсем односторонне, если уж быть справедливым.

— Да? А то, что я для вас то же самое, что и дьявол? И что сижу в аду и тыкаю вилами в бок грешников?

Я ощутил некоторое смущение, все-таки в самом деле долгое время считал примерно так, хотя сейчас понимаю, как это глупо, но высказывать свои чувства перед Сатаной не стал, еще чего не хватало.

— Но все-таки, — сказал я примирительно, — грешники где-то отбывают наказание?

Он посмотрел на меня с жалостью.

— Вы что, Библию не читали? Я вот, к примеру, ее наизусть помню. Ад был создан для восставших ангелов, не знали?... Именно для них!.. Людей тогда вообще не было. А первые попали туда очень не скоро, так как жили почти по тысяче лет!.. И первым туда попал Адам, хотя Каин погиб раньше... Но потом, конечно, ад расширился, совершенствовался, ибо появились грехи, как вы понимаете, которых просто не могли знать ни Адам с Евой, ни даже целомудренные с нынешней точки зрения их внуки... Сейчас там целый мир, сэр Ричард!.. Я не руковожу адом непосредственно, для этого существуют демоны, но могу устроить вам занятную прогулку.

— Нет уж, спасибо.

— Мое дело предложить, — ответил он любезно. — Это расширило бы ваше понимание мира.

— Я бы предпочел сузить, — ответил я. — А то человек слишком широк.

— Хорошо сказано.

— Не мною, — уточнил я. — Нужно сперва сузить человека, очень сильно сузить, пустить его буквально по лезвию ножа, чтоб ничего лишнего, а потом постепенно можно и расширять сверкающее лезвие... Но это будет уже расширение христианского мира, а все остальные язычества останутся внизу во тьме.

Он фыркнул:

— А как же всестороннее развитие человека, которое пропагандирую я?

— Всестороннее, — ответил я, — это развивать во все стороны? Светлые и темные?

Он поморщился.

— Что у вас за примитивное деление? Нет Света и Тьмы! Я говорю о развитии всех способностей и возможностей человека! О гармоничном развитии.

— Хорошо, — сказал я, — это значит, развивать среди всего остального способность врать, предавать, подличать, убивать в спину, о возможности идти по трупам к богатству, власти, известности...

Он вздохнул, закатил глаза.

— Это все ярлыки, не отражающие суть. Человек, как вы однажды сказали, а я запомнил, начал соревноваться с другими с момента, когда покинул семенники и помчался к яйцеклетке, стремясь обогнать остальных триста миллионов таких же... Если он и не ставил другим подножки, то лишь потому, что еще не умел или еще ноги не выросли. Но как только научился... Однако, горячо сочувствуя вам, я бы подсказал вам решение...

Я поморщился.

— Спасибо, но я уже взрослый.

— Даже седобородые короли, — произнес он серьезно, — прислушиваются к советникам.

— Вот когда отрастет седая борода, — отрезал я, — и я наверняка выживу из ума...

— Сэр Ричард, — прервал он. — У вас грандиозные планы насчет экспансии на Южный континент, у вас уже есть флот или хотя бы часть флота, почти готова железная дорога... вам просто нужно оставить все по ту сторону Большого Хребта! Просто бросить все и забыть! Вы не потянете, вы сами это понимаете. У вас переломится хребет. Вы растеряете и то, что здесь, по эту сторону Хребта. Без вас сгинет флот, растащат на железо рельсы... и все вернется в привычную дикость. Привычную для них, ужасающую для вас. Хотя, скажу с удивлением, вы сумели приспособиться с удивительной легкостью. Похоже, люди со временем не теряют жажду жизни...

Я рухнул в кресло и сжал голову ладонями. Он подошел ближе, я чувствовал его ладонь, что зависла на моим плечом, но так и не коснулась.

— Все бросить? — прошептал я. — Да, это было бы разумно...

Его голос прозвучал над моей головой с явным облегчением:

— Вы приняли верное решение. Тяжелое, но верное.

— Что? — переспросил я. — Разве я уже принял?

— Думаю, да.

— Еще нет, — ответил я сквозь зубы. — Самое разумное решение... не всегда самое лучше.

Я поднял голову, он смотрит с явным сочувствием.

— Все остальное — катастрофа. Быстрая.

— Страх перед катастрофой, — проговорил я с трудом, — лишь увеличивает ее вероятность.

Он покачал головой, а в голосе прозвучала неподдельная горечь:

— Люди еще меньше учатся на своих ошибках, чем насекомые.

— Однако насекомые правят миром, — сказал я. — Они непобедимы. А умничающих динозавров уже нет...

Нет, я все-таки рискну. Как бы это не было глупо. Нет, глупо — не то слово. Безрассудно... да, безрассудно. Потому что рассудок наш еще молод, не всегда успевают все просчитать и решить действительно правильно.

Он с досадой ударил кулаком в раскрытую ладонь.

— Как вы можете это говорить?

— Что именно не нравится?

Он сказал со все нарастающим раздражением:

— Рассудок!.. Разум!.. Это самое ценное, что есть у человека!

— Да? — спросил я с сомнением. — Я тоже так думал.

— А теперь?

Я ответил медленно:

— Теперь... не уверен.

Он прислушался к шагам в коридоре, отступил к стене и вошел в нее без остатка.

Жерар появился бесстрастный и еще более угрюмый, чем обычно, но повел носом, словно ощутил запах серы, хотя Сатана уходит всегда бесшумно и без всяких запахов.

После того, как постоял с каменным лицом и отсутствующим взглядом, я вздохнул и сказал с легким раздражением:

— Сэр Жерар.

— Ваше высочество...

— Что там?

— Ваше высочество, — произнес он голосом, не предвещающим ничего хорошего, — к вам герцог Чарльз Фуланд, вельможные лорды Фридрих Рюккерт, Карл Кнебель и Оскар Лаубе.

Я ответил настороженно:

— Проси.

Он отступил и не просто оставил дверь открытой, а распахнул и вторую половинку, что делается только для особо торжественных или церемониальных случаев.

В кабинет лорды вошли важно и церемонно, с неспешностью испанских голионов, груженных золотом Монтесумы. Я с трудом удержался от непроизвольного желания отвесить поклон, словно это я к ним вошел, а они определяют, какую работу мне поручить на кухне.

Все держатся с властностью высших лордов, у которых и земельные владения побольше, чем у короля, а дружины получше, и золота в разы, так что на самом деле короля выбирают они, что бы там ни хотели другие лорды, которые попроще.

На этот раз все при полном параде, и хотя не в доспехах, но бриллиантов на одежде и драгоценных камней столько, что та же защита.

Остановились, что показалось мне похожим на боевой порядок, так корабли готовятся к залпу, чуть-чуть наклонили головы вместо традиционного поклона, плохой признак.

— Лорды? — сказал я вопросительно.

— Ваше высочество, — ответили они почти в один голос.

— Что привело вас на ночь глядя? — спросил я. — Кстати, проходите дальше, располагайтесь. Вина?

Герцог Чарльз Фуланд, как самый старший, величественно и неспешно сделал отметающий жест.

— Нет-нет, спасибо. Мы зашли на минутку, рассуживаться некогда.

В ровном голосе я не услышал враждебности, скорее, как бы слегка извиняющуюся нотку, вроде того, уж простите, но приходится вам отрубить голову, не обижайтесь, жизнь такая вот смешная.

— Слушаю.

Он заговорил достаточно почтительно, но твердым и властным голосом именно верховного лорда, облеченного властью и полномочиями:

— Ваше высочество, вы знаете... просто не можете не знать, что, когда шла подготовка к избранию нового короля, большинство стояли за герцога Готфрида.

Я ответил настороженно:

— Да, слышал такое.

— Чуть меньше, — произнес он, не поведя и бровью, — было за прежнего короля Кейдана.

— И эти слухи доходили, — ответил я.

Он ответил так же ровно:

— А еще где-то каждый десятый высказывался за вас, ваше высочество.

— Я польщен высоким доверием, — ответил я. — Теперь что-то изменилось?

— Как и ожидалось, — произнес он с холодным сочувствием, — после внезапного отъезда герцога Готфрида в Савуази, чтобы принять должность великого магистра ордена Марешаля, многие ощутили себя оскорбленными таким пренебрежением к выборам короля...

— Но не слишком же, — пробормотал я.

Похоже, Фуланд, как и другие, заметил по моему лицу, что и я предпочел бы, чтобы герцог принял сперва корону, а орден оставил на потом, потому что ответил почти с сочувствием:

— Увы, ваше высочество.

— Насколько? — спросил я.

Он ответил ровным голосом:

— Большинство ощутили себя задетыми настолько, что высказываются за Его Величество Кейдана.

Я охнул, в глазах потемнело, пальцы мои вцепились в спинку кресла с такой силой, что там треснуло. В голове резко застучали острые молотки.

— Что? — спросил я сразу охрипшим голосом. — Но это... это невозможно!

— Почему? — спросил он. — Почему?

Остальные молчали, с виду совсем равнодушные, но я видел в их глазах и сочувствие ко мне, и поддержку позиции герцога Фуланда.

— Кейдан уже не король! — сказал я зло. — Какой он король, если прятался в Ундерлендах?

Фуланд чуть поморщился, а Фридрих Рюккерт напомнил достаточно живо:

— Ваше высочество, сейчас он в Геннегау.

— Да какая разница! — выкрикнул я. — Он убежал от меня!

— От отступил под натиском превосходящих сил, — уточнил Фуланд. — И вообще... мы не обсуждаем действия Его Величества. Мы пришли сообщить вам заранее о своей позиции. Нам это показалось... более достойным, чем просто поставить вас перед фактом.

— Спасибо за рыцарский жест, — ответил я едко, — однако я намерен сделать все, чтобы не допустить Кейдана к трону!

Глава 4

Фуланд помолчал и развел руками, но взгляд его, как и остальных, оставался тверд и ясен. Я походил в раздражении по кабинету, хотелось что-то пнуть, разбить, наконец остановился перед герцогом и тоже уставился на него со злым нетерпением.

— Ну и?

Он произнес так же холодно:

— В выборах участвуют только местные, как вы и распорядились... несколько опрометчиво. Хотя иначе вообще-то было нельзя, ваше решение было продуманным, ваше высочество. И что вы сделаете, когда лорды выскажутся за Кейдана?.. Зальете королевство кровью?.. Будете истреблять местное рыцарство, ари-

стократов, все дворянство?.. Простолюдинов тоже придется истреблять, ибо они за своих господ, как вы знаете... Как вы поступите?

— Не знаю, — рыкнул я. — Но выход найду!.. Меня не так просто прижать к стене рогатиной!..

Он ответил ровным голосом:

— Как знаете, ваше высочество. Я только хотел бы избежать гражданской войны.

— Я тоже!

— Мы знаем, — сказал он почти с сочувствием, — вы с момента вторжения очень сильно укрепились, а ваша армия здесь превосходит численность дружин сен-маринских лордов. Не говоря уже, что еще одна армия утихомиривает окончательно сломленный Гандерсгейм. Однако наши замки и крепости надежны, туда уже свезены запасы провизии... да-да, мы предполагали, что может произойти!.. и наше достоинство рыцарей и благородных людей не позволит нам смириться с чуждой властью, которую не мы выбрали!

— Тогда вам придется выбрать меня, — прорычал я люто, — и гражданской войны не будет!

Он развел руками.

— Как мы можем выбрать вас королем, когда у нас есть Его Величество Кейдан?

— Вы считаете его достойным королем?

Он покачал головой.

— Увы... скажем откровенно, здесь все люди серьезные и зрелые, да, герцог Готфрид самый удачный претендент, и он был бы устраивающим всех королем. Он и сенмаринец, и герцог, и герой войны... не только в Гандерсгейме, ведь это он привел вас с той стороны Большого Хребта и ударил вместе с вами варварам в спину!

А Рюккерт добавил с патетическим восторгом, уж не знаю, насколько он искренен:

— После чего разбил в битвах и гнал в пустыню, где и закончил разгром! Однако, уж простите за прямоту, после его отказа остается только Его Величество король Кейдан.

Я сказал зло:

— Раньше вы его называли просто Кейданом!

— А теперь, — согласился он, — Его Величеством. Вы не знаете, видимо, но часть лордов после отъезда герцога Готфрида тут же переметнулись к Его Величеству и даже присягнули на верность?

Я вздрогнул, острая тревога больно сжала сердце. Этого в самом деле не знал. Похоже, лорды кое-чему от нас научились и действуют так же быстро и скрытно.

— А не предательство ли это интересов Сен-Мари? — спросил я.

Он выпрямился, во взгляде надменность уже начала зашкаливать.

— Ваше высочество, — произнес он все тем же до предела вежливым голосом, что равен оскорблению, — вы бросаетесь тяжкими обвинениями в адрес благородных рыцарей! Интересы Сен-Мари мы связывали и связываем с... Сен-Мари. Раньше их олицетворяли Его Величество король Кейдан, затем после его бегства от варваров и победного вторжения в их лагеря герцога Готфрида множество лордов поговаривали, что герцог был бы более достойным королем... А тут еще оказалось, что он ваш отец...

— А я его почтительный сын, — напомнил я. — Потому я, можно сказать, тоже сенмаринец.

Он покачал головой.

— Если бы вы женились на одной из знатных женщин нашего королевства, то... может быть, да, может быть. Однако герцог уехал, ваше высочество, и не желает принимать корону. А когда нам приходится выбирать между вами и Кейданом, то, простите, рыцарская

честь и верность диктуют нам, как поступать по справедливости.

Он говорил ясно, четко, ни тени сомнения не прозвучало ни в его чистом голосе, как не увидел я колебаний в лицах и взглядах его соратников.

Он, как и все рыцари, что признали Кейдана своим королем, гордо и красиво пойдут в кровавый бой, так же гордо и красиво сложат головы, о них будут слагать песни, а я везде предстану кровавым тираном-узурпатором.

— Знаете, — сказал я сдержанно, — давайте окончание разговора отложим до выборов короля.

Он поклонился, отступил.

— Как скажете, ваше высочество. Лишь бы это не было поздно. Ваше высочество...

— Лорды, — ответил я церемонно, стараясь, чтобы голос прозвучал холодно, но сам уловил в нем жалобно-щеничью нотку.

Сэр Жерар переступил порог и плотно закрыл за собой дверь, как только я перестал слышать в коридоре шаги верховных лордов.

— Ваше высочество, — произнес он, пренебрегая протоколом, — как вы?

Я спросил со злостью:

— Но почему? Почему от нас так резко... отшатнулись?

Он покачал головой.

— Я бы не сказал, что резко. Изначально только часть сен-маринских лордов приняла нас искренне, да вы это и сами знаете, только тогда в упоении на такой пустяк внимания не обращали. Другие признали вас только по необходимости, подчиняясь явной силе. А потом, когда рассмотрели вас, все увидели, что под вашей рукой королевство хоть и достигнет вершин славы, однако вы — сильный правитель, а сильный всегда

подрезает крылья могущественным лордам, что постоянно его в чем-то да сдерживают и ограничивают.

Я вздохнул, подтащил к себе по столешнице тяжелую чашу с вином, но пить не стал, задумался, спросил с неуверенностью:

— Опасаются Великой Хартии и здесь, в Сен-Мари?

— Вы и без хартии их прижали, — напомнил он. — Потому даже те лорды, что сперва приняли вас с восторгом, начали подумывать, а стоит ли ради величия королевства жертвовать своими свободами и вольностями?

— Кейдана они ни во что не ставят, — согласился я. — Такой король удобнее всем этим... слишком самостоятельным.

Он смотрел на меня привычно мрачно, ожидая распоряжений, я молчал, заново напоминая себе, что власть в королевстве мы сумели захватить, используя внезапность нападения, и то, что армию якобы ведет герцог Готфрид Брабантский. Большинство лордов Сен-Мари симпатизировали ему. В его глухом сопротивлении Кейдану лишить Брабант независимости, он как бы отстаивал и их свободы.

А дальше, быстро установив гарнизоны в ключевых постах, мы сумели убедить местных лордов, что на их власть не посягаем, а в королевстве перемены будут только к лучшему.

— Период растерянности прошел, — сказал я горько, — мы так и не доказали, что с нами жить лучше...

— Доказали, — возразил он и добавил почтительно: — Ваше высочество...

— Так почему?

— А что такое «лучше»? — спросил он. — Да, богаче. Да, появился флот и выход в океан. Началась бурная торговля с севером через Тоннель...

— Ну-ну?

— Но вы посягнули на их власть, — напомнил он. — Для них это важнее, чем все те блага. Потому, общаясь друг с другом, они не только пришли к выводу, что чужаков нужно отодвинуть от управления, но и придумали, как это сделать.

Я кивнул.

— Похоже, основные разногласия между собой постепенно преодолели, даже соперничество на время забыто. И вот, на тебе, почти единый фронт...

— Что теперь?

Я процедил сквозь зубы:

— Еще не вечер. На голосовании могут быть сюрпризы. Кстати, пошлите срочно гонца к стальграфу Филиппу Мансфельду. Прямо сейчас.

В это утро дворец проснулся настолько рано, что, возможно, и не засыпал. Куно уже прибыл из поездки по королевству и, еще не войдя внутрь, распорядился прислать добавочных поваров и слуг для вельможных гостей, нечего им бездельничать в домах богатых ген-негауцев.

С его появлением все стало несколько упорядоченнее. Я вызвал барона Эйца и велел тихонько, не привлекая особого внимания, усилить охрану дворца.

Он поклонился, хмурый и настороженный.

— Ваше высочество, осмелюсь заметить, у меня недостаточно людей, чтобы охранять дворец, если...

— Что «если»? — спросил я резко.

Он вздрогнул, вытянулся.

— Ваше высочество, если даже я знаю, то вы точно слышали... И о том, что король Кейдан приготовил переворот и что у него сил больше.

Я пробормотал:

— Как раз насчет переворота я не слышал. Думаю, просто слухи. Люди обожают преувеличивать, так жить интереснее. Если наших мало, тогда сосредоточьтесь на охране моего крыла и моих личных покоев. А к городу уже спешит рыцарская конница сталь-графа Мансфельда. Я ее еще вчера вызвал.

Он вздохнул с великим облегчением.

— Это будет неслабая помощь. Еще бы и арбалетчиков хотя бы сотню...

— За конницей спешат пешие части, — заверил я. — Я распорядился и насчет четырехсот арбалетчиков. Надеюсь, подоспеют до голосования. Или хотя бы вовремя.

Он сказал сумрачно:

— От этого зависит, уцелеют ли наши головы. Хорошо, ваше высочество, я пойду крепить оборону.

Утренние часы тянулись отвратительно долго и тревожно. Я ходил взад-вперед по кабинету и мычал от злости, стараясь понять, как случилось, что я почти один в огромном чужом городе, который сдуру считал своим, как получилось, что Палант и Растер с троллями сдерживают Буркхарта в королевстве Вендовер, рядом в Ламбертинии устанавливают новый порядок Будакер и Альбрехт, вот уж кого так недостает, Ришар беспечно наносит на карту береговую линию Сен-Мари и прочих королевств, если они там есть, верный Меганвэйл объезжает войска в Ламбертинии и следит, чтобы лорды не вздумали поднимать головы, Шварцкопф укрепляет мою власть в Мезине, Макс в Турнедо проводит маневры больших масс копейщиков, обучая их взаимодействовать с конницей.

Даже лорды второго и третьего плана, но тоже верные и преданные, как сэр Бальдфаст Бредли, сейчас в дальних королевствах, принуждая их к мирной жизни,

некоторые соратники вообще занимаются ерундой, как вон Боудеррия, что охотится на всякую нечисть.

И, главное, все мои могучие армии, набранные и обученные по новым стандартам, как назло — в далеких Ламбертини и Мезине, а в Сен-Мари только две турнедские: стальграфа Филиппа Мансфельда и рейнграфа Чарльза Мандершайда.

Дверь приоткрылась, я не видел, кто вошел, но обостренное в минуты опасности чутье уловило запахи, даже ароматы, и сразу нарисовало образ настолько чудесной женщины, идущей прямо в мои загребушие, что я проговорил сквозь зубы:

— Бабетта?

Она шла ко мне с выражением полнейшего сочувствия на лице, даже обе руки вытянула, и я поднялся, дал себя обнять, а она сказала мне в грудь:

— Как это ужасно...

— Да, — согласился я, — но ты это уже говорила.

Она чуть отстранилась, взглянула снизу вверх.

— Когда?

— Вчера, — ответил я. — Это же ты приходила в черном плаще и в шляпе с пером? Прямо из стены?

Она покачала головой, в глазах появилась тревога.

— Ты не болен?

— Значит, не ты, — сказал я с удовлетворением. — Понятно, вторая попытка... Давно известно, где Сатана сам не может, туда посылает женщину. Итак, ты хочешь сказать, что мне надо оставить по ту сторону Большого Хребта все-все, закрыть Тоннель и сосредоточиться на преобразовании Сен-Мари?

Он не отрывала от моего лица настолько удивленного взгляда, что даже ротик приоткрыла в удивлении, что ее несколько не портило.

— А ты откуда знаешь, — проговорила она почти шепотом, — что я хотела сказать именно это?

Я сумел усмехнуться, несмотря на едкую горечь, разливающуюся в груди.

— Ты просто повторила бы еще раз... Сэр Сатана, я не передумал! И отвечу вам в личине такой прекрасной женщины то же самое. Я попробую дать отпор! Еще не знаю как, но... попробую.

Она вздрогнула, зябко повела плечами.

— Рич, ты в самом деле болен!.. Ты весь горишь... Какой Сатана?

Я взялся одной рукой за крест на груди, другой коснулся ее плеча.

— А если скажу «Да воскреснет Бог...»

Она вскрикнула:

— Да я сама скажу это с тобой! Ричард, что случилось?

Я сунул крестик обратно за пазуху.

— Значит, — сказал я, — в самом деле Сатана, потерпев поражение, послал тебя... Бабетта, а чем императору... про твоего настоящего хозяина в черном плаще уж промолчу... выгоднее, чтобы я оставил Север и занимался Сен-Мари? Только откровенно! Понимаешь ли, я уже научился чувствовать, когда мне врут.

Она примирительно усмехнулась.

— Да, я заметила, твои силы растут. По крайней мере, перемещаешься по королевствам даже быстрее меня. Но, увы, Ричард, этого недостаточно, чтобы связать их в единое целое.

— Тоже мне новость, — сказал я саркастически. — Так почему?

— Император, — сказала она нехотя, — полагает, что ты сумеешь создать развитое королевство, что войдет в империю Германа не так, как сейчас... а реально, когда твой могучий флот свяжет эти земли через океан...

— А что флот императора? — спросил я. — По слухам, это что-то необыкновенное? Да ты и сама меня им страшила.

— Да, — ответила она с заминкой, — только...

— Ну-ну?

— Имеются серьезные ограничения, — ответила она еще неохотнее. — Однако это не отменяет того, что флот императора всегда будет сильнее, что бы ты ни сумел построить!

— Да я и не задираюсь, — сообщил я. — Мой флот — это естественная необходимость растущего королевства для торговли, добычи полезных ископаемых, всяких там медных руд, железных, оловянных... но не брезгаю по бедности серебром и золотом. Других задач перед ним не ставлю.

Она вздохнула, как мне показалось, с облегчением.

— Император на это и надеется.

— Знаешь, Бабетта, — сказал я, — я здесь так часто слышал, что мужчины рождаются для битв и славной гибели, что уже и сам почти поверил. И хотя, как политик, я должен отбросить все сантименты и руководствоваться только холодным разумом... но я в таких случаях нехотая вспоминаю, что я — рыцарь. И я клялся на мече защищать тех, кто сам защитит себя не может. И потому я либо сложу голову, во что ну никак не могу поверить, либо раздеру Мунтвига и его армию, как Бобик тряпочку!

Она печально вздохнула, в ее глазах была мольба. Я поцеловал ее в лоб и, развернув к двери, подтолкнул в спину.

— Прости за этот дружеский жест... Но мне нужно подготовиться к выборам.

— Да, — ответила она уже на пороге. — Крепись.

Глава 5

В большом соборе на площади зазвонил колокол. Спустя минуту со всех сторон города поплыли тягучие, как застывающий мед, звуки колоколов помельче, но тоже важные, привыкшие не только повелевать, но и видеть, что на их призывы откликаются немедленно и поспешно.

Первыми зашевелились лорды, расположившиеся со всеми удобствами в шатрах за стеной города. Я видел из окна, как неспешно выходят, неспешно одеваются, неспешно садятся на коней, ибо лорды все должны делать неспешно, суетливость обязательна именно для слуг и людей черного звания.

Снизу время от времени торжественно гремят фанфары, приветствуя кого-то настолько знатного, что прям из ушей выплескивается эта важность и спешность.

Телохранители, чувствуя неладное, стараются держать между мной и остальными хоть какое-то пространство, но, когда я сошел на первый этаж, там в центре зала большая группа властных и сильных вельмож, в их числе герцог Фуланд, сэр Фридрих Рюккерт, Рудольф Герман Лотце, Вильгельм Рошер, Карл Людвиг Кнебель, Оскар Лаубе, Бенедикт Карберидж, Френк Ховард, Джералд Бренан, Джеймс Гарфильд, Уильям Дэвенант и Томас Фуллер, что по своему могуществу и влиянию по-прежнему оказывают заметное влияние на жизнь в Сен-Мари...

Не двигая головой, я зыркнул чуть налево, там еще одна группка лордов, Трандерт, Жерар, Бульбоне, Витерлих, Анри Готмар, Бовман, Биллун... ундерлендцы, они хоть и шли за мной, но прекрасно понимают, что автономии Ундерлендам при Ричарде не видать, а Кей-

дан в благодарность за поддержку вообще может дать полную независимость.

Прямо перед лестницей стоят, гордо расправив плечи, герцог Боэмунд Фонтенийский и герцог Алан де Сен-Валери — первые и самые ближайшие советники и сторонники Кейдана, не оставившие его даже в изгнании. На лице Боэмунда полный триумф, а герцог Алан не может удержать рот от расползания в полную восторга простонародную ухмылку.

Мои телохранители взяли копья на изготовку, а герцог Боэмунд медленно опустил ладонь на рукоять меча, глаза горят дикой радостью.

Следом за ним взялись за рукояти мечей еще несколько человек, все сильные и решительные, создававшие свои маленькие империи огнем и кровью и умеющие их отстаивать.

Я остановился за пару последних ступеней, внутри все клокочет от ярости и в то же время сжимается от ужаса и чувства неизбежности поражения.

— Я вижу, — сказал я громко, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрогнул и не выдал, как я чувствую себя на самом деле, — вы все готовы к выборам короля! Еще как готовы. Хочу сообщить, что сейчас в Геннегау входит армия стальграфа Филиппа Мансфельда. Вы его знаете, он отразил высадку пиратов, так что к крови привык. А так как он турнедец и в Сен-Мари для него все чужое, то его люди зальют здесь все кровью со спокойной душой и не оставят камня на камне.

Боэмунд вскипел, его ладонь упала на рукоять меча.

— Пусть попробуют! — закричал он бешено. — Нас все равно больше!

— Но не все из вас воины, — отпарировал-я. — А там — все, к тому же они прошли огонь и воду. Все-таки хотите потягаться?

От второй группы поспешно отделился герцог Фуланд, бросился между нами и простер руки в стороны.

— Тихо-тихо, — крикнул он таким мощным голосом, что оглянулись даже в дальних концах огромного зала, — имейте уважение к моим сединам! Никакого кровопролития не будет, обещаю.

Боэмунд кивнул в мою сторону и сказал едко:

— Вы обещаете и от его имени?

Фуланд даже не повел в мою сторону глазом.

— Принц Ричард, — сказал он строго, — не боится проливать кровь, но делает это лишь по острой необходимости. Вы тоже могли бы это заметить!

— Не заметил, — сказал Боэмунд дерзко, но руку убрал с рукояти. — Впрочем, сегодня выборы короля, и каждый получит свое!

— Получит, — подтвердил Фуланд. — Потому сейчас нам всем нужно пройти в зал, где и произойдут выборы. Ваше высочество, это в коронном?

— Нет, — ответил я. — В тронном. В самом деле, будем решать все проблемы демократическим путем. Прошу вас!

Я учтиво указал рукой в сторону тронного, однако Боэмунд заявил дерзко:

— Нам не требуется ваше разрешение, сэр Ричард!

Он пошел первым, раздуваясь от чванства, а за ним вся его группа. Остальные ундерлендцы, что раньше группировались вокруг герцога Ульриха с их отстаиванием автономии, поколебались, но пошли за ними, постепенно сливаясь в одну большую группу.

Выборы короля предполагались по стандартной процедуре: каждый лорд заявляет, кого он хочет королем, но я тогда воспротивился и предложил более де-

мократичный вариант: дабы потом король не отомстил тем, кто будет за другого, сделать голосование тайным.

Никто не понял, что это такое, а я предложил заготовить одинаковое количество черных и белых шаров, раздать лордам, и пусть вбрасывают черный шар или белый в ящик в зависимости от того, чье имя названо.

Лорды возмутились таким непотребством и диким предположением, что король как-то будет мстить или выражать нелюбовь тем лордам, кто голосовал против, но я настаивал, убеждал, уговаривал, объяснял преимущества, и наконец те сдались.

И вот сейчас у каждого лорда по три белых шара и по три черных, по два на кандидата, все прячут их в рукавах, куда и делось страстное желание делать все открыто, вот так демократия и побеждает...

В зале яблоку негде упасть, столы вынесены все, чтоб не мешали, кроме тех, что на возвышении, там сидят важно и неподвижно, как толстые жабы на болоте, верховные лорды, им доверена процедура наблюдения за голосованием, а также подсчет голосов.

Во главе комиссия в составе герцога Фуланда, лорда Вильгельма Рошера и лорда Рюккерта, как наиболее доблестных и благородных как по происхождению, так и по незапятнанной репутации.

Генеральный церемониймейстер прокричал мощно, гордясь расширением своих функций:

— Голосуем за герцога Готфрида!.. Голосуем за герцога Готфрида!.. Напоминаю, если желаете его королем Сен-Мари, то опустите белый шар, если нет — черный...

Двое его помощников начали обходить лордов в зале, держа накрытый красным бархатом ящик. Голосующие по очереди совали под ткань руку и что-то опускали, но из-за широких рукавов увидеть, кто что положил, невозможно.

Когда обошли весь зал, ящик поставили на видном месте на столе. Возле него встал с мечом наголо королевский гвардеец.

Церемониймейстер прокричал еще мощнее:

— Голосуем за принца Ричарда!.. Напоминаю, если вы желаете его королем Сен-Мари, опустите белый шар, если нет — черный...

После обхода всех-всех ящик поставили рядом с первым, но спутать трудно, на каждом свой герб, а церемониймейстер провозгласил так же мощно и, как мне ревниво почудилось, еще торжественнее:

— Голосуем за Его Величество короля Кейдана!.. Напоминаю, если желаете, чтобы он оставался королем Сен-Мари, опустите белый шар, если нет — черный...

После долгого и утомительного обхода всех лордов в зале, как же их, оказывается, много, все ящики поставили на столе рядом, видные всем, а собравшиеся наблюдают, как верховные склоняют головы друг к другу, переговариваются, далеко не все скрывают, за кого голосовали.

Пересчитывают, кстати, в открытую, то есть достают шары и выкладывают на стол, а с ними считает и весь зал. Наконец Фуланд пошарил в ящике, демонстративно перевернул его над столом вверх дном.

— Подсчет голосов, — провозгласил он торжественно, — поданных за герцога Готфрида, закончен!

В зале задвигались в нетерпеливом ожидании. Фуланд что-то шепнул главному церемониймейстеру, тот медленно и важно обогнул стол и вышел вперед.

— Имею честь сообщить, — заявил он трубным голосом, — за доблестного герцога подано семьдесят два голоса!

В зале повисло короткое молчание, но едва церемониймейстер попытался вернуться к Фуланду, многие завопили:

- А общий счет?
- Сколько голосов?
- Черные почему не названы?

Фуланд поднялся и, опираясь руками о стол, потянулся к церемониймейстеру и что-то настойчиво проговорил на ухо. Тот кивнул, сказал с тем же натужным оптимизмом, сейчас совершенно неуместным:

— Черных подано триста девяносто два!

В зале наступила ошарашенная тишина, за моей спиной сэр Жерар пробормотал:

— Вот что значит отсутствовать на собственных выборах...

Я сказал свозь зубы:

— Сволочи, обиделись? Ничего, пожалеют!

За столом тем временем шел подсчет голосов за Кейдана, шары вытаскивали из ящика по одному и, демонстрируя залу, складывали на столешнице, а там их подхватывали и уносили.

Все ждали с нетерпением, пока судьи шептались, переговаривались, наконец результат шепнули церемониймейстеру, тот снова вышел впереди стола и провозгласил жирным торжественным голосом:

— За Его Величество Кейдана подано триста семьдесят белых шаров и семьдесят четыре черных!

В зале многие вытаращили глаза, мне показалось, что даже те, кто хотел бы вернуть Кейдана, ошарашены таким количеством голосов в его пользу. Возможно, втайне полагали, что я приготовлю что-то особое и не допущу Кейдана вообще.

Напряжение в зале возросло, когда начали подсчет голосов, поданных за принца Ричарда. Многие вытирали раскрасневшиеся и взмокшие лица рукавами, но, когда в зал сунулся слуга с кувшинами холодной воды, его чуть не побили, выталкивая прочь.

Церемониймейстер дважды переспрашивал, судя по его растерянному виду и наклонам к Фуланду, наконец вышел вперед и вскинул руку ладонью вперед.

— За принца Ричарда, — провозгласил он мощно, остановился, охватывая орлиным взглядом притихший зал, а затем проревел с такой победной мощью, что я едва не подпрыгнул от радости: — Подано... подано... подано триста семьдесят пять голосов и только восемьдесят девять — против!

Кровь моя разом застыла, а свет померк в глазах. Я даже успел подумать, что не грохнуться бы в обморок, ну неужто я такой чувствительный, ну просчитался, первый раз, что ли, но все-таки с горечью понимал, что никогда еще так страшно и катастрофически не падал с высоты мордой на камни.

В зале словно взорвался вулкан. В воздух взлетали шапки, рукавицы, платки, крики перешли в рев, могучий и победный.

Герцог Фуланд поднялся во весь рост, вскинул руки, и, велик авторитет самого родовитого лорда, шум начал стихать, все повернули в его сторону головы.

Он произнес громко и властно:

— Во избежание возможных волнений и недоразумений в будущем мы продумали заодно и вопрос престолонаследия, ибо, как всем известно, у Его Величества двое прелестных дочерей, но нет сына, который мог бы впоследствии принять из рук отца корону и так же мудро править страной.

Он повернул голову к Рюккерт, тот воздел себя, величественный, худой и благородный настолько, что посрамил бы создателей рыцарских кодексов.

— Мне поручено, — провозгласил Рюккерт надменно, — сообщить, что Совет Лордов, который продолжает работу, постановил по результатам выборов ко-

роля провозгласить еще раз Его Величество Кейдана, а его наследником — принца Ричарда...

Я стиснул челюсти и несколько мгновений пытался подавить страшную ярость. В зале, хоть и продолжали кричать славу Кейдану, многие повернулись и заинтересованно уставились на меня.

За столом судей шушукаются и с тревогой посматривают в мою сторону, мой гнев понятен, и для того, чтобы его смягчить и повязать меня с их выбором, мне и навязывают это наследничество...

Я даже застонал, сердце вот-вот разнесет грудную клетку взрывом, в глазах уже кровавое море, но в зале и за столом смотрят на меня, я же рыцарь, должен вести себя достойно, в зале все рыцари и почти все намного старше меня. Я поклонился и проговорил с трудом, стараясь удержать лязгающую от ярости нижнюю челюсть:

— Прошу прощения у архиепископа Дитриха, отсутствующего здесь герцога Готфрида Брабантского и всего благородного рыцарства!.. Я хочу напомнить вам всем, что у герцога Готфрида есть законнорожденный сын Родриго от леди Элинон, благородной хозяйки замка Брабант, с которой герцог был повенчан тайным браком еще до того, как его побудили вступить в брак с благородной леди Изабеллой. С моей стороны будет неблагородным поступком пытаться вклиниться впереди Родриго, законного наследника. Потому я прошу утвердить принцем короны своего брата Родриго, а меня — вице-принцем, как и надлежит по писаным и неписаным законам, будь это правила престолонаследования, геральдики или просто здравого смысла!

Я отступил, поражаясь, как смог все это выговорить складно, будто это не меня трясет от ярости, словно не я рву их всех на клочья, разбиваю о стены, размазываю по плитам пола.

За столом наступило замешательство, я надеялся, что будет коротким, но лорды продолжали шушукаться, знатоки старинного права вступили в яростный спор друг с другом, ибо в разных королевствах наследником назначается то старший сын автоматически, то король сам выбирает из своих сыновей, кому передаст трон, но это уходит в прошлое, ибо часто вызывает свары и гражданские войны, в последние поколения чаша весов начала склоняться в сторону права старшего сына в любом случае.

С другой стороны, я все-таки незаконнорожденный, и хотя бастарды зачастую сами становятся основателями династий, однако во имя спокойствия и для избегания гражданских войн в обществе обычно предпочитают путь закона, то есть трон должен переходить к прямому и законному наследнику.

Сэр Жерар прошептал за спиной:

— Мудрое решение, ваше высочество...

Я рыкнул:

— Молчи, удавлю.

Насколько помню, с этими престолонаследиями в самом деле каша, не случайно однажды российский цесаревич Павел разработал и подписал Акт о престолонаследии, чтобы исключить в будущем возможность отстранения законных наследников. Он вводил, как он сказал, наследование по закону, «дабы государство не было без наследников, дабы наследник был назначен всегда законом самим, дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать, дабы сохранить право родов в наследствии, не нарушая права естественного, и избежать затруднений при переходе из рода в род».

Правда, и потом возникали всякие неприятные нюансы.

Лорд Фаулер поднялся во весь рост и сказал торжественно:

— Принц Ричард предложил без проволочек и долгих обдумываний, как он обычно это и делает, самое приемлемое решение... Итак, кронпринцем, наследником престола, назначается Родриго, законный сын герцога Готфрида, а сэр Ричард — вице-принцем!..

Он не успел сесть, как поднялся дотоле молчавший лорд Вильгельм Рошер, грузный, массивный и подавляющий уже только своим видом.

— Решение Совета Лордов, — прогудел он низким голосом, — основанное на волеизъявлении всех благородных лордов королевства, сумевших принять участие в выборах, объявляется окончательным и не подлежащим пересмотру!.. Мы довольны, что нашли компромисс между всеми главными силами, представленными в королевстве!..

Он посмотрел на Фуланда, тот широко улыбнулся и сказал раскатисто:

— Всем небольшой отдых, а через час в большом тронном зале предстоит коронация!.. Далеко не расхотитесь!

Глава 6

Короновать собирались герцога Готфрида, но Кейдан и так король, потому церемонию сократили настолько, что от нее ничего не осталось.

Кейдана пышно и многословно поздравили с победным возвращением на трон, а мне с помпой и сложным церемониалом поднесли роскошную корону из золота, украшенную десятком крупных рубинов и множеством мелких.

— Сэр Ричард удостоивается короны вице-принца королевства Сен-Мари!

Рыцари дружно прокричали «Ура» и «Слава!», но я видел по их лицам, что большинство разочарованы.

Компромиссные решения мало кому нравятся в мире мужчин. Все мы стремимся додавить противника, а если он еще и недовольно хрюкает, то вообще перерезать ему глотку с чувством полной правоты своих действий.

При первой же возможности я покинул торжество, но едва вошел в свои покои, что скоро перестанут быть моими, как Макдугал пропустил в кабинет барона Фортескью.

Очень серьезный и взволнованный, он взглядом указал моему секретарю, что все, спасибо, можете идти, тот посмотрел на меня, я кивнул, и Макдугал удалился.

Фортескью сказал шепотом:

— Я переговорил с Кейданом.

Я спросил люто:

— И вы на его стороне?

— Я на стороне Сен-Мари, — ответил он сдержанно, — но вообще-то, ваше высочество, вы прекрасно знаете, я предан вам всецело. Я никогда не забуду, что в темницу меня бросил Кейдан, а вытащили оттуда вы.

— И о чем, — перебил я, — вы общались?

— Я договорился, — сказал он шепотом, — о коротких переговорах... даже не переговорах, а коротком разговоре перед началом... ну, не гражданской войны, но все-таки серьезного противостояния.

Я сказал со злостью:

— Зачем? Ему не терпится меня еще раз унижить?.. Впрочем, давайте...

— Тогда прямо сейчас, хорошо?

— Действуйте, — сказал я обреченно.

Барон Эйц, бледный и решительный, готовый к смертному бою, сам проводил на этаж группу лордов, сопровождающих Кейдана, но там загородил дорогу и сказал резко:

— Дальше только Кейдан!

— Его Величество! — вскрикнул герцог Боэмунд взбешенно.

— Его Величество, — выговорил с трудом Эйц. — Остальные подождут здесь.

— Это дворец Его Величества, — заявил Боэмунд с торжеством. — И распоряжается только он!

Эйц нехорошо улыбнулся и вытащил меч из ножен.

— Да? — спросил он холодно и сказал страшным голосом: — К бою!

Телохранители за его спиной разом выставили копья. Острые наконечники уперлись в грудь Кейдана и герцогов. Лица моих стражей суровые, в охране только мои армландцы, наиболее преданные и готовые умереть за своего гроссграфа.

Кейдан, что продолжал держаться надменно и свысока, промолвил величественно:

— Тихо-тихо!.. Я не хочу омрачать первый же день возобновления моих прав на королевство... ручьями крови. Ждите меня здесь.

Я поспешно отошел от двери, успел сесть за стол, но решил, что это не совсем верно, поднялся, и тут одна из половинок распахнулась, вошел Кейдан.

Лицо у меня взбешенное, и, когда я шагнул навстречу, Кейдан напрягся, даже руки чуть приподнял, то ли будет хватать мои, когда брошусь драться, то ли еще что, но поза явно бойцовская.

Я процедил зло:

— Сэр Кейдан!.. Вы для меня просто Кейдан, даже «сэр» это из присущей мне вежливости, которую никак не вытравлю. И вот что я хочу сказать...

Он руки опустил, слушает внимательно, мне показалось, что ведет себя достойнее, чем я, а это недопустимо, чтобы кто-то меня передостойл.

— Я слушаю, — изрек он холодно.

— Избрали королем вас, — прошипел я, — но это ничего не значит! В моих руках армия!..

Он ответил ровным голосом:

— Не могу сказать, что в моих руках крепости и замки, но они и не в ваших, сэр Ричард.

— Ваше высочество! — сказал я с нажимом.

— Тогда я, — ответил он тем же ровным и холодным тоном, — Мое Величество.

Я презрительно оскалился.

— Ваше Величество? Да мне достаточно только бровью повести!

— И что же вам мешает? — спросил он так же холодно. — У вас же армия, не так ли?

— Вот как заговорили, — прошипел я с яростью. — Надеетесь на заступничество императора?..

Он надменно улыбнулся.

— Вас это волнует?

— Бабетта, — сказал я злобно, — к вам частенько бегает?.. Ладно, это неважно. Вы не король, и я буду делать в Сен-Мари по-прежнему все, что захочу!

Он вздернул брови, очень высокомерный жест, словно смотрит на пьяного конюха, что обещает обогнать его лучшую скаковую лошадь.

— Думаете, получится?

— Получалось же!

Он обронил почти с соболезованием:

— Тогда Мунтвиг не угрожал северным пределам ваших земель. И армии ваши не были весьма... далеко-вато. Даже далеко.

— В Сен-Мари, — напомнил я, — армия стальграфа Филиппа Мансфельда, командующего первой ударной армией королевства Турнедо. Это полководец, что провёл много битв и почти все выиграл!.. А еще здесь же армия рейнграфа Чарльза Мандершайда, у обоих очень

закаленные и боеспособные армии. И они выполняют любой мой приказ!

— Армия стальграфа, — обронил он небрежно, — насколько помню, охраняет самое ценное для вас: бухту и флот. Это ведь самое-самое?.. А рейнграф растянул все свое войско вдоль побережья королевства, охраняет от вторжений... Если не оставить без защиты бухту и побережье, то я не понимаю, что вы можете сделать с прекрасно защищенными крепостями королевства, которых в Сен-Мари несколько сотен?

Я спросил резко:

— Значит, объявляете мне войну?

Он подумал, пожевал губами, вздохнул.

— Да, это мое желание. Весьма, надо признать, крепкое. До предела искреннее. Однако это та роскошь, которую пока что позволить себе не могу.

— Почему? — спросил я.

Он криво усмехнулся, с некоторым презрением взглянул мне в глаза.

— Боюсь, вам не понять. Вы прекрасный военачальник, но не правитель. Правитель старается избегать войн, а я понимаю, что вы в своем ослеплении и взбешенности способны повернуть северные войска и ввести их в Сен-Мари, и тогда многократный численный перевес будет у вас. Начнется долгая кровавая война. Лорды горды и упрямы, будут драться до последнего, защищая честь и достоинство. Вам всякий раз будут доставаться обгорелые руины, заваленные трупами, а на их залитых кровью камнях ваших людей будет оставаться втрое-вчетверо больше, чем защитников. Так всегда при осадах крепостей, вы это знаете, если вы в самом деле военачальник!

— И что? — спросил я. — Пат? Боевая ничья?..

Он кисло поморщился.

— Конечно же, я предпочел бы раздавить вас сейчас, пользуясь вашими непростительными промахами в политике и управлении большими территориями. И, если бы это можно было сделать одним движением, я бы сделал.

— Как и я, — заверил я. — С огромным удовольствием.

Он вздохнул, произнес с огромным сожалением:

— Но раздавить вас я могу только ценой большой крови и немалых усилий. Потому повременю до тех пор, пока вы сами сунете голову в петлю и взберетесь на скамейку. Уже зная вас, не сомневаюсь, что это будет скоро. Потому сейчас... да... вынужденное перемирие... вызванное временной невозможностью вести боевые действия:

Я спросил быстро:

— На каких условиях?

— Каждый делает свое дело, — ответил он. — Я занимаюсь королевством Сен-Мари, а вы отправляетесь на север, где схлестнетесь в героической битве с таким же... в общем, себе подобным мерзавцем.

Я спросил с подозрением:

— И что намерены делать в мое отсутствие?.. Если бы я пошел на такую сумасбродную сделку?

Он пожал плечами.

— Ничего особенного. Все останется так же, как и было. Я не люблю волновать народ переменами. А самое важное, к чему я так стремился, вы сделали за меня.

— Что я сделал за вас? — спросил я настороженно.

— Я с момента вступления на престол, — сказал он, — старался преодолеть усиливающийся раскол страны и вернуть в ее пределы Брабант и Ундерленды.

— А-а, — сказал я, — ну, насчет Брабанта помню. Когда вы вероломно, пользуясь властью короля, пы-

тались выдать замуж мою сестру за какого-то из ваших дураков?

Он нервно дернул щекой.

— Во-первых, он не дурак, а приличный рыцарь из очень хорошей семьи с прекрасной репутацией. А во-вторых... вы разве не так постоянно поступаете, когда нужно оставить чей-то замок и земли в своих руках?

Я поморщился.

— Ладно, некоторые вещи делаем похожие, но это ни о чем не говорит. Хорошо, мы можем разграничить наши полномочия на бумаге и скрепить подписями?

— Я сторонник таких договоров, — ответил он. — Но... нужно ли это?

— Ну-ну, — поторопил я.

Он ответил бесстрастно:

— Мы оба стремимся и будем стремиться изменить равновесие в свою пользу. Так что никакие договоры не помогут. Просто сейчас наши интересы совпадают... на начальном этапе.

— Хорошо, — сказал я. — Так и поступим.

Я посмотрел на дверь, Кейдан все понял, но покачал головой и сказал твердо:

— Еще одно...

— Да?

Он сказал холодно:

— Для спокойствия в королевстве, что важно для вас еще больше, чем для меня, я бы предложил вам обращаться ко мне «Ваше Величество». Понимаю, как вам неприятно, однако... во-первых, все равно скоро отбываете навстречу Мунтвигу, а во-вторых, страна увидит, что никакого раскола, никакой войны, всем нужно трудиться, а не собираться в разбойничьи шайки. А лорды забудут о надеждах на автономии.

Я сказал с новым приступом безнадежной ярости:

— Как будто не распустите вожжи!

Он покачал головой и ответил с циничной усмешкой:

— Я объявлю, что в нашу договоренность входит закрепление существующего положения в стране.

— Хорошо, — сказал я зло, — жрите каштаны, которые я натаскал для вас из огня!

Он ничего не ответил, холодно поклонился не как король принцу, а как равный равному, но этого никто не видит, и направился к двери.

Я смотрел ему в спину с холодной злостью и чувствовал, что меня побили по всем статьям. Я в самом деле и объединил Сен-Мари, приструнил особенно оголтелых и наглых лордов, отрицавших королевскую власть, многим вообще срубил головы и отнял земельные владения, и вот теперь все это отдаю Кейдану.

Он уже взялся за дверную ручку, когда остановился и медленно повернулся. На лице раздумье, проговорил неспешно:

— Кстати, еще одна мысль...

Я сказал зло, чувствуя новые неприятности:

— Что?

— Возьмите обе армии, — посоветовал он, — эти, турнедские.

Я сказал резко:

— С какой стати? Они здесь охраняют...

— На мой призыв охранять бухту и флот, — ответил он, — дадут войска герцоги и верховные лорды Джералд Бренан, Джеймс Гарфильд, Уильям Дэвенант, Томас Фуллер... Если обе турнедские армии уйдут через Тоннель на север, то сен-маринским лордам не будет острой необходимости держать наготове дружины в замках и крепостях.

Я подумал, заинтересовался:

— А охрана побережья?

— Вместо растянувшихся, — пояснил он, — вдоль береговой полосы отрядов велю поставить сигнальные

вышки. Достаточно кучи хвороста и наскоро сколоченной вышки с двумя наблюдателями, чтобы подать сигнал всем на много миль вокруг. Думаю, это можно будет поручить герцогу Вирланду Зальскому, опытному полководцу, у которого своя армия в пять раз больше моей... Кстати, забыл сказать, все те земельные пожалования, что вы раздали своим сторонникам, останутся в их распоряжении.

— Почему?

Он посмотрел с холодным презрением, как на недоумка.

— Вы уничтожили самых ярых противников твердой власти короля. Как вы понимаете...

— Вам это на руку, — закончил я. — Какие еще идеи, о которых недоговариваете?

Он криво усмехнулся.

— Вы правы, есть идея заблокировать Тоннель с этой стороны. И вы тогда вместе со всеми войсками остались бы на той стороне.

— Значит?

— Ничего не значит, — ответил он высокомерно. — Я не сказал, что я принял эту идею, хотя она весьма соблазнительна.

Я задержал дыхание, стараясь не выпустить из глубин нутра нечто темное и звериное, что рвется наружу.

— Но... примете?

Он поморщился.

— Вы же позиционируете себя, как правителя, не просто военачальника? Вот и просчитайте сами... если сумеете. Кроме того, король Херлуф по моей просьбе даст всю свою армию, пусть она и невелика, в наше временное распоряжение. Я использую ее дополнительно либо на охрану бухты, либо побережья.

— Либо, — сказал я в тон, — чтобы не допустить моего возвращения.

Он нервно дернул щекой.

— Возвращения?.. Вам лучше думать о Мунтвиге, который, по вашим же словам, амбициознее императора Карла. Хотя да, я могу ее поставить охранять Тоннель... с этой стороны.

Он начал приоткрывать дверь, я спросил быстро:

— А почему вы решили, что Херлуф даст вам свою армию?

Он холодно улыбнулся.

— Короли в таких случаях всегда помогают друг другу.

— В каких?

— Короли королям, — пояснил он медленно и с таким удовольствием, словно воткнул нож мне в печень и поворачивает рукоять. — Или для вас новость, что он побаивается вашего усиления?.. Новость? Тогда вы предельно наивны.

Он вышел и плотно закрыл за собой дверь, не слишком тихо, но и не хлопая, то и другое признак дурного тона, что короли себе позволить не могут, им это втолковывают с момента рождения.

Я со злости едва пару раз не ударился лбом в стену, наказывая себя за наив и дурость. Ну конечно же, они все меня побаиваются, даже Барбаросса с Найтингейлом, хоть и говорят о дружбе и верности. Дружба хороша среди равных, а я усиливаюсь не по дням, а по часам.

Глава 7

Отец Дитрих появился еще к началу голосования, ему предстояло короновать на трон Готфрида или меня, но, когда выяснилось насчет Кейдана, он покинул зал, повторного помазания на престол никаким прото-

колом не предусмотрено, кроме как возведения короля в сан императора.

Я отыскал его в соборе, он строго и властно давал наставления молодым священникам, уже не столько архиепископ и папский нунций, как великий инквизитор.

Я преклонил колено, хотя мне и трудно вот так кланяться мужчинам, тем самым признавая их полное превосходство, но у отца Дитриха и возраст, и та мудрость, которая не раз помогала мне решать сложные проблемы.

Он перекрестил меня, я поцеловал ему руку, в его глазах любовь и тревога.

— Отец Дитрих!

Он покачал головой.

— Сердце мое скорбит, отпуская тебя так далеко да еще на войну, при виде которой церковь скорбит, а Дева Мария проливает слезы. И на душе неспокойно... Я отправлю с тобой своего духовника, отца Марка. Доверяю ему полностью, он умен и знает многое. Будь стойким в соблазнах, сын мой! В тебе бурлит горячая кровь, она может толкнуть на... поступки, о которых потом мы все жалеем, но исправить уже не можем.

— Отец Марк меня удержит, — пообещал я.

Отец Дитрих кивнул молчаливому слуге.

— Позовите отца Марка. Он сейчас молится в исповедальне.

Священник переступил через порог и степенно поклонился, обычный попик, как бы я сказал, но, когда он поднял голову, я увидел лицо человека крепкого и сильного, глаза серьезные, жестко-рыжие брови, сухой тип лица, когда только кожа, кости и необходимый набор мышц.

Думаю, под прячущей тело сутаной укрывается такое же сухое, костлявое, но с толстыми и прочными сухожилиями тело.

— Отец Марк, — сказал отец Дитрих. — Он и будет как вашим духовником, так и моим представителем в походе.

Я сказал приветливо:

— Добро пожаловать, святой отец.

Отец Марк молча поклонился, затем произнес сдержанно:

— Ваше высочество...

— Надеюсь, — сказал я, — вам не будет слишком уж противно среди именитых лордов, не забывающих о своей родословной и запамятовавших, что все люди перед Господом равны.

Отец Дитрих обронил коротко:

— Отец Марк вообще-то граф, но это неважно. Сейчас он слуга Божий.

Я хотел было удивиться, чего графу делать в священниках, но во взгляде отца Марка почудилась ласковая насмешка, а я насмешки как-то не совсем обожаю, потому перекрестился и сказал смиренно:

— Лучшим епископом, а потом и кардиналом в одном из великих королевств... был Арман Жан дю Плесси, герцог де Ришелье. Так что, думаю, отец Марк далеко не первый и уж точно не последний из знатных лордов, посвятивших себя церкви.

— Герцог? — перепросил отец Дитрих с удовольствием.

— Да, — подтвердил я. — У отца Марка хорошие ориентиры. Добро пожаловать, отец Марк, в реальный мир!.. Выступайте немедленно, я встречу вас в Савуази. Или уже в Варт Генце.

Он взглянул на меня остро.

— А в дороге вам мое сопровождение не понадобится?

Я ответить не успел, отец Дитрих произнес с ласковой насмешкой:

— Наш юный друг очень нетерпелив. И где ему удастся сократить дорогу или ускорить бег лошади... В общем, сын мой, помни главное правило рыцаря: защищай тех, кто не может себя защитить сам.

Во дворец я возвращался, уже разрабатывая планы, как сразу же вызову сэра Вайтхолда и двину войска навстречу Мунтвигу, вздрогнул, когда двое придворных с коронами Фоссано на одежде вышли навстречу и поклонились так, что я увидел их затылки.

— Ваше высочество, — сказал один сладким голосом, — вы не могли бы на минутку зайти к Его Величеству Фердинанду Барбароссе?

— Могу, — ответил я настороженно, — а он не на пиру?

— Нет, Ваше Величество.

— Интересно, что это с ним, — пробормотал я.

Они почтительно провели меня к покоям Барбароссы, сами распахнули дверь, выказывая высшую степень уважения и даже уважительности.

В комнате кроме Барбароссы еще и Найтингейл, оба с кубками в руках в глубоких креслах за низким столиком, но по лицам не видно, что пьянствуют.

Что-то громадное в лесу сдохло, мелькнула мысль, я заулыбался и сказал с одобрением:

— Что значит, государственные мужи! Пока другие пируют, эти двое делят мир.

Они переглянулись, Найтингейл сказал с лукавой усмешкой:

— Вот и скажи, что у него недостает проницательности!

— Иногда он удивляет, — согласился Барбаросса.

Я опустил по его жесту в свободное кресло, кивнул на кубки.

— Продолжаете пир?

Барбаросса с кислой гримасой опустил кубок на стол.

— Разве это вино? Вот у тебя подавали... Оставишь Кейдану или увезешь с собой?

— Если вздумаешь оставить, — сказал Найтингейл, — лучше я куплю все запасы! Деньги тебе не мешают.

Барбаросса внезапно посерьезнел, потер ладонью лоб.

— Да, вот мы о чем говорили... Ричард, тебе не выстоять против Мунтвига, если он хоть в половину опасен, как и Карл. Без хорошей армии, я имею в виду.

— Это не новость, — сказал я утомленно.

Он снова потер ладонью лоб, помотал головой.

— Я могу заменить твои войска в Ламбертини своими. Да-да, я давно точил на нее зубы, это все знают, но сейчас просто собираюсь помочь.

Найтингейл сказал живо:

— Хороший ход. Если сэр Ричард сумеет разбить Мунтвига и вернется с победой, вы, дорогой кузен, любезно поздравите с победой и вернете ему Ламбертинию. Если вдруг одолеет Мунтвиг... гм... то герцогство останется в ваших руках?

Барбаросса ответил с достоинством, но я уловил и скрытое раздражение:

— Должен же я что-то получить за охрану целого королевства? Но я могу и не получить ничего, кроме морального удовлетворения за то, что все-таки помог нашему Ричарду!

— Риск того стоит, — сказал Найтингейл ревниво. — Мунтвиг может не победить Ричарда, как и Ричард Мунтвига, но оба ослабеют настолько, что им будет не до окраин своих владений.

Барбаросса нахмурился.

— Это вы к чему, дорогой кузен?

— Я тоже помогу Ричарду, — заявил Найтингейл. — Введу войска в земли Сандрии и Глассиера. Это не слишком большой участок Ламбертини, но он вонзается клином в мой Шателлен, мне всегда хотелось выровнять границы моего королевства...

— А в земли Вендовера не хотите? — спросил Барбаросса ехидно. — Там Ричард держит отборные войска, сдерживая короля Буркхарта!

— А вы?

Барбаросса пожал плечами.

— Сперва выслушаем, что скажет принц Ричард.

Я старался выдавить на деревянном лице беспечную или хотя бы жизнерадостную улыбку. Понятно, что дружба дружбой, а интересы выше. Оба за моей спиной разделят все, что я нахапал, и будут правы, я слишком уж занесся, точнее — вознесся, а теперь со всей высоты мордой о землю.

— А что сказать? — ответил я наигранно бодро. — Ваше Величество удостоили меня должности коннетабля королевства Фоссано, чем я всегда гордился необыкновенно и горжусь с каждым днем и титулом все больше!.. Доблестные войска фоссанцев покрыли себя неувядаемой славой при вторжении в Сен-Мари, где с ходу ударили в спину варваров, уже осадивших Геннегау, священную столицу Сен-Мари... Потому я просто счастлив, что Его Величество и сейчас со всем пылом рыцарских обязанностей сюзерена приходит на помощь к своему верному и преданнейшему из вассалов!

А если еще и мой тесть, король Найтингейл... что еще можно желать? Я отправлюсь навстречу Мунтвигу со спокойным, как вы понимаете, сердцем.

Распростившись, я двинулся, нигде не задерживаясь, напрямик в свой кабинет, но мысли от Барбароссы и Найтингейла скакнули к Кейдану, с которым неясного намного больше.

Отношения с ним действительно сложные и... странные. Его ненависть ко мне понятна, я отнял у него корону, трон и столицу, а я его ненавижу за... ага, эта сволочь хотела выдать Дженифер за одного из своих придворных! Правда, не из прихоти, это я и тогда видел, Кейдан пытался вернуть Брабант, пока герцог Готфрид по ту сторону Большого Хребта старался одерживать победы на Каталаундском турнире, однако все равно сволочь... это уже иррациональное, словно я не политик, даже не мужчина, а какая-то капризная баба.

Правда, в Ундерлендах он ухитрился поймать меня в хитрую западню, спасло только заступничество императора Германа, который не желал разбрасываться ценными кадрами. К тому же, возможно, он предпочел сохранить меня как противовес Кейдану.

Пусть кто-то заподозрит меня в излишней осторожности, но мои покои всегда охраняют отборные и верные телохранители, обычно армландцы, и даже в это крыло не войти без контроля со стороны придирчивой стражи.

Вообще-то на самом деле охрану я создал не для охраны своей персоны, по моей беспечности всегда кажется, что с меня все как с гуся вода, а для моих нахапанных вещей.

Самое надежное хранилище оборудовал в Савуази, дворец Гиллеберда по праву мой, нижние этажи — это

залы для различных приемов, празднеств и прочих мероприятий, но на два верхних этажа посторонним доступа нет, туда только самые доверенные или по моему разрешению, а кроме того, оттуда можно попасть через подвесной мостик в соседнее здание, туда нет доступа снизу, здесь самое-самое тайное...

Кроме того, в Геннегау, Савуази и Варт Генце по моему указу установлены те самые зеркала, разумеется, в личных покоях, в которые никому нет доступа.

Я переступил раму зеркала. По телу прошла странная волна, словно на короткий миг зачесалось все тело, даже изнутри, сердце застучало чаще...

...я вышел из зеркала в моем родном кабинете в Савуази. Чем-то он временами даже ближе, чем тот в Геннегау, а мысль продолжает разматываться насчет хранилищ.

В страшной схватке с темным богом, когда погиб Логирд, расплавилось все мое оружие, доспехи и даже кольца на пальцах, а уцелели только либо те штуки, в которых не разобрался, как, например, зашитые в седло Зайчика странные металлические зерна, из которых может вырасти неизвестно что, вон Гугола до сих пор трясет, либо самые бесполезные кольца, которые я вообще не надевал на севере, как, например, полученное от короля Хенрига Первого кольцо, что в королевстве Гессен пропуск на все багеры, воздушные и наземные, большие и малые, в смысле — гроссбагеры и грандбегеры, а также во все учреждения. Еще могу показать начальнику любого гарнизона, и он выполнит мои указания. Правда, для этого мне надо оказаться по ту сторону океана.

Впрочем, после того, как после смерти Хенрига на трон сел его брат герцог Людвиг, эти привилегии могут быть и отменены.

Единственное, чем остался ценен перстенок, это связь с миром демонов, о которой сам король не подозревал.

Правда, мне так и не удавалось вызвать Серфика здесь, но, увы, то ли виной необъятная ширь океана, то ли демоны, как и люди, давно разделились на две сверхобщности: Южную и Северную, но все равно он полезен, и хорошо, что колечко сохранилось.

Кроме того, я успел еще кое-что нахапать, начиная от короны Темного Мира и кончая дропом с Хиксаны, когда я подобрал ее платье, пояс, браслет и кольца, но научился пользоваться только одним из колец, с которым могу проходить сквозь стены, даже дрожь берет, как только представляю этот ужас.

В коридоре послышались крики. Дверь с треском распахнулась, влетело огромное черное тело, ударило меня спиной в стену, я успел увидеть перед лицом страшную оскаленную пасть и острые клыки, горячий мягкий язык быстро-быстро прошелся по моему лицу и склеил ноздри.

Я кое-как спихнул его с себя, Бобик на миг опустился было на пол всеми четырьмя, затем тут же упер лапы мне в плечи и прижал к стене.

— Да люблю, люблю, — заверил я честно. — В самом деле люблю!.. И в поход помчимся, задрав хвосты, вместе!.. Правда-правда, а теперь иди скажи это Зайчику, но только не зови сюда, а то вдвоем разнесете все.

Он не убежал, продолжал вертеться вокруг, как черный смерч из оплавленных валунов, а я заорал:

— Сэр Вайтхолд!.. Не спать, не спа-а-ать!

В коридоре послышался топот, но никто не рискнул заглянуть и проверить, мой голос узнали, молодцы, да и Бобик для всех показатель, задавленного, как мышь, чужака уже выволок бы в коридор.

На пороге возник Вайтхолд, как всегда сухошавый и подтянутый, в простом деловом камзоле, но с золотой цепью на груди, обозначающей его ранг государственного секретаря королевства Турнедо.

— Что случилось? — вскрикнул он встревоженно. — Здравствуйте, ваше высочество. Что случилось?

Я сказал горько:

— Оставим шутки, сэр Вайтхолд. Случилось в самом деле. Карла больше нет, до вас это новость могла дойти раньше, чем до меня в Сен-Мари, но есть Мунтвиг, и он двинулся в нашу сторону! Какие-то королевства из наследия Карла уже подобрал, другие подбирает. На очереди Скарлянды и Варт Генц... Нужно решить, будем ли защищать.

Он дернулся, словно его ударили снизу в подбородок, на миг даже закрыл глаза, потом взглянул на меня исподлобья.

— Правда? Вы в самом деле будете такое решать?

— Буду, — огрызнулся я. — Дело в том, что мы дико распылили силы, а на главном направлении никого нет!.. Две армии в Сен-Мари, одна в Гандерсгейме, по сильной армии в Ламбертини и Мезине... даже здесь, в Турнедо, нет значительных сил, если не считать отрядов легкой конницы Норберта Дарабоса... он хоть дотащился уже из Мезины?.. да часть войска Клемента Фицджеральда.

Он торопливо кивнул.

— Значит, дело настолько плохо? И, как я понимаю, отступить как бы не с руки?

Бобик вклинился между нами и заверил помахиванием хвоста, что он не отступит. Я отпихнул его и сказал зло:

— Мудрость как раз в том, чтобы верно оценить шансы и отступить, если нет выхода.

— А его нет?

— Не знаю, — сказал я сердито. — Всегда полагал, что я мудрый правитель, а меня считают только удачливым военачальником! Подумать только, удачливым.

Он спросил осторожно:

— А что, разве вы не удачливы? Столько побед...

— Я успешен! — рыкнул я. — Успешен, запомните!.. Успешен, а не удачлив.

Он поклонился.

— Ох, простите, если перехвалил в невежестве своем. Как я понимаю, все собираемые силы следует двигать в Варт Генц на его северную границу?

— Или в Скарлянды, — ответил я. — Мы не знаем, где будет главное направление удара его армии. С этим нужно поспешить и выслать вперед целую сеть осведомителей, пообещав им большие награды. С Мунтвига не сводить глаз ни днем ни ночью. А сейчас созовите наш штаб. Я имею в виду Саммерсета, Геллермина, Рульфа и прочих.

— А прочих... это кого?

— У нас нет закрепленного состава, — напомнил я сердито. — Будто это новость! Мы все еще в процессе строительства свободного демократического государства под знаменем тоталитаризма и прочих либеральных ценностей подавления личности.

— А-а-а, — сказал он малость обалдело, — ну тогда да, посмотрю, кого в шею, а кого под зад...

— И побыстрее, — сказал я вдогонку. — На тупость задания нужно отвечать скоростью его исполнения.

— Я и так превышаю скорость в двадцать четыре часа в сутки!

— Да, — сказал я вдогонку, — кстати... Отыщите сэра Дарабоса и немедленно ко мне.

Он переспросил с удивлением:

— Норберта? Он час назад прибыл из Мезины и сразу явился ко мне, дескать, нет ли от вас указаний.

Глава 8

Я бодро потер ладони с такой силой, что еще чуть, и вспыхнул бы огонь, словно я умелый питекантроп, а то и неандерталец.

— Уже час?.. И все это время без дела?..

Он отступил к двери, приоткрыл ее и крикнул:

— Сэр Дарабоса к его высочеству!.. Он сейчас обедает в зале для прислуги.

Я поморщился.

— Почему вместе с прислугой?

— Новости узнает, — ответил Вайтхолд с неохотой. — Он, как говорится, пьет из всех стаканов.

— Такие от жажды не умирают, — согласился я.

Он исчез за дверью, а буквально через пару минут Норберт перешагнул порог, сухой и жилистый, суровый, словно еще не обедал, подтянутый, как оруженосец, что мечтает стать рыцарем.

Бобик вскочил и, подбежав к нему, напомнил вилянием зада, что хорошо бы снова поохотиться как в прошлый раз, когда столько оленей, коз, кабанов и даже гусей надали.

— Сэр Дарабос, — сказал я.

— Ваше высочество, — ответил он и, не спуская с меня взгляда, почесал этого черного кабана между ушей.

— Норберт, — сказал я, — тут ходят нехорошие слухи, что вы уже целый час без дела. Это безобразие нужно срочно и решительно исправить! Срочно хватайте всех своих людей, а к дальним пошлите гонцов и как можно быстрее двигайтесь через Варт Генц или Скарлянды к границе с Бриттией. Переходить не нужно, но посмотрите, какие там есть крепости, способные устоять перед осадой и штурмом.

— Ваше высочество?

— Мунтвиг, — сказал я коротко. — Вы могли о нем слышать. Карл раскаялся в своих доблестных делах, которые вдруг счел вовсе не доблестными, и ушел в монастырь, а Мунтвиг ухватил всю свою армию, влил в нее войска Карла и теперь прет на нас, как... не знаю что.

Он напрягся, до Турнедо эта новость еще не докатилась, это Дональд Дарси воспользовался каким-то очень уж скоростным способом доставки сообщений, да еще лично, даже Большой Хребет его не остановил, но у шпионов свои каналы.

— Оборону, — спросил он отрывисто, — будем крепить там?

— Попробуем, — ответил я уклончиво. — Никто же из нас не знает, что там на границе! Варт Генц я знаю, как свои пять пальцев, а на Бриттию внимания не обращал, и без нее голова пухнет... Ага, еще по дороге, если встретите отряд Боудеррии, можете и ее взять... хоть нет, жалко.

Он кивнул.

— Ее лучше использовать в качестве ударного отряда. Больше пользы приносит, очищая Турнедо от нечисти.

— Тогда пусть, — согласился я. — Кроме того, пошлите гонца к Клементу, он может быть в своих пожалованных землях... хотя на него это непохоже. Пусть берет всю армию и выступает ускоренным маршем. Мы должны успеть раньше Мунтвига!

— В Варт Генц?

— Желательно, в Бриттию, — ответил я, — но вообще-то как получится. Действуем по обстановке.

Он вышел, а я в ожидании моих лордов снова подумал, что если перенести резиденцию в королевский дворец в Савуази, то для большинства послов это будет благом. Во-первых, они и так раньше располагались в Савуази, за это время наладили связи в высших

кругах, обжились, обзавелись друзьями, а потом, когда все рухнуло, пришлось перебираться аж за Большой Хребет в неведомое Сен-Мари.

Правда, большинство и в Сен-Мари устроились прекрасно, подружились с верховными лордами, помогли заключить в обмен за поддержку торговых соглашений с лордами своих стран, даже успели оценить преимущества южного края, когда всегда безоблачное и удивительно синее небо, практически нет зимы, а дрова запасают только для приготовления еды, а не для обогрева жилищ.

Однако сейчас там Кейдан, а Савуази, чувствую, никуда не денется. Здесь не только лорды, но даже народ считает меня вторым Гиллебердом, только помоложе и поэнергичнее.

Вайтхолд распахнул двери, лицо непроницаемое.

— Ваше высочество! Барон Саммерсет по вашему приказанию прибыл. Допустить или прогнать... вдруг вы передумали?

— Не до шуток, — сказал я. — Заходите, барон. Благодарю, что так быстро.

Саммерсет поклонился.

— Ваше высочество...

— Садитесь, — велел я, — и ждите остальных.

Он опустил в кресло, но не утонул в нем, а застыл на самом краешке, как птица на жердочке, собранный, подтянутый и всегда готовый дать сдачи.

Он был и остается военным комендантом столицы с того дня, как я оставил наказ жестоко подавлять малейшие признаки даже не бунта, а простого недовольства. Здесь привыкли к грубой силе Гиллеберда, уважают сильную власть, однако Саммерсет с некоторым удивлением сообщал всякий раз, что жители столицы да и Турнедо приняли власть Ричарда как само собой разумеющуюся. Сильный должен уступать еще

более сильному, а турнедцы убедились, что со сменой правителя в королевстве стало жить еще привольнее.

Сэр Геллермин, по-прежнему отвечающий за охрану периметра города и за своевременный подвоз в город продуктов, явился следующим, поклонился с порога.

— Сэр Геллермин?

— Ваше высочество...

— Садитесь, — велел я, — ждите остальных.

Он сел, но сказал быстро:

— Могу я доложить, что мои функции уже бесполезны, мне можно поручить что-то более стоящее? Жители сами везут в Савуази все, что нужно. Подгонять силой и реквизировать для нужд нашей доблестной и прожорливой армии нет нужды!

— Товарооборот, — спросил я, — и всякое другое снабжение регулируются спросом?

— Да, ваше высочество!

— Отлично, — одобрил я, — значит, взвалим на вас, дорогой друг, что-то потяжелее и поответственнее. Например, срочно собрать по всем воинским лагерям солдат, что заканчивают боевую подготовку, организовать в армию... ну, какая получится, и вести ее в Варт Генц.

Он воскликнул, воспламененный от пят до кончиков ушей:

— С радостью! Наконец-то!..

— Ох, — сказал я невесело, — не радуйтесь. Грядет большая и полномасштабная война.

— Так это же замечательно! — сказал он пылко. — Много подвигов, воинской славы, проявим чудеса доблести и воинской отваги, о которых будут петь при королевских дворах!

— Господи, — сказал я, — что это со мной?.. Еще вчера и я был таким... гм... да. Сэр Вайтхолд, где и в

каких лагерях застрял наш доблестный Макс?.. Я слышал, готовит вообще что-то необыкновенное, что вообще похоронит конницу?

— Он совершает учебные маневры на востоке королевства, — сообщил он. — Обучает действовать вместе копейщиков и лучников с арбалетчиками. Это всего сутки отсюда!

— Пусть немедленно берет всех, — распорядился я, — и быстрым маршем со всеми его ресурсами, готовыми к бою, выдвигается на север.

— Куда именно?

Я огрызнулся:

— Через Варт Генц к границе с Бриттией, а там его перехватят разъезды Норберта и укажут место точнее. Но пехоте выступать пораньше, чтобы она из-за своей черепаховости хоть куда-то дошла.

— Сделаем!

— Вызвать герцога Сулливана, — велел я, тут же поправил себя: — Не вызывать, а пригласить, объяснив, что есть шанс выказать воинскую доблесть и усилить свое влияние. Заодно он может пригласить и Зигмунда Лихтенштейна... это барон из дальних северных областей Турнедо, что одно время был камнем преткновения.

— Когда Варт Генц претендовал на его земли?

— Он и сейчас претендует, — сказал я, — но не так настойчиво.

— Не до того?

— Пока я там навожу порядок, — объяснил я, — земли Зигмунда тоже под моей рукой, как правителя Турнедо и Варта Генца. Но потом...

— Начнут завоевывать?

— Да, — сказал я. — Начнут.

Он взглянул на меня коротко, почему-то сомневаясь, что я такое позволю, но лишь обронил:

— Завоюют?

— У Зигмунда много верных вассалов, — объяснил я, — куча братьев, шестеро или больше дядей, все прям слоны, а не люди. У них не замок, а большая крепость в горах, их завоевать трудно, таких надо держать на своей стороне. В общем, приказ ясен?

— Да, ваше высочество!

— Действуй.

— Будет сделано, ваше высочество

Турнедо и Мезина граничат, от Савуази до Беллимины вообще рукой подать, если не мелочиться. Так что особенно не выиграю, если помчусь туда сам. Поэтому высунувшись в коридор, отыскал взглядом неподвижно сидящего под стеной начальника курьерской службы, сэра Аллерана из Дальних Земель.

— Сэр Аллеран...

Он моментально вскочил и буквально просочился в мой кабинет, пока я держал дверь чуть приоткрытой.

Я смутно удивился, он даже не задел меня, но не стал вникать в мелочи, сказал быстро и властно:

— Пока что, сэр Аллеран, у меня не было возможности убедиться в возможностях вашей службы. Просто мне намекали, что вы весьма как бы. Сейчас вам предстоит доставить по письму герцогам Шварцкопфу в Мезину и Меганвэйлу в Ламбертинию. За сколько дней управитесь?

Он посмотрел мне в глаза прямо и бесстрашно.

— Для вас, ваше высочество, доставим за сутки!

— Ого, — сказал я невольно, — это весьма. Но... как?

Он напомнил:

— Я же сказал, для вас, ваше высочество.

— А-а, — ответил я поспешно, — это не мое дело. Думаю, вы уже понимаете, что и мне иногда приходится... к методам, которые церковь не одобряет, так что... благодарю за доверие. Мы все равно служим Всевышнему, даже когда уверены, что бунтуем. Вот письма, на

них написано какое кому. Постарайтесь доставить с наибольшей скоростью. Меня не интересует, как это будет сделано.

Он поклонился, отступил и сразу же бесшумно скользнул за дверь.

Глава 9

Полдня я занимался тем, что вызывал к себе наиболее влиятельных лордов Турнедо, их здесь немало, несмотря на крепкую королевскую власть, терпеливо объяснял, какое разорение несет в себе нашествие Мунтвига, после чего записывал, кто сколько даст из своей личной дружины, и передавал листок Вайтхолду.

После обеда нарочито вышел наружу, чтобы показаться и простому люду, пусть видят, государь с ними, власть крепка, и кони наши быстры.

Бальзак сейчас в поездке по стране, но по его указанию возводится еще одно крыло дворца, еще два расширяются, а королевский сад перекапывают для чего-то совсем уж особенного.

Я тогда подписал распоряжение о ремонте, но Бальзак, уловив мою невысказанную мысль, что здесь будет центр союза королевств, начал превращать дворец в супердворец.

Рабочие, распиливающие бревна вдоль, грузчики, каменщики и вообще все мастеровые торопливо снимают шапки и, прижимая их к груди, опускаются даже не на колено, как рыцари, а вообще почти до земли, а там, смиренно застыв в молчании, тупо смотрят в землю и терпеливо ждут, пока пройду мимо.

— Варварство, — буркнул я. — Сколько рабочего времени теряется!.. Думаю, моего величия не убудет, если мастеровых приравнять, к примеру, к часовым.

Сопровождавший меня Ортенберг взглянул в удивлении.

— Ваше высочество?

— Те не кланяются, — объяснил я.

— Но и не шевелятся, — обронил он осторожно.

— И что?

— Когда вот так все застыли, — пояснил он, — и смотрят в землю, сразу привлечет внимание тот, кто поднимет голову, схватит топор и ринется к вам.

— Гм, — сказал я в недоверии, — неужели для того и придумано? Я полагал, только для чванства!

Он покачал головой.

— Многие обычаи исполняем потому лишь, что освящены стариной и традицией. И не всегда даже знаток может сказать, почему возникли.

— Ладно, — буркнул я, — пусть кланяются. Подумаешь, потеря рабочего времени! Мы на какую только хрень его не тратим. А на меня пусть смотрят и понимают, что, если учиться только на пятерки.... тьфу, в общем, можно при должном усердии подняться до высот, когда уже им будут вот так же кланяться... Где лагерь?

Он вытянул руку.

— Вот там сразу за стеной. Элитные воины обучаются там. А все остальные... в разбросанных по стране, для обучения простолюдинов.

— Собрать всех, — велел я, — элитных и не очень. Отечество в опасности! Родина-мать ее зовет и кличет!..

Он спросил очень серьезно:

— Мунтвиг точно идет сюда?..

— Думаю, — сказал я, — прет широким фронтом. Захватит не только Турнедо, но и соседей. Он к своей армии присоединил почти все разбежавшиеся было войска Карла! Конечно, надеюсь его остановить, но...

на всякий случай готовьтесь к упорной и долгой обороне.

Он нахмурился, оглядывая стены столицы, что после ремонта стали неприступными, как и при Гиллеберде.

— Оборонять город сможем долго, — сказал он, — но не делать вылазки. Людей слишком мало.

— Я послал гонцов к Шварцкопфу, — заверил я, — и к Меганвэйлу. Шварцкопф оставит половину армии в Мезине, этого достаточно для поддержания порядка и нашего присутствия, а с остальными быстрым маршем двинется в родные Скарлянды, где частично перекроет дорогу в Турнедо.

Он сказал с облегчением:

— Это позволит нам подготовиться к обороне лучше.

— А вот Меганвэйл подойдет из Ламбертини позже, — сообщил я. — Ему заказано закупить для нужд армии как можно больше уникальных повозок, что изготавливаются только там.

— Чем-то особенные?

— Да, на рессорах, — сказал я. Увидев его непонимающее лицо, уточнил, — да и то веревочных, но все же... Понадобятся не только для подвозки провианта и полевых кузниц. Усталые воины сделают на них часть пути, а история учит, что армия, умеющая передвигаться быстрее противника, обычно застигает его врасплох и одерживает заслуженные победы.

Он посмотрел внимательно и с некоторым недоверием, словно сомневался в моем умении разбирать буковки.

— Мы продержимся, — пообещал он. — Если у Мунтвига такая огромная армия, то будет двигаться медленно. А отдельные отряды, выдвинутые далеко вперед, даже не поцарапают наши стены!

Для Бальзака, что сейчас в поездке по стране определяет ее неиспользованные экономические возможности, я оставил письменные указания, а то все перевернут из-за недопонимания, после чего прислушался к тому, что происходит за дверью и на этаже, на цыпочках прокрался в личную комнату, где помимо моих тщательно оберегаемых сокровищ еще и нужное зеркало, ухватился за раму и начал представлять себе почти такой же кабинет, который оборудовал для себя в Варт Генце.

Жаль, нельзя такое таскать с собой. Хотя, может быть, бывают и портативные варианты? Вытаскиваю эдак из кармана что-то типа дамской пудреницы, открываю крышечку и смотрюсь в зеркальце... Хлоп — и на месте! В смысле, в другом месте...

Вообще-то на всякий случай надо дать задание своим алхимикам. Пусть пороются в старых книгах. Не может быть, чтобы допотопные люди, в смысле, до-войномаговые, ходили ножками на большие расстояния или отбивали задницы пусть даже на арбогастрах...

Бобик протиснулся в едва приоткрывшуюся дверь раньше меня, я покачал головой, но он посмотрел с таким укором, что я тяжело вздохнул.

— Ну ладно-ладно, ты меня поймал на слове. Иди сюда... Да не вырывайся, толстый гад!.. Стой, кабанище, мне тоже щекотно...

Мы с трудом продавились через поверхность зеркала, двоим сопротивляется. Там Бобик сразу вырвался и побежал по кабинету, обнюхивая с недоумением.

Я поспешно постарался как можно быстрее понять, что меня может ждать в Варт Генце, однако в кабинете чуть ли не паутиной заросло, полное отсутствие всякой жизни, что в данном случае — благо.

Я с облегчением перевел дыхание, но на всякий случай, не сходя с места, быстро просканировал взгля-

дом весь кабинет, однако не сдвинута ни одна книга на столе, ни одна бумажка, а я нарочито оставляю некоторые криво, чтобы тот, кто зайдет в мое отсутствие и возьмет в руки, положил более правильно и тем самым обозначил незаконное вторжение.

На столе едва заметный слой пыли, хорошо, даже слуги не входят в мое отсутствие. Хотя Фальстронг не железный Гиллеберд, тот держал в кулаке все королевство, но Фальстронг хотя бы держал в строгости королевский дворец.

Я прошелся по кабинету, толстый ковер глушит стук подкованных сапог, выглянул в окно. Обычная неторопливая суета. Похоже, сюда еще не докатились слухи о Мунтвиге, а ведь Варт Генц лежит прямо на пути проклятой орды...

За дверью в коридор, толстой и массивной, даже арбалетной стрелой не пробить, как и тяжелым копьем, полная тишина. Но для моего обостренного слуха не помеха, если что-то заинтересует в коридоре, и через минуту я уже знал, что старшим телохранителем все тот же Шнайдер, с ним Беккер, Вебер и Вагнер, а вот Шмидт минуту тому исчез, только запах его тела ведет в сторону лестницы.

Я распахнул дверь, все четверо радостно заулыбались, вроде бы даже не удивились, но бодро вытянулись. Бобик выскочил в коридор, но даже не гавкнул, а помчался здороваться с поварами.

— Куда кузнеца послали? — спросил я с подозрением.

Шнайдер сказал виноватым голосом:

— Да жара тут, я велел ему кувшин... холодной воды принести...

— Не увлекайтесь, — сказал я, — и кликните сэра Джонса. Думаю, он уже и забыл о государственных обязанностях.

Шнайдер тут же заорал:

— Сэр Джонс!

Чуть левее распахнулась дверь, на пороге возник Клифтон Джонс, все в том же оранжевом с черным, суровый и насупленный, на груди цепь с эмблемой короля.

Увидев меня с телохранителями, он довольно вздохнул, словно сбросил с плеч незримую ношу, почтительно поклонился.

— Ваше высочество...

— Сэр Джонс, — сказал я, — рад, что вы на боевом посту, а не с непотребными девками, как почему-то всегда кажется, когда смотришь на вас вот так сбоку и без прищур. Топайте в мой кабинет, есть радостные новости.

Он со всеми церемониями пропустил меня вперед, а стражи закрыли за нами двери.

— Грядет беспощадная война, — объявил я с ходу. — Мунтвиг собрал все силы, присоединил армию Карла и двигается в нашу сторону.

Он отшатнулся, испуганный и шокированный.

— Ваше высочество!.. Какие же это радостные?

— А возможность совершить великие подвиги, — напомнил я, — и умереть красиво?..

Он проямлил:

— Да, конечно... но государству урон...

— Согласен, — одобрил я. — Хотя я, как рыцарь, стремлюсь к великим подвигам и красивой смерти, но, как политик, предпочитаю смерть своих противников, красивую или не очень, мне важнее сам факт. Так что давайте все данные, где и что можно наскрести... а заодно разошлите самые срочные приглашения прибыть ко мне во дворец всех значительных лордов, верховных, высших и не очень, но таких, у кого есть свои дружины.

— Сделаю это немедленно, ваше высочество!

К вечеру во дворец с несвойственной верховным лордам торопливостью прибыли те, кто совсем недавно претендовали на королевский трон: Хродульф Горный, Леофриг Лесной, Хенгест Еафор и Меревальд Заозерный. Их владения разбросаны по стране, но дворцы, мало уступающие королевскому, находятся и в столице, так что да, им всего лишь перейти городскую площадь, хотя явились каждый с пышной свитой.

Следом прибыли Варвик Эрлихсгаузен, князь Стоунбернский, властелин Реверенда и Амберконта со своим непутевым сынком, Людвигом фон Эрлихсгаузен, герцогом Ньюширским. Мелькнули веселые и вроде бы снова пьяные морды Карла Теодора Кёрнера и Отто Людвига. С этими все понятно, без них двор не двор, веселые клоуны призваны разбавлять скуку и чопорность приемов, а это так здорово, когда кто-то из мелких, но благородных лордов берет на себя такую роль.

Большинство лордов приезжают все-таки не в колясках, и конюхи едва успевают перехватывать поводья породистых коней и бегом уводить в сторону конюшни или к королевской коновязи.

У распахнутых ворот дворца прибывающих встречает сам Фридрих Геббель, сенешаль и лорд малой печати, как всегда важный и предельно породистый, в богатой одежде и с золотой цепью на груди, напоминающей о его высокой должности.

Мелькнуло знакомое лицо, не сразу узнал Джонатана Ферджехейма, полномочного посла Его Величества короля Фальстронга из далекого тогда королевства Варт Генц к гроссграфу Ричарду, сумевшему пройти под Великим Хребтом и захватить власть в южном королевстве на берегу океана.

Сердце стучит, как будто жаждет выпрыгнуть, хотя вроде бы не с мечом в руке отстаиваю жизнь и не с турнирным копьем мчусь навстречу могучему противнику...

Некоторое время я трусливо выглядывал из-за што-ры, смотрел, как заполняется зал. Впереди самые родовитые: Хродульф и Леофриг, что все еще выглядят облагороженными викингами, а не великими лордами богатого и процветающего королевства. Третий, Хенгест Еафор, высится над обоими на голову, в плечах неимоверен, а блестящие черные волосы падают на спину, как мощная конская грива. Четвертый, самый загадочный для меня, Меревальд, скромн и тих, словно монах, но он первым оглядел меня с головы до ног, когда я только появился в дверном проеме, взгляд те-мен, после чего он тут же опустил голову.

Я с застывшей радостной улыбкой прошел к трону, но не сел, а обернулся к залу и вскинул руки.

— Дорогие друзья, — сказал я громко и с чувством, — мы с вами так много пережили и потому сроднились больше, чем отец и мать со своими детьми!.. Сейчас мне удалось опередить гонца, потому сам с огромным, просто преогромным удовольствием и чувством самого глубокого и глубочайшего удовлетворения сообщаю радостнейшую новость: ваша победоносная и познавшая радость побед великая вартгенская армия под руководством герцога Меганвэйла...

Леофриг, впереди которого катится нехорошая слава невыдержанного грубияна, что перессорился со всеми соседями, громыхнул гулким голосом:

— Он граф!

Я возразил:

— Можете поздравить его с титулом герцога! Да-да, граф Меганвэйл получил его за блестящий разгром войск королевства Ламбертини...

Леофриг выпучил глаза, а Хенгест, гигант не только с жеребьячим лицом, но и именем, сказал озадаченно:

— Ламбертини? Так далеко?

— У королевства Варт Генц, — сказал я с достоинством, — длинные руки, острые копья и горячие сердца!

Несколько голосов в зале заорали:

— Ура!

— Победа!

— Слава Меганвэйлу!

— Ура принцу Ричарду!

Я помахал рукой и сказал приподнятым голосом:

— Дайте договорить. Он стал герцогом помимо блестящего разгрома войск королевства Ламбертини еще и за весьма успешные военные действия в королевстве Вендовер. После этого он со своей победоносной и познавшей радость побед вартгенской армией вступил в пределы королевства Мезина и, покорив ее, оставался ее наместником, пока, увы...

На меня смотрели расширенными глазами, словно я рассказал волшебную сказку, наконец из верховных лордов первым спохватился Меревальд и спросил напряженным, как туго натянутая тетива, голосом:

— Что случилось?

Я сказал тяжело:

— Братья и сестры! Подлый враг коварно напал на мирные священные земли, которые под нашей защитой. Потому я сразу же все силы, которыми располагаю, поднял на задние ноги и велел идти на север. Но из Сен-Мари или даже Армландии добираться долго, потому я говорю вам твердо и возвышенно: настал ваш звездный час!.. Вы можете в отсутствие победоносной армии Меганвэйла доказать, что не уступите их доблести, а то и превзойдете!.. У вас уникальные возможности первыми соприкоснуться с противником, узнать его силы и пер-

выми нанести удар, что, естественно, войдет во все летописи и, надеюсь, в анналы военного искусства!

Я остановился перевести дыхание, но уже вижу, зацепил, многих вообще за живое, вон как глазки заблестели хищно, а румянец пробился на щеки даже тех, кто давно о нем забыл. Верховные, у которых армии побольше, чем были у короля Фальстронга, встрепнулись и смотрят на меня неотрывно, а в глазах мелькают цифры дебета-кредита и даже неясные графики оценки рисков приобретений и потерь активов.

Затем посыпались вопросы, часто бестолковые, но я отвечал уважительно и всякий раз подчеркивал, что ряд военачальников Меганвэйла получили земельные угодья и даже замки в Ламбертинии и Мезине, а наступление Мунтвига открывает для нас дополнительные возможности.

Здесь всем требовались подробности, хотя и так все ясно, но я несколько раз повторил азбучную истину, что война сама себя кормит. И если сумеем дать отпор Мунтвигу и отбросить его назад, то захваченными или, скажем красивше, освобожденными от гнусного врага землями будем распоряжаться сами...

Эта часть нравилась всем больше всего, ради нее готовы забыть такую мелочь, что сперва все-таки надо выстоять под страшным ударом орды Мунтвига, а потом с тяжелыми боями отжимать его назад, пядь за пядью отвоевая земли и щедро поливая их своей и чужой кровью.

Глава 10

Когда я ощутил, что охрип, ко мне приблизился сенешаль, лорд малой печати Фридрих Геббель, взглянул на мое лицо и, получив молчаливый ответ, сказал величаво и отечески строго:

— Его высочество Ричард только что прибыл и нуждается в отдыхе. А лорды пока могут тщательно обсудить новости... скажем прямо, ошеломляющие. Встретимся позже... Ваше высочество?

— Да, — сказал я, — можно сегодня за общим ужином. Кстати, в Ламбертинии я стал принцем... но это не для хвастовства, а как напоминание, что и вы, совершая воинские подвиги и принося пользу Отечеству, можете не только получать земельные угодья в новых землях, но и более высокие титулы. А сейчас я прощаюсь до утра, на свежую голову и новость обсудим, и успеем прикинуть, как на нее реагировать!

Я удалился под ликующий рев, а в зале страсти уже не просто закипели, а началось некое буйство, восторг, как будто я им всем раздал корзину конфет, а не предложил иди на кровавую войну.

Геббель проводил меня до кабинета, тоже прислушивался к приглушенному шуму и покачивал удивленно головой.

— В вас верят, ваше высочество...

— Что налагает, — пробормотал я, — а то и накладывает... Не люблю ответственности. Ладно, пусть решают. Надеюсь, решат верно.

— Верно, — проговорил он понимающе, — это как нужно вам?

Я изумился:

— А разве бывает другая правота?

Он усмехнулся.

— Ваше высочество сейчас в свой кабинет или... в свои покои?

Голос его прозвучал намекающе, я насторожился, всмотрелся в его бесстрастное лицо царедворца.

— А что в мои покоях?

— Все в сохранности, — заверил он, — только там сейчас гость...

Я ощутил, как по всей спине от загривка и до кончика хвоста встопорщивается крепкий такой бойцовский гребень с иглами и шипами.

— Какой гость? В моих личных покоях?

Он ответил с поклоном:

— Ее высочество Вирландина Самондская изволили заверить, что вы не будете особенно против.

— А-а, — протянул я и ощутил, как гребень опускается и вообще втягивается в спину, — Вирландина... Вообще-то да, я не прочь с нею пообщаться, очень умная женщина.

— Чрезвычайно умная, — подтвердил он, не моргнув глазом. — У нее эти... такие большие...

— Глаза?

— Знания, — пояснил он. — Ее высочество лучше кого-либо понимает, что происходит в королевстве.

Мы вошли в коридор, где несут стражу портной, пекарь, ткач, каретник и кузнец, то есть Шнайдер, Беккер, Вебер, Вагнер и Шмидт.

Лорд малой печати остановился.

— Ваше высочество...

— Лорд Геббель, — сказал я.

Он поклонился и пошел обратно, Шнайдер распахнул предо мной двери, я перешагнул порог, и губы мои сами по себе расплылись в счастливой улыбке.

Вирландина, молодая и прекрасная, несмотря на то что должна быть в возрасте, а в моем старыми кажутся и тридцатилетние, хотя нет, тридцатилетние уже не старые, это сорокалетние старые, а пятидесятилетние так и вовсе дряхлые, Вирландина легко поднялась навстречу, я не успел слова сказать, как обняла, вцепила братский поцелуй.

От нее вкусно пахнет как цветами и травами, так и сдобными пирогами, да и сама вся как свежее испечен-

ный медовый пирог с черникой, малиной и брусникой, мягкая, нежная и податливая.

— Как же долго тебя не было, — сказала она, засмеялась и уточнила. — Знаю-знаю, что недолго, но я в самом деле соскучилась!

— Чудесно, — сказал я, — знаешь, я сейчас позову свою милую конячку, а потом полностью в твоём распоряжении.

Она сказала со смехом:

— Это я в твоём полном распоряжении!

Эту ночь она провела в моих покоях, а утром я, не жась в её нежных объятиях зрелой женщины, где тугие девичьи мышцы уже покрыты сладким таким белым жирком, который так хорошо мять, давить и шупать, сказал расслабленно и мечтательно:

— Отправишься в свой дворец?

Она ответила с легкой улыбкой:

— Что делать, даже у меня есть обязанности.

— Перебирайся сюда, — предложил я. — Это же так здорово! Как только прибуду в Варт Генц, сразу же к тебе в постель!

Она засмеялась, но голос прозвучал почти серьезно:

— Да, идея весьма интересная.

— А в самом деле, — сказал я. — Везде предпочитают преемственность власти, но раз уж не получилось с сыновьями Фальстронга, то все равно все знают тебя, жену старшего сына короля, к советам которой прислушивался сам Фальстронг!

Она вскинула тонкие соболиные брови, в глазах заискрился смех.

— Ты серьезно?

— А почему нет? — ответил я легко и вдруг подумал, что треп трепом, но идея в самом деле не просто

приятная, но стоит большего. — Я в Варт Генце временно исполняю роль короля, так что ты вполне вправе находиться в моей постели открыто.

Он промурлыкала:

— Да ты и раньше не особенно скрывался.

— А теперь не будем тем более, — заверил я. — Ты в королевском дворце не чужая. К тебе здесь привыкли больше, чем ко мне. И когда увидят нас в постели...

Она охнула:

— Что? Увидят?.. Как тебе не стыдно!

— Это я поэтично, — заверил я. — Имею в виду, никого не удивит. Как бы все естественно, все нормально, все так и должно.

Она прищурилась, посмотрела на меня с интересом.

— Ты задумал что-то совсем уж хитрое.

— Очень, — признался я. — Приезжаю — и сразу в постель, а ты меня чешешь долго и старательно.

— Ты что, шелудивый?

— Еще какой, — согласился я. — Если это в моих интересах.

— А что в твоих интересах?

— Я неизменен, — сказал я, — как Большой Хребет. Благополучие Варт Генца — вот моя цель и неуспянная забота! А ты в моей постели как бы подтверждение, что я тот, кого Фальстронг хотел бы видеть своим сыном... Кстати, что скажешь о сэре Торстейне?

Она лукаво прищурилась.

— Думаю, знаешь о нем не меньше, чем я.

— Меньше-меньше, — заверил я. — Поговаривают, что, если бы он вступил в борьбу за трон, сумел бы оттеснить этих троих претендентов.

— У него меньше земель, — напомнила она, — чем у Хродульфа.

— Хродульф у почти все досталось от отца, — возразил я, — а тому от деда, а Торстейн начал с нуля, сам

все строил и приобретал. И дружина его закалилась в набегах на Скарлянды и Гиксию.

— Вот видишь, — сказала она, — знаешь... Но ты прав, он выставит самое большое войско, так как рисковать любит и умеет, амбиции у него ой-ой-ой. Вторым будет Хенгест, он и сам любит воевать, и дружина всегда готова к набегам, а еще он уязвлен, что по знатности отстает от всех соперников на трон, потому будет стараться еще как. У Леофрига самая крупная дружина в королевстве, но разбросана по его многочисленным землям, особой доблестью не отмечена...

— Значит, — сказал я, — тоже захочет себя показать?

— Возможно, — согласилась она, — хотя кто знает. Ну, а Меревальд, самый непонятный, у него только десяток людей в охране и свите, он действует разумными переговорами... Этот, возможно, вообще не даст людей на войну, хотя ситуация необычная, случиться может всякое. Кроме того, ты сильно раззадорил все рыцарство! Уже сейчас наверняка многие начинают сбиваться в отряды. Например, лорды северных земель королевства, они всегда отличались...

Я слушал ее щебечущий голос, женщины его вырабатывают годами, мужчинам такое чириканье нравится. Если в их слова не вслушиваться, то и Вирландина покажется такой же беззаботной и созданной только для мужских утех, однако картину рисует яркую и точную, оценку дает верную, а когда перешла к деталям, то с изумительной скрупулезностью перечислила, у какого лорда сколько людей и какое у них вооружение, какова выучка, в каком состоянии замок, сможет ли оплачивать усиленную дружину долгое время, насколько устойчив в обещаниях, какой кодекс верности, насколько лоялен, амбициозен, решителен, домосед или авантюрист, в каких случаях чего ожидать...

Вместо обычного солидного завтрака я быстро проглотил бутерброд с ветчиной, Вирландина тоже отведала дивных деликатесов с радостью, запил большой чашкой крепкого кофе, горячая кровь пробежала по жилам, и я ощутил себя готовым для великих и не очень дел.

В нижнем зале длинноволосый и пышно разодетый малый, похожий на попугая в свадебном наряде, объясняет двум типам с лютнями, как пользоваться струнами.

Он оглянулся на звон моих рыцарских шпор, я узнал Чувствия, которого послал в Варт Генц с важной ответственной миссией внедрения в сознание народа новых идеологических мотивов через патриотические песни.

Он почтительно склонился.

— Ваше высочество!

— Как успехи? — спросил я таинственным голосом.

Он тоже понизил голос, глаза вспыхнули, словно факелы.

— Вы были правы, — сказал он задыхающимся голосом, — ваше высочество...

— Я всегда прав, — ответил я скромно, — за исключением случаев, когда ошибаюсь. Песни прошли как?

— Победно, — заверил он, — по всему королевству!.. Распевают даже те, кому я их не передавал.

— Отлично!

— Стоит одному спеть, — сказал он счастливо, — как все запоминают и продолжают уже сами!

— Прекрасно, — сказал я с удовлетворением. — Что и требовалось. Идеологическая обработка населения в правильном направлении воспитания нужного королевству патриотизма и бездумной жертвенности во имя. Как-то так. А каковы твои планы сейчас?

Он напыжился, я запоздало ощутил, что допустил ошибку, творческого человека нельзя спрашивать о таком, щас закроет глаза и начнет токовать о вдохновении, он в самом деле заговорил важно и прочувствованно:

— После той победной песни я решил положить на музыку...

Я сказал со вздохом:

— Правда? Жаль, ты такой талантливый музыкант!

— Э-э... ваше высочество...

Я всмотрелся в его непонимающее лицо, хлопнул себя по лбу.

— Да это я одновременно думаю тремя невидимыми головами, вот иногда и заговариваюсь. Горе от ума, как сказал один... В общем, скоро я что-нить еще подкину. А что эти сработали, я вижу по мордам и лицам подотчетного мне населения. Теперь надо еще пару песен, выслушав которые все сильные мужчины возьмут в руки оружие и пойдут на защиту отечества в неведомые края навстречу Мунтвигу.

Он перевел дыхание, поднял на меня взгляд не таких уж и тупых, как обычно у поэтов, глаз.

— Да понял я, понял... Знал бы раньше! А то я так распинался, заставлял всех своих друзей петь о великом и благородном Сулле, что взял власть, навел порядок, а потом снял с себя корону и ушел цветочки выращивать!

— А что, — поинтересовался я, — ты свое мнение о Сулле переменил?

— А вот не переменил, — ответил он с вызовом. — Весьма благородный поступок! Но ведь вы заранее знали, что, взяв власть, как Сулла, уже никакому сенату не отдадите? И цветочки выращивать не пойдете?

— Тихо-тихо, — сказал я, посмотрел по сторонам. — Не забегай вперед. Конечно, если уж правду,

хотя зачем поэтам грубая и неприкрытая правда?.. знал.

Он проговорил тихо, широко распахивая невинные пропитые глаза:

— Тогда... почему?

— В списке, — сказал я, — который составил Сулла для казни, был молодой аристократ по имени Гай Юлий Цезарь. Родня Цезаря умоляла пощадить молодого парня, и Сулла, сжалившись, вычеркнул имя Цезаря, но сказал, что он опасен для Римской республики и еще натворит дел. Когда Цезарь возмужал и стал видным полководцем, он совершил переворот в Риме, так как Рим снова начал потихоньку гнить. Цезарь стал первым императором, а еще он как-то сказал, что Сулла был не прав, нельзя было уходить выращивать цветочки, Риму нужна твердая рука. Так вот, Цезарь для Рима дал новую жизнь, возвеличил его, укрепил и вообще сделал лучшим и красивейшим городом мира. Понимаешь, к чему я веду?

Он боязливо посмотрел по сторонам, поднял на меня встревоженный взгляд. Я смотрел на него жестко и твердо.

— Даже боюсь понимать, — прошептал он после тягостного молчания.

— Почему?

— Вы сказали, — проговорил он тихонько, — ваш Цезарь стал императором?

Я развел руками.

— Пришлось. Римская республика прогнила и медленно разрушалась. Он просто постарался ее спасти.

— Как и Сулла?

— Сулла сделал ошибку, — повторил я. — Своей чисткой врагов народа он лишь отсрочил гибель республики. А вот если бы остался диктатором... Но он

увильнул, это тяжелое решение пришлось принять Цезарю.

Он смотрел на меня почти с ужасом.

— Господи, — прошептали его губы, — так вот что вам предстоит... Нет, всем нам!

Я скривился, но сказал терпеливо:

— Ты сказал абсолютно верно, «предстоит». Я к этому не рвался, но понимаю, что на данном этапе нужна твердая конституционная власть, полная демократия, для чего власть должна быть авторитарной в моих передних руках. Я поведу народы к счастью, хотя бы они этого или не хотят, и начнем строить Царство Небесное на земле, тем самым очистив ее от греховности.

Он отшатнулся.

— Господи!

— Помни, — сказал я наставительно, — расцвет высокой культуры возможен только в крепких авторитарных государствах. Все великие произведения искусства, архитектуры и прочие излишества создавались при диктатурах. Потому ты должен быть заинтересован в крепкой власти. Иди и твори во славу и во имя!

В нижнем зале меня встретил Фридрих Геббель, неизменно важный и породистый, в черной одежде, но настолько расшитой золотом, что даже массивная золотая цепь сенешаля на груди теряется.

Он поклонился и уставился в меня непроницаемыми глазами.

— Лорд Малой печати, — произнес я.

— Ваше высочество...

— Народ собирается?

— Уже собрался. Слышите?

Из-за плотно закрытых дверей большого королевского зала доносится мощный глухой шум, напоминающий рокот морского прибоя на скалистом берегу.

— Ого, — сказал я. — Это весьма, да-да, весьма. Что ж, с Богом, укрепившись сердцем и не вздрагивая фибрами... вперед, Ричард!

Двое слуг в церемониальной одежде медленно и торжественно распахнули обе створки гигантских дверей, так принято по моему статусу, хотя я один.

Глава 11

Зал открылся роскошный, под дальней стеной два кресла, широкий проход к ним, по обе стороны все придворные дамы в два ряда, а за ними мужчины.

В Сен-Мари женщины выстраиваются лицом к проходу и плечом друг к другу, а здесь все повернуто в сторону распахиваемых дверей, и, когда я вошел в зал, стараясь двигаться величаво медленно, ближайšie дамы начали грациозно приседать, придерживая края платья и растопырив в стороны. Почти у всех они вверху заканчиваются неким подобием воротника, так что никакого разглядывания вторичных половых, что доставляет удовольствие в Турнедо и особенно в Сен-Мари.

Я двигался по направлению к креслам, а по рядам с обеих сторон идет эдакая мягкая волна, когда женщины почтительно приседают, отсчитывая какое-то количество шагов до меня, хотя для некоторых дур такие расчеты сложноваты, они опускаются в женском поклоне чуть раньше или чуть позже, но это мелкие шероховатости, а так весьма впечатляет. Даже интереснее, когда приседают не все разом во всем зале, как в Геннегау, а вот так, музыкальной волной.

Вирландина уже среди придворных дам, я подал ей руку, она медленно приняла, я церемонно отвел ее к тронам, но сперва усадил ее в кресло справа, подошел

к своему, но не сел, а повернулся лицом к залу и некоторое время созерцал его надменно и царственно.

Все стоят, за исключением герцогов Варвика Эрлихсгаузена, князя Стоунбернского, властелина Ревенда и Амберконта, и Гордона Майкла Вульворта, у этого титулов еще больше, им даровано право не вставать, когда входит король.

На меня смотрят неотрывно и с ожиданием. Справа от Вирландины встали ее фрейлины, слева от меня Фридрих Геббель, Джонатан Ферджехейм и Клифтон Джонс.

Я, выждав минуту, опустился на трон, и по всему залу прокатилась волна шороха и шелеста платьев: усаживались в кресла те, кто имеет на это право, на табуретки те, кто имеет право на табуретки, остальные остались стоять.

Я отсчитал еще несколько тактов и величественно взмахнул дланью, даже не взмахнул, а чуть повел пальцами в воздухе, и сверху сразу же зазвучала сладкая приторная музыка, почти церковная, но здесь это ближе к танцевальной.

Я снова поднялся, и тут же встали все, кто не отрывает от меня взгляда, даже герцоги Варвик Эрлихсгаузен и Гордон Майкл Вульворт, я ведь не вошел, а уже здесь, и не подняться — высказать полнейшее неуважение, а в отношении короля или его заместителя — это бунт, мятеж.

— У всех нас, — сказал я, — была ночь, чтобы обдумать все, связанное с угрозой со стороны Мунтвига. И определить свою позицию. Прошу вас, лорды, высказать свое мнение по ситуации.

Я опустился на трон и величаво возложил руки на широкие подлокотники, пальцы мои достали там головы деревянных львов, но будет впечатление, что я сам положил им руки в пасти, что может быть расце-

нено как дурной знак, и я слегка откинулся всем корпусом, вжимаясь в высокую прямую и такую неудобную спинку.

Вирландина проговорила тихонько, едва двигая губами:

— Прекрасный ход, ваше высочество...

— В чем? — ответил я тихонько.

— Все ждали, — ответила она с улыбкой, — что вы оставите это кресло пустым.

— Как я мог?

— Или посадите рядом герцогиню Миранду Гилфорд, — сказала она. — Это ее первый выход ко двору, посмотрите, как прелестна!.. Как бутон розы, что вот-вот распухнет. Какое очарование невинной юности... Смотрите, как жадно смотрят на нее все мужчины.

Я сказал тихонько:

— Я не все, Вирландина. После этого совещания отбуду на войну, а это кресло остается за вами. Я уже отдал соответствующие указания сенешалю и моему секретарю.

— Ваше высочество?

— Вы знаете, — сказал я, — что нужно королевству, чтобы царили мир и спокойствие. Сейчас это самое главное. Обеспечьте мне надежный тыл. Все остальное я сделаю сам.

В зале снова бурлили страсти, но теперь ближе к трону продвигались четыре четко очерченные группы. Я с чувством близкой неприятности узнал во главе одной гиганта Хенгеста Еафора, этот могучий лорд полностью оправдывает свое имя: могучий жеребец, высится над всеми, в плечах широк, лицо свирепое, а с ним такие же могучие рыцари из дружины.

Хродульф, Леофриг в центре других кучек, даже Меревальду Заозерному есть что сказать, тоже идет к свободной от людей площадке перед тронном.

Хенгест Еафор достиг ее первым, поклонился мне и сказал тяжелым трубным голосом:

— Ваше высочество, я возьму семьсот человек из своей дружины с выеда в сторону Бриттии. Надеюсь, я встречу Мунтвига раньше, чем он войдет в Варт Генц и начнет разорять мои земли.

— Верное решение, — сказал я, стараясь не выказывать щенячью радость.

Люди Хродульфа раздвинули для него дорогу, он вышел важно и величаво, отвесил небрежный поклон.

— Ваше высочество, — произнес он с глубочайшим чувством достоинства, — мои земли далеки от границы с Бриттией, однако я возьму тысячу человек и поведу их лично.

— Прекрасно, — сказал я. — Очень патриотично. Народ Варт Генца это оценит.

Вслед за Хродульфом вышли вперед Леофрид и Меревальд, один пообещал девятьсот человек отборного войска, второй — тысячу двести.

Я ликовал, но неожиданно выдвинулся снова Хенгест и сказал тяжелым громыхающим голосом:

— Самая крупная дружина у Леофрига, но самая испытанная и подготовленная к боям у меня. Поэтому выделяю полторы тысячи! И поведу, как уже сказал, сам.

— Сам Господь подсказал вам эту мысль, — произнес я радостно. — Когда мы покончим с бедой, всему королевству станет видно, кто сколько внес в копилку победы! И каждому воздастся по его внесенной доле.

Вирландина сдержала усмешку, но я уловил ее тень, бывшая жена Марсала сразу уловила, что именно я сказал и как это воспримут лорды Варт Генца. Мудрая женщина, сразу схватывает не только то, что я решил, но даже что задумал...

Я рассчитывал собрать достаточно большое войско, так как на самом деле «армия Варт Генца нового образца», которая Познавшая Радость Побед, — вчерашние крестьяне, соблазнившиеся платой за военную службу, а все воинские отряды лордов с их закаленными и прекрасно обученными профессиональными воинами остались в Варт Генце при замках их хозяев.

Кроме того, практически вся военная верхушка во главе с Меганвэйлом отсутствует, лордам можно взять командование отрядами в свои руки, потягаться славой с Меганвэйлом и его военачальниками, показать себя во всем блеске воинской славы, которого их лишили.

И хотя я надеялся собрать большое войско, но собралось очень большое и все еще продолжало собираться. Наконец, через неделю, глава ополчения лордов Хенгест Еафор объявил, что армия к выступлению готова и кто опоздал, пусть догоняет.

Я стоял на балконе, наблюдая, как вокруг него кипят страсти, Хродульф и Леофриг еще с первого дня отбыли в свои владения, Меревальд тоже не показывается, но, по слухам, собирает своих сторонников.

Мне показалось, что Хенгест торопится слишком уж, но Вирландина, как ощутила мои сомнения, подошла со спины, прижалась к плечу и шепнула тихонько:

— Догадываешься?

— О чем?

— Хенгест спешит, — ответила она, — воспользоваться шансом. Дружина у него лучшая, однако сам уступает соперникам по знатности, и, самое главное, нет многочисленной и разветвленной родни, как у Хродульфа или Леофрига. А сейчас может всех обойти и заставить народ выкрикивать свое имя с восторгом.

— Мунтвиг сомнет числом, — сказал я мрачно.

— А удержать этого жеребца не удастся?

— Как? — спросил я с досадой. — У него свое знамя, своя армия... Он выполняет мои указания только в общем и всегда ревниво следит, чтобы ни в чем не поступиться вольностями.

Она сказала тихонько:

— А вольности велики, верно?

— Вирландина, — сказал я предостерегающе.

Она сказала негромко:

— Ричард, я на твоей стороне. Вспомни, я из королевской семьи. Это значит, что и меня раздражали слишком уж большие свободы лордов.

— Я не собираюсь отнимать у них вольности, — ответил я. — На этом зиждятся либеральные базовые ценности!

— А что это?

— Откуда мне знать? — огрызнулся я. — Но ограничить их надо бы. Весьма.

— Надеюсь, — ответила она, — у тебя получится.

— Получится, — буркнул я, — только вот репутация...

Она наморщила нос.

— Ты как женщина!

— Мужчины, — сообщил я, — о ней заботятся тем паче. Хотя несколько в другом аспекте.

Прошло еще трое суток, и блестящая колонна рыцарской конницы выехала из-под городской арки. Народ ликует и машет шапками, трубят трубы, я держал счастливую и гордую улыбку, а сам тоскливо думал: мать-мать-мать, едут каждый отряд сам по себе, не только под своими знаменами, но и с личным, так сказать, оружием и местными приемами боя. Ну какая это армия, это же отряды, приученные действовать ка-

ждый по своему усмотрению, у них нет и никогда не было согласованности.

С другой стороны, мелькнула мысль, их можно будет запустить в тыл противника, пусть уничтожают обозы, грабят и сжигают продуктовые склады, перерезают коммуникации.

Они все прекрасно умеют воевать, не рассчитывая на взаимодействие с другими, сами принимают быстрые и правильные решения, так что у армии будут свои задачи, у этих отрядов — свои.

Едут медленно и торжественно, словно на похороны короля, когда вся знать, разодетая пышно и облаченная в лучшие доспехи, провожает монарха в последний путь.

Впереди двигается дружина, в глазах рябит от множества знамен, следом тянется мощный обоз, могучие волы идут солидно и степенно, не замечая в себе склонности задрать хвосты и помчаться вскачь, в сторонке гонят крупный рогатый и прочий помельче, коровы идут молча, овцы кричат резкими гортанными голосами.

Мы смотрели с надвратной башни, все верховные лорды в великолепных доспехах, сделанных тщательно по фигурам и подогнанных мастерски, гордые и надменные. Свита каждого из них ждет внизу, там тоже все в золоте, даже конская упряжь украшена серебром и самоцветами.

Во главе первого отряда из города выехал, кто бы подумал, епископ Варт Генца, благочестивый отец Геллерий, суровый и нелюдимый церковник, постоянно проводящий время в церквях королевства, которые объезжает регулярно и требует неукоснительного соблюдения церковных норм.

Конечно, на муле, из-за чего выглядит карикатурно рядом с рослыми рыцарями на особо крупных и могучих конях, в желтом с золотом епископском одеянии.

Я проводил его взглядом, не зная еще, хорошо или плохо присутствие в походе незнакомого мне церковного деятеля столь высокого ранга.

— Это, — спросил я Хродульфа, — как он... вообще?

— Зело ревностен в вере, — ответил Хродульф и перекрестился. — Того же требует и от других. Был близок к Фальстронгу, но после его гибели при дворе не показывается.

— Лучше бы и здесь не показывался, — буркнул я.

Рядом с епископом на таком же муле хмурый монах везет знамя с огромным изображением креста.

Я перевел взгляд на грозное войско, лорды тоже смотрят и раздуваются от важности и гордости.

— Великая сила!.. — произнес я с удовлетворением. — Поздравляю вас, лорды. Вы показали себя патриотами Варт Генца и всего прогрессивного человечества, а на непрогрессивное нам начхать, тупых не жалко.

— Истинно так, — важно одобрил Хродульф.

— Во имя Господа, — заявил Леофриг с таким видом, словно это он только что придумал такое важное заклание.

— Во имя Господа, — ответил Хродульф, неохотно перекрестился.

— Во имя Господа, — сказал Хенгест равнодушно.

— Во имя Господа, — откликнулся Меревальд и осенил себя широким знаменем. — Всевышнего и Милостивого.

— Я проеду несколько миль с вами, — сообщил я, — а потом несколько уйду вперед. В том смысле, что встречу на границе с Бриттией. Постараюсь сразу приготовить для вас квартиры.

И хотя это звучало так, что я, принц Ричард, угрожаю им, как простой слуга, что должно польстить всемогущим лордам, но они ревниво нахмурились.

Хродульф проворчал недовольно:

— Стоит ли отрываться от войска? Это может быть опасно.

— У меня быстрый конь, — ответил я.

Сын Леофрига Лесного, барон Адриан, писанный красавец и постоянно улыбающийся, словно старается своим поведением загладить грубость и невыдержанность отца, шагнул вперед, привлекая мое внимание.

— Ваше высочество...

— Барон?

— Ваше высочество, — сказал он просительно, — я прошу вашего разрешения пойти со своим отрядом следом за вами.

— И оставить обоз без защиты? — спросил я.

Он примирительно улыбнулся.

— В вартгенских землях их никто не разграбит, если, конечно, лорды Хродульф, Хенгест и Мереальд не позарятся...

Он заулыбался на всякий случай еще шире, чтобы все видели, просто шутка, он такой вот галантный.

Я подумал, кивнул.

— До границы с Бриттией всего-то около двухсот миль, а то и того меньше. Если вам отец разрешает, то я не против.

Он покосился на отца, Леофриг натянуто улыбнулся, хотя во взгляде, что метнул на сына, не было ничего доброго. У него трое сыновей, этому уже тридцать, томится от невозможности применить свои таланты воина, а так хотелось научить его управлять огромным хозяйством...

— Не против, — буркнул он. — Но вы, ваше высочество, зря вот так...

— А как? — возразил я. — Вы поедете каждый во главе своих войск, как четыре надутых жабы, а я должен метаться между вами вроде посыльного? Нет уж, лучше я успею сделать что-то полезное, у вас кони тяжелые, грозные, а у меня ну просто легконогий зайчик!

— Ну да, — сказал Хенгест завидующе, — совсем зайчик. Я видел, как однажды стену конюшни проломил, когда решил напрямик... И тараном бы так сразу не сумели.

— Он у меня бывает иногда излишне прямолинейным, — сказал я виновато. — Что делать, все животные такие простые существа! За что их и любим, не умничают и не выпендриваются.

Внизу наконец прошел последний обоз, но по дороге будут присоединяться еще люди, обозы и отряды, у лордов владения разбросаны по всему королевству.

Хродульф перекрестился, голос его прозвучал тяжело и торжественно:

— Ну, с Богом!

Он первым спустился вниз, где у ворот ждет свита наиболее близких рыцарей, там ему подвели коня и помогли взобраться в седло огромного, могучего жеребца.

Хенгест наблюдал с презрительной ухмылкой, но смотрел не на самого Хродульфа, а на его коня. Они не успели отъехать, когда он сказал громко:

— Мне тоже пора!

Внизу ему почтительно поклонились рыцари его свиты, а коня подвели такого, что жеребец Хродульфа показался бы рядом чем-то вроде пони.

Хенгест опустил ладони на седло и вспрыгнул достаточно ловко без посторонней помощи и даже не вставляя ногу в стремя, что при его росте и общей громкости не так-то просто.

Меревальд сказал негромко:

— Да, всем нам пора к своим дружинам.

Они с Леофригом вместе спустились к воротам, а я некоторое время еще смотрел, как верховные лорды красиво разъехались, пусть не в разные стороны, но каждый ревниво к своему отряду. За мной вроде бы верховное командование, но только вроде бы, это в армии могу просто скомандовать, а здесь должен убеждать, манипулировать, доказывать, да и то нет уверенности, что, даже начав выполнять задание, лорд не передумает и не даст приказ своим войскам отступить, вот она гребаная демократия.

Глава 12

Бобик уже извертелся внизу в нетерпении, а Зайчик, напротив, задумавшись о чем-то высоком конском, превратился в неподвижную статую, даже ветерок не смеет колыхнуть хоть один волосок в его гриве.

Я бодро сбежал вниз, я все должен делать бодро и уверенно, всем видом излучать спокойствие и надежность, красиво помахал рукой над головой.

— Всем спасибо!.. Нет-нет, провожать не нужно!.. Правитель должен быть скромным в быту и окрестностях!

На главную дорогу все еще выезжают тяжелогруженные повозки, почти нет упряжных коней, большинство тянут могучие волы, а на телегах громоздятся как нужные для похода вещи, вроде передвижных кузниц, так и престижные: вроде столов и кресел из дорогого дерева, искусно сделанные напольные светильники, ковры, рулоны бархата и шелка...

Мы пронеслись мимо обоза, справа и слева от дороги поднимается пыль, а в ней грозно поблескивают искорки на металле доспехов. Хродульф и Леофриг

двигаются каждый своей дорогой. Никто даже не сказал хотя бы из вежливости, что не хотят глотать пыль от впереди идущих, а просто и бесхитростно заявили, что их знатность позволяет пропустить вперед только короля, но не другого лорда.

Я догнал переднюю группу военачальников. Во главе могучий Хенгест на чудовищном коне, что больше напоминает носорога. Рядом с ним Джонатан Ферджехейм, бывший посол короля Фальстронга в Сен-Мари. Ему так пока не нашли достойного занятия, а в поход он вызвался от избытка энергии и еще как знаток окружающих Варт Генц земель, обычаев населяющих их народов, а также знающий, как всякий иностранный дипломат, кто, где, когда, с кем и почему вот так, а не иначе.

Ферджехейм обрадовался мне, мы с ним знакомы еще со времен моего майордомства, тут же с энтузиазмом взялся просвещать мое высочество, чувствуя, что это еще та его дремучесть:

— Королевство Варт Генц, ваше высочество, граничит с Бриттией на протяжении двухсот миль! Это самая длинная граница Варта Генца. Король там Ричмонд Драгсхолм, два сына, дочь принцесса Лиутгарда... три внука, столица Квинтелард, размеры стандартные, это значит где-то с Варт Генц, треть занята горами, остальное — леса, болота и долины.

Я проворчал:

— Лиутгарда? Помню, ее мои лорды мне предлагали в жены.

— Сейчас она помолвлена, — сообщил он, — так что можете успокоиться, ваше высочество.

— Да я и не особо волновался, — буркнул я.

— Да, зря...

Я пропустил мимо ушей это странное замечание, спросил равнодушно:

— С кем?

— С графом Снорриком Твердошлемом.

— Графом? — спросил я. — Почему с графом?

Он правильно понял мой вопрос, поморщился, ответил с великой неохотой:

— Дело в том, что... как бы это сказать...

— Уродлива? — спросил я.

Он помотал головой.

— Нет, что вы!.. Нет, конечно... Многим такие как раз нравятся, хотя я их и не встречал, правда...

— Что с нею не так? — спросил я.

Она вздохнул.

— Она по-своему хороша. Королевская стать, гордый взгляд, независимость суждений...

Я приподнялся в седле, стараясь рассмотреть нечто мелькнувшее далеко в кустах.

— Ладно, меня эта принцесса все равно не интересует. Гораздо больше тревожит вот та тварь, что пронеслась с такой скоростью, что у меня до сих пор в глазах рябит. Это не просто животное...

— В этих землях иногда что-то появляется, — сообщил он философски. — Странно, когда в помете вроде бы обычных волков или лесных свиней один из детенышей какой-то не такой... Думаю, вам интереснее то, что Бриттия на севере граничит со знаменитым Зорром, слыхали о нем?

— Слышал, — ответил я.

— Они почти единственные, — сказал он с гордостью, — что не поддались Карлу. На северо-востоке Бриттия граничит с королевством Шумеш, на востоке вроде бы с Гиксией, если не считать Зачарованные земли, в которые никто же желает соваться, хотя, по слухам, отряды лорда Торстейнта из Варт Генца проходили по тайным тропам и делали набеги на Гиксию.

На северо-западе граничит с Ирамом, а на юго-западе с Скарляндами.

— Насколько богаты? — спросил я.

Он хмыкнул.

— Любой другой бы спросил насчет армии! Нет, о богатстве ничего особенного, все, как и у соседей. В долинах густо разрослись города, там прекрасные пашни и хорошие пастбища. Насчет рудников как-то не удосужился поинтересоваться.

— Для нас важнее всего, — сказал я, — что на севере Зорр, чьи мужественные защитники сумели несколько лет держаться против полчищ Карла. Если нам удастся отстоять Бриттию, то появится свободный маневр сразу на два королевства...

— Но на востоке, — сказал он с сомнением, — Зорр граничит с Ирамом...

— Все с кем-то да граничат, — согласился я. — Так что насчет армии Бриттии?

Он ответил нехотя:

— Единой нет, как и везде, они остались только в легендах. Любой из десяти наиболее видных лордов может выставить дружину втрое, а то и впятеро больше, чем сумеет король Ричмонд. Хуже того, что его старший сын благодаря удачной женитьбе на дочери одного из самых богатых и знатных лордов вошел в число виднейших лордов, а дружина у него втрое больше королевской...

— А как насчет амбиций? — спросил я.

Он вздохнул.

— Вы правильно понимаете, ваша светлость. Сыну почти тридцать, он уже чувствует в себе силу править, но на троне престарелый отец.

— А он престарелый?

Он искоса посмотрел на меня.

— Вам он тоже покажется престарелым, ваше высочество, пятьдесят лет!.. Но на самом деле это возраст мужского расцвета. Мне только пятьдесят, но не уступлю молодым ни в бою, ни в чем еще, кроме дурости... Так что король, как вы понимаете, престол отдавать не намерен, из-за чего в королевстве одни стоят за его спиной, а другие — за спиной сына.

Я посмотрел на его чутьточку рассерженное лицо.

— Вы, конечно, на стороне короля?

— Ваше высочество, — ответил он чутьточку сварливо, — это вовсе не потому, что Ричмонд мой ровесник или я чем-то ему обязан! Просто в пятьдесят лет и его сын будет умнее!.. А пока что за его спиной рвачи и честолюбцы, желающие урвать от перемены власти новые титулы, должности, земли, расширить свое влияние, занять место ближе к королю. А что с королевством случится за это время междоусобицы и войны за трон, в какую разруху и нищету впадет народ, им все равно.

— Все верно, — пробормотал я, — но только интересы королевства... какие-то далекие, абстрактные, а вот урвать и ухватить земли и должности — это большинству понятнее. Так что, боюсь, за спиной сына сил побольше.

Он накупил, спросил с подозрением:

— И что, предлагаете поддержать сына?

— Как политик, — пояснил я, — я так и обязан поступить. Но я почему-то должен думать еще и о мелочной справедливости. Не знаю почему, но вроде бы должен. И, самое смешное, в самом деле думаю! Вот дурак, да?

Он пробормотал в затруднении:

— Ваше высочество, тут вы, конечно, правы... да, дурак, да еще какой, но если принять во внимание ваши успехи, довольно впечатляющие, то дурак бы не,

как я полагаю, совсем не. Разве что разок, когда удача, но когда подряд, то в вашей дурости начинаешь сомневаться, как бы по-дурацки вы ни поступали. Возможно, ваша дурацкость — это иная форма сообразительности?

— Не знаю, — ответил я честно. — Просто я стараюсь идти к Царству Небесному... не обязательно по замощенным красивыми плитками дорожкам. Иной раз и через болото... если вижу, что так прямее и, главное, смогу выбраться на тот берег.

Он усмехнулся.

— Да-да, выбраться на тот берег вам пока что удастся неплохо.

Далеко впереди дорогу перебежало огромное стадо одичавших буйволов, а чуть позже впереди пронесся конный табун. Когда ехали через лесок, замечали в чаще множество оленей, вепрей, и я напомнил себе невестело, что мир все еще дик, еще только начал заселяться.

— Знаете, сэръ Ферджехейм, — сказал я, — моя собачка уже зевает от скуки. Придется мне добавить скорости, а то вон обижается... Вы не волнуйтесь, я с таким конем уйду от любой погони!

Он сказал встревоженно:

— Ваше высочество, но так же нельзя!

Я ответил кротко:

— Мы только что говорили о моей дурости, что может быть не совсем таким уж диким невежеством, а неким озарением?... В общем, двигайтесь тем же курсом!.. Дорогой сэръ, было очень приятно ехать с вами рядом. Не люблю, когда постоянно болтают и не дают мне слова сказать, а я поговорить люблю. Жду вас на границе, или, говоря красиво, на кордоне!

Бобик уловил момент или все понял, подпрыгнул, как козленок, которому восхотелось бодаться, и пошел все ускоряющимися скачками в сторону севера.

Арбогастр недовольно фыркнул и, получив от меня разрешение, ринулся следом. На этот раз я не стал сдерживать, пусть видят, враги таких троих орлов в самом деле не догонят.

Скрывшись из виду, мы пронеслись по узкой долине, затем на вершину холма, откуда я осмотрелся, никого поблизости, Бобик понял по моему взгляду, что предстоит, ринулся стремглав вниз и без следа пропал в заросшем высокой травой и неопрытным кустарником овраге.

Мы с Зайчиком спустились медленнее и солиднее, но на самом дне я соскочил живо, арбогастр укоризненно вздохнул и принялся меланхолично срывать верхушки трав, делая вид, что ищет, чем бы отравиться.

Я отошел на несколько шагов, присел к земле и сам удивился, с какой легкостью перетек в птеродактиля. Видимо, повторение в самом деле мать учения...

Они подняли головы, провожая меня взглядами, а я усиленно работал крыльями, вздымаясь в небо по крутой дуге, уже нацелившись на север.

Внизу поплыли равнины и низкогорья, затем несколько низменностей, горы, обычно средневысокие, но их многовато, леса занимают чуть больше половины территории, вот показалась большая река, явно судоходная и с обилием рыбы, но те, что дальше, мелкие, хоть и широкие...

Границу с Бриттией я опознал по тому, что перестал узнавать знакомые места, все-таки карту Варт Генца знаю наизусть, а все, что дальше к северу незнакомое, — это Бриттия.

Почти сразу заприметил с высоты большой город, прошел прямо над ним, потому размер стен не рассмотрел, а по длине тени тоже не высчитать, облака прут стадом, но, судя по толщине, должна быть и высокой.

Дальше снова горы с зелеными и труднодоступными долинами, леса, пропасти, реки и озера, сел и деревень маловато, города все лепятся к берегам рек, некоторые даже на обеих сторонах...

Облака раздвинулись под сильным ветром, я побыстрее поднялся повыше, стараясь охватить взглядом как можно больше территории, все потом выложу на карту.

Примерно в двухстах милях от границы с Варт Генцем обнаружил просто громадный город, торопливо снизился и рассмотрел в центре старинный замок, вокруг которого явно и нарастал город с простейших мастерских и булочных. Теперь добротные каменные дома стоят по кругу, в центре площадь, а на той стороне вознесся величественный замок.

Снизился еще и рассмотрел на шпиле королевское знамя Бриттии. То, что королевское, видно по короне на голове вздыбленного льва, а на башнях, кроме того, горделиво развеваются различные флаги и даже баннеры.

Застроен красиво и почти правильно только центр, дальше улицы кривые, радиальность нарушена, а ближе к окраинам заметно, что селятся цехами, словно у кожевников и суконщиков одни каноны архитектуры, а у бронников и оружейников другие...

Прекрасно, сказал я себе. А теперь посмотрим, откуда и как идет Мунтвиг...

Я отмахал около сотни миль, пристально всматриваясь вниз, стараясь не пропустить ничего, что движется, и не раз торопливо спускался, но это оказывались огромные конские табуны, оленьи стада, а то и вовсе расплодившиеся волчьи стаи.

Наконец в середине второй сотни заметил троих конников. Это могли быть и местные, но я предположил, что это один из разъездов, Мунтвиг должен по-

слать далеко вперед легкие конные войска, что проверят местность, исследуют, сообщат о запасах провизии, о сочной траве для конницы, о селах и городах...

Отряд в двенадцать человек я заметил буквально через пять минут лета. Все понятно, двигаются с севера, рассылая вправо, влево и вперед разъезды по три человека. Стандартная тактика.

Еще через несколько минут быстрого лета я обнаружил уже конную сотню, однако это только разведка, что выпускает малые отряды вперед и в стороны, а те — разъезды.

Большую массу конницы я заметил так далеко, что засомневался, Бриттия ли это, или же земли Зорра или Ирама, что должны лежать дальше за Бриттией...

Здесь уже примерно тысячи две голов в войске, однако все та же легкая конница, никаких доспехов, нет даже кольчуг, а у тех, кто едет впереди, латы из темно-коричневой кожи, смотрятся хорошо, но все-таки не добротная сталь.

Не зная конфигурации Бриттии, я углублялся и углублялся на север, пока не увидел внизу настоящий воинский лагерь, который всегда сооружается в случае, если приходится остановиться на несколько дней на чужой территории.

Я всмотрелся повнимательнее, плечи передернулись от неприятного ощущения. Если до этого видел чуть ли не шайки разбойников, только и того, что размером с армии, то этот лагерь окружен рвом и валом, а сверху еще и частокол, палатки и шатры стоят ровными рядами, между ними чисто, ни сучка, о который можно споткнуться, перед каждой палаткой вкопан столб, где на табличке, как я понимаю, обозначено, чей отряд.

Костры разведены только в отведенных для этого местах, а солдаты возле них все, как один, прекрасно вооружены и в добротных доспехах.

Далеко на краю лагеря слышится смертный рев быков и баранов, режут на мясо в специально отведенном месте... Да, это уже настоящая армия.

Я сделал круг, прикидывая, возвращаться ли, явно вышел за пределы Бриттии, Зорр должен быть несколько восточнее, а это земли, видимо, Ирама...

Похоже, здесь местные жители тоже не все приняли нашествие на ура, иначе бы так не отстраивались, ожидая ночное нападение...

Ладно, мелькнула мысль, еще немного. Нужно увидеть их в колонне, если они двигаются колоннами, а не лавой, как обычная орда.

На этот раз внизу то и дело видел большие отряды и целые войска, хотя на удивление маловато панцирных, все больше в кожаных латах, даже в добротных кольчугах не так уж...

Глава 13

Второй лагерь заметил, когда уже надумал возвращаться, но этот просто поразил воображение: втрое крупнее, почти с город, стеной окружен такой же прочной и высокой, а людей даже побольше, чем в ином городе во время ярмарки.

Почти все в латах, но шлемы не у всех, многие укрывают головы простыми шапками, редко у кого кольчужная, многовато женщин, именно таких, которые сопровождают лагеря уже по доброй воле, хотя сперва попадают сюда при захвате городов и селений. Участь их незавидная, знаю случаи, когда военачальники приказывали перед битвой убить всех женщин, чтобы воины думали только о сражении и берегли для этого силы.

Если не ошибаюсь, по одежде различаю разные народы. Есть даже горские племена, развивавшиеся в

изоляции. Одеты в такое, что и одеждой не назовешь, у них и прически другие, и украшения странные...

Один из воинов поднял голову и начал всматриваться в летуна над их лагерем, а я спохватился, что спустился слишком низко, торопливо пошел в сторону, быстро набирая скорость, а потом повернул обратно.

Зайчик и Бобик валяются на спине оба, весело взбрыкивая и с треском ломая кустарник.

Я опустилсЯ поблизости, и тут же на меня насел Бобик и принялся заботливо облизывать, чувствуя, что я вроде бы не совсем такой, как всегда, и со мной что-то происходит.

Отпихиваясь и отбиваясь, я с огромными усилиями переполз в прежнюю личину, постоял на четвереньках, отсапываясь, зато довольный.

Бобик сел на задницу и начал меня созерцать с чувством исполненного долга.

— Как же я люблю вас, морды, — сказал я в сердцах. — Так бы и поубивал!.. Все, хватит валяться. Поехали.

Арбогастр, так и не сумев отравиться, с готовностью подставил бок. Я поднялся в седло, а Бобику и объяснять ничего не нужно, стрелой выметнулся наверх, только земля осыпалась лавиной, на краю оглянулся в нетерпении.

— В Бриттию, — велел я, — прямо к столице!

После Савуази уже ни одна столица по эту сторону Большого Хребта не впечатляет, к тому же чем дальше к северу, тем больше падают размеры и бледнеют архитектурные излишества.

Здесь же, в Квинтеларде, только высокие прямые стены, мощные башни, даже над городскими воротами

никаких затейливых башенок, а только широкий помост для лучников и арбалетчиков.

Оттуда на меня уставились растерянно, а я сказал жестко:

— Что пасти раскрыли? Я — Ричард Длинные Руки!.. Или ждете Мунтвига?

По ту сторону ворот раздался топот, крики, створки ворот распахнулись, Бобик с трудом смирил страстное желание ринуться в сторону кухни, чуткий нос уже указывает, где она, тут явно готовят не так, неправильно, а Зайчик вошел гордо и красиво.

Задерживаться я не стал, промчался сразу через весь город к королевскому дворцу. Там тоже оцепенели, я зарычал, выказывая монарший гнев, и через несколько минут меня уже вели по анфиладе огромных и очень огромных залов. Полы из мозаичных плит, а свода не увидеть в такой выси. Только и заметно, все сводчатое, арочное и безумно помпезное, даже стены из резного камня. Люстры светят ярко и кричаще радостно, сверху свисают длинные полотнища из дорогого бархата и шелка с диковинными гербами, полными оскаленных львов, тигров и вепрей, так что дворец весьма отличается роскошью от почти спартанского облика города.

Церемониймейстер громко прокричал:

— Его высочество принц Ричард Завоеватель к Его Величеству королю Ричмонду Драгсхолму!

На последних словах он даже дал петуха, от волнения и растерянности не зная, как правильно и что дальше, я своим появлением без предупреждения и надлежащей свиты нарушил все придворные каноны и правила.

Король тоже явно не знал, как себя держать, в нерешительности поднялся с кресла, после секундного

замешательства сошел со ступеней навстречу, вытягивая обе руки в моем направлении.

— Ваше высочество... рад вас...

Я сказал приподнято весело:

— Ваше Величество, я прибыл в сопровождении моей собачки и коня, а у них более благородное происхождение, чем у всех нас, вместе взятых! Так что этот пункт соблюден. А что без предупреждения... Но враг у ворот, какие церемонии?

Он всмотрелся в мое молодое и решительное до глупости лицо.

— Да-да, принц, — ответил он после паузы, — вы совершенно правы. Все церемонии в сторону. Всем оставить нас!

Приказ прозвучал жестко, что так не соответствует его мягкому лицу и рыхловатой фигуре сытого и всем довольного великана, и во всем зале мгновенное началось шевеление, все придворные, вне зависимости от чина, как гуси потянулись к выходу, только что не загоготали.

Стражи захлопнули за ними двери, замерли, а король обернулся ко мне.

— Сядьте, принц, рядом, — распорядился он. — Пока вам приготовят ванну и подадут обед, успеем обменяться... гм... мнениями. Как вы, наверное, знаете, враг уже вторгся в пределы Бриттии. Пока только легкая конница, но мы предполагаем, что это разведка, за которой...

— Позвольте, — прервал я со всем почтением, — я сразу внесу некоторую ясность. Наша разведка донесла, что следом идет рыцарская конница, а затем и пехота. Увы, рыцарской конницы несколько тысяч, тяжело-вооруженной конницы — десятки тысяч, а пехоты еще больше... У вас есть карта Бриттии и ее соседей?

— Разумеется, — ответил он и хлопнул в ладоши: — Позвать сэра Вудруфа!

Я не видел, кто ринулся выполнять указание, но через минуту двери распахнулись и торопливо вбежал невысокий тщедушный человек в расшитом золотом камзоле с малой золотой цепью на груди. В руках он держал, как обнаженный меч, длинный свиток.

— Глен Вудруф, — представил его Ричмонд ворчливо, — мой личный секретарь... Глен, принеси-ка подробную карту Бриттии.

— Вон она, — ответил секретарь тонким голосом. — Ваше Величество!

Быстро, но без суеты, он расстелил лист на поверхности стола, что у самого окна, оглянулся на нас обоих.

Ричмонд проворчал недовольно:

— Видите? Всегда наготове. Думаю к чему-нибудь придаться и казнить, а то слишком много знает государственных тайн и даже секретов.

Глен ответил почтительно:

— Только сперва найдите такого, кто сумел бы заменить меня.

— От скромности не умрет, — буркнул Ричмонд.

Мы пересекли часть зала к столу, свет из окна хорошо падает на поверхность карты, достаточно подробная, хотя с первого взгляда видны белые пятна.

Я всмотрелся, сказал мирно:

— Прекрасный рисунок. Чувствуется умелая рука художника... Правда, вот этот город ближе, чем этот... но на карте наоборот... И эти горы не сплошные, а вот здесь по тонкому ущелью можно перейти на ту сторону... Но ладно, это неважно, давайте посмотрим, где войска Мунтвига. Вы наверняка заметили вот эти и вот эти отряды...

Они с недоверием смотрели, как я уверенно вожу пальцем по карте, но конные отряды противника, из-

вестные им, я указал точно, и потому когда начал называть остальные и указывать, где расположены, хмурились, но не спорили, только оба одинаково мрачнели все больше.

— А вот здесь уже рыцарская конница, — сообщил я наконец, — и панцирные всадники. Когда подойдут они, разведка закончится и война начнется всерьез.

Глен промолчал, а король сказал потерянно:

— У меня нет и десятой части такой армии. Но от конницы можем запереться в городах и крепостях... Но дальше, вы говорите, пешие войска?

— Как и должно быть, — ответил я, — их в несколько раз больше. Вы правы, они будут штурмовать и вести осады. Потому давайте определимся, что сможем сделать.

Он зыкнул на секретаря, тот поклонился и торопливо пошел, почти побежал к двери, но карту оставил на столе.

Я снова повел по карте пальцем.

— Вот мой Варт Генц. К сожалению, армия королевства сейчас выполняет миротворческую миссию по принуждению к миру королевства Ламбертинии. Ей уже отдан приказ идти сюда, но Мунтвиг поспеет раньше, ему ближе. Однако из Варта Генца вышли войска четырех верховных лордов, а к ним присоединились все малопоместные рыцари, что горят желанием добыть славу и честь в боях. Эти придут сюда уже где-то через неделю.

Он спросил с надеждой:

— Рыцарские войска?

— Да, — подтвердил я. — Лучшие из лучших. Хотя их, конечно, маловато. Вряд ли больше четырех-пяти тысяч. По дороге к ним присоединятся еще с тысячу, но вряд ли больше.

— А у Мунтвига десятки тысяч только тяжеловооруженной конницы?

— Да, — подтвердил я. — Панцирная конница идет следом за легкой, и она окажется крепким орешком. Я не хотел бы бросить войска лордов в бой, их просто сомнут числом.

— Можно укрыться в городах, — сказал он быстро. — У нас везде высокие и крепкие стены! А защищать гораздо легче. Да и не сможет конница ничего сделать, кроме как разбить о наши камни свои дурные головы...

— Хороший план, — согласился я. — Надо только продержаться до подхода основных войск.

— Армии Варт Генца?

— У меня есть и другие армии, — пробормотал я, — но все далековато... Однако мы должны выдержать и это испытание. Господь посылает их только тем, на кого рассчитывает.

— Я сейчас же отправлю гонцов в города, — сказал он, — чтобы там готовились принять и разместить войска ваших лордов!

— Спасибо, Ваше Величество, — поблагодарил я.

Он громко хлопнул в ладоши, дверь тут же распахнулась, появился слуга в черном и с красным платком на плече, знак принадлежности к дворцовой прислуге.

— Покои для его высочества готовы? — осведомился король строго. — Проведи его, проследи, чтоб все было... Принц, мы с супругой ждем вас к обеду!

Мы раскланялись, уже как равный с равным, король остался рассматривать карту, где и города не там, и через горы есть проход, проклятые местные лорды утаили сведения от сюзерена, а я отправился за молчаливым слугой.

Пыль я отряхнул быстро, потом меня поскребли в горячей воде, погрузив по шею в ванну. Я вообще-то

мыться не люблю, как и все нормальные мужчины, но обожаю полежать в ванне, да еще когда вот так гладят и чешут, сперва по делу, отскребывая грязь, а потом уже игриво, намекаяще, перехихикиваясь над головой и то и дело касаясь затылка и плеч горячими вторичными в намокших рубашках.

Едва я оделся, явился слуга.

— Ваше высочество, — произнес он с таким почтением, словно это я здесь король, — вас ждут в малом зале для обеда в домашней обстановке.

— Обед, — сказал я по-солдатски, — это хорошо, как думаешь?

Он поклонился и ответил смиренно:

— А еще и ужин, ваше высочество.

— Молодец, — похвалил я, — правильно отвечаешь!

И пошел за нам, сгорающим от счастья, что сумел ответить так, что его похвалил сам Ричард Завоеватель, а я двигался следом и думал, что вот так и завоевываются симпатии простого народа. Сегодня же расскажет всем слугам, насколько же я прост и человечен, мудр и проницателен, и вообще лучший государь на всем белом свете...

Глава 14

Двери передо мной распахнули даже не в зал, а в обычного размера кабинет, хотя и роскошно, даже кричаще обставленный. За столом в креслах с позолоченными спинками беседуют вполголоса король Ричмонд и его, как понимаю, жена, весьма похожая на него.

Видимо, король выбирал жену по себе, в смысле, такую же рослую и могучую, поистине королеву по стати, широкую в кости, с круглым лицом и толстыми руками, и сейчас за столом их можно принять за брата и сестру.

Я отвесил церемонный поклон.

— Ваше Величество...

Он сказал приветливо:

— Проходите, принц, садитесь. Это моя супруга, Сабриния из Нортбергии.

Я поклонился королеве.

— Ваше Величество...

Она мягко улыбнулась.

— Садитесь, принц, никаких церемоний.

Я сел в указанное мне кресло, еще три свободны, что и понятно, у короля еще два сына и дочь, слуга поставил передо мной серебряную тарелку размером с поднос, а из боковой двери начали появляться повара и повара с блюдами, на некоторые из которых король указывал пальцем, на другие — королева, а я, не чинясь, выбрал первые же из показанных, это жареный гусь с яблоками и гречневой кашей, на остальное даже не стал смотреть.

Слуга, двигаясь бесшумно, как привидение, налил в кубки вина. Я уловил движение сбоку, быстро дернулся в ту сторону, но это вошла в комнату рослая и широкая в плечах девушка, одетая по-королевски.

Если король Ричмонд огромен и дороден, жена его тоже почти великанша, а эта девушка... я бы не сказал, что безобразна, просто от женщин ждем кротости и послушания, а еще чтоб рядом с ними мы казались сильными и мужественными, а дочь Ричмонда ростом чуть ли не с меня, плечи широкие, лицо выразительное, даже красивое, точнее — характерное, но не та мелкочертность, которую ждем от женщин, а гордый орлиный профиль с горбатым носом, выпуклые глаза, зауженные щеки и скулы, из-за чего лицо выглядит как бы летящим вперед.

Я вскочил, поклонился.

— Принцесса... Счастлив приветствовать вас.

Король пророкотал благодушно:

— Дорогая, ты даже не представляешь, кто это.

Она ответила ожидаемо сильным голосом самостоятельной женщины:

— Уже представляю. Слуги сказали. Принц Ричард, наш сосед?

Я поклонился снова.

— Имею честь им быть, принцесса. Знал бы, что у меня такие замечательные соседи, постарался бы напроситься к вам в гости раньше.

Я отодвинул ей кресло, чем удивил, а когда она подошла к столу вплотную, ловко подсунул под ее широкий зад.

Ричмонд сказал гулко:

— У вас изящные манеры, принц. Чувствуется южанин! У нас, северян, все проще и бесхитростнее. А наша Лиутгарда помолвлена с графом Снорриком Твердошлемом из Шумеша, это еще севернее, а значит... ха-ха!.. еще дремучее по части ужимок и комплиментов.

Я ему улыбнулся, а Лиутгарде сказал серьезно:

— Ваше высочество, я наслышан о вашем обручении с графом из Шумеша, это королевство останется в веках славной защитой неприступной крепости Эвергарт, где Мунтвиг положил треть своей армии и отступил, несолоно хлебавши!

Ричмонд пробасил:

— Между Бриттией и Шумешом только речка, которую куры в жаркое лето переходят вброд, так что их сердца точно будут неразлучны.

Лиутгарда посмотрела на меня несколько свысока, рослая и широкоплечая даже за столом, с крупной и приподнятой грудью, тонкая в поясе, статная, лицо так и дышит породистостью: крупные ясные глаза, крупные брови, орлинозагнутый нос вместо милой женст-

венной курносости, крупные сочные губы, красиво и четко обрисованные, гордая посадка головы.

Она произнесла красивым, ясным, как и весь ее облик, в то же время сильным звучным голосом:

— Мы благодарны вам, принц, что вы, хоть и в своих интересах, приходите нам на помощь. У нас большая и сильная армия, но у Мунтвига несколько королевств...

Отец поморщился, покачал головой.

— Дорогая, мне совсем не нравится, когда ты говоришь о войне и... мужских делах.

— Отец, — сказала она с упреком, — я же всегда с тобой сидела маленькой, когда ты корпел над картой и рассуждал о стратегии!

— Лучше не вспоминай, — вздохнул он, — лучше бы ты вязала. Или вышивала, как надлежит женщине благородного происхождения. Вот и сэр Ричард такого же мнения...

Она подняла на меня взгляд настолько ясных глаз, что меня взяла оторопь, и я промямлил раньше, чем сообразил, что говорю:

— Ваше Величество, но красивейшая женщина всех времен и народов, Алиенора, сама правила королевством, сама водила в бой войска, сама издавала законы и следила из их выполнением...

Ее глаза засияли, словно я сказал ей самый лучший комплимент на свете.

— Правда?

— Точно, — сообщил я бездумно, — ваши знатоки древнейших рукописей наверняка могут вам рассказать о самой красивой женщине Европы... да-да, так и было, что одновременно была и самой мудрой не только среди женщин, но и мужчин, как ни удивительно. Когда ее муж, король Людовик Седьмой отправился с огромным войском во второй Крестовый поход, Алие-

нора проделала вместе с ним пять тысяч миль верхом в седле!..

Король воскликнул шокированно:

— Принц, что вы такое говорите!

Я сделал вид, что не заметил, хотя и в самом деле не понял, что именно взволновало Его Величество.

— Разве это не доказательство, — спросил я его, — женской верности, скромности и послушания, которые мы так ценим в женщинах? Она мчалась впереди войска с оголенным мечом в руке, сражалась отважно, не раз попадала в окружение, ее спасали только безумные атаки верных ей аквитанцев... ну, это как для меня армландцы. И она выезжала со своим отрядом из придворных дам навстречу вражескому войску в костюме амазонки...

Король вскочил, замахал руками:

— Сэр Ричард, ни слова больше!

Я учтиво поклонился.

— Слушаю и повинуюсь, Ваше Величество.

Он сказал дочери сердито:

— Иди к себе, тебе нужно готовиться к приезду графа Сноррика. Но, если он задержится с войском, тебя придется отправиться ему навстречу.

— Да, мой отец, — ответила она покорно.

— Я не хочу задерживать свадьбу, — сказал он властно.

Она выбралась из-за стола, низко присела в поклоне, растопырив в стороны платье, повернулась и быстро удалилась.

Король вздохнул.

— От мужчин требуется рост и сила, а от женщин — мелкость и пугливость. Но что уж поделать, если в нашем роду даже женщины ломают по две подковы разом?.. Как ни скрывай, но такую статью заметишь издали...

— Но жених, — спросил я, — не возражает?

— Попробовал бы, — сказал он с угрозой. — Мы с его отцом не раз сражались плечо к плечу! Как-то шу-
тя уговорились, если у нас будут разнополые дети, то
поженим их... Кто бы думал, что это в самом деле слу-
чится! Но время пришло.

— Хорошее время, — согласился я. — Свадьбы —
это всегда счастье.

— Если только не во время войны, — проворчал он.
Королева сказала с обидой:

— Бедный ребенок...

— Почему? — спросил он, ошетинившись.

— Ты ей даже пообедать не дал, — обвинила она.

Он вздохнул.

— У себя перекусит. А много ей при ее фигуре не
весьма!.. Да и вообще, когда мужчины говорят, жен-
щин нужно выгонять за дверь.

— А я? — спросила королева.

— Ты разве женщина? — спросил он в изумле-
нии. — Ты уже супруга. А то и вовсе жена. Хотя ты
права, брысь отсюда, мы с принцем поговорим, что
нам делать, когда враг у ворот.

Она кивнула мирно, мне улыбнулась примиритель-
но, дескать, не обращайтесь внимания, принц, это у нас
такие шуточки, вытерла рот краем скатерти, затем жир-
ные от мяса пальцы и красиво поднялась из-за стола,
высокая и статная, в полном расцвете женской красоты.

Ричмонд проводил ее взглядом, вздохнул.

— Вот так, — сказал он невесело, — только все от-
строили, только начали жить... и снова война. Я пони-
маю, когда все зажрут, тогда можно и на войну, но
мы еще не наелись и народ не накормили как следует...

— Война не спрашивает согласия, — ответил я. —
Она просто приходит. И нам то ли драться, то ли убе-
гать, то ли покориться врагу.

— Ого, — сказал он странным голосом, — какой выбор...

— Повинную голову, — объяснил я, — враг не сечет, ему нужны покорные люди, чтобы налоги платили и богатством произрастали...

Он посмотрел на меня с некоторым удивлением.

— А вы в самом деле южанин...

Я переспросил:

— Это я южанин? Вы меня так обзываете уже второй раз!

— У нас все так называют тех, — сказал он вежливо, — кто расположился там, у Большого Хребта. Неважно, на какой стороне. А вы, как мы уже прослышали, вообще из империи Германа Третьего. Южное королевство Сен-Мари в ваших руках?

— Фактически уже потеряно, — ответил я нехотя. — Сепаратистские настроения... Но мы не южане. Хотя да, я сам, когда стремился на Юг, считал даже нынешнюю мою Армландию южной землей! А также Фоссано и Мезину, что по эту сторону Большого Хребта. Но теперь знаю, что даже Сен-Мари еще не Юг, хотя кто мне поверит?

— Это правда, — поддакнул он. — Кто поверит?.. Что слышно о ваших основных войсках?

— Даже не скажу точно, — ответил я. — Топают из разных мест, даже из разных королевств. Прибудут не разом, так что придется им вступать в бой поодиночке. Раньше всех явится рыцарская конница из Варт Генца, ее можно всю загнать в одну из крепостей по главному пути Мунтвига. Чтобы, если пойдет дальше, делали вылазки и полностью истребляли его обозы и мелкие отряды. Да и вообще, в спину бить врага — такое удовольствие!

Он посмотрел на меня несколько странно, подозревая некое извращенное чувство юмора, даже не предполагая, что я на редкость серьезен.

— Тогда им в город Баббенбург, — пробормотал он. — Это далеко, почти на границе с Ирамом, но ваши лорды туда успеют раньше Мунтвига. Остальные, как мне кажется, войдут в соприкосновение с войсками Мунтвига уже в центре нашего королевства, Боже спаси его и сохрани от разорения...

— Где сейчас ваши войска?

— Дружины лордов Клауса Хандсбихлера и Эделя Хатчисона, — сказал он, — это наши пограничные бароны, сдерживают натиск войск Мунтвига на своих землях, но я подозреваю, что это пока только разведчики, о которых вы сообщили, хотя в разведку вроде бы не ходят по тысяче человек...

— У Мунтвига столько желающих повоевать, — ответил я, — что может послать и пять тысяч. Дайте названия городов и сколько могут вместить наших для защиты. Надеюсь, продовольствием запасутся заранее?

— Уже запасаются, — сообщил он. — Наши войска собираются в удобных для обороны местах: узких ущельях, у бродов возле мостов... Хотя, конечно, некоторые лорды со своими дружинами, конечно же, поедут вперед, чтобы покрасоваться доблестью и показать всем трусам, как нужно сражаться.

Я хотел сказать, что дураков не жалко, но придумал в себе политика и ответил, как рыцарь:

— Красивый бой, где рыцари могут выказать доблесть и отвагу, должен служить примером для молодого поколения, возбуждать дух патриотизма и боевой культуры.

— Да, — согласился он с достоинством, — мы должны не посрамить заветы отцов. Вечная слава героям!

Он посмотрел, как я запил последний ломтик мяса вином, величаво поднялся.

— Внизу в зале собираются лорды, — сообщил он, — я их созвал, чтобы поговорить о нагрянувшей беде. Хотите присутствовать?

— Если этим не помешаю...

— Что вы, принц. Это же теперь наше общее дело!

— И общая головная боль, — согласился я. — Ваше Величество...

Он направился к двери, я торопливо последовал за королем, что движется как гренландский ледник, уверенно властно и неудержимо.

Внизу у лестницы уже собираются по двое-трое вельмож, разговоры звучат приглушенно, но я мог бы подслушать, если бы и так не видел по их лицам, что обсуждают и в каком ключе.

При виде короля все склонились в поклоне, Ричмонд величаво повел в воздухе огромной дланью.

— Да-да, я тоже рад вас видеть... Сэр Винторн, я видел в отчете моего казначея, что и вы пожертвовали на ополчение...

Солидный и осанистый вельможа поклонился с преотменным чувством достоинства.

— Ваше Величество, при всей своей скромности...

— Да-да, — перебил Ричмонд, — это действительно было актом великой скромности. Мы все бы посмеялись, если бы не было так... невесело. У вас несметные богатства, вы один из богатейших людей Британии, но вы пожертвовали такую сумму, что мне просто стыдно на нее смотреть. А ведь у вас нет наследников, зачем все это копить? Виконт Диламерд совсем беден, но он дал впятеро больше!

Лорд Винторн ответил с достаточной надменностью, хотя я и уловил в его голосе смущение:

— Ваше Величество, я завещал все свое имущество церкви.

Ричмонд кивнул.

— Хорошее деяние, не спору. Кстати, вы не знаете, почему все любят больше кур, что дают по крохотному яичку, чем свиней, которые дают столько сочного мяса?.. Кур лелеют, разрешают бегать, где те хотят, даже забегать в комнаты, а свиней не выпускают из их свинарника...

Винторн ответил настороженно:

— И почему же?

— Курица, — пояснил Ричмонд громко, ориентируясь на всех слушающих, — дает то, что у нее только-только появляется, хотя это и крохотное богатство, но зато каждый день, а свинья дает много... но только после смерти.

Брезгливым движением пальцев он велел сэру Винторну удалиться, я покрутил головой, король Ричмонд не прост, а он оглянулся на меня.

— Слышите гул? В том зале сейчас решается, быть нам или не быть.

Я сказал со вздохом:

— Желаю успеха, Ваше Величество. Я побуду пока здесь, чтобы не отвлекать лордов.

Он буркнул:

— Ну, вам виднее.

Перед ним распахнули двери, я увидел плотную толпу вельмож, одетых настолько богато, что от обилия бриллиантов засверкало в глазах, затем створки закрылись за спиной короля, а я повернулся в сторону пробирающийся ко мне принцессы Лиутгарды.

— Ваше высочество?

Она проговорила громко, в расчете на внимательно прислушивающихся к нам придворным, и достаточно надменно:

— Принц, я иду смотреть свои розы. Проводите меня.

Голос был повелительным, строгим, все, как и нужно в этих условиях, я сказал покорно:

— Как скажете, ваше высочество.

Глава 15

Она пошла быстро и уверенно, совсем не женской походкой с их кокетливо мелкими шажками и повиливанием задницей, а я рядом на целомудренном расстоянии шага.

Миновав небольшую анфиладу залов, что вывела на балкон, она остановилась там и, круто развернувшись, прямо посмотрела мне в глаза.

— Принц, — проговорила она приглушенным голосом, — вы чего-то недоговариваете.

— Ваше высочество, — сказал я с укором.

— Недоговариваете, — повторила она с нажимом. — Отвечайте, чего так испугался мой отец? Что он не дал вам сказать?

— Да уже и не помню, — пробормотал я. — У меня память дырявая. А как вот посмотрю на вас, так и во все дырявет...

— Это комплимент? — спросила она с сомнением. — Ладно, забудьте о них, я их все равно не понимаю. Скажите, что такое костюм амазонки?

Я вздохнул, развел руками.

— Если вам отец не хочет говорить...

— Отец от всего меня оберегает, — сказала она с возмущением. — А я давно уже не ребенок!

Я окинул взглядом ее мощную фигуру, плечи широки, а грудь высока, смотрится не принцессой, а уже королевой, правительницей и покорятильницей.

— Ох, прибьет меня ваш отец, как Господь жабу...

— Скажите, — велела она настойчиво.

— Отцу не выдадите?

— Клянусь!

Я вздохнул еще тяжелее и сказал шепотом:

— Амазонки прекрасно стреляли из лука... Однако они одну грудь обнажали, чтобы не мешала при стрельбе.

Она ахнула, отшатнулась, глаза стали, как у глубоководной рыбы, а рот приоткрылся в испуге.

— Что? Это невозможно!

Я снова развел руками.

— Здесь да, конечно. Но Алиенора была самой великой женщиной на свете, супругой двух королей, вражда которых из-за нее привела к Столетней войне. Рыцари всех королевств были влюблены в нее, а песен в ее честь слагалось больше, чем о всех королях вместе взятых. Она, кстати, стала матерью двух королей величайшего королевства, а ее дочери родили столько королей, что саму Алиенору называли бабушкой европейских монархов.

Она прошептала, округлив глаза:

— Не могу поверить... Чтоб женщина скакала на коне по-мужски...

— Да еще оголив грудь, — вздохнул я лицемерно и опустил глазки. — Правда, у нее было оправдание...

— Какое?

Я быстро зыркнул на верх ее могучего торса и, отведя взгляд, ответил скромненько:

— У нее была очень красивая грудь.

— Это... оправдание?

Я спросил в безмерном, просто патетическом удивлении:

— А как же? Если бы грудь была некрасивой, то грех и бесстыдство выставлять такое напоказ, но если грудь красивая, то в этом случае вступает в право эстетическое чувство прекрасного, что угодно Господу, ибо он старается привить нам всем любовь к красоте, изяществу и гармонии.

Она посмотрела на меня со страхом, сомнением и жаркой надеждой.

— Правда?

— Истинно, — ответил я и широко перекрестился, так выглядит торжественнее. — Кто, как не Господь, дает нам представление о красоте, добре, соразмерности и геометрии?.. Господь, делая первую на свете женщину, сделал ей дивной красоты грудь, широкие пышные бедра и узкую талию, и — более того! — Ева так и ходила по саду, радуя обнаженной красотой ангелов и самого Господа.

Она прошептала смятенно:

— Да, это так, но я как-то об этом и не подумала... И наш духовник никогда о таком не упоминал, хотя это же в Библии...

— Обнаженной, — подчеркнул я со значением, — а великолепная Алиенора, мать Ричарда Львиное Сердце и принца Джона, всего лишь бросалась в яростный бой с обнаженной грудью!.. Это совсем пустяк, хотя, конечно, очень практичный в разгаре боя...

— Сэр Ричард?

Я пояснил почтительно:

— Ее противник, увидев ее сиськи, говоря куртуазно, тут же слабеет всем телом, в бессилии опускает руки и открывает рот, выпучив глаза, а наша Алиенора его булавой с размаха по голове!.. А рука у королевы была крепкой.

Она невольно посмотрела на свои руки. Насколько я помню, Алиенора при всей своей красоте была мелковата и потому особой силой не отличалась, а вот у Лаутгарды руки в самом деле способные удержать как двуручный рыцарский меч, так и топор или молот.

— А мы тут, — прошептала она, — живем в глуши, никаких высоких куртуазностей не знаем.

— Но вы способны, — воскликнул я патетически и как бы украдкой оценивающе посмотрел на ее грудь, — еще как способны! Только у вас просто недостает отваги и дерзости Алиеноры. Она была великой женщи-

ной и понимала это. Здесь очень важно, ваше высочество, понимать это и верить в себя.

Она сказала почти жалобно:

— А что толку? Все решают родители, потом будет решать муж...

— Алиенора решала сама, — напомнил я.

— Так то Алиенора...

— В каждой женщине спит Алиенора, — сказал я веско. — Легенды сделали из нее настоящую Мессалину, но на самом деле она не была такой уж сластолюбивой, просто всегда оставалась свободной и независимой, а что у нее было много любовников... что ж, она была прекрасна, и ее любили самые красивые и отважные герои множества королевств!

Лиутгарда глубоко вздохнула.

— Господи, что за женщина...

— Во время крестового похода, — сообщил я деловито, — она одаряла любовью великолепного рыцаря Жофруа де Ранкона, а когда тот погиб, правителя сирийской Антиохии герцога Раймунда де Пуатье. Но и тот погиб в бою, и тогда Алиенора и ее муж, король Людовик, вернулись в Париж.

Она спросила жадно:

— А что дальше?

Я усмехнулся.

— Понимаете, ваше высочество, что с такой удивительной женщиной все просто не могло кончиться? Верно... К французскому двору прибыл граф Анжуйский с сыном Генрихом, которому как раз исполнилось семнадцать лет. Конечно же, Генрих влюбился в прекраснейшую Алиенору! Как и что между ними произошло, никто не знает, но как только граф с сыном отъехали, Алиенора подала в суд, требуя развода. Людовик был в ярости, но Алиенора очаровала судей, и те дали ей развод. Она тут же, вскочив на коня, помча-

лась вдогонку за графом и его сыном. Все лорды, через чьи земли она мчалась, пытались поймать ее, однако она умело миновала все ловушки, бросилась в объятия Генриху, который был моложе ее на одиннадцать лет, и вскоре они обвенчались.

— Как здорово!

Я сказал предостерегающе:

— Это еще не все. Генрих вскоре стал графом, так как отец умер, затем победил родственника в борьбе за английскую корону и стал властелином Анжуйской империи, занимающей всю Англию и половину Франции. Все эти годы в отсутствие мужа Алиенора руководила империей, воевала, издавала указы, судила, попутно родила десятерых детей, но не нянчилась с ними, а занималась государством. В корнуольском замке Тинтагел основала Круглый стол, за которым собирались самые прославленные рыцари и самые великие из трубадуров.

Она прошептала с мукой в голосе:

— Как все невероятно... Как она погибла?

— Почему погибла?

— Такая необыкновенная женщина не могла выжить в таком мире...

Я хмыкнул.

— Она оставалась прекрасной и в семьдесят лет, а ее дочери, внуки и внучки заняли все троны Европы!.. И умерла она в восемьдесят два года, пережив восьмерых из своих десяти детей, но оставив огромное множество внуков и правнуков!..

Из зала к нам начали нерешительно приближаться три высокие стройные девушки, красиво и пышно одетые, на лицах застыл страх, они постоянно оглядывались и поглядывали в нашу сторону умоляюще.

Лиутгарда сказала невесело:

— Все, мое время вышло. Фрейлины предупреждают, что дольше оставаться наедине с незнакомым мужчиной крайне неприлично, и если кто-то нас увидит...

— Все понял, — сказал я с готовностью. — Ваше высочество, был счастлив с вами пообщаться. Заодно и прощаюсь...

— Уже уезжаете?

— Все вопросы с вашим батюшкой утрясены, — пояснил я. — Поеду навстречу своему войску.

Она сказала быстро:

— Вы сможете у выхода задержаться чуть?

— Хорошо, — ответил я озадаченно.

Я окружен почтительным вниманием, но в то же самое время меня сторонятся. Такова репутация, наверное, или же от меня ждут неприятностей, но никто не решился подойти с вопросами или просто представиться, так что я благополучно вышел из дворца и остановился, оглядываясь по сторонам.

Красоты меня мало трогают, да и не очень в них разбираюсь, для этого надо быть либо визажистом или дизайнером, либо брехлом, что боится обнаружить свою нормальность и здоровую психику, потому громко восторгается травой и кустами, говорит темно и туманно о воссоединении с природой, культуре и о чем-то там еще таком же неконкретном, на чем не поймает.

Я охнул, в украшенном затейливыми барельефами проеме входа во дворец показалась фигура рослой женщины в мужском костюме из темно-зеленого бархата, широкий пояс перехватывает тонкую талию, прекрасно скроенные брюки и дивной работы сапожки, но я как вцепился взглядом за правую сторону груди камзола, что за так странно отстегивающийся край, неужели Лиутгарда решится?

— Ваше высочество, — произнес я прочувственно и поспешил к ней, издали нацелившись поцеловать руку. — Все женщины, как женщины, одинаковые, словно утки... А вы в этом костюме неповторимая, царственная, по нему сразу видно, что вы не стадо!

Она отняла руку, что-то я слишком надолго задержал ее трепетные пальцы в своей горячей и чувственной ладони, взгляд ее был внимателен и тревожен.

— Да? А у нас никто его не одобряет.

— Невежды, — определил я. — Ничего, из южных королевств сюда прет целая армия эстетов. Первыми придут вартгенцы, они еще так-сяк, а вот когда армландцы и сенмаринцы... Позвольте сопровождать вас на конную прогулку?

Она церемонно наклонила голову.

— Позволяю.

Я сказал Бобику тихо:

— Иди зови Зайчика. Он у коновязи, ничего не разнесет.

Лиутгарда направилась во двор, я деликатно подерживал ее под локоть, придворные почтительно кланялись, я слышал перешептывания за спиной, но эта шелуха сопровождает нас всюду, жаль только, что во многом она и определяет наше поведение, это Алиенора могла пренебречь, а мы, увы, часто плывем в указанном туповатым обществом направлении.

Арбогастр уже в нетерпении пытался лягнуть Бобика или хотя бы хватануть зубастой пастью, тот увертывался, а когда мы спустились по ступенькам на вымощенный плитами двор, оба ринулись навстречу.

Бобик попытался с ходу лизнуть, а Зайчик весело ржанул и подставил бок.

Конюхи подвели принцессе великолепную лошадь белого цвета, с умной мордой и прекрасно развитыми для скоростного бега мышцами. За седлом туго ска-

танный мешок, но довольно объемный, словно Лиутгарда собрала туда все свои платья.

Я помог принцессе подняться в седло, она села все-таки по-женски, то есть свесив ноги на одну сторону, а когда разобрала повод, я вспрыгнул на арбогастра и пустил его рядом с ее дивной лошадкой.

Гвардейцы на страже ворот посмотрели в недоумении, офицер даже вскинул руку, явно желая остановить, но я зыркнул на него зло и раздраженно, нахмурился и опустил ладонь на рукоять меча.

Он скривился, но на большее не осмелился, хорошенькая у меня репутация у соседей, нужно будет еще поработать над ней в сторону, понятно, усиления этих полезных в жизни черточек.

Часть вторая

Глава 1

В сторону Варт Генца, там для жителей Бриттии уже юг, тянутся беженцы на повозках, телегах, верхами и даже своим ходом. Эти в большинстве случаев толкают перед собой или тащат сзади, впрягшись в оглобли, двухколесные тележки с нехитрым скарбом, однако и его не хочется оставлять на разграбление.

Я позыркивал на Лиутгарду, она некоторое время ехала в прежней позе, лицо постоянно меняется, вижу как принцесса борется с собственными чувствами и принципами, наконец, тяжело вздохнув, оперлась свободной от повода рукой о конский круп и решительно перенесла одну ногу на другую сторону.

Я старался не смотреть на нее, но она спросила быстро:

— Это очень ужасно?

Я вытаращил глаза в подчеркнутом изумлении.

— Ваше высочество?

Она сказала нетерпеливо:

— Ну, что я так сажу!

— Великолепно сидите, — похвалил я, — так у вас спина намного прямее, вид гордый и независимый, сразу видно, что принцесса. Когда женщина в седле по-женски, уж простите, у

любой вид, как у пришибленной сиротки, у которой еще и конфету отняли.

Она скупой улыбнулась, на щеках проступил лихорадочный румянец.

— Я тоже это чувствовала, принц... Но решиться самой вот так сесть... это же что скажут?

— Если будете мяться и трусить, — сказал я, — скажут, что шлюха, уж простите. Если сумеете держаться гордо и дальше, скажут — настоящая принцесса!

— Принц!

— Правда-правда, — заверил я. — Даже самые устойчивые... гм... устои можно... менять, хотя бы в отдельных случаях. Помню, когда король Людовик, это в моем дальнем королевстве, был молод и красив, он носил обтягивающие фигуру костюмы, а штаны так и вовсе сидели на его ногах как собственная кожа, обрисовывая каждую мышцу. И все придворные, а за ними и вся знать королевства, одевалась в такие одежды. Мода пошла из дворца от короля такая! Но, когда он сильно постарел, фигура деформировалась, мышцы одрябли, живот отвис, ноги стали тонкими и кривыми, он начал носить пышные одежды, скрывающие фигуру, а вместо обтягивающих штанов ему шили широкие панталоны с множеством оборок.

Он спросила живо:

— И все придворные тоже начали носить такое?

— Умница, — одобрил я. — А от придворных пошло по всему королевству. Так что мода... поворачивается сильными людьми. В смысле, не сама по себе, а ее создают люди и обстоятельства.

Она сказала шепотом:

— Мне очень нравится... вот так в седле, но временами бывает так страшно, так страшно!

— Вы по-мужски уже ездили?

— Тайком, — призналась она, — когда никто не видел, а это бывало так редко!

Я хотел посочувствовать, но дыхание вырвалось из груди с радостным вздохом: впереди открылась небольшая речка, а на той стороне дивный сад, где одни деревья с пурпурной листвой, рядом зеленые и оранжевые, тут же багровые, желтые, ярко-красные, и все подобрано так тщательно, что ну никак природа так бы не сумела, только человек с тонким вкусом...

Когда кони подошли к воде, дальше открылись крыши домов, тоже утопают либо в яркой и свежей зелени, либо в таких же нежных цветах красного, изумрудного, оранжевого.

И все это на фоне далеких серых негостеприимных гор, как уголок настоящего рая.

Лиутгарда словно прочла мои мысли, вздохнула и сказала протяжно:

— Вся эта красота сгинет, как только здесь пройдут первые отряды Мунтвига!.. А когда все войско...

— ...то останется втопанная до крепости камня сухая земля, — закончил я. — Но пока только церковь проповедует вечный мир и даже пытается запрещать особо смертоносные виды оружия, как луки и арбалеты.

— Кто ее слушает? — ответила она безнадежным голосом.

Речка оказалась достаточно глубокой, но чуть левее обнаружился мостик с резными перилами.

Мы продолжали любоваться красотами пейзажа, когда Лаутгарда неожиданно поинтересовалась:

— Ваш конь может идти галопом?

— Да мы пропускаем вперед, — ответил я галантно.

— Тогда кричите громче, — посоветовала она, — когда начнете отставать. Хотя я обещаю оглядываться.

Я кивнул, она тут же пригнулась и слегка отпустила повод. Ее лошадку не пришлось даже пришпоривать,

сразу же обрадованно перешла в галоп, сухо и звонко застучали ее изящные копытца, а из него ринулась таким карьером, что ветер засвистел в моих ушах, когда Зайчик тут же бросился вдогонку.

Бобик обрадованно гавкнул и ринулся впереди всех, время от времени задорно и дразняще оглядываясь на белую лошадку.

Принцесса наклонилась так, что зарылась лицом в роскошную конскую гриву, пышную и белоснежную, словно лебединый пух, ее лошадка почти стелется над землей, как низколетящая птица, стук копыт стал таким дробным, что уже превращается в непрерывный хруст, а земля под нами превратилась в струящееся ма-рево.

Оглядываться она начала с первой же мили, но я улыбался и одобрительно кивал, однажды крикнул до-вольно:

— Хорошо идет!.. А быстрее может?

Лиутгарда отвернулась и дальше прищпоривала свою скакунью уже не оглядываясь, а я послал Зайчика рядом и сказал светски:

— Не правда ли, вон те кучевые облака ну дивно красивы?

Принцесса не ответила, ее руки крепко держат повод, а каблуки изящных сапожек постоянно подпины-вают в бока. Лошадь в самом деле не простая, что-то в ней от волшебных коней, идет настолько быстро, что это даже не карьер, а нечто более.

На рысях конь проходит около десяти миль в час, в галопе — двадцать, ну пусть чуть меньше, в карьере — сорок, а эта лошадка почти летит, как почтовый го-лубь, что развивает пятьдесят-шестьдесят миль в час.

— Принцесса, — крикнул я, — если лошадка че-ресчур разогреется, ее нужно перевести на рысь, а то запалится!..

Она посмотрела на меня сердито, все еще пригибаясь от встречного ветра.

— Ваши войска далеко?

— Я велел не переходить границу с Бриттией!

— Но вы же с отцом договорились?

— Теперь да, — подтвердил я, — но мои лорды об этом еще не знают!

Она бросила короткий взгляд на небо.

— К вечеру мы достигнем границы.

— Ваша лошадка не падет? — спросил я опасливо.

— Боитесь, — спросила она задиристо, — что пересяду к вам?

— Гм, — ответил я галантно и внутренне содрогнулся, — я буду вообще-то как бы счастлив...

— Не волнуйтесь, — ответила она, — это очень выносливая лошадь.

— Рад слышать...

— А ваш конь, — спросила она, — что, может еще быстрее?

— Может, — ответил я скромно, — однако не могу же я оставить вас в этой дикой... гм.. прекрасной и ухоженной стране?.. Так уж доползем потихоньку, ничего страшного, зато полюбуемся на красоты вашего королевства, а они весьма, весьма... Вон деревья растут, а вон кусты, надо же!.. Кто бы подумал... И холмы, видите холмы?.. Что-то они мне напоминают...

Она сердито фыркнула и долго не отвечала, я тоже умолк, так мчались еще два-три часа, пока наконец я не заметил, что ее лошадка уже в мыле, начинает хрипеть, а белки глаз покраснели.

— Вон у того дерева остановимся! — крикнул я. — Мой конь и собачка устали. Да и нам нужно отдохнуть.

Она с облегчением откликнулась:

— А я вот не устала!

— Зато я весь как побитый, — пожаловался я. — Никогда с такой скоростью не приходилось вот так ча-сами...

Она довольно улыбнулась, каждый понимает по-своему, а мои Бобик и Зайчик весьма удивились неожиданной остановке, но спорить не стали. Бобик тут же унесся насчет добычи, а Зайчик пошел вокруг исполинского ствола, нюхая выбравшиеся на поверхность и вспучившие землю огромные толстые корни.

Я помог Лиутгарде сойти с коня, и пока она разми-нала затекшие ноги, расседлал ее лошадку, вытер мок-рые бока и поводил немного, давая остыть, прежде чем пустить к ручейку.

— Чуть-чуть перекусим, — сказал я, — а затем сно-ва пустимся в путь-дорогу.

— Я ничего с собой не взяла, — сообщила она на всякий случай. — Не думала, что отъедем так далеко.

— Зато я запасливый, — ответил я гордо. — Мы, люди войны, привыкли к трудностям!

— Тогда хорошо, — сказала она нерешительно.

Я поинтересовался осторожно:

— Ваше высочество, а насколько далеко вы соби-раетесь... вот так... продвинуться? Может быть, пора от-везти вас обратно? А то во дворце могут поднять тре-вогу?

Она помотала головой.

— Нет-нет. Отец и так надо мной трясется, даже во двор выпускает неохотно. А мой жених, как понимаю, во время войны вообще не сможет к нам попасть. По-тому я велела сказать фрейлинам, что выехала ему на-встречу. Понимаете, принц, мне уже двадцать два го-да, я почти старая дева, мне обязательно нужно поско-рее выйти замуж!

— Прекрасное решение, — сказал я. — Чего ждать у моря погоды? Нужно брать ее в свои собственные

руки! — подхватил я поспешно. — Но к жениху я вас отвезти не могу, увы. Однако в Бриттию вот-вот вступят наши дружественные войска. Это будет безопасное и дружелюбное для вас пространство.

— Скорее бы, — сказала она с тоской.

Она сходила к ручью и ополоснула лицо и руки, а я тем временем покрыл скатерть деликатесными ломтиками мяса, чуть-чуть сыра, а в основном блеснул сладостями, вспомнив все вкусы, что когда-то едал. И, конечно, создал восхитительнейшее мороженое, сам посмотрел и облизнулся.

Принцесса вернулась, ахнула.

— Как?.. Что это?

— Сухой паек странника, — сказал я скромно. — По бедности, по скудости... В дороге чем только не питаемся, зато дома отъедемся...

Она осторожно присела у скатерти, я с удовольствием смотрел, как она, глядя на мои пальцы, берет то же самое, что и я, но если я лопаю с каменным лицом, то она ахала и закатывала глаза, облизывала пальчики, хотя у нее не пальчики, а пальцы, даже пальцыши, а когда добралась до рассыпчатого печенья, вообще впадала в восторженный ступор.

Я съел порцию фруктового мороженого, а четыре других, начиная с шоколадно-сливочного и заканчивая хитрой смесью орехового с мелко нарезанными дольками фруктов, оставил ей.

Все равно она принцесса, несмотря на ее рост, ширину плеч и грубость крупных черт лица: не ест, а кушает, все сравнительно изящно, сдержанно, хотя вижу, как наслаждается каждым мгновением, а еще по ее лицу время от времени проходит некая едва уловимая тень, но я орел, все замечаю, и даже догадываюсь, что она то сдастся, то борется с собой, постоянно примеряя себя к образу Алиеноры и стараясь походить на

нее, но в то же время как-то нужно ладить и с окружением, ну просто непонятно, как Алиеноре удавалось мчаться на горячем коне, оголив грудь, навстречу врагу, когда просто сесть в седло по-мужски считается верхом безнравственности!

Я поймал себя на откровенном мальчишестве: ну, как, решится или не решится оголить грудь и помчаться на врага?

Нет, вряд ли, слишком уж строги здесь правила. Такое не прошло бы даже в Сен-Мари, а здесь так и вовсе...

Она быстро зыркнула на меня, губы от холодного мороженого вспухли и стали надутыми, как спелые сливы.

— А как, — прошептала она и сильно покраснела, — отнеслись мужчины, когда она обнажила грудь... впервые?

Я изумился:

— Вы же не собираетесь обнажать ее перед простолюдинами? А благородные люди умеют ценить и восхищаться красотой. По моему разумению, красивая женская грудь не уступит по красоте выпуклым мышцам коня или умело выкованной рукояти меча. И любой мужчина, способный с восторгом смотреть на великолепного скачущего коня, борзую в азартной погоне за ушастым, каравеллу под всеми парусами, бойцовского петуха в бою... тот в состоянии с таким же эстетическим наслаждением смотреть и на женщину.

— Ох, — сказала она в восторге и в то же время в сомнении, — я не думаю, что в нашем королевстве таковы даже рыцари.

— Мы сейчас встретим наших рыцарей, — сообщил я. — И хотя это ваши соседи, вартгенцы, но они в большей степени приобщены к высокой куртуазной культуре.

— Но это же не бой...

— Вы можете немного поупражняться, — предложил я. — На ограниченном числе объектов.

— А так можно?

— Это удобно, — сказал я. — Бриттия долгое время была слишком уж отрезана от Варт Генца и других южных королевств рельефом местности... так что никто здесь не знает, как в Бриттии одеваются, как едят, какие сапожки носят.

Она проговорила, сильно стесняясь:

— Покрой платья одно, а костюм амазонки...

— Главное, — объяснил я, — как будете держаться. Если начнете мяться и стесняться, все поймут, что с вами что-то не в порядке. И даже увидят, что именно, как вы понимаете тоже. А если гордо и величественно, глядя свысока и не отводя взгляда, то вы утвердите свою манеру, и все примут это как данность.

Она прошептала, вся дрожа и покрываясь красными пятнами:

— Ой, я не могу... Я слишком труслива...

— Алиенора смогла, — напомнил я.

— Она отважная!

— Такой ее видели, — уточнил я, — но что она чувствовала на самом деле? Какой была внутри?

Она вздрогнула и уставилась в меня блестящими глазами.

— Вы думаете?

— Многое не такое, — сказал я мудро, — каким кажется.

Она судорожно вздохнула и попросила вздрагивающим голосом:

— Отвернитесь.

Я с готовностью повернулся к ней спиной и начал озирать дальний лес, а она, судя по шелесту, торопливо расшнуровывала платье спереди.

Похоже, то ли передумывала, то ли впадала в ступор от дерзновенности своего жеста, но я ждал долго, наконец она произнесла уверенно, но весьма дрожащим голосом:

— Мы можем ехать.

Я повернулся и, стараясь даже не замечать дивной белизны правую грудь, вершину которой венчает ярко красная земляничка, кивком подозвал Зайчика.

— Тогда в путь!

Бобик прыгал вокруг нас, мешал посадить ее в седло, а она сказала с бледной улыбкой:

— Бобик, будь со мной... С тобой мне почти не страшно..

Наши кони пошли ноздря в ноздю, я смотрю прямо перед собой, Лиутгарда в своем прекрасном платье-костюме держится в седле как приклеенная, взгляд тоже устремлен вдаль, щеки полыхают ярким румянцем, до чего же идет ей этот темно-зеленый цвет, что так оттеняет румянец и... гм, я же не смотрю, но все равно вижу, мы такие, ценители прекрасного...

Бобик убежал далеко вперед, ловил и приносил дичь, я хвалил сдержанно, и так старается чересчур, что-то принаитовывал за спиной у седла, что-то втихую выбрасывал, пока Бобик где-то носится.

Глава 2

Лиутгарда то ускоряла бег своей сверкающей шерстью лошадки, то придерживала, всякий раз выпрямляясь и слегка откидываясь всем корпусом. Я помалкивал, прекрасно понимая, что она мысленно проигрывает разные варианты появления среди мужчин, повторяет слова, которые следует произнести, и отрабатывая мимику, которую нужно держать на лице.

На западе солнце покраснело и начало клониться к горизонту, облака стали багровыми и замедлили неспешное движение, а потом и вовсе застыли.

Бобик появился вдали, мчится навстречу, без добычи, а когда подбежал к нам, весело гавкнул и подпрыгнул на всех четырех.

Лиутгарда спросила настороженно:

— Что это с ним?

— Он встретил людей, — объяснил я.

— Каких?

— Не знаю, — ответил я честно. — Вроде бы вартенские лорды еще не должны подойти. Даже, если бы у них оказались такие же кони, как у тебя...

— Таких больше нигде нет, — ответила она гордо.

Я кивнул.

— Да, конечно, да еще на всю армию. А без нее лорды не выедут слишком далеко вперед.

Впереди поднялась пыль, засверкали искры на металле, а через некоторое время из желтого облачка выметнулись храпящие кони, идущие галопом.

Я всмотрелся, напрягая зрение.

— Так вот почему этот морд так обрадовался...

— Его знакомые?

— Еще какие, — заверил я.

Через несколько минут уже и Лиутгарда могла рассмотреть лица Норберта Дарабоса и около сотни скачущих за ним всадников.

— Господи, — прошептала она, — дай мне силы...

— Он дает, — заверил я. — Только удержите их, принцесса!

Она, бледная и решительная с виду, но с красными пятнами волнения на лице, гордо выпрямилась и смотрела покровительственно-надменно на приближающихся всадников на усталых конях.

Норберт спрыгнул на землю и на подгибающихся от долгой скачки ногах поспешил ко мне.

— Ваше высочество!

Он взглянул на Лиутгарду и онемел. Принцесса от волнения слишком натянула повод, и ее рослая кобыла, удивительно пропорционально сложенная для стремительной скачки, встала на дыбы и, обиженно заржав, заколотила в воздухе копытами, на которых остро свернули серебряные подковы.

Норберт, конечно, смотрел не на ее лошадку, глаза полезли на лоб, он прошептал:

— Прошу прощения...

— Принцесса Лиутгарда, — произнес я церемонно, — это глава всей моей легкой конницы, что постоянно растет, а также генеральный разведчик, так сказать, барон Норберт Дарабос!

Норберт склонил голову, иначе так бы и не смог оторвать взгляд от ее ослепляюще-белой груди. Лошадь Лиутгарды опустилась на все четыре, но все еще поглядывала по сторонам с таким видом, словно выбирала, кого разорвать в клочья.

Не касаясь ее боков шпорами, Лиутгарда послала ее к нам ближе, на лице победная улыбка, только я один в глазах надменной принцессы вижу страх и запоздалое желание ринуться в нору, забиться там в самый дальний уголок и трястись от ужаса.

Я соскочил на землю, быстро подошел к якобы воинственной амазонке и, преклонив колено, подал руку. Она соскочила легко, едва коснувшись колена и моей склоненной головы, а я, не выпуская ее руки, повернулся к Норберту и остальным всадникам, что поспешно спешили и все преклонили колена.

— Ваше высочество, — сказал я, — позвольте представить вам наших армландских героев! Вы даже не слышали о такой стране, а она прекрасна...

Она слушала, как я представляю ей склонившихся воинов, имена всех в моей памяти врезаны накрепко, а им льстит безмерно, что помню лично каждого, но все равно смотрят не на меня, морды, а на раскрасневшуюся принцессу со звездно блестящими глазами и обнаженной правой грудью, но настолько величественно надменную, что всякому ясно, эта вот обнаженная грудь — часть одеяния принцессы королевской крови, и ничего больше. Значит, так надо, им тут в Бриттии виднее. Судя по принцессе, это просто прекраснейшая страна, восхитительная...

Она чуть присела, только я улавливаю ее растерянность, нужно ли делать это сейчас, когда она в мужском платье, и тут же вскинула руку и сказала сильным, как ей казалось, голосом:

— Спасибо, друзья!.. Не перевелись еще настоящие рыцари и настоящие мужчины!..

Все воины уже поднялись по моему жесту и, гордо подбоченившись, смотрели на нее с восторгом. Кто крутит усы, кто делает надменное лицо, но все откровенно пожирают ее глазами, ибо после быстрой скачки Лиутгарда дивно хороша с раздумявшимся лицом, блестящими от возбуждения глазами и вздутыми от прилива крови ярко-красными губами.

Правда, один сложил руки у груди и, склонив голову, шептал молитвы, на груди его блеснул большой серебряный крест.

Я спросил Норберта с интересом:

— Как вы сумели, дорогой друг?.. Лорды из Варт Генца еще не добрались, а им ближе.

Он широко улыбнулся.

— Думаю, мы все-таки выехали раньше. А лорды обычно собираются долго.

— Это верно, — согласился я, — они с недельку готовились. А вы, значит, сразу в галоп?

— Даже в карьер, — ответил он. — Выбрал тех, у кого кони способны идти галопом целые сутки... таких набралось девяносто восемь человек. Остальные пять тысяч идут следом, отставая всего на два-три дня.

— Прекрасно, — сказал я. — Мы встретим вартгенское войско и вместе с ним постараемся закрепиться в крепостях Бриттии на пути Мунтвиге. Это его если и не остановит, то затормозит. Нам нужно выиграть время до подхода наших основных армий.

— Тогда, — предположил он, — может, нам все-таки в Бриттию? А кто-то из моих людей встретит лордов и проводит к уже разведанным местам.

— Уже разведаны, — заверил я. — Я был у короля Бриттии и захватил у него карту с самыми последними данными. Там отмечено, где еще вчера находились какие воинские части Мунтвиге.

— Ого, — сказал он уважительно, — у Его Величества прекрасная разведка! Поздравляю принцессу с таким отцом.

Лиутгарда посмотрела на меня с удивлением.

— Правда? А я и не знала...

— Ваше высочество, — сказал я таинственным голосом, — есть такие тайны, которые короли не доверяют даже сыновьям... Норберт, мы не успеем до ночи добраться к городу, да и не нужно, полагаю.

Он понял, повернулся к своим.

— Развести костры!.. Приготовиться к ночлегу.

Ужинали сухим вяленным мясом, рыбой и хлебом, но оживление внес Бобик, что с удовольствием притащил большого оленя и трех гусей.

Пока их потрошили и свежевали, один из десятников, Алан, таинственным голосом рассказывал, как однажды из их леса вышла ожившая мумия, что хвата-

ла крестьян и душила, пока ее не догадались поджечь. А так как вся обмотана высохшими за тысячи лет полосками ткани, то те вспыхнули подобно факелу, и от мумии остались только обугленные кости среди пепла.

Один из воинов презрительно фыркнул.

— Подумаешь, мумия ожила!.. Ну и что?.. Мумий для того и замумиёвывают, чтобы они потом размумиевились и вышли на прогулки, или что там у них вместо прогулок.

— А что вместо? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Например, вернулись к прежним обязанностям.

— Каким, например?

Алан подумал, поскреб себя за ухом.

— Если учитывать, что, судя по отложениям песка, пять тысяч лет назад здесь была полноводная река, они могли ловить крокодилов.

Я спросил с раздражением:

— А что, эти мумии в самом деле оживают?

Алан посмотрел на меня с укором.

— Как будто вы не знаете!.. Конечно нет. Если верить рассказам, то все они оживают, хотя вообще-то на самом деле это полнейший вздор и народные суеверия.

Я сказал с облегчением:

— Слава Богу! Хоть здесь здравый смысл.

— На самом деле, — сказал он, — оживает только примерно каждая десятая из всех захороненных. Правда, хоронили их многовато... я бы даже сказал, массово.

— Господи, — сказал я.

Лиутгарда сидит у костра вместе со всеми в ряду, багровые отблески играют на ее одухотворенном лице и красиво подсвечивают грудь, делая ее таинственной, зовущей и в то же время недостижимой, как раз то, что

так нужно мужчинам: якобы близкое совершенство, но одновременно и бесконечно далекое.

А я, глядя на нее, невольно вспомнил сэра Филдса, который сказал, что женщины для него как слоны: смотреть на них — удовольствие, но свой слон ему ни к чему.

Однако же смотреть — да, и я смотрел с не меньшим удовольствием, чем воины Норберта.

Среди всадников, прибывших с Норбертом, я снова заметил того с серебряным крестом на шее, подошел к нему и попросил благословения.

Он быстро перекрестил меня, я тут же поинтересовался:

— Святой отец, но разве церковь не запрещает духовным лицам садиться на коней? Насколько помню, вам можно только на осликов и мулов...

Он коротко усмехнулся.

— Я не священник, а монах. Брат Вангардий. К тому же я только послушник.

— Давно? — спросил я.

— Восемь лет.

— Многовато, — заметил я.

— В послушничестве есть свои преимущества, — пояснил он. — Например, могу не только садиться верхом на коня, но и принимать участие в сражении. Но вас интересует не это, верно?.. Чем ваша душа отягощена?

Я пробормотал:

— А вы как думаете? Для политика чтить религию выгодно, но следовать ее учению губительно. Это аксиома, но как быть мне? Я и благородный рыцарь, но и правитель... который, как вы понимаете, не может позволить себе благородство, иначе погубит королевство!

Он сказал мягко:

— Смысл веры не в том, чтобы поселиться на небесах, а в том, чтобы поселить небеса в себе. И если вы, принц, стараетесь небеса приблизить к земле, вам простится многое.

— Смотря как стараюсь, — пробормотал я. — А то гореть мне в аду.

— Папа призвал очистить мир от ереси огнем и мечом, — сказал он обнадеживающе, — что вы и делаете со всей страстью и верой в сердце!

— Папа, — пробормотал я с тоской, — всего лишь папа...

Он воззрился на меня в великом изумлении.

— Ваше высочество?

— Папа непогрешим, — сказал я медленно, — или погрешим?

Он ахнул.

— Думать иначе... кощунство!

— Разве? — спросил я. — Как известно, папа, как и любой христианин, может совершать грехи и тоже нуждается в исповеди и покаянии. У него есть свой духовник, что есть правильно...

Он пробормотал:

— Да, но... что говорит папа, то говорит сама Церковь!

Я перекрестился, произнес торжественно:

— Непогрешим только Всевышний, брат Вангардий. Только он, и никто более.

Он поперхнулся и замолчал, но весь его вид показывал, что не согласен, авторитет папы должен быть непоколебим. Я подумал, что такие папы, как Борджия, Бенедикт IX, Иоанн XII да и куча других, куда уж непогрешимее, а когда умер непогрешимый папа Николай, оказалось, что его богатейшая библиотека почти целиком состояла из языческих рукописей, но в ней не было ни Библии, ни Евангелия.

— Сэр Ричард, — произнес он наконец тихо, — я понимаю ваши сомнения. Иногда королю приходится идти на преступления... большие преступления!.. чтобы другие не страдали. Такова цена власти. Да, вот так идти на преступление ради любви... и не к женщине, ни одна женщина того не стоит, но ради страны и своего народа, за которого отвечаешь, раз уж взялись им править. Успокойте свою душу, вернитесь к костру, выпейте вина для удобства.

— Вернемся, — согласился я, — а то я слишком раздумничался.

Глава 3

У костра воины, осмелев, расспрашивают Лиутгарду о жизни в Бриттии, ее обычаях и особенностях. Когда я сел рядом с нею, брат Вангардий взял у одного и передал мне бурдюк с вином.

Вино кислое и слабое, но вообще-то мужчины не перебирают, а те, кто высокопарно говорит о своем умении разбираться в винах, — не мужчины.

Я сделал два больших глотка, один воин поинтересовался:

— Ваше высочество, а что нам делать, когда погоним Мунтвига?

— До этого еще далеко, — ответил я честно, — но, когда это случится, помните о своей высокой духовности и человечности! Это значит, не бойтесь слишком отяготить себя гуманностью! Потому уничтожайте только противников, а простых труженников всего лишь грабьте, но не убивайте, им еще предстоит платить нам налоги.

— А женщин?

Он не уточнил, но вопрос понятен, я сказал державно:

— Господь велел плодиться и размножаться, а кто я против Господа? Вот и брат Вангардий подтвердит.

В сторону брата Вангардия повернулись головы. Он вздохнул и развел руками.

— Увы, его высочество прав... После каждой войны земля скудеет людьми, потому ее надо населять, населять... И если вы помогаете этому Божьему завету, то Господь вас простит за некоторые неизбежные мелочные и пустяковые грешки.

Они сразу повеселели и довольно задвигались, все-таки мы честные люди и жаждем делать все по закону. Но, если по закону не удастся, тогда да, но с тяжелым сердцем, понимая, что поступаем неправильно.

— Самые угодные Господу люди, — сказал брат Вангардий, — мирные люди. Вот все говорят по неразумению, что среди животных лев — высшее, а осел — низшее; но осел, ношу таскающий, поистине лучше, чем лев, людей раздирающий!

— Но все-таки царь зверей лев, — напомнил я.

— Увы, — ответил он со вздохом, — мир несовершенен. Вот вы какую молитву читаете чаще всего?

Я подумал, ответил честно:

— Господи, помоги мне стать тем, кем считает меня мой пес!

Он посмотрел с уважением.

— Вы ставите перед собой очень высокие требования, ваше высочество. И хотя вам никогда не стать таким совершенством, каким считает вас Бобик, но вы должны стремиться.

Воины устраивались на ночь, какой бы она ни была короткой, но поспать успеть можно. Я услышал сердитые голоса за спиной, но не обращал внимания, пока не услышал звук затрещины.

Оглянувшись, увидел, как один рухнул на спину, а второй постоял над ним, сжимая кулаки, затем развернулся и ушел к дальнему костру.

Упавший медленно поднялся, ощупал щеку, я узнал десятника Мела Твердоного. Когда он медленно вытащил из ножен меч, я насторожился и готовился вмешаться, однако он просто написал острым концом на земле «Алан ударил меня», затем бросил меч в ножны и сел, обхватив руками голову.

Норберт перехватил мой взгляд.

— Пустяки, — сказал он равнодушно. — Между нами уже несколько дней что-то назревало. Помиряются.

Двое воинов набросали на землю мелких веток и пучки травы, сверху застелили плащом, я приготовился лечь, но слуха коснулись далекие шаги, четко вычленившись из обычного нашего шума, где голоса, вздохи, треск веток в костре и сопение тех, кто успел заснуть, сливается в единое целое.

Норберт сразу насторожился.

— Ваше высочество?

— Кто-то идет сюда, — сказал я тихо.

Он понизил голос:

— Ночью?.. Пешком?

— Ночью и своим ходом, — подтвердил я, — и не один. Двое или трое.

Он сразу бросил острый взгляд на Алана и Стоуна, двух десятников, что еще не легли. Те тут же отступили в темноту и там растворились.

Шаги звучали громче, кто-то идет на огонь костра, не таясь и не скрываясь, что хорошо, хоть и не характерно. Так можно выйти и на разбойников на привале, потому незнакомцы, что приближаются, либо помешанные, либо очень уж уверены в своих силах.

Багровый свет костра высветил приземистую фигуру в дорожном плаще. Человек сразу же откинул капюшон на спину, открывая лицо, сказал осторожно:

— Можно к вашему костру погреться?

За ним вышли еще двое в таких же плащах, даже изношенность той же степени, как и тот же цвет, одинаковыми движениями обнажили головы.

Все молчали, команду здесь и не только здесь я, странники обвели всех у костра испытующими взглядами и все трое разом уставились на меня.

— Можно, — ответил я. — Откуда бредете?

— Из Ирама, — ответил первый. — Там начинается война.

— Только начинается? — спросил я.

— Началась, — уточнил он.

Они медленно опустились на некотором расстоянии от огня, все люди Норберта сидят ближе, даже Лиутгарда. Странно, все трое странников на нее почти не обратили внимания, зато с них не сводит взгляда Бобик. Он даже пару раз посмотрел на меня весьма выразительно, но я по своей тупости не врубился.

Первый из странников рассматривал меня очень внимательно, что-то в нем казалось мне тревожным. В какой-то момент я решился посмотреть тепловым зрением, но увидел привычный багровый силуэт, какие у всех теплокровных, запаховое тоже сообщило, что это человек, однако я смотрел ему в лицо и видел, что это не совсем человек, что-то иное, и вообще в моих глазах нечто вроде смещается, как будто иногда вижу два одинаковых изображения, что то накладываются одно на другое, то чуточку смещаются...

— Вы очень необычный человек, — произнес вдруг первый странник.

— Вы тоже, — ответил я любезно, все трое вроде бы чуть насторожились, но я пояснил: — Бродите по ночам, а звери как раз выходят на охоту...

Они вроде бы чуть успокоились, а первый проговорил мирно:

— Зато ночью так тихо и мирно.

— Вы мирные люди? — спросил я.

Он кивнул.

— Да.

— И ничего от нас не скрываете? — спросил я.

Он покачал головой.

— Абсолютно.

— Чем вы занимались в Ираме? — спросил я в упор.

Он чуть помедлил, обменялся взглядом с двумя другими странниками, наконец сказал нехотя:

— Выращивали хлеб. Но наши поля пожгли, сады порубили...

— Сочувствую, — сказал я. — И что намерены делать дальше?

— Переночевать с вами у костра, — ответил он, — если вы не против, а утром пойдем подальше от войны.

От него все больше тянуло холодом и опасностью. Я зыркнул на Бобика, тот привстал и смотрит на моего собеседника, выразительно приподнимая верхнюю губу.

— Нет, — ответил я беспечно, — почему бы против?

Он сказал с благодарностью:

— Хотят слухи, что в степи по ночам опасно...

— Господи, — ответил я пренебрежительно, — слухи... это такая же реальность, как вон тот рисунок...

Он повернулся посмотреть, да и другие повернули головы, даже Норберт, что прислушивался очень внимательно. Я молниеносно выдернул меч из ножен и с силой рубанул странника наискось в правое плечо.

Ощущение такое, что стараюсь перерубить бревно. Краем глаза увидел перекошенные изумлением лица

Алана и Стоуна, они отпрыгнули и тоже схватились за рукояти мечей.

— За... что? — проговорил странник печально. — Я только... о безопасности...

Рана жуткая, на ладонь в глубину, однако крови почти нет, да и та странно темная, даже черная. Я сорвал с груди крестик и выставил его перед собой на вытянуто-дрожащей руке.

— Изыди, тварь!

— Не изыду, — прохрипел он. — Мы... сильнее...

Норберт первый заметил, что странник начинает превращаться в могучего монстра, голова стала крупнее, шея вдвое толще бычьей, плечи раздвинулись, а руки теперь как стволы дерева.

Алан и Стоун сообразили тоже, почти одновременно обрушили торопливые удары мечей.

Монстр тупо отмахивался лапами, что стали еще толще, но все трое бойцов уклонялись, отпрыгивали и рубили и рубили так, что слышался постоянный стук, словно в лесу трудится бригада лесорубов.

— Не хвались, — прошипел я зло, — на рать идучи... а хвались, идучи...

Он начал поворачиваться ко мне, а я, собравшись с силами, рубанул по шее. Острое лезвие срубило наполовину, со второго удара голова тяжело грохнулась оземь, покатилась, разбрасывая струйками черную кровь.

Норберт крикнул:

— Как вы его почуяли, ваше высочество?

— Так вам все и скажи, — ответил я.

Они жадно хватали широко раскрытыми ртами воздух, а между нами распростерся зверь, похожий на чудовищного волка-оборотня, только еще крупнее, а вместо шерсти зеленая чешуя.

Двое его товарищей лежат у костра, закрыв лица ладонями, а над ними растопырился чудовищный Ад-

ский Пес с багровыми от ярости глазами. Клыки сверкают в отблесках костра жутко, рычания почти не слышно, настолько низкое, но странники явно улавливают и трясутся в ужасе.

Им скрутили руки и отвели в сторону для допроса. Бобик пошел следом, продолжая скалить зубы и порывивать.

Прибежал брат Вангардий, бледный и решительный, пробормотал молитву.

— Вряд ли у этой твари есть душа, — сказал он.

Он перекрестился, покачал головой.

— Я о тех, кто с ними уже встречался... И кто мог бы встретиться, если бы не вы, ваше высочество.

— Это от Мунтвига?

Он подумал, снова качнул головой.

— Не думаю. Но у Мунтвига есть помощники... разные помощники. Они тоже посылают свои, можно сказать, разъезды. Вряд ли эти трое знали, кто здесь, но, возможно, за ночь сумели бы многим перегрызть глотки.

Я спросил быстро:

— Что насчет тех двух?

— Оба под какой-то защитой, — ответил он. — Знаю точно, тот и другой не те, за кого себя выдают.

Норберт сказал решительно:

— Кто бы они ни были, мы дознаемся!

Половина ушли с ним, Лиутгарда смотрела им вслед полными ужаса глазами.

— И часто у вас так?

— Как сказать, — ответил я бодро. — Можно бы и почаще! Но чтоб не так однообразно. Хорошо бы, чтоб в следующий раз что-то ужасное не пришло из ночи, а вылезло из-под земли...

— Ой, — сказала она и опасно подгрестила под себя ноги. — Зачем вам такие страсти?

— Жить интереснее, — сообщил я. — Говорят, жизнь состоит из мелочей. Ну, вот и хочу, чтоб эти мелочи были более яркими, цветными, необычными...

Она помотала головой.

— Женщинам никогда не понять мужчин.

— А мужчины, — сказал я, — если бы и смогли понять, что думают женщины, все равно не поверили бы.

— А мне кажется, — отпарировала она, — мужчины только делают вид, будто не понимают женщин. Это им дешевле обходится.

Я сказал смиренно:

— Все от Бога, за исключением женщины. Ложитесь спать, если сумеете без пуховой перины. С утра долгий путь.

— Вы уже наметили маршрут?

Я покачал головой.

— Мысли и женщины вместе не приходят.

Она сердито отвернулась и сделала вид, что спит. Я осторожно укрыл ее одеялом и пошел к Норберту. Двух странников уже растянули на земле, привязав руки и ноги к вбитым в землю колышкам, а Норберт, опустившись на корточки, негромким голосом задавал вопросы. Бобик расположился с другой стороны и время от времени порывивал, показывая снежно-белые клыки.

Глава 4

Воины кто стоит, кто сидит тоже на корточках. Лица пленников показались мне чересчур спокойными, Норберт перехватил мой взгляд и буркнул нехотя:

— Вон тот уже мертв... Этот что-то задумал, но, боюсь, тоже помрет, ничего не сказав.

— Но это люди?

Он с некоторой неуверенностью кивнул.

— Да... но только чем-то отличаются. Были бы в Сен-Мари, там бы ваши алхимики, как вы их называете, быстро бы разобрались, а что мы тут можем? Только нож под ногти да угли подгрести к пяткам...

— Прimitив, — согласился я. — Развитая демократия отличается разнообразием всевозможных пыток и методов изощренного допроса, а мы пока еще в неразвитом тоталитаризме. Хорошо, используйте подручные методы и человеческую сообразительность. Если мы стремимся построить гуманное общество с либеральными ценностями, мы должны научиться пытать долго и умело!.. Продолжайте.

Я вернулся к костру, полный уверенности, что ничего пленник не скажет. Не знаю, откуда у меня такая уверенность, но то ли я все больше адаптируюсь к этому миру, вживаюсь в его нейронные связи, то ли при общей разрухе после Войн Магов осталась некая структура, далекая и неосязаемая, что как-то поддерживает людей или незаметно влияет на них. Или не столько поддерживает, как учит, помогает осваиваться.

Я, конечно, все свои успехи приписываю себе, я же сама круть и совершенство, но иногда в голову приходит дикая мысль, что нечто огромное выделяет меня, как более продвинутое существо в этом мире, и потому допускает меня чаще, чем других, к спрятанным остаткам старой техники и учит меня лучше и глубже, чем остальных.

Потому у меня этих амулетов, созданных в другие эпохи, больше, чем у любого другого, кого я здесь знаю...

Я вспомнил Юг, и настроение сразу упало. Вот там точно у Великих Магов этих амулетов больше...

Заснуть я так и не заснул, хотя ненадолго впадал в нечто вроде дремы, когда критическое мышление отключается и в голову приходят самые дикие предполо-

жения и невероятные по дерзости или глупости, это как посмотреть, мысли.

Рано утром снова раздули угли и набросали сверху веток, Норберт сообщил хмуро, что второй пленник тоже умер, его даже и не пытали как следует. Тело осталось человеческим, и вообще с обоими ничего не произошло, пару часов уже лежат, задубели.

— Заройте, — посоветовал я, — а то птицы отравятся. Или, хуже того, сами станут не совсем птицами.

Он перекрестился.

— Господи...

Позавтракали в молчании, Лиутгарда все больше, как вижу, привыкает, что правая грудь обнажена, да и воины Норберта уже принимают эту роскошь как данность, что не мешает им смотреть на нее с восторгом и со всех ног бросаться выполнять любое пожелание.

Я помалкивал, погруженный в стратегические думы, а Норберт властным движением длани послал своих людей в седла, сам еще раз поклонился принцессе и особенно легко вскочил на коня, красуясь каждым движением, вот уж чего я не ожидал от всегда сурового и до не могу сдержанного жоака легкой конницы.

Согласно его статусу командующего легкой кавалерией, он поехал с нами третьим впереди отряда, я вообще должен бы в середине, но Лиутгарда тоже принцесса, а главное — еще какая, потому она гордо и красиво оставалась на своем месте, а мы с Норбертом двигались справа и слева.

Он изо всех сил старался смотреть только вперед, но глазные яблоки то и дело сами поворачиваются в орбитах, устремляя взор на принцессу, естественно, теперь самую прекрасную из всех принцесс на свете.

Я постепенно ускорял бег Зайчика, поглядывая на коня Норберта, тот послушно перешел с рыси в галоп,

затем в карьер, я зафиксировал скорость, покосился на раскрасневшуюся от быстрой скачки принцессу.

— Ваше высочество?

Она ответила живо и с явным облегчением.

— Принц?

— Как вы?

Она поняла вопрос, даже не повела бровью в сторону Норберта, но в голосе звучала радость:

— Раз не умерла, то все... в порядке!

— Отличные новости, — одобрил я. — А как вы вообще планируете с фрейлинами? Алиенора мчалась во главе целого отряда фрейлин!

Она чуть повела глазом в сторону Норберта, говорить нужно так, чтобы он не понял, ответила навстречу ветру и грохоту копыт:

— Думаю, со мной рискнут двое, от силы — трое. Хотя, конечно, у меня фрейлин двенадцать, как и положено принцессе.

— И как, — поинтересовался я, — они последуют с вами и в бой?

— Думаю, да...

— Как и вы?

Она отвела взгляд в сторону, жаркий румянец, полыхавший на ее щеках, разгорелся еще ярче.

— Вы имеете в виду...

— Именно, — подтвердил я.

Румянец разлился шире, алый цвет начал медленно подниматься к скулам.

— Вряд ли они решатся...

— Но вы им рассказали?

На ее щеках румянец уже не румянец, а багровое зарево, даже начало сползать на шею.

— Да...

— Они отказались?

— Не наотрез, — ответила она, пряча взгляд, — но сказали, что никогда не решатся.

Я сказал утешающе:

— Видно будет. Когда начинается схватка, все мы меняемся. Трус становится еще трусливее, а храбрец храбрее... но иногда все случается наоборот.

Норберт, догадавшись, что мы обмениваемся полу-зашифрованными репликами, делал вид, что ничего не слышит, время от времени оглядывался на свой отряд, что плотной массой мчится позади, не отставая.

Через пару часов бешеной скачки один из разъездов Норберта примчался, бодро вздымая пыль, старший что-то прокричал ему в ухо, и снова все трое унеслись в степь.

Я посмотрел с вопросом на Норберта, тот сказал со вздохом:

— Замечено войско вартгенских лордов. Идут быстро, но еще далековато. Пожалуй, там одни рыцари и тяжелая конница. Обоз и вовсе отстал так, что будь вблизи хоть какие-то отряды противника...

Я подумал, поколебался.

— Видимо, самое разумное, выехать им навстречу.. Он скривился.

— Стоит ли?.. Вы — принц. И не только, как все мы понимаем. В том числе и те лорды.

— Уважение никогда не лишне выказать, — ответил я, — даже лишний раз. Им это льстит. Заодно решим, кто какую сторону Бриттии будет защищать.

— А они послушают?

— Сами и решат, — ответил я. — Главное, чтобы занялись этим вопросом.

Он ухмыльнулся.

— А решат не так, то сами и виноваты?

— Я же политик, — напомнил я.

— Я поеду с вами, — сказал он твердо.

Лиутгарда произнесла уверенно и непререкаемо:

— Я тоже. С нашими конями это не будет слишком долгая прогулка.

Норберт посмотрел на ее прекрасную белоснежную кобылку с великим сомнением.

— Надеюсь.

Мы повернули коней, он взмахом руки разделил свой отряд пополам, одну часть послал в сторону Бриттии, а другой велел держаться за нами.

Я двинулся впереди в ту сторону, откуда должны показаться вартгенские лорды с войском, а в голове назойливо стучит расхожая фраза дураков, что политика, дескать, грязное дело. Ну, говорят же так все, значит — грязное. И я сейчас все больше погружаюсь в это грязное дело.

Но в самом ли деле это грязное? И почему именно политика, а не, скажем, наука, искусство, литература, орошение земель?

А потому что при орошении земель человек работает с землей и водой, в науке с физикой или там химией, что хоть иногда и дурно пахнут, но никто не скажет, что химия — грязное дело. То же самое и к искусству...

А вот политика, да... И все потому, что политика работает с людьми, а люди — грязненькие. Очень. Дико грязные. Отвратительные. И непредсказуемые. Пообещают одно, а сделают другое. Это не электричество, с которым хоть все непонятно, но точно известно, как и в каких случаях себя ведет.

Золотарь, что вывозит в бочках из выгребных ям сокровище, весь пропитывается этим запахом, так же и политик навсегда теряет чистый взгляд всем верящего человека. Он работает с выгребной ямой, именуемой человечеством, это самое трудное и неблагодарное, чем большинство заниматься не хотят, предпочитая науку,

искусство или красивое управление гильдией или производством сукна, однако те, кто занимается политической, то есть управлением людьми, и должны оказываться на самом верху пирамиды, так как люди, а не птички Божьи творят все материальные и духовные блага, начинают войны и строят Храм Царства Небесного на земле.

И от политика зависит, будут они воевать или строить...

Мы шли на достаточной скорости, я весь погрузился в думы, меня старались не беспокоить. Но как только впереди за клубилась пыль и Бобик ринулся вперед, я очнулся и, велев ему строго оставаться с нами, не все вартгенцы с этим чудовищем знакомы, привстал в стременах и посмотрел в то желтое облачко, что двигается в нашу сторону.

Норберт спросил обеспокоенно:

— Это точно те, кого ждете?

— Они, — заверил я, — впереди Хродульф, хотя должен бы Хенгест с сэром Джонатаном Ферджехеймом...

Он сказал уважительно:

— Ну и глаза у вас, ваше высочество! Орел позавидует.

Лиутгарда гордо усмехнулась, словно орлиное зрение обязательное свойство принцев и принцесс.

Норберт, не оборачиваясь, вскинул руку, и кони с галопа перешли на рысь, грохот копыт за спиной стал тише.

Я сказал негромко:

— Принцесса... вы готовы?

Лиутгарда во время бешеной скачки прятала грудь от ветра, но сейчас судорожно вздохнула, бледная и сосредоточенная, словно идет на эшафот, выпрямилась и заставила себя держаться как можно более сво-

бодно и царственно, хотя я-то вижу, внутри трясется, как отважная мышь при виде кота.

Лорд Хродульф в самом деле впереди, но, как догадываюсь, вспоминая рельеф, им только что пришлось миновать узкое ущелье, Хенгест с лордом Джонатаном Ферджехеймом пропустили заносчивого лорда вперед, дабы сохранять единство.

Я видел, как глаза Хродульфа становятся все шире, однако он не зря стал верховным лордом, и, когда мы сблизились, поклонился мне со всем почтением и сказал рокошущим басом:

— Ваша светлость...

— Принцесса, — произнес я церемонно, — это доблестнейший лорд Хродульф, самый богатый и с самыми крупными владениями в королевстве Варт Генц, однако он и отважнейший рыцарь, как видите! Первый откликнулся на зов идти помочь Бриттии...

Она милостиво наклонила голову. Я продолжал так же сердечно:

— Дорогой Хродульф, это ее высочество Лиутгарда, дочь короля Бриттии Ричмонда.

Хродульф еще раз поклонился, на этот раз Лиутгарде, но с таким почтением, как не кланялся и самой императрице.

— Ваше высочество...

— Лорд Хродульф, — проговорила она ясным и сильным голосом принцессы-воина.

— Я счастлив, — произнес он с чувством, — что выступил на помощь Бриттии!.. Это весьма... правильно, так сказать. Теперь я вижу, насколько я был прав. Да, мои глаза меня не обманывают...

— Лорд, — сказал я, — надеюсь, на привале мы пообедаем вместе? А сейчас я с вашего позволения представлю принцессе остальных лордов.

— Да-да, — воскликнул он с энтузиазмом, — на привале!.. Кони уже устали, я немедленно распоряжусь. Тут же и сразу!

Наши с Лиутгардой кони красиво и бодро пронесли нас мимо колонны, где успевали только вытаращить глаза, как мы уже оказывались далеко. Многие даже не были уверены, не почудилось ли дивное видение.

Хенгест Еафор едет впереди остального войска, огромный, как скала в доспехах, высится над всеми на две головы, так как к своему гигантскому росту еще и восседает на гигантском жеребце. Доспехи на нем грубые, но добротные, он словно избегает даже намека на украшения, этакая закованная в сталь башня смерти.

Глаза его стали распахиваться шире, когда он рассмотрел, кто приближается, а я издала помахал дружески рукой.

— Хенгест!

Он чуть склонил голову.

— Ваше высочество...

Я обратился к Лиутгарде:

— Ваше высочество, это благороднейший Хенгест Еафор, у него самая боеспособная дружина во всем Варт Генце!.. Она способна выполнить любые задачи, в том числе и невыполнимые. Богатства его, земли, замки и крепости он сам не может подсчитать, однако вместо подсчетов он вскочил в седло боевого коня... правда, красавец?.. и ринулся на помощь королевству Бриттия!

Хенгест поклонился принцессе всем корпусом так, что уткнулся лицом в конскую гриву, затем довольно легко при его росте соскочил на землю, подошел торопливо и поцеловал носок ее сапога в стремени.

— Ваше высочество, — произнес он гулким голосом, в котором было столько страсти, какую я никогда не предполагал в конях, — только прикажите!.. Мы пришли без зова, но готовы отныне...

Лиутгарда, красная, как вареный рак, смотрела на него сверху и сгорала от сладкого стыда.

Я поспешил вмешаться:

— Дорогой друг, мы еще пообщаемся на привале, а сейчас я представлю принцессе Меревальда и Леофрига.

— Да, — ответил Хенгест все еще обалдело, — да, ага... на привале, да? Господи, когда же этот привал...

Глава 5

Я улыбнулся, кивнул, и мы помчались дальше, там движется под шелест знамен прекрасно вооруженное войско закованных в стальные доспехи рыцарей, а за ними почти неотличимая по доспехам и вооружению тяжеловооруженная конница наемных воинов, что посвятили всю жизнь войне.

Меревальд Заозерный даже не переменялся в лице, когда увидел принцессу в облике амазонки, поклонился и взглянул на меня с вопросом в глазах.

— Ваше высочество, — сказал я церемонно Лиутгарде, — это Меревальд Заозерный, один из четверых верховных лордов, что сразу же откликнулся на призыв помочь Бриттии... возможно, он был вообще первым!.. Кстати, Меревальд в родстве с одним из древних королей, но еще важнее, что не так давно погибший король Варт Генца советовался с ним по всем важным делам. А лично я ценю, что именно Меревальд настоял на разработке соляных копей в заброшенных землях, где ничто не росло из-за этой же соли. Казна на торговле ею получает немалую прибыль...

Она кивнула и произнесла с уважением:

— Лорд Меревальд...

— Ваше высочество, — ответил он, — я польщен высокой оценкой моих дел принцем Ричардом.

— Я тоже это ценю, — заверила она. — Усиливать экономику королевства даже важнее победоносных войн.

Он взглянул на нее с удивлением и сказал еще почтительнее:

— Как приятно слышать такие мудрые речи из уст красивой женщины. За такую и голову сложить — честь и награда для любого мужчины и рыцаря.

— Ой, — сказала она, дико засмушавшись, — вы льстите простой провинциальной принцессе.

— Самые дивные цветы, — заверил он, — вырастают в глуши. А потом весь мир дивится их красоте и благоуханию.

— Меревальд, — сказал я, — там Хродульф спешно готовится к остановке, надо дать отдых коням.

— Пора, — согласился Меревальд, — хотя, на мой взгляд, недавно только снялись с привала.

— У него, — объяснил я, — вроде бы захромала лошадь. Или конь, не помню. За общим обедом переговорим о помощи королевству Бриттия.

— Да-да, — торопливо ответил он и, все-таки не удержавшись, откровенно посмотрел на амазонский наряд принцессы. — О всесторонней помощи!.. Я всегда как бы мечтал и грезил помочь. Всячески.

— Мы сейчас представим принцессе Леофрига, — сказал я, — и сразу же вернемся за... деловой стол.

Я чуть не сказал «праздничный», как все-таки на всех нас взбадривающе подействовала эта принцесса в ее костюме амазонки, подумать только, как легко всеми нами манипулировать, какое счастье, что никто этих способов еще не знает... кроме меня, разумеется.

Во главе войска Леофрига гордо и красиво покачиваются в седлах двое всадников в одинаковых доспехах, это он сам с сыном, бароном Адрианом, тому уже тридцать лет, и он давно живет отдельной семьей.

Лиутгарда подобралась, лицо строгое и недоступное, в глазах приличествующая принцессе надменность, только я вижу ее страх и задавленное страстное желание укрыться с головой так, чтобы вообще в норку.

Оба одинаково вытаращили глаза, хотя это Леофриг груб и невыдержан, его сын, напротив, вроде бы сама вежливость, потому я заговорил громко и приподнято первым:

— Ваше высочество, позвольте представить вам двух свирепых и алчущих львов нашего воинства! Верховный лорд Леофриг, один из кандидатов на престол, и его сын, великолепный барон Адриан, один из самых галантнейших рыцарей королевства!

Они подтянулись, а я подумал, что если бы я их так расхваливал на базаре, то продал бы всех пятерых за немалую сумму.

— Лорды, — добавил я, — перед вами принцесса Лиутгарда, дочь короля Бриттии Ричмонда Драгсхолма!

Леофриг Лесной, не в силах выговорить ни слова, поклонился так низко, что едва не упал с коня, а его сын, оправдывая репутацию, прыгнул на землю и, быстро подбежав, поцеловал ей сапог.

— Ваше высочество! — выпалил он преданно. — Мы будем сражаться за Бриттию до последней капли крови!

Его отец чуть нахмурился, но ничего не сказал, ибо за их спинами уже поднимается довольный рев вассалов, те тоже горят желанием драться за такую принцессу.

— Лорд Хродульф, — объявил я, — объявил с общего и такого редкого единодушия привал, дабы мы могли обсудить некоторые новости, что я привез. Да-да, именно для этого!

Леофриг прорычал:

— Хродульф... на этот раз прав. Нужно остановиться и посидеть за столом.

— Обсудить, — сказал барон восторженно, — да, обсудить!.. Эту, как ее, Бриттию! Прекрасную Бриттию!
— Тогда подтягивайтесь, — сказал я.

Лорды и в походе не забывают о своем величии: в обозах везут роскошные шатры, столы и кресла, драпировку, дорогую посуду, лучшее вино и много всяких мелочей, отсутствие которых я не заметил бы даже во дворце.

Когда мы подъехали неспешным шагом, шатер Хродульфа уже вздымается в десятке шагов от ручья, а в него бегом заносят столы, кресла, лавки, рулон с роскошными тканями для драпировки.

Пока я помог Лиутгарде спешиться, из подогнанной тележки быстро начали переносить в шатер посуду и холодные закуски, завернутые в чистые полотенца.

Хродульф, пригласив всех к себе на пир, не забыл и свое войско, для них велел открыть пару бочек вина и забить десятков волов, которых тут же и зажарили целиком на вертелах. Сразу пошли песни, удалые вопли, звуки труб и рожков, звон металла по металлу.

Норберт молча послал небольшие отряды далеко вперед, чтобы как можно раньше узнать о приближении Мунтвига, еще им было велено постараться захватывать полон из конных разъездов противника, местное население сгоняли чинить дороги, мосты. Часть из наиболее опытных охотников прочесывала все овраги и лощины, чтобы не подобрался близко ни один вражеский лазутчик.

Оруженосцы и простые рыцари впадали в ступор, завидя Лиутгарду, а она, помня мои наставления, надменно смотрела поверх голов, что при ее росте вообще-то нетрудно, спина ровная, а когда заговорила со мной, даже я не уловил в ее голосе ноток паники:

— Ваше высочество, как вы полагаете, здесь не переодеваются к обеду?

Я помотал головой.

— Мы в походе, какие церемонии? Если протрубят тревогу, мы прямо из-за стола попрыгаем в седла и ринемся в битву!

Она величественно наклонила голову.

— Меня это устраивает.

— А как это устраивает нас, — воскликнул я, стараясь, чтобы «это» не прозвучало слишком намекающе. — Мы ведь воины! Рвемся в бой, и все такое! А если битвы нет, деремся друг с другом.

Ее глаза распахнулись шире.

— Зачем?

— А естественный отбор? — спросил я. — Господь сотворил человека, но ему нужно помогать пропалять сад, а то слишком уж все разрослось, сорняки душишат нас, культурных!..

Я приподнял перед нею полог шатра, она наклонила голову, переступая порожек, а когда разогнулась, все присутствующие лорды дружно встали.

— Ваше высочество, — сказал я почтительно, — позвольте вам предложить вот этот стул... Спасибо! А еще окажите нам честь сесть здесь, во главе стола.

Перехватил понимающий взгляд Меревальда, лучше главное кресло предложить этой принцессе, чем лорды перессорятся, кому из них надлежит там восседать по праву знатности, богатства или размера земель.

Сам я опустил в кресло рядом, как бы группа поддержки, чирлидер, и услышал, как она с облегчением перевела дыхание.

Хродульф, это его шатер, поднялся на правах хозяина, роскошный кубок в воздетой длани, счастлив и даже очень счастлив, сказал гулким голосом:

— Не знаю, какие правила в Бриттии, но мы поднимем и сдвинем кубки в честь прекрасной принцессы Лиутгарды, что осветила нам мир и украсила нашу жизнь своим присутствием!

Все дружно проревели:

— Ура!

— За принцессу!

— Слава Лиутгарде!

— Пьем за ее красоту!

Лиутгарда всякий раз едва заметно вздрагивала, это видел только я, и смотрела неверящими глазами. За всю жизнь в королевском дворце не слышала столько комплиментов в свой адрес, как вот здесь, и поглядывала пугливо, не издеваются ли, называя ее красивой, в родном дворце этого слова избегали в применении к ней.

Я пихнул ее локтем, она царственно заулыбалась и милостиво наклонила голову. Лорды вливали в себя вино целыми водопадами, мясо пожирали, как изголодавшиеся кабаны, слышен стук ножей и мощный чавк, что позволило Лиутгарде чуточку перевести дыхание.

Она по-прежнему сидит рядом со мной царственно прямая, надменно величественная, правая грудь обнажена и дразнит всех снежной чистотой кожи, как там у классика: «...а грудь ее была бела, казалось выюга на мела два этих маленьких холма», но здесь совсем не маленькие, к тому же открыт только один холмик, что почему-то, вот уж выверты нашего восприятия, еще больше распаляет воображение.

Лорды давились, попадали ложками мимо рта, все красные, словно взобрались на гору бегом, отвечают не своими голосами, даже удивительно, если вспомнить, что все давно женаты, с женскими прелестями знакомы, но вот этот контраст: за обеденным столом! — ошарашивает, восторгает, сбивает с толку и снова восторгает до щенячьего визга.

Лиутгарда следит за каждым своим жестом, словом и движением рук, мясо отрезает небольшими ровными полосками, элегантно накалывает на острие и подносит к губам спокойно и красиво, только я могу догадываться, с каким напряжением это делает.

Меревальд слегка наклонился в нашу сторону.

— Ваше высочество, — сказал он, обращаясь к Лиутгарде, — я слышал, в Бриттии нашли медную руду.

Барон Адриан сказал с укором:

— Дорогой Меревальд, вы же сосредоточие мудрости Варт Генца, ну разве о залежах руды следует говорить с молодой и прекрасной принцессой? Как вам не стыдно?

Меревальд слегка смешался, но Лиутгарда ответила с живостью:

— Вы, правы, я принцесса, потому помимо нарядов должна знать и хозяйство моего отца, чтоб потом могла помогать мужу. Скажу с полной уверенностью, медные залежи нашли сразу в двух местах: в Ирвиле и Генске. Отец тут же велел строить там заводы по выплавке, послал туда тысячу двести рабочих, чтобы сразу провели к рудникам дороги.

Меревальд посмотрел на Адриана победно, а на Лиутгарду с еще большим восторгом.

— Ваш отец так же мудр, — сказал он с почтением, — как вы прекрасны!

Она улыбнулась несколько натянуто, в слове «прекрасны» по отношению к себе все еще подозревает подвох или издевку.

— У нас в королевском саду разводят карпов, — сообщила она. — В тех прудах, где стенки хотя бы с одной стороны облицованы медными плитами, карпы вырастают вдвое крупнее! А там, где меди нет, заводится противный такой грибок, что убивает эту прекрасную, просто королевскую рыбу!.. Это ко всему тому,

что медь необходима для производства бронзы и много чего еще!

Меревальд воскликнул:

— Боже правый! Так что, это медь спасет от грибка? Вернусь, сразу же набросаю медных пластин в свои пруды!.. Почему у нас никто этого не знал?

Лиутгарда сказала успокаивающе:

— У нас это обнаружили случайно. Могли у вас...

Хродульф обронил как бы невзначай:

— Ваше высочество, у меня самый крупный рудник в Варт Генце. Накоплен громадный опыт... Я мог бы предложить помощь в добыче медной руды, ее обжиге, переплавке. Если руда достаточно богатая, то ее можно плавить сразу, но такое бывает нечасто, обычно сперва нужно обжигать, а это процесс трудный и сложный...

— Я знаю, — ответила она мило, — но договоры насчет сотрудничества заключает мой отец, не доверяя даже министрам. С ним можно обсудить детали и даже долю участия в прибыли.

Хродульф воскликнул обрадованно:

— Вы угадываете мои мысли! Вы опасная женщина!

Барон Адриан ерзал, будто сидит на иголках, наконец сумел вставить слово:

— Принцесса, пока наши старшие не замучили вас вопросами о презренных рудниках, расскажите о турнирах, балах, о ваших празднествах! Это же интереснее!

— Да, — ответила она так же мило, как и Хродульф, — большой турнир проводится раз в год, малые чаще, балы примерно два раза в месяц, а празднества... ну, это по случаю. Что интересного? Думаю, бродячие артисты, менестрели и акробаты везде одинаковы.

Хродульф довольно хохотнул, принцесса ему уже не просто нравится, он в восторге, как и Леофриг или мрачный Меревальд, что явно клянет себя насчет недопонимания с карпами.

— А когда у вас следующий турнир? — спросил Адриан. — Кстати, я в нашем королевстве дважды выходил победителем.

— В нашем вы тем более победите, — заверила его Лиутгарда.

— Почему? — спросил он польщенно.

Она замялась с ответом, но Леофриг сказал язвительно:

— Потому что рыцари Бриттии показывают свою доблесть в боях, а не на дурацких турнирах!

— Отец! — воскликнул Адриан обиженно.

Меревальд произнес елеинно:

— Принцесса, барон Адриан хорош и в бою, просто родители всегда к своим детям строже, чем к чужим.

Адриан вскинул кубок и поклонился ему с уважением.

Глава 6

Как только закончили с обедом, я велел убрать все со стола и расстелил на нем карту.

Меревальд первым придержал край со своей стороны, всмотрелся, я видел, как его глаза распахнулись во всю ширь.

— Это... что? — спросил он шепотом. — Вот эти черточки... как-то знакомое, но...

— Расположение войск Мунтвига, — сообщил я. — Карту мне дал Его Величество король Бриттии Ричмонд Драгсхольд, отец нашей великолепнейшей из принцесс, я кое-что добавил, ориентируясь на сообщения наших квалифицированных осведомителей. Здесь рыцарская конница, видите, вон там тремя отдельными отрядами легкие конники... а вот по этим дорогам в нашу сторону двигаются две большие колонны войск...

Леофриг спросил заинтересованно:

— Какой численности?

— Каждая примерно по семь-десять тысяч, — ответил я. — Пешие, разумеется.

— Это немного, — заметил он.

Остальные заметно приободрились, лорд Хродульф вообще вздохнул с откровенным облегчением, а Хенгест выпрямился и горделиво расправил большим пальцем усы.

— Это их авангард, — сообщил я мрачно. — А дальше там вообще тьма войск. Потому никаких лобовых столкновений, нужно запереться в крепостях, пропуская их вперед, чтобы потом выходить и бить в спину, грабить обозы...

— Тогда в крепости нужно спрятать побольше легкой конницы, — сказал Меревальд деловито.

— Кроме того, — сказал я, — мне сообщили, где хорошо организовать засаду... И не одну. Здесь кое-где дороги проходят по дну узких ущелий... Вот здесь, смотрите, наш большой отряд рыцарской конницы... обязательно на быстрых конях!.. должен вступить в бой и держаться, пока к мунтвиговцам не подойдут настоящие силы...

— А потом?

— Потом драпать, — сказал я жестко. — Да-да, драпать, заманивая в ловушку! Кто скажет, что это не по-рыцарски, того сейчас же отчисляю из армии, пусть красуется на турнирах, где все по правилам.

Хродульф сообразил первым, потыкал в карту пальцем.

— А вот здесь можно сделать небольшой обвал?

— Не совсем, — уточнил я. — Обвал должен быть большим. И не здесь, а вот тут, на самом выходе из ущелья. К этому времени вся их группировка, а это

около десяти тысяч человек, должна войти в эту ловушку...

Леофриг просиял, словно на него среди ночи упал луч солнца.

— А второй обвал сделать в начале?

— Вы быстро соображаете, — одобрил я. — Поручаю эту ответственнейшую часть начала нашей победной войны за идеалы либеральных ценностей тотаризма вам, благородный сэр Леофриг!

Он вздрогнул, моментально посерьезнел, пару мгновений соображал, затем коротко поклонился.

— Ваше высочество, как я понимаю, у нас не очень много времени. А нужно успеть расположить наверху не только достаточное количество людей, но и... камней.

— Верно, лорд Леофриг, — ответил я. — Я надеюсь, что Мунтвиг, увлеченный погоней за разгромленными нашими рыцарями, не станет проверять, есть ли кто на гребне ущелья.

Он хлопнул себя по лбу.

— Так вот зачем наша конница должна вступить в бой, а потом отступить!.. В пустое ущелье вступать рискованно, сперва проверили бы, как там наверху. А так сгоряча да сдуру погонятся добивать...

— Если поднимутся проверить, — прорычал Хенгест с достоинством, — мы их встретим.

— Надеюсь, — сказал я, — этого не случится. Нам нужен показательный разгром хоть какой-то части армии Мунтвига, чтобы поколебать их дух. Заодно поднять наш.

Хродульф воскликнул оскорбленно:

— Наш дух высок, ваше высочество! Как никогда высок!

— Тогда победим, — заверил я. — С нами Бог, так кто же против нас?

После обеда и короткого планирования барон Адриан с большой неохотой, но под давлением отца увел свой отряд, чтобы помочь защитить город Бедивер, расположенный в десяти милях ниже по течению. Там река сужается из-за крутых и скальных берегов, течение быстрое, дно глубоко, так что конница Мунтвига будет искать брод где-то выше или ниже, но какие-то отряды пройдут мимо защищенных крепостей Бриттии и доберутся до Бедивера.

Лиутгарда на время уединилась, я терпеливо ждал, но, когда она вышла, я ахнул, сообразив наконец, что у нее было в мешке за седлом.

Сейчас она в кольчужном доспехе из крупных колец до середины бедер, раздумывая, волосы целомудренно убраны в золотую сетку, на плечах блестящие стальные латы с чем-то вроде золотых вензелей, узкую талию перехватывает широкий пояс с накладными золотыми бляхами, а рукоять меча покоится у левого бедра в длинных ножнах с золотыми накладками в виде стилизованных цветов.

Однако правая грудь полностью открыта, снежно-белая и нежнейшая, с алым кружком на вершине, а сама Лиутгарда, покрасневшая и с лихорадочно блестящими глазами, едва не умирая от ужаса, держится подчеркнуто гордо и надменно.

Я почтительно помог ей подняться в седло, оказывая все знаки внимания, она разобрала повод и вопросительно посмотрела сверху вниз.

— Принц?

— Думаю, — ответил я, — мы сейчас не сможем ринуться в земли графа Сноррика, это далеко, а тут немало срочных дел... но при малейшей возможности...

Она прервала:

— Я все понимаю. Какие ваши планы?

— Вести навстречу Мунтвигу все войска, — сказал я честно, — какие наскребу. И поспешить укрепиться в тех крепостях, куда нас пустят ваши сограждане. Конечно, можно было бы дожидаться в Варт Генце, однако...

Она покачала головой.

— Можете не продолжать.

— Вы не так поняли, — запротестовал я. — Я просто опасаюсь, что, захватив Бриттию, Мунтвиг станет еще сильнее!

— Хорошо же вы о нас думаете, — сказала она недовольно. — А я уверена, что все наши будут сражаться отчаянно и нанесут Мунтвигу серьезный урон.

— Еще больший урон нанесем вместе, — пообещал я. — Вы поедете с верховными лордами, что в таком восторге от вас, или же со мной и Норбертом?

Она ответила без раздумий:

— С вами. Но не заноситесь! Только потому, что вы раньше вступите в пределы Бриттии.

— Отлично, — сказал я. — Помашите ручкой войскам вартгенцев, теперь это ваши союзники.

Она светски улыбнулась, вскинула руку, от этого движения ее грудь задвигалась, и стало отчетливее заметно, что тугая и крупная, по рядам воинов прошла отчетливая волна, потом мощно и ликующе заорали:

— Принцесса Бриттии!

— Слава принцессе!

— Ура Лиутгарде!

— Прекрасной Лиутгарде слава!

Я видел, как она дернулась, услышав это «прекрасная» по отношению к себе, но воины орут совершенно искренне, да и нельзя их в чем-то заподозрить, глядя на их честные простые рожи, где глаза горят восторгом, а пасти растягиваются до ушей.

Она улыбалась и вскидывала руку, пока мы ехали на рысях мимо, я смотрел, с каким восторгом войска

приветствуют всадницу на белой лошади, и странная мысль влетела в череп и зажужжала там, слепо стучась о стенки.

Лиутгарда, потерявшая надежду найти достойного мужа, сейчас пользуется таким бешеным восторгом и поклонением рыцарей, что, тьфу-тьфу, даже и не знаю, стоит ли ей помнить о помолвке с графом Снорриком Твердошлемом, что, на мой взгляд, все-таки мезальянс.

К Норберту примчался всадник на таком легком и быстром коне, что просто загляденье. И пока разведчик выкрикивал начальнику донесение, конь бешено хрипел, поводил налитыми кровью глазами и все своим видом кричал, почему остановились, надо мчаться, это же так прекрасно, когда гриву отбрасывает встречный ветер, а хвост вытягивается в струну.

Я прислушался, речь идет чуть ли не о стычках на границе Бриттии с Ирамом, а когда Норберт отправил своего человека обратно и подъехал ко мне, я спросил:

— А со стороны Зорра?

Он посмотрел в удивлении:

— Ваше высочество уже знает?

— Вы орали слишком громко, — сказал я. — А орун — находка для врага.

Он пробормотал:

— Ну какой вы враг, ваше высочество... Хотя, если подумать... Стычки идут только с проникающими легкими отрядами. Мунтвиг благоразумно выслал вперед небольшие группы легкой конницы по тысяче человек, а те в свою очередь рассылают отряды по сотне и десятками. Все они проникают на такие расстояния в глубь чужой территории, что армия туда доберется только через месяц-другой...

Я покачал головой.

— Месяц — нам все равно мало. Подойдут только из Турнедо. Вряд ли успеют Меганвейл и Шварцкопф,

а про сен-маринские армии Филиппа Мансфельда и Чарльза Мандершайда вообще молчу...

Он покосился на меня при упоминании, что это уже сен-маринские армии, но ничего не сказал, потом покачал головой.

— Ваше высочество, у вас довольно сильное войско вартгенцев!

Я отмахнулся.

— Ополчение, а не армия.

— Ополчение лордов?

— Ну да, — сказал я с горечью. — Элитные отряды, кое у кого даже войска, но это не армия. Вы же знаете, они и воюют сами по себе, не слушая приказов!

Он ухмыльнулся.

— Но это же хорошо, когда вот так стараются перешеголять друг друга отвагой и доблестью, бросаются в самые опасные места...

— И не хотят слышать сигнал об отступлении, — сказал я ему в тон, — именно все кидаются на самого опасного и сильного противника, чтобы помериться доблестью, оставляя оголенными участки, которые должны защищать, чтобы не дать окружить всех. Хлебом с ними горя!

— А как вы собирались ими пользоваться, — изумился он, — разве не вы их собрали и привели?

— Как только прибудет армия из Турнедо, — сказал я решительно, — этих вартгенских лордов pošлю вперед помогать защищать замки! У них есть опыт и знания, а бриттские лорды охотно откроют для них ворота. А дальше хрен с ними, пусть выживают сами!

— Зато и слава, — сказал он, — целиком ихняя...

— Сочтемся славою, — ответил я, — свои же люди? И пусть нам общим памятником будет... построенное в боях Царство Небесное. Что, не в рифму? А у меня белый стих. Я так вижу! И даже зрю.

Мы двигались в сторону Бриттии со всей скоростью, какую могли развить кони людей Норберта. Он уже понял, что белая лошадка у принцессы очень даже не простая, ревниво хмурился, но помалкивал.

Когда мы пересекли границу, это оказалась широкая, но мелкая река, Лиутгарда начала узнавать горные вершины, а по ним, ориентируясь на местности, называла земли, по которым едем, и сообщала, по чьим владениям пронесемся дальше.

Бриттия становилась постепенно холмистее, как и видел сверху, болота попадаются чаще, почти все приходится объезжать по кромке, хотя два огромных, как море, прошли почти посуху, замочив в тухлой воде только копыта. Дорог почти нигде не оказалось, а те, что нашли, давно заросли не только травой, но и кустарником, а кое-где даже деревьями.

Зато попадаются тропы, оставленные после прохода воинских отрядов, тоже недолговечные, однако и они хороши, но приходилось следить за направлением, а то нередко пытались увести в стороны.

У двух всадников, слишком близко к краю объезжавших крутые овраги, земля поддалась под копытами коней, и они скатились на самое дно, а когда их вытащили, один был мертв, а второго уложили поперек седла, за неимением повозок, и повезли, не зная, выживет ли.

Солнце раздулось и стало багровым, начало сползать к линии горизонта. По степи пролегли длинные тревожные тени, а с востока медленно и неотвратно начала подбираться вечерняя полутьма.

Один отряд Норберт выслал вперед, чтобы опережал на милю и проверял состояние дорог, дабы можно вовремя свернуть на более удобную, еще два двигаются справа и слева, сами по себе выпуская мелкие разъезды. И хотя карта, что вручил я Норберту, самая точ-

ная из существующих, но трое суток шли проливные дожди, и дороги стали просто непроходимыми, в то же время пройти нужно, чтобы успеть прямо в Бриттнии закрепиться раньше, чем подойдет Мунтвиг.

На этот раз пришлось идти через леса, там не так размокает почва, а неизбежные завалы обходить легче, чем вытаскивать повозки из мокрой глины. Но как только выходили на опушку, видели, что вода заполнила не только глубоко пробитые колесами колеи, но все выемки и даже мелкие овраги.

Местность тянулась все такая же лесистая, изрезанная мелкими речками, как и во всем северном краю, изредка из кустов выскакивали косули, взлетали испуганные птицы, а я думал, что земли все еще не населены, но время такое придет...

Глава 7

Хродульф, Хенгест и Леофриг как будто соскучились по войнам, едут впереди своих войск счастливые и гордые, у всех великанские кони, явно самые крупные в Варт Генце, укрыты кольчужными сетками, а сверху еще и латами, но несут громоздких всадников достаточно легко.

Понимая, что все трое, плюс Меревальд, относятся к моему общему командованию достаточно ревниво, я вообще даже не пытался отдавать какие-то приказы. Это в Армландии вынужден был заигрывать и подыгрывать могущественным лордам, всякий раз находить важную причину, по которой они должны пойти за мной, а сейчас все проще: подойдут армии Меганвейла, Шварцкопфа, Клемента, а потом еще из далекого Сен-Мари два турнедских полководца, и мне вообще

станет безразлично, какие воинские успехи у этой своевольной публики.

Утренний туман все еще лежит плотно, иногда пугающе высок, может спрятать целый конный отряд, в нем отчетливо двигаются настолько очерченные комья, что я готов поклясться, там монстры, если бы не знал по опыту, как легко все это рассеивается, когда взойдет солнце и подует ветер.

А солнце уже поднялось над долиной, золотые лучи сперва вроде бы лишь осветили застывший сонный мир, похожий на шмеля в оцепенении, ожидающего солнечного лучика, но я ощутил на щеке его теплоту, и тут же туман как по волшебству начал редеть, прижиматься к земле.

Мы с Норбертом и Лиутгардой тоже двигаемся во главе передового отряда с верховными лордами. Ради принцессы они на время позабыли о своем чванстве и даже суверенных войсках, довольно живо чирикают с нею, гордо раздвигают плечи и надувают щеки.

Рядом со мной Хродульф проговорил с удовлетворением:

— Другое дело... У меня глаза болят, когда упираются во что-то... пусть даже это туман.

Меревальд добавил с пониманием:

— Потому что не ваш?

Хродульф довольно хохотнул. С исчезновением тумана мир стал необъятен, Хенгест Еафор подъехал на своем гиганте, которого и просто конем называть как-то неприлично, проревел мощным голосом:

— Ваш Норберт говорит, что замечено слишком большое войско противника...

— Откуда? — изумился я. — Им сюда добираться не меньше месяца.

— Легкая конница, — пояснил он. — Без обозов, без пеших войск. Такие могут уходить очень далеко вперед!

— Сколько их?

— Около пяти тысяч.

Я стиснул челюсти. Ничего себе разведка!.. Можно себе представить общую численность армии Мунтвига.

— Давайте разработаем план, — сказал я. — У нас тоже пять тысяч человек. Но мунтвиговцы не станут сражаться с рыцарским войском, что понятно, а мы не сможем догнать. Единственный вариант — суметь окружить их, взять в кольцо. Если бы удалось истребить всех, Мунтвиг бы потом долго ломал голову: куда исчезло целое войско?

Меревальд сказал с расстановкой:

— Пусть сэр Дарабос выберет место. Если он знает, в каком направлении идет конница, мы сумеем пропустить их в середину, а потом ударить с боков.

— У нас войска четверых верховных лордов, — напомнил я. — Это значит, можем перекрыть дороги со всех четырех сторон! Нужна только предельная согласованность...

Они переглянулись, прекрасно понимая, что никакой согласованности не будет, если командование оставить в их руках, лучше уж поражение, чем победителем назовут кого-то другого, а Хродульф с глубоким вздохом сожаления повернулся ко мне.

— Ваше высочество, я передаю полное руководство своими людьми в ваши руки.

После короткого молчания Хенгест громыхнул:

— И я.

— И я, — сказал Леофриг.

— Разумеется, — сказал Меревальд, — мои люди и я сам в вашем полном распоряжении, ваше высочество!

Я сказал с облегчением:

— Прекрасно. Тогда поступим вот так...

Лиутгарда рвется в бой, клянется, что умеет обращаться с оружием. Это ее подруги состязались в вышивании, а у нее слишком толстые пальцы, ей удобнее держать меч, а не иглу...

— Все будет, — пообещал я.

— Когда?

— Война только начинается, — сообщил я ей удивительную новость. — Мунтвиг никуда не денется. Обещаю, наши еще увидят ваше высочество мчащуюся в бой на белом коне со вскинутым мечом и красиво развевающимися волосами. Это будет зрелище!.. Думаю, обе стороны прекратят драться, чтобы посмотреть и повосторговаться...

— Сэр Ричард!

К нам примчался Норберт, взволнованный и озабоченный, с ходу осадил коня так, что тот поднялся на дыбы.

— Конница Мунтвига продолжает скрытно продвигаться в нашу сторону!

— Насколько скрытно?

— Используют низины, — доложил он, — проскакивают по балкам, если те не слишком глубокие, прячутся в подлеске...

— Значит, — сказал я, — боя постараются избежать всеми силами.

— У них даже кони не подкованы, — сообщил он, — это дает преимущество в скорости.

— Наверняка и доспехов нет?

— Железных ни у одного, — заверил он, — только тряпки, у немногих кожа.

— Только бы не спугнуть, — прошептал я.

Словно услышав меня, прискакал на огромном, как гора, коне Хенгест, проревел таким голосом, что позавидовал бы и медведь:

— Мои занимают позицию.

Хродульф поинтересовался:

— Будете смотреть отсюда?

— Мои военачальники дело знают, — ответил Хенгест.

Мы обогнули небольшой лесок, отсюда видна темная неопрятная масса легкой конницы, где всадники почти сливаются со своими конями, там явно забеспокоились, либо все же заметили подход отрядов Леофрига Лесного, либо кто-то из дозорных уцелел и успел поднять тревогу.

Мы видели, как они быстро развернули коней и вся масса понеслась прочь.

Хенгест довольно потер огромные, как лопаты, ладони.

— Скачите, скачите, — проговорил он медвежьим басом. — Мои орлы уже ждут вас...

Конники Мунтвига набирали скорость, однако как только вынеслись полным галопом из-за леса, тут же все торопливо начали натягивать поводья. С той стороны появились ярко блещущие на солнце железом доспехов и с обнаженными мечами в руках рыцари Хенгеста.

Видно было, как снова мунтвиговцы, словно один человек, развернули коней и понеслись влево, как раз в нашу сторону.

Меревальд с лязгом опустил забрало и обнажил меч.

— Сейчас вы увидите, — сказал он зловеще, — как истребляют врага верные лорду Меревальду!

Хродульф и Леофриг поморщились, Леофриг проревел:

— Ваши люди не разбегутся, если и я приму участие в схватке?

— Добро пожаловать, — ответил Меревальд и умчался.

Мунтвиговцы все набирали скорость, им явно строго приказано избегать серьезных боев, и вот уже казалось, что выскользнут из кольца, Хродульф шептал в беспокойстве:

— Ну?.. Чего заснули?.. Ну, уйдут же!

Легкие конники неслись с такой скоростью, что я залюбовался четкостью и слаженностью действия. Весь громадный отряд в пять тысяч человек разворачивается как одно существо, все происходит моментально, а кони каким-то образом ухитряются на полном скаку поворачивать под прямым углом, не толкая скачущих рядом.

Хродульф вздохнул и сказал с завистью:

— Отличная выучка.

Я чувствовал, как сердце начинает бухать сильнее, а потом участило удары, хотя это не какая-то решающая битва, а так, операция по истреблению слишком уж обнаглевшего и забредшего далеко вперед большого конного отряда.

Их вожак несется впереди, я видел, как изредка оглядывается на преследующих их людей Меревальда и по сторонам, где начинают сходитья клещи из железоблещущей конницы. Всадники пригнулись к конским гривам, почти зарываясь в них лицами, кони мчатся, как низколетающие птицы...

Лучников бы, мелькнуло у меня. Первый залп выкосил бы первые ряды, у людей Мунтвига нет железных доспехов, но вартгенские лорды спешат переще-

голять друг друга доблестью, потому их пешие части плетутся далеко позади вместе с обозами.

Когда осталось уже с четверть мили, из-за нашего холма на полном скаку выметнулся отряд Меревальда, сразу расходясь широкой цепью.

И снова я восхитился слаженностью и четкостью, с которой всадники Мунтвига развернулись, готовясь ринуться в единственную щель между отрядами Хродульфа и Хенгеста... но с той стороны уже мчится рыцарская конница Леофрига.

Последняя щель заткнута, я видел, как Меревальд взмахнул рукой, посылая небольшие отряды в стороны, вдруг да сумеют выскользнуть, когда начнется грандиозная сеча, но мы этот момент обговорили особо, и Норберт, которому строго указано в бой не ввязываться, чтобы не отбирать славу у вартгенских лордов, уже закидывает вокруг места побоища широкую сеть из небольших отрядов своих конников.

Удар рыцарской конницы был страшен: каких бы элитных бойцов ни послал Мунтвиг в дальний поиск, однако под натиском тяжелых рыцарей на огромных конях, закованных в несокрушимую броню, они падали, как спелые колосья под косами умелых жнецов. Рыцари при всей тяжести доспехов умеют двигаться удивительно быстро, они давили легких конников могучими конями, рубили и разили без усталости молча, над холмом раздавались только звуки тяжелых ударов да отдельные крики ярости и отчаяния.

Лошади мунтвиговцев, отступая под натиском, оседали на крупы, а то и вовсе падали навзничь, а всадники то и дело соскальзывали на землю и прикидывались мертвыми, хороший трюк, чтобы потом, оставшись за спинами сражавшихся, вскочить на коня и умчаться со всей скоростью, какую удастся выжать.

Через несколько минут неистовой сечи стало ясно всем в пятитысячном войске, что это не сражение, а полное истребление его людей.

Я крикнул:

— Смотрите!

Но смотреть некому, все четыре верховных лорда, что боролись за трон, уже сражаются впереди своих людей, страшась уступить соперникам первенство в славе.

Я рассмотрел в гуще боя Меревальда, он ближе всех к нам с Лиутгардой и как будто чувствует на себе наши взгляды, дерется умело, даже мастерски, и вместе с тем расчетливо. Я даже залюбовался, от книжника такого не ожидал, потом подумал, что в этом мире нет лорда, который не умел бы орудовать мечом и драться конным.

Лиутгарда в азарте больно пихнула меня локтем в бок.

— Правда, он хорош?

— Не знаю, — ответил я честно.

Она сказала сердито, не сводя с Меревальда восторженного взгляда:

— Да посмотрите, как дерется!

— Ах, дерется, — протянул я.

За шумом боя не слышно было, как вожак мунтвиговцев отдает приказы, но часть его воинов мгновенно выстроилась «свиньей» и ударила в то место, где бойцы Хродульфа растянулись слишком уж, прорвали цепь и помчались по долине, круто заворачивая к северу.

Я представил себе огорченные лица верховных лордов, все-таки не совсем полная победа... Они не знают, что конница Дарабоса, что не уступает по скорости коням противника, сейчас ожидает их на свежих отдохнувших лошадях.

Я чувствовал, как меня дергает и раскачивает, как небольшой камешек на морском берегу в полосе прибоя. Вся натура требует ринуться туда, в гущу боя, и — разить, давить, крушить, повергать, утверждать свою победность альфа-самца в этой резне, лужах крови, в сладком хрипе умирающих врагов.

Лиутгарда тоже повизгивает в боевом азарте, потому я сделал спокойное лицо и отпускал деловитые реплики, словно мне лет сто, а подобных битв у меня несколько тысяч.

Последняя большая схватка бурлила прямо под холмом, откуда я наблюдал за сражением. С полсотни воинов еще сражаются, почти все уже без коней, но вскоре их стоптали, безжалостно зарубили и быстро прошлись по всему заваленному трупами полю, выискивая раненых врагов и добывая на месте.

Лиутгарда нахмурилась и отвернулась.

— Как-то слишком легко, — сказала она в недоумении. — Неужели Мунтвиг так слаб?

— За этой легкой конницей, — предостерег я, — идет рыцарская, что не уступит этой нашей.

— А ее много?

— Много, — заверил я. — Еще не видели карту?..

— Вы так верите своим лазутчикам? Не преувеличивают?

— Верю, — сказал я скромно. — Хотя я и себе порой не верю, дурак какой-то, что несет, но этим лазутчикам... Они же не умничают, просто донесли, что увидели. Я простым всегда верю больше. Жаль, что я вот весь из себя такой сложный, загадочный и задумчивый...

Она фыркнула, повернулась снова к полю битвы.

— Значит, силы с Мунтвигом равны?

— Он сумеет поднять весь север, — пояснил я, — так что преимущество пока что у него. Но только в силе. А Бог, как я слышал, в правде.

Глава 8

Поле боя медленно покидают вартгенские рыцари, некоторые пошатываются, им помогают переступить через трупы, подсаживают на их или чужих коней, убитых мунтвиговцев осматривать погнушались, зато норбертовцы деловито осмотрели наиболее знатных, те отличаются кожаными доспехами, проверили тугие пояса с тайными кармашками, срезали мешочки с монетами, у некоторых забрали оружие.

Оруженосцы торопливо ставят на краю поля гигантские шатры. Я тяжело вздохнул, надвигается неизбежный нелепый пир, несколько дней будут пить и бахвалиться подвигами.

Хродульф, Меревальд, Леофриг и Хенгест уже нашли друг друга на поле, идут в сторону шатров чуть ли не в обнимку. Даже мне слышно, как ликующе поздравляют друг друга с великолепнейшей победой, на какое-то время целиком забыв о соперничестве. Все хороши в интригах, хозяйствовании, стратегическом планировании, но как же, оказывается, приятно и восхитительно вот так ударить противника, превосходящего числом, пусть и ненамного, и сокрушить, уничтожить, втоптать в землю, завалить его трупами все огромное поле!

Хродульф, увидев меня, вздохнул с громадным облегчением.

— Знаете, ваше высочество, — заявил он громогласно, — о чем я взмолился, когда рубился с проклятыми захватчиками?

Меревальд предположил весело:

— Чтобы сэр Ричард не принял участие в битве и не отнял у нас славу?

Хродульф помотал головой.

— Наполовину угадали, благородный Меревальд. Чтобы сэр Ричард не ринулся в битву, иначе уже ничто не удержит нашу благородную принцессу на месте!

Я сказал сокрушенно:

— Вы не поверите, но у меня до сих пор руки и плечи ноют, так ее удерживал. Уже собирался связывать!

Лиутгарда смущенно улыбалась, по-прежнему сияющая и сверкающая, хотя да, грудь все равно привлекает внимание больше, чем ее лицо и глаза.

Лорды не особенно и огорчились моим решением выступить вперед вместе с Норбертом и его воинами. Нам так проще, объяснил я, высылать во все стороны разъезды и получать от них сведения вовремя.

Лиутгарду я уговорил остаться в обществе верховных лордов, это цвет всего Варт Генца, наиболее знатные и влиятельные люди, ей будет комфортно и безопасно, а я пока посмотрю дороги впереди и подготовлю для них всех хорошие квартиры в городах Бриттии.

За спиной остались разноцветные праздничные шатры на краю покрытого трупами поля, как будто можно такое праздновать и петь веселые песни, синее небо стало черным от налетевшего воронья, а от злобного карканья звенело в ушах и начала болеть голова.

На землю торопливо опускаются целые стаи стервятников, быстро и жадно рвут еще теплое мясо.

Я смотрел холодно и злобно, в груди настолько едкая горечь, что уже выжгла все и взаимоуничтожилась, не находя новой пищи. Это же столько крепких рабочих рук потеряно, столько сильных здоровых мужчин сейчас лежат, раскинув руки, а вороны выклевают им глаза, ночью волки и лисы придут выдирать внутренности!

Погибли сильнейшие и самые здоровые, а слабые да больные остались дома. Что за поколения будут через сотни лет, если вот так продолжим взаимоистреблять в войнах и сражениях самых сильных, молодых и отважных?

Норберт, поглядывая на мое темное лицо, произнес осторожно:

— Ваше высочество?

Я вздохнул, сказал невесело:

— Как политик, я уверен, что даже самая зверская драка приличней любой войны! Но как олицетворитель духа и понятий... тех, что разлиты в воздухе, я должен... ага, должен! Но тогда не понимаю, я веду за собой или меня ведут, как козу на базар?

Он буркнул:

— Все войны начинаются из-за избытка миролюбия.

— Иногда мне кажется, — сказал я, — что единственная война, которая вызвала понимание, Троянская. Там дрались из-за женщины, и мужчины знали, за что воюют.

Он возразил:

— На войне убивают по разному поводу, не только из-за женщин! Правда, всегда из самых лучших соображений. И чтоб всем было хорошо.

— Ну да, потом.

— Жизнь такая, — сказал он, — чтоб ее легче переносить, солдат надо учить, как обходиться без жизни.

Потом оба умолкли, тема нехорошая, Норберт не юный рыцарь, что с восторгом ищет упоение бою и смерти мрачной на краю, а относится к войнам с мрачным спокойствием, как к неизбежным неприятностям в жизни.

Не останавливаясь, мы продвигались в глубь Британии, а это значит — навстречу основной армии Мунтвига. Перебрались вплавь через две широкие и спо-

койные реки, не потеряв ни одного человека, я похвалил за тщательный отбор в такой отряд, дальше долго двигались по достаточно хорошо пробитой копытами и колесами дороге, уходящей на север почти по прямой и очень неохотно огибающей дремучие леса и глубокие озера.

Норберт сообщил, что здесь раньше вообще дорог не было и в помине, все пользовались реками, так меньше всего затрат на передвижение. Леса здесь дремучие и богаты всяким зверем, реки кишат рыбой, на озерах и болотах полно птицы, но земля слишком уж ровная, как столешница, мало укрытий вроде горных цепей, и потому здесь чаще всего прокатывались нашествия.

Эти земли, плодородные и с мягким климатом, уже века, если не тысячелетия, являлись исполинским полем битвы. Просторы, способные вместить не одно королевство, никому по сути не принадлежали, хотя соседние королевства, Ирам, Шумеш и даже Гиксия, порой рисуют на своих картах эти земли, как принадлежащие им, отхватывая от Бриттии солидные куски.

Норберт сообщил с иронией, что здесь быстро укореняются возникающие как из-под земли вольные шайки разбойников, что огораживают свой лагерь частоколом, строят башни и объявляют это место городом. И вскоре вот так все земли на сотни миль во все стороны покрываются этими городами-государствами, что со временем начинают даже вести друг с другом войны.

Я спросил в недоумении:

— А почему? На старом месте досаждают налогами?

— И это есть, — согласился он, — но главное, что на старом земля быстро истощается, а тут каждое зерно пшеницы с лесной орех, земляника с клубнику, а клубника с яблоко!.. Овцы и коровы дают двойной помет, а травы тут такие, как видите, хоть нашего брата Вангардия корми...

Хмурый и строгий Вангардий, что едет неподалеку, как наша совесть, что особенно должна присматривать за властными структурами, хмыкнул, но смолчал.

Норберт кивнул в его сторону.

— Видите? В свой адрес что угодно стерпит, а вот посмей при нем зацепить церковь, вселенскую справедливость...

Я сказал безнадежно:

— А есть она, справедливость, да еще вселенская?

Вангардий пришпорил коня, поравнявшись с нами, крикнул с укором:

— Ваше высочество! Всякий человек, превосходящий других по интеллекту и нравственным качествам, помимо своей воли или желания отвечает за других. Если для вас это новость...

— Нет, — отрезал я, — но могли бы сказать хотя бы на пару лет раньше.

— Мы, — напомнил он ясно и строго, — тогда были еще незнакомы.

— Ну вот, — сказал я обвиняюще, — а еще говорите, что церковь всесильна и все зрит!

— У церкви несколько иные задачи, — заметил он сухо.

— Ну да, — согласился я, — создаем воображаемый мир, который приносит вполне реальные выгоды, если заставить жить в нем других, искренне верующих!

Норберт хмыкнул, понял, что мне совсем не хочется говорить о серьезном.

— Этим краем, — сказал он, — правит закон сильного. За частоколы выходят только пастухи с многочисленным скотом и охраной, да еще охотники за добычей, обычно выслеживающие себе подобных.

— Что за жизнь? — спросил я.

Вангардий тоже сказал строго:

— Что за жизнь, если живут без Господа?

— А если живут с ним? — возразил я.

Он покачал головой.

— Я не увидел ни одной церкви за всю дорогу!

— Не уверен, — пробормотал я, — что они так уж нужны. Во всяком случае в начальном периоде.

Я видел, как в ужасе расширились его глаза, на всякий случай прикусил язык, он хоть и послушник, но готовится стать не то монахом, не то священником, а я тут несу такую крамолу...

Усталые кони то и дело переходят на шаг, Норберт вскинул руку, призывая к вниманию.

— Небольшой привал!.. — прокричал он громко. — Отдых на пару часов. У ближайшего ручья.

Кони то ли все поняли, то ли зачуяли впереди воду, но сами ускорили бег, впереди показалась небольшая группа раскидистых деревьев, даже я знаю по опыту, что своими роскошными ветвями и зеленью обязаны близкой воде.

Ручеек довольно шустрый, хоть и выбивается прямо из-под корней, но бежит с таким азартом, словно чувствует в себе мощь будущей реки.

Всадники торопливо соскакивали на землю, снимали седла, кто-то сперва ополоснулся сам, потом дал напиток коню, что как-то не по-мужски, другие собирали ветви для костра и вытаскивали свертки с едой.

Бобик, натаскав дичи, среди которой три диких козы, четыре кабана и уйма гусей, которых он просто обожает ловить, лег у костра и с удовольствием смотрел, как свежуют мясо и потрошат птиц.

Норберт прикрикнул на одного:

— Сигунд!.. Ты чего лег? Безделье — не отдых!

Алан протянул мне бурдюк с вином и сказал доброжелательно:

— Ваше высочество, устали? У вас вид какой-то потрепанный. Словно у бабочки, что побывала в руке ре-

бенка. Ничего, из всех лекарств лучшие — отдых, вино и вот этот жареный гусь.

— И женщины, — добавил кто-то. — Можно не жареные.

Я ответил с тяжким вздохом:

— Что-то мне кажется, Господь создал нас не для отдыха.

— Отдых, — проговорил Норберт степенно, — лучшая, хоть и редкая возможность подумать о делах.

Возле нас опустился на траву брат Вангардий, лицо строгое, даже суровое, сказал наставительно:

— Отдых — это возможность подумать о Боге!.. Ваша светлость, мне кажется, вы о нем думаете либо мало, либо совсем не думаете.

Норберт нахмурился, не смеют простые воины говорить так с принцем, но, с другой стороны, Вангардий не воин, а монахи всегда славились бесстрашием в обличении грехов и пороков сильных мира сего.

Более того, им это почти прощается, как всяким, кто сам не понимает, о чем ляпает языком, как бодрая корова хвостом.

— Брат, — сказал я как можно деликатнее, — вы почему-то уверены, что я о Боге думаю так мало?

— Увы, — ответил он сурово, — у меня создалось именно такое впечатление.

— А позвольте, — сказал я вкрадчиво, — поблажусь перед вами своим знанием Священного Писания?

Он сказал с недоверием:

— Своими словами или процитируете?.. Своими не стоит, ваше высочество, а то иной раз такое плетут, что повеситься хочется, хотя это и смертельный грех.

— Процитирую, — пообещал я.

— Тогда, — сказал он, — прошу. Но, предупреждаю, я тоже знаю Священное Писание назубок.

— Иисус Христос дал нам такие заповеди, — сказал я. — «Когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прощения у Него».

Я умолк, а он, почуяв нечто тревожащее, насторожился и смотрел на меня выжидающе. Я ждал, он наконец произнес нехотя:

— Да, слово в слово, как сказано в Писании... но к чему это?

Я сказал благочестиво:

— А то, что мы все дальше уходим от слов Иисуса и начинаем домысливать свое. Потому нужно время от времени возвращаться к истокам. Иисус сказал четко и ясно: всякий, кто молится публично, то есть в церкви, — лицемер!

Его передернуло от такого кощунства, но с ходу возразить не смог, смотрел беспомощно, потом лицо его просияло, и он сказал с облегчением:

— Но ведь сам Иисус назначил Петра главой будущей церкви!

— Да, — согласился я, — но не сказал, чем новая церковь должна заниматься! Во всяком случае не тем, чем занимались в языческих храмах, хотя жертвы все еще приносят, пусть и не человеческие, но этот ладан, свечи... Впрочем, мне без разницы, одно знаю четко, что церковь не для молитв. Иисус это сказал ясно и внятно.

— Тогда... зачем церкви?

— Не знаю, — ответил я честно. — Может быть, для конференций? Или для тех, кто сам не в состоянии разобраться со своими проблемами и потому идет к профессионалам?.. Но если человек здоров, то он годами не заходит даже к лекарю, не говоря уже о больнице!

Он нахмурился, но я терпеливо ждал ответа, и он наконец проговорил сдержанно и с холодком в голосе:

— Ваше высочество, я не стал бы оспаривать... решения церкви.

— А какие я оспариваю? — изумился я. — Просто ответил, что если в этом краю нет церквей, то это не значит, что здесь плохие христиане. Это значит только, что они разговаривают с Господом напрямую. Без переводчиков. Думаю, Господь понимает каждого. А вы как думаете?

Он насупился, поднял с земли Библию, с которой не расстается, и удалился.

Кони отдохнули, их покормили овсом из торб, наконец они начали лениво пощипывать молодую сочную траву, и Норберт поднялся, суровый, подтянутый и строгий.

— По коням!

Глава 9

Мы проезжали мимо этих городов, если их можно так назвать, даже ограда свеженькая, явно все построили этим летом, а из деревянных сторожевых башен на четырех высоких столбах в нашу сторону с подозрением смотрят часовые и делают вид, что натягивают луки.

Землю пахут и сеют там прямо под стенами городов, рыбаки уходят к реке забрасывать сети только в сопровождении охраны, эти тоже сразу разворачивались в нашу сторону и готовились к драке.

Норберт пробурчал с некоторой завистью, что окупается даже такая охрана: скот дает богатый приплод, от зерна ломаются амбары, а рыбы ловят в здешних реках и озерах столько, что ею можно прокормиться весь год.

— Но Карл прошел здесь?

Он кивнул.

— Да, здесь прокатывались и настоящие нашествия. Такие, что остановить мог бы только Господь Бог. Последним по времени было совсем недавнее.

Я пробормотал:

— Император Карл вел исполинскую армию на завоевание всего мира, еще не представляя, насколько он необъятен. И это ужаснуло и ввергло в печаль...

Наши конные отряды уходили далеко вперед, а там выпускали вперед и в стороны разъезды по два-три человека, глаза и уши любой армии.

Норберт регулярно и добросовестно докладывал, что у нас впереди, я кивал и благодарил за четкую работу, хотя сам ночью то и дело взмывал в небо и просматривал с большой высоты, но видел только такие же легкие отряды разведки.

Разведчики донесли, что в первой армии Мунтви-га, вторгнувшейся в Бриттию и направляющейся в сторону Варт Генца, около двадцати тысяч только тяжелой конницы, тридцать легкой, а сколько пехи, пока не знают, похоже, и сами командиры Мунтви-га. Взыграли и бывшие вожаки племен и отрядов, что раньше входили в армию Карла, теперь они, демонстрируя преданность новому хозяину, идут впереди, показывая места, где сражались и побеждали.

Сколько во второй армии, пока знаю только я, с высоты определив эту конную и пешую массу в сорок-пятьдесят тысяч человек, там только, как понимаю, прежняя мунтвиговская армия, а в первой по большей

части бывшие карловцы с командирами частей от Мунтвига.

Королевства, что лежат на пути Мунтвига, по-прежнему — история с нашествием Карла ничему не научила! — занимаются мелкими сварами, борьбой за престол, грызней за приграничные и спорные земли, изнуряют себя и соседей ссорами и раздорами, бесконечными мелкими войнами всех против всех, бунтами баронов, междоусобицами, близорукой политикой королей и своеволием крупных лордов.

Другое дело — Мунтвиг, по его слову поднялись войска на всех землях, где он водрузил свое грозное знамя. Разведчики докладывают, что даже среди захваченных в плен лазутчиков есть люди из Аганда, Сизии и Меции, что расположены к востоку от Арендских гор, но есть из Ругенда и Ясти Депра.

Легкая конница Мунтвига все прибывает, а так как из-за многочисленности идет широким фронтом, я послал гонцов к верховным лордам, порекомендовал Хродульф у повести свои войска в бриттскую Корнушир, крепость в сотне миль от границы с Варт Генцем, Хенгест отправится в Поллок, а Леофриг в Вайткаб, там крепость слабая, но хорошее место для обороны, где противник вынужден будет передвигаться очень долго по узкому ущелью.

Хотя крепости как раз значения в данном случае имеют мало, конники Мунтвига пройдут мимо, им важно углубиться как можно дальше, а там грозная слава Мунтвига сделает свое дело: кто-то примет покровительство северного вождя и откроет ворота, кто-то постарается убратся с дороги...

Подавая гонцу запечатанный свиток, я добавил:

— Скажи еще и сам, тебя все равно будут расспрашивать, что это не приказы, а всего лишь рекомендации.

Он сразу насупился, преданный мне до не могу, сказал недовольно:

— Разве вы не властелин Варт Генца?

— Потому и властелин, — ответил я мирно. — Возможно, лорды решат поменяться местами, это их дело. Главное в том, что местные ждут их как спасителей, я об этом уже договорился с королем Бриттии Ричмондом. И прием им окажут королевский.

Он ответил со вздохом:

— Все передам, ваше высочество.

— С Богом, — сказал я.

Примчались первые разведчики от Шварцкопфа. Его Прославленная и Познавшая Радость Побед уже прошла из Мезины по границе с Турнедо и Бурнандами, вступила в Варт Генц. Я немного напрягся, как бы в Шварцкопфе не проявила себя злость и недоверие к вечно угнетавшим скарляндцев вартгенцам, однако тот даже не упомянул о местных, сухо и деловито сообщил, что двигается ускоренным маршем, усталых солдат сажает на телеги, через неделю-другую пересекут Варт Генц и выйдут на границу с Бриттией.

Гонец, типичный скарляндец по виду, молодой и весь жертвенный, с загорелым лицом и горящим взором, смотрит на меня с обожанием и восторгом, как на человека, что спас Скарлянды от поглощения Варт Генцем и пообещал сделать королевством.

— Отлично, — одобрил я, — теперь срочно ответь мой ответ и новый наказ...

— Да, ваше высочество?

— Пусть идет дальше, — велел я. — Вглубь Бриттии. Это уже не Бриттия!

— Ваше высочество?

— Исполинское поле, — сказал я торжественно и мрачно, — грандиозной битвы! Да-да, я зрю ее в ближайшем будущем. И решится судьба многих королевств, и даже империй...

Гонец с готовностью подхватился, почти подпрыгнул от рвения:

— Разрешите выполнять?

— Не потеряй письмо, — сказал я строго.

Он сказал испуганно:

— Письмо?

— Ах да, — ответил я. — Приказ настолько важен, что передашь на словах.

Он ринулся к коню, с разбега прыгнул в седло и умчался, с каждым мгновением набирая скорость. Я вздохнул и повернулся к своему арбогастру, но вздрогнул всем телом: в двух шагах из ниоткуда появился высокий человек в плаще до земли и с надвинутым на лицо капюшоном.

Я сплюнул сердито, Бобик отпрыгнул в удивлении, никогда не видел от меня такого странного поведения.

— А ты чего молчишь? — сказал я раздраженно. — Не видишь, что Хреймдар меня чуть заикой не сделал?

Хреймдар откинул капюшон на спину, лицо улыбочивое, но в глазах изумление.

— Я так старался, чтобы меня никто не узнал, — проговорил он, — и как это вы?.. А ваша собачка меня просто помнит, как друга.

— Я мог бы с перепугу склеить ласты, — сказал я сварливо, — как ты здесь оказался? Снова мне что-то грозит?

В нашу сторону направились воины с обнаженными мечами, я помахал им рукой, и они направились обратно.

Хреймдар покачал головой.

— Нет, ничего. Во всяком случае, намного меньше, чем если бы оставались где-то во дворце, где не только защита, но и тайные лазейки, о которых часто не знают сами хозяева.

— Это мне уже знакомо, — пробормотал я. — Так почему здесь? Я уж и не спрашиваю как.

— Вы мудрый человек, — сказал он одобрительно, — несмотря на молодость. Правда, ваша мудрость, не в обиду будь сказано, заслуга вашего окружения, как я понимаю, где вы воспитывались.

— Обижаете, — сказал я.

Он развел руками.

— Просто до некоторых понятий доходят с возрастом, только с возрастом. И если вы говорите то, что на самом деле поймете, уж не обижайтесь, только лет через двадцать-тридцать, это значит, вы усвоили такие ценности со слов авторитетов, которым доверяете. Ваше высочество, я понял, что вы двинетесь через Британию навстречу Мунтвигу, а это значит, вам придется пройти через одно уникальное место, где мне очень хотелось бы побывать...

— Инстинкт исследователя, — сказал я осуждающим тоном. — Тут интересы королевств на волоске, вся судьба человечества на развилке, прогресс можно затормозить, а то и вовсе отбросить в пещеры, а вы все научничаете? Эх...

— Так вы пойдете через плато Синих Голосов? — спросил он.

— Не знаю никакого плато, — ответил я.

— Хотите покажу на карте?

Я спросил заинтересованно:

— А насколько ваши карты точны?

— Увы, — сказал он, — они ничего не имеют общего с... народными.

— А-а-а, — сказал я разочарованно. — В общем, мы спешим навстречу Мунтвигу, как и он спешит поскорее захватить побольше. У нас одни слезы, а не армия, но и Мунтвиг выслал далеко вперед только легкую конницу, что весьма уязвима без смычки с другими родами войск. Что у нас получится, только Всевышний знает. Так что нам будет совсем не до научно обоснованного, хоть и не оправданного будущей моралью грабежа древних могил, если вы это имеете в виду. Пусть они даже и принадлежат к чуждым нам культурам.

Я перекрестился, глядя на него требовательно, однако он только наклонил голову, вроде бы из почтения перед Творцом, но креститься не стал.

— Как жена и Берхт? — спросил я.

Он кивнул:

— Спасибо, они в порядке. Я ценю, что вы поинтересовались о них в самом конце. Если я правильно понял ваш вопрос в такой постановке, то семейная жизнь весьма привлекательна, но не настолько, какой казалась, когда я встречался с сестрой королевы тайком, всякий раз рискуя жизнью. Так что все хорошо, жена и ее сын счастливы, а я... могу продолжать заниматься еще и своими исследованиями.

— Вдобавок к семейному счастью?

— Да, ваше высочество. Иначе оно не выглядело бы счастьем. Так мне позволено будет ехать с войском? Я постараюсь затеряться в арьергарде, чтобы не докучать вам и вообще не попадаться на глаза.

— Да-да, — сказал я, — мудрое решение. Ослы и ученые в середину!.. Прекрасная команда, не правда ли?.. Вы будете лететь с нами или вам нужно подобрать коня? Желательно, такого же интеллигентного?

— Ваше высочество, — воскликнул он обрадованно, — вы читаете мои мысли! Увы, лететь не смогу, да-

же одноразовое применение магии требует огромного ее расхода. Если не по мелочам, конечно... Хорошо бы, конечно, коня. У ваших людей почти сотня заводных.

— Хорошо, — проворчал я. — Эй, Алан! Найди коня сэру Хреймдару!

— Я не сэр, — сообщил Хреймдар.

— Тогда будете хворост таскать, — сказал я, — рыбу чистить и коней поить.

Он проворчал задумчиво:

— Да, что-то в этом сэрстве есть... С другой стороны, лучше хворост таскать и рыбу чистить, чем подставлять голову под чужие мечи или когти огров.

Глава 10

С утра в низинах лиловатый туман, даже солнце смотрит сперва сквозь него, странно огромное и красное, но пока поднимаемся, седлаем коней, короткое утро незаметно переходит в день.

Сегодня едва выехали, Норберт насторожился, начал ерзать в седле. Я быстро проследил за его взглядом, высоко в небе в нашу сторону движется большая стая птиц, за нею еще одна, побольше, но не это встревожило, как понимаю, чуткого командира полевой разведки.

Еще несколько стай несется ниже, а над самой землей их вообще масса: куропатки да перепелки, им никогда высоко не взлететь, как и толстозадые дрофы, что идут тяжело, как перегруженные медом шмели.

Алан за нашими спинами сказал с удовлетворением и даже как-то игриво:

— А кто это их там гонит, а?

— Типун тебе на язык, — сказал я.

Он спросил обиженно:

— Разве не должна нас охватывать радость при виде приближающегося неприятеля?

— Меня охватит радость, — сказал я, — когда сюда подойдет хотя бы двадцатитысячная армия Шварцкопфа.

Норберт заметил осторожно:

— Мне кажется, еще раньше должны подойти из Турнедо войска барона Максимилиана фон Брандесгерта. Я видел его пехоту нового образца и, скажу честно, впечатлен. Благородный человек взялся за командование простолюдинами — это не столько рыцарский поступок, как христианский, исполненный глубокого смирения.

Алан важно кивнул, я нахмурился и ответил чуть-чуть резко:

— Он уже не барон, а граф, это первое. Второе — он непревзойденный мастер тактики и умелого перестроения войск. Меня мало впечатляют герои, что в одиночку бросаются на стотысячное войско и красиво погибают в первые же мгновения без всякой пользы для моего высочества или хотя бы для Отечества и демократии. Меня впечатляет то, что пехота Макса выдерживала все удары рыцарской конницы, а потом перешла в наступление!

Норберт проговорил смущенно:

— Ну, как бы... я это и хотел сказать... только у меня получилось не так... Ваше высочество, мне кажется, надо бы пойти неприятелю навстречу. К вечеру он обязательно расположится на ночлег...

— А так как опасности пока не чувствует, — поддержал Алан, — то обоснуется свободно. Даже часовых если и поставит, то просто по привычке.

Норберт отдал приказ двигаться навстречу со всей скрытностью, использовать овраги, ложбины, прятаться за лесами и рощами.

Птиц становилось все больше, а затем показались бегущие нам навстречу стада оленей, косуль, дикий свиней.

Алан сказал сожалеюще:

— Эх, сколько дичи... Но рука не поднимется бить.

— Почему?

— Беглецы, — ответил он. — Им помогать надо. Беженцы, как-никак.

— Дай им травки, — издевательски сказал один из воинов, однако и сам удержал руку с копьём, пока на расстоянии броска пробежало целое стадо обезумевших от страха оленей.

Через пару часов мы рассмотрели темную массу, что медленно двигается в нашу сторону. Я сосредоточился, в голове зазвенело, а перед глазами задвигались увеличенные ветви кустов. Долго всматривался, но везде только кони, стиснутые так плотно, словно движется одно тысячеголовое чудище.

— Кони, — сказал я с недоумением. — Огромный табун...

— Значит, — откликнулся Норберт, — табунщики сзади. Молодец Мунтвиг!.. Запасных коней вперед, в обозе катапульты и стенобитные машины, справа и слева везут продовольствие войску... Все рассчитано точно.

— Точно табун? — спросил Алан с надеждой. — Тогда мы лишим Мунтвига такого сокровища. Они остановятся на привал скоро, вот увидите!.. Двигаются ночью, чтоб жара не докучала, днем спят, а кони пасутся до вечера, как заведено. Вы, главное, разузнайте насчет стражи!

— Я разузнаю, — вызвался один из воинов.

— Пусть идет, — сказал Норберт. — От него ни один муравей вон в том дальнем лесу отсюда не укроется!

— Только не попадись, — сказал я добровольцу.

Он благодарно улыбнулся, соскользнул с коня и, пригнувшись за кустами, неслышно исчез.

Мы ждали, затаившись там же в лесу, наконец он появился и прошептал так тихо, словно противник уже в паре шагов:

— Табун в самом деле хорош, кони отборные, их около трех тысяч.

— А охрана?

— Охраны нет, — сказал он счастливо, — только табунщики, они же и охрана.

— Сколько?

— Пятьдесят человек. А зачем им больше? С табуном управятся, а впереди, как они знают, на сотню миль нет противника.

Я сказал властно:

— Всем затаиться и ждать.

Время течет медленно, земля уже подрагивает от тяжелого топота двенадцати тысяч копыт, хорошо хоть не подков, вообще бы все тряслось, но пыли почти нет, кони двигаются по высокой траве, уже предвкушают, как и попасутся, и поваляются в ней...

Норберт прошептал Алану, чтобы тот взял свой отряд и, обойдя табун, спрятался на той стороне. Его люди исчезли вслед за командиром так же неслышно, словно не воины, а призраки.

Табун тем временем остановился перед широким ручьем. Кони сперва пили с жадностью, но некоторые сразу разбрелись в поисках самой сочной травы, явно не голодные, отдельные весельчаки сразу брыкнулись на спины и весело катаются, приминая траву, то ли нежатся, то ли сгоняют оводов.

Мы наблюдали, как табунщики покидают седла, коней стреножили и отвели в тень, а сами там же на опушке быстро разложили костер, из мешков появи-

лось мясо, хлебные лепешки, из седельных сумок принесли бурдюки с вином.

Даже я ощутил запах жареного мяса, а табунщики, тихо переговариваясь, обедали сперва сыром и хлебом, а когда мясо на прутьях прожарилось, быстро разобрали и пожирали с довольным чмоканьем: мясо — еда мужчин, а не всякий там сыр, как же он надоел...

Мы терпеливо наблюдали, как они насыщаются сперва быстро и жадно, потом уже сыто и лениво, отсапываясь и поглаживая вздувшиеся животы.

Наши все шептали мне и Норберту, что пора напасть, я молчал, не снисходя до общения, Норберт порывивал, а самым нетерпеливым подносил молча под нос огромный кулак.

У табунщиков после обильной трапезы по рукам пошел бурдюк с вином, затем второй, народу много, и хотя все схоронились в тени от солнца, но воздух прогрелся так, что и в кустах, как нам известно по себе, жарко.

Я видел, как то один, то другой обрывает вялый разговор, голова падает на грудь, и слышится мерный спокойный храп.

Норберт, как самый опытный в подобных набегах, заставил нас прождать еще около четверти часа, пока табунщики не разомлели совсем, наконец сказал тихонько:

— Пора!

Алан поднес кулак под нос самому из нетерпеливых соратников, и тот послушно пошел тихохонько.

Очень медленно, замирая на каждом шагу, мы окружили спящих со всех сторон.

Норберт взглянул на меня, я кивнул, и он сказал негромко:

— Пленных не брать.

Стальные полосы почти одновременно обрушились на спящих. Только один успел вскочить и схватиться за нож, но следующий удар рассек его до пояса.

Убитых оказалось сорок пять табунщиков, еще пятеро оставались с их верховыми лошадьми, как у них заведено, троих пришлось зарубить, но двоих взяли живыми, хоть и сильно помятыми.

Алан притащил их со связанными руками к их же костру. Те упирались, но их бросили на землю рядом с огнем. Несколько человек из нашего отряда поверх заходящих углей вывалили все приготовленные табунщиками ветви.

— Хорошо горит, — сказал Алан с удовольствием. — Чистого огня удостоитесь, мерзавцы!

Пленники дрожали и смотрели перепуганными глазами.

— Мы только табунщики, — взмолился один. — Мы не воины!

— Воины выполняют приказы, — сообщил я, — а виноват их командир. Вы же вольнонаемные, так что отвечаете за свои дела и поступки. Давайте рассказывайте, что знаете про армию, что двигается следом.

Алан предложил:

— А можно я сразу им пятки в огонь суну? Так надежнее.

— Мы все-все расскажем! — закричал один.

Второй только трясся и стучал зубами. Как выяснилось, о войске они знали только то, что впереди идет легкая конница, сейчас их около десяти тысяч, но сказать точно нельзя, отряды то уходят, то приходят, а их дело всегда иметь запас свежих коней именно для сэра Ховарда Нердермейера, что со своими конниками идет впереди, расчищая дорогу для тяжелой панцирной конницы и тяжелой пехоты.

Конечно, никто и мысли не допускает, что в этих безлюдных краях на них может кто-то напасть, потому все движутся так беспечно. Сам сэр Ховард Нердермейер в двух сутках пути сзади, слева от него идет с таким же легкоконным войском Бренди Лендфорд, а справа Малькольм Вильямс, что соперничает с обоими воителями славой.

Я слушал внимательно, в одном месте сказал медленно:

— Что-то врете, голубчики...

Один вскричал:

— Ваша милость! Как перед Богом!

— Ваш сэр Малькольм Вильямс в неделе пути, — сказал я, — а не в двух днях. Он отстал от всех и продолжает отставать.

Они посмотрели на меня в ужасе, Норберт довольно крикнул, а воины за его спиной радостно загалдели.

— Ваша милость, — взмолился табунщик, — я не думал, что это так важно!.. Сэр Вильямс в самом деле отстал, но следом за нами идет именно Ховард Нердермейер, у него грозная слава!

Алан сказал гордо:

— Собьем рога и этому Ховарду! Подумаешь... у нас во дворе утку звали Ховардом.

Глава 11

Победа делает людей великодушными, пленных еще малость попинали, но уже без злобы, а когда снова поднялись в седла, оставили их у костра связанными, но живыми.

В глубь Бриттии продвигались уже медленно, часто останавливаясь, а я ночью застенчиво уходил вроде бы

по нужде, а там взптеродактилевал ввысь и облетал окрестности, как мрачный демон, дух изгнания.

Особой опасности все еще не видел, однако стоянки конных отрядов Мунтвига становятся все крупнее, забираются все дальше, а там на севере в ночи земля вся бывает покрыта огоньками костров частей основной армии.

Войска Хродульфа, Хенгеста, Леофрига и Меревальда, что спешно двигаются лишь с остановками на ночь, углубились в Бриттию, от них то и дело нас настигают гонцы с докладами, что население встречает их восторженно, как освободителей, хотя до столкновения с частями армии Мунтвига еще не дошло.

Однажды разведчики, посланные далеко в сторону, примчались с радостной вестью, что нас практически догнала остальная легкая конница и теперь наша неполная сотня разрастается до пяти тысяч человек.

Я присвистнул, озабоченно покрутил головой.

— Пять тысяч уже не спрячешь... Сэр Дарабос, пора отыскать надежную крепость, чтобы в случае чего укрыться за стенами.

Он поморщился.

— Хороша разведка, что прячется в крепости!

— Мы пока действуем в отрыве от основных частей армии, — пояснил я. — Лучше всего, конечно, прятаться за копейщиками Макса или рыцарской конницей, но... пока есть, что есть.

Ближе к вечеру выехали прямо к небольшой деревушке, что прилепилась к подножию не длинной, но достаточно высокой горной цепи.

Я рассмотрел наших разъездных, они в нетерпении вертятся в седлах, а перед ними трое крестьян мнут в руках шапки и, часто кланяясь, что-то горячо объясняют.

Норберт прищпорил коня и, оставив меня, ринулся вперед. Я смотрел, как он сам выслушал крестьян, хмуро и с нетерпением задавая придирчивые вопросы, все время поглядывал по сторонам, и чувствовалось, вот-вот пошлет их прочь.

Я крикнул издали:

— Что там?

Он повернул коня и красиво примчался мне навстречу, со стуком взметывая пыль из-под копыт.

— Да вот пришли, местные. С просьбой.

— А они что, не видят, что мы не бриттяне?

— Видят, конечно.

— Хорошо, — определил я. — Что они хотят?

Он поморщился.

— В их деревню повадился огр. Спускается вон с тех гор. Разоряет дома, забирает еду, похищает скот.

— А они что... просят помощи?

Он хмыкнул.

— Да. Им без разницы, кто мы. Раз рыцари, значит, обязаны защищать.

— Они правы, — ответил я с надлежащей напыщенностью. — Рыцари обязаны защищать тех, кто защитить себя не в состоянии. Пойдем, расспросим о повадках огра, о дороге, по которой ходит...

— К кому ходит, — добавил Алан в тон, — а то вдруг он к какой-то из местных баб повадился?

Конечно, никакой огр не выдержит страшного удара конного рыцаря в тяжелых доспехах, выставившего длинное копьё с острым жалом стального наконечника и скачущего на огромном коне, тоже покрытом стальными латами.

Рыцарь сливается с конем в единое целое, это настоящая несокрушимая машина смерти, закованная в сталь, и каким бы ни был огр огромным, копьё пробьет его насквозь и выйдет со спины.

Вот только этот маневр годится на ровной местности, где конному есть где набрать скорость для удара всей массой, но деревушка прилепилась у основания горы, что так хорошо защищает ее от свирепых ветров.

Если попытаться подстеречь огра на одной из тропок, по которым он спускается, то преимущество останется за огром не только из-за длины его рук. Он просто может закидать поджидающих его внизу рыцарей огромными глыбами, что сплюшат их и превратят даже не знаю во что.

Пока мы прикидывали, как выманить и справиться с чудовищем, прискакал Хреймдар на добротном коне, явно подкупил стражей, выбрал лучшего, крикнул бодро:

— Ваше высочество, с вашего позволения я приму участие!

— Откуда такой воинский дух? — спросил я с изумлением. — Хорошо, езжайте с нами.

Разведчики Норберта из всех тропок, ведущих со склона горы вниз, где отчетливо видны следы когтей огра, выбрали три самые протоптанные, так сказать, и расстелили на земле сети, чуть присыпав их листьями.

Огра пришлось ждать долго, уже и полночь прошла, наконец на вершине послышался шорох, покати́лся мелкий камешек. Затем, заслоня звезды, проступило могучее коренастое тело.

Спускался огр быстро и ловко, передние лапы почти такие же длинные и сильные, как и задние, прыгал через большие валуны, сокращая дорогу, миновал сеть, рядом со мной Норберт взмолился Господу, чтобы монстр запутался хотя бы в последней сети, разложенной уже на склоне с горы, а я зашептал, что Господу делать больше нечего, кроме как ловить с нами огра...

Темная тень мелькнула еще раз, затем внизу раздался раздраженный рев.

Норберт счастливо вскрикнул:

— Вот видите, сэр Ричард! Господь не упускает даже мелочи!

Внизу огр, зацепившись ногой в сети, упал, зло бабахнулся и запутался в ней сам так, что подбежавшим разведчикам можно бы и не запутывать еще больше, попался гад, однако они на всякий случай оплели его куда более прочными веревками, а затем и почти канатами.

Рядом со мной Хреймдар сказал со злостью:

— Все беда в том, что огры из-за своей тупости практически неуязвимы для магии! Ну, почти как вы, ваше высочество. Их мозги настолько просты, что они не воспринимают придуманный для них мир, как настоящий...

Я перебил зло:

— И что? Сейчас просто убить?.. Все равно другой придет.

— И другого убить!

— И третьего?

— Ну да...

— А если они спустятся всем племенем?.. Нет, давай придумывай, как его утихомирить, чтобы поговорить...

— Огра можно утихомирить, — сказал Норберт авторитетно, — только ударом молота по голове. Причем так, чтобы молот погрузился до нижней челюсти.

Хаймдар проговорил в сомнении:

— Но вообще-то есть способы...

— Ты их знаешь? — спросил я быстро.

— Нет, — ответил он честно, — но я придумал свой, только не было случая опробовать.

— Давай быстрее! — поторопил я. — Он и эти веревки рвет!

Огр перекатывался, как живая скала, под его телом камни хрустят и рассыпаются в песок. Ревел он сперва

хрипло и рассерженно, затем уже гневно и громко, наконец испустил такой яростный рык, что могли услышать даже передовые войска Мунтвига.

— Сейчас, выше высочество, сейчас...

Хреймдар бережно и слишком неторопливо вытащил из-под полы баклажку из выдолбленной тыквы, как мне показалось, или из крупного огурца, пробка заткнута плотно, с виду ничего особенного.

— Это такой амулет? — спросил я.

Он ответил торопливо:

— Не совсем, но похоже.

— Ну?

— Это его утихомирит. Здесь особое зелье.

— Что оно делает?

— В рукописи было сказано, — сообщил он, — что огр становится смирным, а его грубый голос начинает звенеть, как ручеек...

— Бред какой, — сказал я с отвращением. — Ну давай быстрее, пока он и эти веревки не порвал!.. Что, надо заставить его выпить?

— Да, — ответил он и помрачнел. — Но... как?

Норберт посмотрел по сторонам, крикнул:

— Стойте здесь!

Через пару минут он прибежал с копьём в руках, на кончике болтается еще горячий, откуда только и взял, жареный кусок мяса.

Хреймдар все понял, быстро снял мясо, обернул вокруг баклажки, снова насадил на кончик копья и сунил его мне в руки.

Я осторожно шагнул к брыкающемуся в веревках огру.

— Слушай, гигант, мы не хотим ссориться. Мы согласны признать твою власть и силу! В знак покорности приносим тебе в дар самое лучшее мясо...

Огр люто зарычал, но руки запутались в ячейках сети, и я без помех осторожно поднес мясо к его морде. Огромные ноздри задергались, ухватывая запах, потом он дернул вперед головой, и кусок мяса исчез в громадной пасти.

Я отскочил с копьем в руках, вроде бы в испуге, Хреймдар зашептал быстро:

— Вот сейчас, сейчас... Он начнет становиться добрым...

Огр люто взревел, не одоблив в прекрасном мясе высохшую оболочку баклажки. Морда его на мгновение застыла, затем он поймал нас взглядом и взревел страшнее прежнего.

Веревки затрещали и начали рваться, как гнилые нитки. Мы отбежали, а орг быстро выкарабкивался из сети и веревок.

Я оглянулся на бегу, огр почему-то стал красный, от него валит не то дым, не то пар, и он вроде бы уменьшается, словно тает.

Хреймдар тоже обернулся, перекошенное ужасом лицо расцвело в таком счастье, словно узрел ангелов.

— Ха, да он как снег на солнце!.. Вот что значит, станет смирным...

— А голос, как ручеек?

— Ну да, когда совсем растает...

Огр все еще гнался за нами, я слышал громяющие шаги, что становились все балериннее. Когда я оглянулся в последний раз, он был с меня ростом.

Я сразу же воспрял духом и остановился, выхватив меч. Огр тоже остановился, на тупой злобной морде появилось выражение сильнейшей растерянности.

— Что за колдовство? — проревел он. — Почему все стали великанами?

— Это ты, дружок, — пояснил я, — стал карликом. Посмотри вокруг...

Он в самом деле посмотрел, а за это время еще уменьшился, его лысая макушка пришлась бы мне на уровне груди.

Мы ждали, что он вообще станет вроде божьей коровки, но он прекратил уменьшаться, когда его голова опустилась до уровня моего поясного ремня.

Хреймдар сказал с надеждой:

— А дальше можно просто добить.

— Ага, — согласился Дарабос, — бей этого... исподина.

Он отступил, давая место Хреймдару, но тот помялся и посмотрел с надеждой на меня.

— Ваше высочество, вам право завершающего удара!

Я посмотрел на крохотного огра, вконец раздавленного горем, ошалелого и ничего не понимающего.

— Не в моих правилах бить того, кто мельче меня.

Огр прокричал тонким и звенящим голосом:

— Я не мельче!.. Я не меньше!.. Это подлое колдовство!

— Какая разница, — сказал я. — Хреймдар, это как, навсегда или еще вырастет, когда зелье выветрится?

— Навсегда, — заверил он. — Если не убить сейчас, ему придется привыкать жить вот таким... великолепным карликовым гигантом.

— Будет зарабатывать в передвижном цирке, — предложил Алан.

Огр заверещал снизу:

— Убейте! Лучше смерть, чем такой позор!

— Знаешь, — сказал я, — мы можем убить как тебя, так и все твоё племя. Но я, великий вождь, хочу предложить тебе и твоим сородичам выгодное сотрудничество.

Он пропищал:

— Какое?

— Мы будем жить мирно, — сказал я, — и делать друг для друга нечто... полезное. Вы живете охотой, а это трудное занятие, в то время как у нас, людей, разгуливают целые стада овец и коров. Мы можем предоставлять вам этих животных... в обмен на разную работу. Скажу сразу, нам требуется много камня, еще нужно засыпать болота на пути дорог, корчевать леса...

Глава 12

Утром мы вернулись в лагерь, оставив крохотного огра карабкаться обратно в горы, где он изложит сородичам мои предложения.

За это время лагерь уже разросся до тысячи человек, остальные четыре тысячи на подходе. Новоприбывшие бурно обрадовались появлению принца, присутствие высших должностных лиц сразу придает уверенности, в то время как без высшего руководства выглядят брошенными и королевство, и все люди, о которых должен заботиться король.

Один из воинов бросился навстречу, ухватил повод моего коня, заговорил быстро-быстро:

— Ваше высочество, мы встретили сына короля Гиксии, наследного принца Себастиана со свитой!.. Я отвел их пока вон к тому дереву, они там отдыхают под сенью...

— Правильно сделал, — одобрил я негромко. — Быстро введи меня в ракурс дела. Что случилось, почему принц соседнего суверенного государства здесь, а не во дворце возле родителя? Или это что-то, а?

Он ответил быстро:

— Судя по всему, в Гиксии что-то случилось. Их кони в мыле, одежда в пыли и местами обтрепана.

— Что значит обтрепана? Они что, из дворца в такой выехали?

— Ваше высочество, — уточнил он, — впечатление такое, что неслись напрямик через кустарники, не разбирая дороги.

— Гм, — сказал я, — вряд ли за кем-то гнались.

Он пошел рядом со мной, а когда мы приблизились к дереву, выпрямился и, расправив плечи, произнес радостно-приподнято:

— Его высочество принц Ричард!

С земли встали четверо мужчин и один юнец, совсем подросток, но держится гордо и чуточку надменно, демонстрируя свой высокий сан. Поклонился по-королевски, чуть-чуть, словно оказывает мне милость, в то время как остальные склонились в весьма почтительных позах.

— Прошу всех сесть, господа, — сказал я отрывисто. — Мы не во дворце, потому некоторые церемонии и формальности можно отбросить, никого этим не задевая и не унижая. Мы на войне... Итак, я вас слушаю!

Все пятеро снова опустили на землю, но один тут же поднялся и заговорил торжественно и скорбно:

— Я — Гордон Сангстер, личный секретарь короля Гиксии Натаниэля Стокбриджа. Мы с наиболее преданными людьми сопровождаем наследного принца Себастиана... В наше королевство, как вы, наверное, знаете, вторглись войска Мунтвига.

— Соболезную, — сказал я с глубоким сочувствием. — Боль соседей — наша боль.

— Среди наших баронов, — объяснил он, — при известии о Мунтвиге тут же созрел заговор...

Принц воскликнул с места гневно:

— Созрел? Он зрел давно!

Сэр Сангстер ответил с торопливым поклоном:

— Ваше высочество, вы, безусловно, правы. Заговор созрел давно, а с вторжением войск Мунтвига его прорвало, как гнойный нарыв. Бароны выступили против короля, в короткой битве одолели его войско, используя многократное преимущество в живой силе, и коварно захватили замок...

— Мунтвиг им что-то пообещал? — спросил я.

Принц гордо промолчал, а сэр Сангстер ответил, пожимая плечами и едва удерживая себя от прочих недостойных движений:

— Они входили с ним в соприкосновение, но что Мунтвиг им сказал, нам пока неизвестно. Однако то, что с такой энергией восстали против законного короля...

— Значит, — сказал я с тревогой, — что Мунтвиг не только полководец, но и политик. Нехорошо, это не по-рыцарски!.. Мужчина не должен везде стремиться к выгоде, а рыцарь — тем паче... Если удастся использовать это в пропаганде против него, то надо бы...

Норберт шепнул мне на ухо:

— Ваше высочество, не надо.

— Думаешь? — спросил я так же тихо.

— Уверен, — ответил он многозначительно. — Вам это обойдется дороже.

Я сказал принцу и его людям:

— У нас вы можете чувствовать себя в безопасности... от Мунтвига. Сейчас мои люди разместят вас, насколько это возможно в полевых условиях с подходящими удобствами и почестями, соответствующими вашему высокому рангу. Вокруг костра, разумеется.

Они поднялись, сэр Сангстер и остальные молча коротко поклонились, но принц сказал горячо:

— Ваше высочество, вы должны... вы просто обязаны оказать мне помощь и раздавить восставших!

Личный секретарь показывал ему знаками, что это пока преждевременные речи, а я чуть поклонился и ответил доброжелательно:

— Принц, такие вопросы, уверен, королевские наставники учили вас не решать вот так сразу без долгого обдумывания и выбора правильной стратегии. При следующей встрече поговорим чуть более подробно.

Двое воинов учтиво повели их к костру, Норберт сказал очень серьезно:

— Войска Мунтвига еще далеко. Не меньше, чем в месяце пути.

— А с кем бароны вели переговоры?

Он отмахнулся.

— Передовые части легкой конницы. Разведывательные отряды. Их можно не принимать всерьез.

— И выступить против баронов?

Он кивнул.

— Очень удачный вариант! Принц еще слишком молод, чтобы стать королем. Но если его возвести на трон, вы по праву станете его регентом.

Я фыркнул.

— Если уж ввязываться в это дело, то я предпочел бы вступить в союз с могучими баронами.

— Ваше высочество!

— А что? — спросил я удивленно. — Мне оппозиция всегда нравилась больше. Бей, круши, ломай витрины магазинов, воруи... В любом случае, оппозиция вызывает симпатии, потому что борется против кровавого режима, а он все равно кровавый, даже если не кровавый, толпу не переубедишь, она всегда за честные выборы!

Он сказал упрямо:

— На одного мальчишку влиять все-таки легче, чем на сотню своенравных баронов.

— А справедливость? — спросил я.

Он посмотрел с великим изумлением.

— Это у вас такие шуточки?

— Да, — сказал я сердито, — шуточки! Однако сперва выслушаем их взаимные обвинения. А потом решим.

Он поморщился.

— Выслушивать еще и баронов? У нас нет дел поважнее?

— Верно, — согласился я. — Вынесем зажавшимся баронам приговор заочно. Виновны в свержении законной власти... пусть даже та законная вела себя не слишком законно, а чаще самодурно... ну, это мы уже проходили.

Он поглядывал на меня странновато, не спорил, но что-то мотал себе на ус, и, думаю, совсем не то, что я хотел намотать ему сам.

— Значит, бароны, даже если правы, все равно не правы?

— Восставшие всегда не правы, — изрек я. — Хотя я душой и сердцем на стороне восставших, не важно, из-за чего восстали и чего требуют, но это так революционно и красиво: восстать против тирании, выстроить баррикады, одолеть продажную клику, ворваться в дворцы и особняки, убивать и грабить, насиловать этих нежных испуганных женщин, поджигать дома и сараи, утверждая свои революционные права «мир хижинам, война дворцам!» и «грабь награбленное».

Он смотрел в некотором замешательстве:

— Гм...

— Это революция, — продолжал я возвышенно, — весь мир до основания мы разрушим!.. Ну а затем мы новый мир построим... если очнемся от пьянства и разрухи, все-таки ломать куда проще, чем строить... Да и, самое главное, приятнее. Ломать настолько приятно, что в оппозицию кто только ни прет, все-таки не

умеющих и не желающих работать гораздо больше, чем... ну, вы поняли.

Он сказал упавшим голосом:

— Понял. Значит, за этого мальчишку?

— При мальчишке, — сказал я, — будет править Совет с вот такими... я имею в виду седыми бородами, что уже знают натуру человеческую и никаких иллюзий не питают. Это значит, будут править мудро и осторожно, никаких рывков к светлому будущему, а медленное взползание длиной в тысячу лет.

Он зябко передернул плечами.

— Страшные вещи говорите!.. А с баронами вести переговоры будете? Если все правда, то скоро тут появится погоня.

— А может, и не появится, — ответил я. — Король убит, продажная клика изгнана, что им еще надо?.. Хотя горячие головы должны вообще-то погнаться, требуя добить врага в его гнусном логове.

Он зыркнул в мою сторону и буркнул:

— От кого-то я это уже слышал... Пойду отдам приказание встретить, если что. Прямо в нашем пре-гнуснейшем логове.

Командиры разъездов докладывали, какие впереди дороги, болота, броды через реки, а мы с Норбертом прикидывали, какими маршрутами пройдем дальше, хотя с каждым днем это все рискованнее.

Отряды легкой конницы Мунтвига прошли справа и слева навстречу, при желании могут взять нас в кольцо... если обнаружат, конечно.

На следующий день к нам с Норбертом подбежал один из воинов и, стараясь не беспокоить мое мудрое высочество, жарко зашептал на ухо начальнику легкой конницы так громко, что я услышал бы и за милю:

— Сюда двигается конный отряд!.. Рыцари!..

Норберт дернулся, глаза дикие, быстро взглянул на меня.

— Ваше высочество!

— Рыцарей Мунтвига здесь еще нет, — прервал я. — С какой стороны появились эти?

— С востока, — ответил гонец виновато.

— Там Гиксия, — сказал я.

Норберт сказал чуть спокойнее:

— Тогда это те, что гонятся за принцем?

— Сейчас узнаем.

Тонко и негромко пропела труба. По всему пространству, где расположились на отдых наши люди, вскакивают воины нашей отборной сотни и, прыгая в седла, в стремительном галопе мчатся в ту сторону, где уже появились вдали крохотные всадники.

Мы с Норбертом отряхнули одежду и ждали, он в напряжении шурился, рассматривая приближающихся незнакомцев. Всего около десятка закованных в сталь рыцарей, и какая бы это ни была грозная сила, но у нас уже пять тысяч, пусть это и легкая конница, но пять тысяч — это пять тысяч.

Они все сдерживали коней, наконец перешли на шаг, а когда приблизились к незримой черте, за которую преступать уже считается вызовом, остановились и спешились.

В нашу сторону пошли двое в прекрасных доспехах из голубоватой стали редкой выделки, кирасы украшены золотыми вензелями, шлемы дивной красоты, пышные султаны красиво и гордо развеваются над гребнями, а с плеч ниспадают длинные плащи из дорогих тканей.

Остановившись, отвесили учтивые поклоны, как равные равным, мы же в поле, а не во дворце, да и никто никому не является вассалом.

— Лорды? — произнес я вопросительно.

Первый, с суровым лицом рожденного в боях и для боев, произнес жестким голосом военачальника:

— Барон Малькольм Маунтбеттен, владетельный хозяин земель Кленрольда и Таутбента!..

Второй, ростом чуть ниже, но могучий и широкий, гулко произнес чуть вежливее:

— К вашим услугам барон Аманар Камберленд, лорд Гритстокса.

— Принц Ричард, — назвался я. — Ричард Длинные Руки. Но уже начинаю отзывать и на Ричард Завоеватель. Чем могу быть полезен, лорды?

Барон Малькольм Маунтбеттен проговорил с таким непомерным апломбом, словно быть владетельным хозяином земель Кленрольда и Таутбента — это оказаться на такой высоте, что императоры покажутся вроде муравьев под ногами:

— Ваше высочество, по нашим сведениям, бежавший от справедливого возмездия сын короля Гиксии, принц Себастиан, укрылся среди ваших войск...

Я ответил сдержанно:

— Принц Себастиан находится в распоряжении моих войск, вы абсолютно правы.

Барон Маунтбеттен выпятил грудь, как петух при виде новых кур, приосанился.

— Мы твердо и решительно, — произнес он прежним голосом военачальника, привыкшего раздавать команды и ожидать беспрекословное повиновение, — настоятельно просим ваше высочество передать его нам! Это внутренние дела Гиксии!

— Совершенно верно, — согласился я, — это ваши дела...

Он посмотрел на меня требовательно, а голос прозвучал с той же металлической ноткой:

— Значит?

— Увы, — ответил я со вздохом, — вы же видите, куда катится мир?.. Границы Гиксии священны и неприкосновенны, как и границы Бриттии, однако с севера их уже пересекли войска Мунтвига, у нас их называют ордами, даже дикими ордами. Хотя нас тоже как только не называют! А с юга уже подошли мои армии. И столкнутся они, по-видимому, на просторах благословенной Бриттии и не менее великолепной и цветущей Гиксии. Какой уж тут суверенитет.

Барон Камберленд вздохнул и, потемнев лицом, опустил взгляд, однако барон Маунтбеттен лишь гордо вскинул голову и смерил меня холодным взглядом.

— Мы представляем, — произнес он жестко, — что произойдет. Но это не отменяет, ваше высочество, необходимости завершить дела королевства Гиксии в отношении трона. Король со своей стражей оказал сопротивление аресту и был убит...

— Печально, — обронил я.

Он нахмурился.

— Жизнь вообще бывает иногда еще печальнее, ваше высочество. Например, потеря чести невосполнима. Но сын короля сумел трусливо улизнуть.

— Трусливо улизнуть, — повторил я задумчиво. — Дорогой барон, улизнувший может и вернуться, как вы понимаете...

Он ощутил в моих словах угрозу, такие люди всегда ищут и находят повод для конфронтации, взглянул бешеными глазами.

— Ваше высочество, вы должны его выдать нам!

— Гм, — спросил я, — а... почему?

Барон Камберленд вздохнул, а Маунтбеттен сказал, повышая голос:

— Вам не кажется, ваше высочество, что это наше внутреннее дело?

— Кажется, — согласился я. — А еще кажется, что перед явной и недвусмысленной угрозой вторжения в Гиксию враждебных войск Мунтвига... самое время начинать гражданскую войну!

Он изумился:

— Войну?.. Принц просто будет предан справедливому суду! И никакой войны.

— Вы очень хорошо сказали, барон, — заявил я одобрительно. — Справедливому суду!.. Но справедливым может быть только независимый. А банда линчевателей, что гналась за ним с веревками... вряд ли примет доводы рассудка.

Он напрягся, возразил деревянным голосом:

— Ваше высочество! Мы успели переговорить с некоторыми из ваших военачальников. К примеру, лорд Хродульф и лорд Леофриг поддерживают нас полностью, а у них самые крупные дружины. Лорд Хенгест тоже считает нас правыми, и даже Меревальд склоняется на нашу сторону!.. Вас поддержат только некоторые из самых мелких лордов, что привели с собой по пять-десять человек.

Я стиснул челюсти, что-то мне совсем не нравится, когда в глаза тычут моим бессилием, ответил на этот раз холодно, как того и стоило:

— Барон... вы упустили еще некоторые голоса.

Он спросил с победной ноткой:

— Какие?

— Это еще не моя армия, — сообщил я. — А такие же бароны с дружинами, как и вы. А моя армия сейчас только подходит. И не одна армия... Это ополчение баронов, что вас так впечатлило, потеряется в нем, как горсть песка в море.

Он застыл, медленно меняясь в лице. Норберт за моей спиной одобрительно хмыкнул. Бароны только сейчас начинают соображать, что с такими силами,

как ополчение баронов, я не стал бы выдвигаться на встречу несметной армии Мунтвига.

— Ваше высочество! — произнес он наконец сдержанно. — Я повторяю и настаиваю, что это внутреннее дело королевства Гиксии.

— Уже нет, — ответил я.

Глава 13

Когда делегаты от мятежных баронов поднялись в седла и ускакали, Норберт долго провожал их задумчивым взглядом, вздыхал и крутил головой.

— Это потому, — произнес он неторопливо, — что вы на стороне мальчишки?

— Норберт, — сказал я с неудовольствием, — королей нужно судить международным судом. Разве мы не придерживаемся принципа суда равных? Короля или единственного наследника могут судить только другие короли, а не взбунтовавшая чернь всяких там баронов и примкнувших к ним графов.

Он посмотрел на меня пылливо.

— Это как? Вы должны встретиться с Мунтвигом и решить, кому быть королем Гиксии?

— Хорошая идея, — признался я, — только в нашей странной и причудливой жизни чаще выживают идеи нехорошие, так уж Господь сотворил мир. Решать буду я, потому что я уже здесь, а Мунтвиг...

— Там, — сказал Норберт, — где и положено быть полководцу, в центре своей армии. А принц... кстати, легок на помине.

Принц Себастиан примчался к нам со всех ног, раскрасневшийся, глаза блестят боевым задором.

— Я слышал, — крикнул он еще издали, — прибыли посланцы от баронов?

— Уже отбыли, — сообщил я.

— Что они хотели?

— Понятно что, — ответил я. — Но я не принимаю решений, не выяснив все обстоятельства дела.

Он сказал горячо:

— Вашей армии хватит, чтобы раздавить всех восставших баронов с первого же натиска!

— Возможно, — сказал я.

— Наверняка!

— Пусть наверняка, — снова согласился я. — Хотя у нас здесь пока не армия, а только конная разведка. Да-да, у нас и конной разведки пять тысяч человек. Да еще народное ополчение из Варт Генца тоже в пять тысяч воинов уже посерьезнее. Армия подойдет позже... Но дело не в том, кто победит. У вас и так уже полыхает война, пусть и не такая грандиозная... Не хочу быть похожим на Мунтвига!

Он вскрикнул:

— Но нельзя, чтобы правили эти проклятые бароны!

Я наклонил голову.

— К сожалению, вы правы, ваше высочество. Эта та оппозиция, что жаждет реформ, повернутых в прошлое. Баронов к власти допускать нельзя. Однако есть и другие формы смены власти, куда более эффективные.

— Какие?

— Можно провести выборы короля, — сказал я и поморщился, вспомнив, какое сокрушительное поражение потерпел на «свободных и демократических», которые к тому же еще и подготовил вроде бы так, что комар носа не подточит. — Можно пойти на переговоры и договориться на основе компромиссов... можно помочь развитию бедных земель за счет перераспределения средств богатых... гм... это не пройдет, сам вижу. Но все-таки такие методы есть.

Он вскрикнул:

— Но почему? С такой армией... Почему не одним ударом?

— Как? — спросил я. — Перебить всех баронов до единого? Но вы будете ненавидимы всеми. Прозвище ваше будет «Кровавый» или «Кровавый Палач». И не усидите на троне, как только моя армия уйдет дальше.

Он вскрикнул с мукой:

— Но... как? Что мне делать? Не могу же я так все оставить!

— И не надо, — ответил я медленно, — все оставить так... это тлеющая гражданская война.

— Но отец мертв?

— Война будет между группировками баронов, — пояснил я. — Долгая. Очень долгая. Вы будете не столько королем, уж извините, а вечным беглецом. Однако, если провести выборы, вы можете стать приемлемой компромиссной кандидатурой.

— Что?

Я отмахнулся.

— В свое время я тоже был компромиссом, когда полыхала гражданская в маленькой Армландии, и бароны избрали гроссграфом меня. Если будете править осторожно и мудро, вы из компромиссной фигуры сумеете стать настоящим правителем. Мудрым и... признанным. Так что все за вами, ваше высочество. А пока... просто потерпите. Я еще не знаю, каким будет завтрашний день, но что перед лицом Мунтвига не стану ввязываться в ваши распри — это точно. А потом... посмотрим.

Норберт Дарабос, он всегда казался мне образцом солдатского благоразумия, рожденный войной и выросший на полях сражений, вдруг попросился выехать с небольшим отрядом навстречу первой армии Мунтвига и провести разведку боем.

Я сперва отмахнулся: Норберт собирается взять с собой пару сот своих конников, а столкнуться придется с армией в восемьдесят-сто тысяч, но он рассказал о тактике, которую применит, я, поколебавшись, согласился. Уловка не хитрая, но ею пользовались еще древние иудеи, египтяне, оджованьолленный Спартак на арене и еще миллионы последователей, заново придумывавших эту тактику.

— Хорошо, — сказал я, — про осторожность говорить не надо?.. Вот и ладно. Идеально, если бы удалось захватить кого-то из самого лагеря. Ну, в лагерь соваться не стоит, но сановники часто ездят из лагеря в лагерь...

— Я это как раз и наметил, — признался он. — А то мы о Мунтвиге знаем только то, что у него большая армия!

— С Богом, — сказал я, но не удержался, добавил совершенно лишнее, но такова уж наша натура: — Соблюдайте предельную осторожность!

Он коротко усмехнулся, все понял, поклонился и отправился отбирать отряд самых-самых.

Я остался с остальным воинством, они все ждут от меня решительных действий, но я выжидал, выслушивал гонцов и двигал по карте фигурки, стараясь увидеть общую цельную картину.

Через два дня, паря в синей высоте неопытным птеродактилем, наблюдал, как малый отряд Норберта удирает со всех ног от вдесятеро превосходящих их по числу преследователей. Меня подмывало вмешаться, помочь, но вовремя заметил, что погоня настигает людей Норберта с огромным трудом, мунтвиговцы вытянулись в струнку, впереди группа из трех всадников, потом пять друг за другом, остальные отстали, растянувшись на милю, а расстояние сокращается... хотя у Норберта самые быстрые кони нашей армии.

Когда они почти догнали, прозвучал рожок, Норберт резко развернул коня, а с ним разом и остальные, и, срубив не сумевших затормозить первых трех, они понеслись навстречу растянувшимся в погоне, истребляя их быстро и безжалостно.

Так погибло не меньше сотни мунтвиговцев, когда в угрожающей близости оказались основные силы конной армии. Норберт взмахнул рукой, резкий звук рожка донесся и до меня под облака. Его отряд развернулся и умчался с такой скоростью, что люди Мунтвига лишь со злостью и растерянностью смотрели вслед, даже не думая пускаться в погоню и понимая наконец, как их провели.

Сорвалось, подумал я с досадой. Или же Норберт просто не удержался от желания показать своим воинам, как можно побеждать тех, кто тупо рассчитывает только на преимущество в численности...

На другой день я продвинулся еще на несколько миль, велел разбить лагерь и выставить часовых.

Алан, которого Норберт оставил вместо себя, ходит за мной, взвинченный и постоянно вздрагивающий, будто при каждом шаге наступает на колючки.

— Ваше высочество, — сказал он наконец, — я выгляжу трусом, но мы уже, можно сказать, в окружении.

— Это не трусость, — успокоил я, — это реальная оценка. Легкая конница Мунтвига, возможно, уже пересекла всю Бриттию и подходит к границам Варт Генца.

— Что делать нам?

— Подождем возвращения Норберта, — ответил я. — Завтра он должен вернуться. С пленными или без. А уже тогда и примем решение... на основании новых данных.

Он тяжело вздохнул.

— Скорее бы эта ночь минула.

Эту ночь, как и обычно, мы коротали у костров, выставив далеко во все стороны часовых, а я отошел в темноту, перейдя на тепловое зрение, благополучно миновал часовых и взвился в холодное враждебное небо с пугающе колючими звездами.

С высоты вроде бы все пока благополучно, к нашему лагерю пока никто не подбирается, и я, сделав на всякий случай круг пошире, успокоился и пошел на юг.

Даже ночью видно, что Бриттия взбудоражена, кое-где даже пожары, то ли разбойники, то ли междоусобица, видны группы беженцев, что идут из Бриттии в сторону Варт Генца.

С заявлением, что моя основная армия уже вышла на границу, я поспешил: вон остановилась на ночь рыцарская конница в ста милях от границы, знамена не рассмотреть с высоты, да и не так и важно, Клемент ведет свои войска или доблестный сэр Геллермин, которому так осточертело организовывать бесперебойный подвоз продуктов в Савуази.

Конница все еще основная ударная сила моей армии, вернее, моих армий, однако я пролетел дальше, а там увидел такое, что птеродактилье сердце застучало взволнованно и радостно: в скудном лунном свете двигается, несмотря на ночь, огромная масса пеших воинов!

Похоже, Макс верно оценивает, насколько важно успеть продвинуться как можно дальше навстречу Мунтвигу и закрепиться там, я не учил его водить армию по ночам... с другой стороны, дни жаркие, лучше ночью, чем по солнцепеку...

Я смотрел, как медленно, но неудержимо двигаются пехотные части, их все еще недооценивают, но во главе изобретательный Макс, который сам еще не знает, что меняет всю военную тактику сражений.

Он всегда с жадностью расспрашивал меня о всевозможных битвах, я рассказывал о гоплитах, маке-

донской фаланге, римских легионах, а он больше всего поражался тому, что некогда неграмотных крестьян удавалось обучить двигаться стройными рядами большой массой, выступать слаженно и уметь совершать сложные перестроения.

Он единственный из военачальников, что не появляется при дворе, игнорирует балы и пиры, а самозабвенно воплощает в жизнь мои рассказы.

И вот теперь его пехота шагает хоть не в ногу, это и не нужно, однако отдельными колоннами по двадцать человек по фронту и сто в длину. С первого взгляда чувствуется высокая организованность, прекрасная выучка и железная дисциплина, рухнувшая как понятие вместе с Древним Римом. Сейчас пехота Макса по слаженности действий и ударной мощи точно не уступит прославленнейшим македонским фалангам, что сокрушили не одну империю, хоть противник превосходил их по численности в десятки раз. Боюсь загадывать, но уверен... тьфу-тьфу!.. пехота Макса лучшая в мире, и вскоре об этом узнают те, с кем столкнемся.

Я прошел над всей колонной, в арьберггарде пикинеры и арбалетчики, с ними обоз в сорок повозок, где наряду с полевыми кузницами везут связки стрел, мешки с наконечниками для копий и прочие необходимости для битвы.

Солдаты шагают уверенно, в колонне около тысячи воинов с длинными пиками, пятьсот арбалетчиков, лучники и немного мечников, командиры шагают по трое в ряд, в конце каждой колонны по три трубача и по капитану.

Примерно такой была в свое время швейцарская пехота, лучшая в мире, никто не мог выстоять против нее, даже прославленные немецкие наемники всякий раз терпели поражение, однако эти самые лучшие в мире солдаты так и не смогли воспользоваться пре-

имуществами своей дисциплинированности и превосходством в умении сражаться.

В тактике швейцарцам не было равных, в стратегии они проигрывали всегда. Их заслугой было то, что, не имея средств на тяжелое рыцарское вооружение, не имея коней, сумели понять, какой сокрушительной ударной силой обладает плотный строй копейщиков, если только удастся удержать линию строя и не струсить перед атакой закованных в стальные доспехи чудовищно могучих рыцарей.

Макс сделал верный вывод: в таком бою самое важное — скорость и напор, и тогда уже не копейщики в опасности перед рыцарями, а сами рыцари перед лицом полного разгрома простой и вечно презираемой пехотой.

Хотя, мне кажется, даже он, опьяненный успехами пехоты, еще не понимает, что с таким построением можно не только выдерживать удар прекрасной рыцарской конницы, но и наступать на нее, теснить, а также гнать и убивать вражеские пешие части.

Нигде, ни в какой армии, в том числе и у Мунтви-га, я это специально высматривал, нет на вооружении шестиярдовых копий, какими вооружены люди Макса. Эти копья не перерубить с одного-двух ударов даже двуручным мечом, не говоря уже о том, что сам стальной наконечник такого копья больше ярда в длину.

Только пехота Макса наступает в ногу, а после того, как я ввел в употребление барабаны, еще и под их дробный, взвинчивающий нервы стук. Макс заверял меня, что прямо среди боя его пешие части могут перестраиваться в клин, каре или развернутый строй, я сам видел это на маневрах...

Еще миль за двести-триста обнаружил временный лагерь Шварцкопфа, судя по расположению. Меган-

вэйла пока не видать, ему из Ламбертини иди чуть ли не вдвое дольше.

На востоке в черноте появилась светлая полоска, разделившая небо и темную землю. Я тут же развернулся, не дожидаясь рассвета.

Через час усиленного махания крыльями облака надо мной вспыхнули нежно-розовым, я добавил скорости, потом отдохну, но все равно к лагерю прибыл, когда солнце поднялось над краем и озарило золотым светом всю равнину.

Часовые схватились за оружие, когда я вышел из дальних кустов. Я издали помахал им рукой, крикнул дружелюбно:

— В Багдаде все спокойно!

Один вскрикнул сорванным голосом:

— Ваше высочество!

— Все в порядке, — заверил я. — Просто вышел прогуляться поутру. А что не заметили... так я ж старлся, чтоб не заметили, ха-ха!

Глава 14

В лагере уже заново разжигают костры, жарят мясо, люблю этот бодрящий аромат, Бобик выметнулся мне навстречу, подозрительно обнюхал, тут же виновато помахал хвостом, дескать, если что, свистни, я тут неподалеку слежу, чтобы мясо не подгорело, зря я им оленя такого притащил, что ли...

Алан, похоже, так и не заснул, мечется по лагерю, сыплет приказами. Он же первым насторожился, сказал быстро:

— Тревога!.. Кто это к нам? Почему часовые молчат?

В утреннем тумане только неясные тени, потом донесся приглушенный топот копыт, даже звон подков,

значит — не легкая конница Мунтвига, в нашу сторону двигаются тяжеловооруженные всадники.

Я напрягал зрение, стараясь проникнуть взглядом сквозь туман, рассмотрел наконец вдали скачущих всадников, они сбились в кучу и выглядят неким чудовищем, что несется с грохотом копыт, а из спины торчит щетина длинных острых копий.

Потом они свернули, растянувшись в цепочку, можно сосчитать, стали почти неразличимыми в сумраке, только конский топот некоторое время еще слышался как бы как по себе, затем стал резким и громким, едва выметнулись на прямую дорогу.

С десятков наших передовых дозорных скачут по бокам, значит, со стороны незнакомцев пока не прямое нападение. Я всмотрелся, узнал Норберта с его отборными людьми, перевел дыхание.

Во главе рыцарского отряда могучий воин в крупной кольчуге, шлем конический, но старинной формы, такие некогда носили викинги, с металлической полумаской, защищающей скулы и нос. И сам похож на сына северных морей, хотя близким морем здесь и не пахнет: рыжий, с длинными волосами и короткой бородкой, вид мужественный и открытый, как у человека, который знает свою силу и ничего не боится.

Он легко соскочил с коня, кольчуга достигает середины бедер, снял обеими руками шлем и передал оруженосцу. Лицо открылось такое же, как и весь облик, мужественно-доброжелательное, такие люди знают себе цену и держатся со всеми дружески-снисходительно.

Я молча смотрел, как он, оглядевшись, направился в мою сторону. Его сопровождающие слезли с коней, но остались на месте.

Норберт прыгнул на землю и показал мне издали знаками, что все в порядке, миссия успешна.

Глава рыцарского отряда издали вперила в меня взгляд требовательных синих глаз, движения свободно размашистые, но исполненные сдержанной силы, весь вид его говорит о хозяине, что он молод, силен и доволен жизнью.

— Ваше высочество, — произнес он, остановившись в трех шагах, — лендрманн Джоббер Флитвуд, властелин земель родового поместья Флитвудов. Мы далековато от границы с Варт Генцем, но знаем, что там народ... гм... хороший. По крайней мере, судя по вашим людям, которых мы встретили в своих владениях, это вообще люди замечательные и весьма доблестные.

Поклон его, если и был, остался микроскопическим, что мне вроде бы и все равно, однако моим людям может не понравиться, их всегда задевают всякие мелочи.

— Рад приветствовать, — ответил я, — сожалею, что оказались на вашей земле без приглашения, однако спешим на призыв короля Бриттии Ричмонда Драгсхолма помочь в отражении неспровоцированного нападения северных народов на его суверенное королевство.

Он ответил спокойно:

— Да, в другое время я бы уже ударил по вашему отряду из засады... но сейчас война, и враг может оказаться другом перед лицом еще большего врага.

— Мы не враги, — ответил я.

— Я верю, — сказал он. — Правда, состав вашего войска несколько странен... не находите?

— Хотите, — произнес я, — чтобы я указан на очевидное? Да, это только конная разведка.

— В пять тысяч человек?

— У вас хороший глазомер, — сказал я одобрительно. — Или это сообщил сэр Норберт Дарабос? Да, всего пять тысяч человек. Еще пять тысяч уже рыцарской конницы входят в города-крепости Корнушир, Вайт-

каб и Поллок, а основная армия сейчас переходит границу Варт Генца и Бриттии.

Он чуть поклонился.

— Ваше высочество, прошу простить, но это важный вопрос. Как я понял, границу Бриттии сейчас переходит... большая армия?

— Достаточная, — ответил я сдержанно. — Для выполнения как тактических задач, так и стратегических. И эта... принуждения к миру и насаждения либеральных ценностей.

— Могу я поинтересоваться, — спросил он, — вашими планами?

— Можете, — ответил я. Это свободный мир. Но и я вправе не ответить.

Он сдержанно улыбнулся.

— Я не враг. Более того, я предлагаю вам и вашим лордам погостить в моем замке.

— Ого, — сказал я. — С чего такая честь?

Он приподнял бровь.

— Разве не честь принимать у себя Ричарда Завоевателя?

— Что вам известно о Мунтвиге? — спросил я.

Его лицо чуть дрогнуло, тень легла на щеки, что сейчас показались впалыми.

— Его передовые отряды вступили в наше королевство, — произнес он сдержанно. — Уже не разведка, а тяжелая конница, пехота и даже обозы. Пока только в северные земли, но там войск уже больше, чем саранчи. Они заполняют все долины, а еще не подошли основные войска!

— Понятно, — сказал я. — Вы хотите, чтобы мы защитили ваш замок? Он что, настолько хорошо укреплен, что может держаться против всей армии?

— Может, — ответил он и посмотрел мне в глаза. — Мне очень хотелось бы, чтобы Мунтвиг не прошел дальше.

— И чтобы ваш замок остался единственным непокоренным, — закончил я. — Об этом будут петь в вашем королевстве, а ваш замок станет самым прославленным местом. Все понятно, сэр Флитвуд. Но я готов принять ваше предложение...

Алан сказал за моей спиной с предостережением:

— Ваше высочество...

— Но сперва, — уточнил я, — конечно, посмотрим, как он расположен.

Норберт перехватил мой взгляд, кивнул Алану, а тот, освобожденный от груза ответственности, ликующе ринулся торопить народ с завтраком.

Через полчаса мы небольшой группой уже мчались по ущелью, а остальные пять тысяч под началом Алана и других сотников двигались позади медленнее и намного осторожнее.

Когда края ущелья раздвинулись, впереди на невысокой горе, нависающей над дорогой, показался замок, так его скромно назвал Джоббер Флитвуд, хотя это давно уже не замок, а разросшаяся крепость, и даже сильно разросшаяся.

Предки Флитвуда выстроили очень удачно: в тупике ущелья да к тому же на возвышении, куда очень нехотя идет узкая дорога, простреливаемая на каждом шаге и подумывающая, не свернуть ли вообще куда-то в сторону от этого замка.

Единственная дорога обходит эту приплюснутую гору по дуге, поневоле прижимаясь к ней, здесь ущелье сдвигается так, что могут проехать всего четверо всадников бок о бок.

Флитвуд проследил за моим взглядом, подбоченился горделиво.

— Не только можем держаться годы против любой армии, — сказал он, — но и любого, что пройдет по дороге, можем бить на выбор!

— От стрел, — сказал я, охлаждая его хвастовство, — можно закрыться щитами, а тяжелых камней на целую армию не хватит.

Он ответил недовольно:

— Я и не ставил такой цели. Но им нас тоже не взять... Посмотрите!

По узкой дорожке в сторону крепости медленно, как колонна толстых жуков, двигаются телеги, нагруженные мешками с зерном. Возчики идут рядом и, упираясь плечами, помогают животным тащить груз в гору.

— Мунтвиг уже близко, — предостерег я.

Он отмахнулся.

— Все склады и подвалы забиты зерном! Это так... запас не бывает лишним.

— Хорошо, — сказал я, — посмотрим, что у вас внутри.

— Внутри, — пояснил Флитвуд ровным голосом, но я отчетливо услышал в нем оттенок дьявольской гордости, даже гордыни, — все по нашим обычаям! Наш род, благодаря мужеству всех поколений, а также умелому расположению замка, все века придерживается независимой политики...

— Это как? — спросил я. — У вас государство в государстве?

Он покачал головой.

— Мы бриттяне и живем с королевством одной жизнью. Но повеления короля выполняем только те, которые считаем правильными. Это я к тому, ваше высочество, что если король вдруг захотел бы сдать Бриттию ордам захватчика, мы будем отстаивать свою независимость, даже оставшись одни в мире!

— Дстойная позиция, — согласился я.

В широких местах тропки мы обгоняли повозки, в узких местах приходилось ждть и тащиться сзади. Наконец удалось вырваться вперед, показалась стена с воротами посредине.

Никаких ровов и валов, достаточно и того, что дорога перед воротами стала еще круче, а если удалось бы затащить сюда снизу таран, им пришлось бы орудовать под большим углом, ослабляя силу удара.

Сверху нас видели издали, открылась не дверь рядом с воротами, а сразу обе створки. Стражи выпрямились, приветствуя лорда, слуги и мастеровые тут же бросились закрывать ворота, а конюхи поспешно хватали поводья наших коней.

Из главного здания вышло четверо стражей в парадной одежде и торжественно встали по обе стороны двери.

— Ваше высочество, — сказал сэр Флитвуд с торжественностью в голосе и позе, — позвольте предложить вам все гостеприимство и все удобства, которые мы можем здесь предоставить...

— Я не капризен, — ответил я.

— Вы гость!

— Я не капризный гость, — сообщил я.

Он улыбнулся и с поклоном сделал приглашающий жест. Стражи распахнули перед нами двери, сэр Флитвуд сказал успокаивающим голосом:

— Ваши люди осмотрят все места, удобные для защиты и... нападения, а вы можете отдохнуть после долгого пути сюда, смыть пыль, затем поужинаем с вашего разрешения.

— Неужели вы все годы ждали меня, — удивился я, — чтобы поужинать?

Из главного входа в здание вышла в сопровождении двух нарядно одетых служанок и остановилась,

глядя на нас, молодая женщина, высокая и настолько прямоспинная, что небольшая грудь выделяется особенно четко и картинно.

Волосы целомудренно убраны под платок, что укрывает голову целиком, оставив только лицо, однако оно только выигрывает, концентрируя на себе все внимание.

Я даже засмотрелся на крупные серые глаза, внимательные и как бы видящие, что во мне есть на самом деле, с усилием оторвал взгляд, слишком долго рассматривать неприлично, даже непристойно, и только тогда обратил внимание и на общее сияние молодости, и на холеность лица и рук, что никогда не знали стирки или работы за прялкой.

— Леди Аллерана, — произнес сэр Флитвуд церемонно, — урожденная Баттенширская, моя супруга.

Я учтиво поклонился, не ожидая, пока передо мной присядут, здесь я не принц.

— Леди Аллерана...

— Сэр Ричард, — ответила она нейтральным голосом, в котором ровно столько теплоты, сколько нужно для хозяйки замка. — Леди Грейда и леди Бренда отведут вас в ваши покои. Вы успеете помыться, а мы тем временем приготовим ужин.

— Не опоздаю, — заверил я. — За стол я никогда не опаздываю!

Она сделала величественный жест кончиками пальцев, обе женщины вышли из-за ее спины, одна в улыбке показала мне белые зубки, вторая пошла рядом, часто поглядывая на меня украдкой.

Леди, а не служанки, это уже статус леди Аррераны, чуть ли не фрейлины, хотя, конечно, явно из настолько обедневших родов, что по сути выполняют роль служанок, хотя из вежливости называются подругами.

Меня отвели в небольшую комнату на третьем этаже, где уже наполнили горячей водой большую медную бадью, свидетельство богатства хозяина.

Грейда и Бренда очень скромно помогли мне раздеться, даже не переглядывались и не хихикали с ужимками, это признак простолюдинок. Когда я влез в бадью и с наслаждением откинулся на стенку, так же целомудренно принялись меня мыть, соскабливать грязь, тереть и чистить, начиная от головы и заканчивая пятками, которые хорошо протерли пемзой, не пропустив ни дюйма.

Леди Грейда, натирая мне спину, проговорила деловито:

— Вам не помешает знать, ваше высочество, что за столом помимо лорда Флитвуда и его супруги будет Карл Лагерфельд, это двоюродный брат сэра Флитвуда, а также лорды Юрген Рейнхольц и Ховард Наревуд, это лучшие друзья хозяина, а также Личфильд...

— Личфильд, — повторил я. — А он кто?

Они переглянулись, Бренда сказала, понизив голос:

— Это маг...

— Маг? — спросил я. — За одним столом с хозяином? Вот так открыто?

— А что не так, ваше высочество?

— Я ожидал священника, — объяснил я.

Леди Бренда покачала головой.

— Священники не прятались, когда сюда пришли войска Карла, ваше высочество. Напротив, призывали народ к сопротивлению, и потому все погибли, а единственный монастырь был сожжен. Монахи, конечно же, убиты.

— Понятно, — сказал я с горечью. — А маги, естественно, не такие идеалисты...

— Маги выжили, — подтвердила Бренда. — И Личфильд, самый могучий из них, служит нашему лорду.

Я пробормотал:

— Это уже становится просто законом... Как правитель, будь это король или крупный лорд, так при нем обязательно маг...

Потом меня осторожно промакивали и вытирали нежнейшими полотенцами, а я, чтобы не очень так уж реагировать, размышлял со всей интенсивностью и напряжением, что Карл был военным гением, он кроме того, что умело руководил войсками, каким-то образом привлек в свое войско огров и троллей. У Мунтвига, как понимаю, огров и троллей нет, что облегчает защиту, к примеру, этой крепости. С другой стороны, по слухам, у него на службе очень сильные маги. Еще говорят слухи, что для защиты своего лагеря он в состоянии время от времени призывать гарпий.

Впрочем, у Мунтвига в полтора раза, если не вдвое, больше захваченных земель, а следовательно, и людей. У него уже было несколько королевств под его властью, а сейчас успел прихватить и большую часть империи Карла...

Донесся далекий звук гонга, на пороге возник слуга в ярком парадном костюме и склонился в низком поклоне.

— Ваше высочество... лорд и леди Аллерана просят вас почтить своим присутствием их семейный ужин.

— Уже иду, — сказал я с облегчением.

В коридоре стоит, смиренно сложив внизу ладони, молодая женщина в простой, но чистой и опрятной одежде.

— Я проведу вас, — произнесла она тихо, — ваше высочество...

— Да, — сказал я, поддерживая разговор, — замок весьма, я тут как Красная Шапочка в лесу... хотя нет,

та в лесу была, как дома, даже волк от нее в бабушкин домик спрятался, а вот как домашние Ганс и Гретхель...

Она не отвечала, пугливо поглядывая в мою сторону. Мне показалось, в замке как-то сторонятся меня, будто у них есть причины побаиваться такого гостя, хотя держусь тише мышки под полом и всячески выказываю уважение хозяевам.

— Красивый замок, — сказал я светским тоном, — только мрачновато малость...

Она на ходу взмахнула рукой, я вздрогнул и напрыгся, когда вдоль стен разом вспыхнули свечи, давая чистый яркий свет. Солидные такие свечи, толстые, и фитили крупные, света дают много, хотя сгорают быстро, толщина роли не играет.

Я подумал, что, когда разделаюсь с делами, научусь создавать свечи, что не сгорают, и утыкаю ими стены как своего кабинета, так и личных покоев. Не люблю, когда входят молчаливые слуги и начинают их то зажигать, то гасить, то вообще затевают мучительно долгую сложную и многозначительную процедуру замены старых на новые.

— Сюда, ваше высочество, — приговаривала она, — теперь сюда...

Из левого корпуса, где мне определили покои, буде восхожу остановиться, мы прошли по широкому проходу, соединяющему с главным зданием, прекрасное архитектурное решение, впервые вижу, когда переходят не через двор, а по светлому коридору с высоким сводом. Он похож больше на сильно вытянутый зал, где одна сторона обращена широкими окнами наружу и принимает солнечные лучи, а другая — глухая, полностью покрыта барельефами, узорами, слегка выступающими колоннами, и все это великолепие из светлого камня золотистого света, похожего на застывший мед.

У дверей замер величественный церемониймейстер, а когда завидел нас, ожил и прокричал мощным голосом:

— Его высочество, принц Ричард Завоеватель!

— Дальше вы сами, — сказала она тихонько и отступила.

Прозвучали фанфары, я вступил в зал, огромный и ярко освещенный. Столы сдвинуты в форме подковы, скатерти белые, столешницы заполнены блюдами с едой, на мой взгляд не меньше сорока человек уже начали пир, скромным ужином это назвать трудно.

Я с ходу отыскал взглядом Норберта и Хреймдара, только они прибыли со мной, не считая десятка воинов сопровождения, однако меня провели мимо них к главному столу, что отделен от других и стоит на небольшом помосте, там сам лендрманн Флитвуд с Аллераной, а также четверо мужчин крепкого сложения, еще один в свободной одежде мага и сравнительно молодая девушка.

Мужчины тут же поднялись и поклонились, маг вежливо наклонил голову, но не поднялся, а девушка распахнула глаза и уставилась на меня с искренним любопытством.

— Мой двоюродный брат, — сказал Флитвуд торжественно-доброжелательно, — брюты Карл Лагерфельд, а это арман Юрген Рейнхольц и арман Ховард Наревуд, а также же хирдманы Арнольд и Дермуд...

Мага и девушку он представлять не стал. Я кивнул, мы все опустили за стол, я подивился странному взаимопроникновению титулов и стилей. Брюты — это виконт по-нашему, арман — барон, а хирдман — благородный рыцарь, но в то же время сказываются связи и с королевством Варт Генц: обращаются друг к другу «сэр», что для народов северных морей было несвойственно.

— Наступает великая пора, — провозгласил сэра Флитвуд, — где мы можем выказать доблесть и мужество, покрыть свои имена бессмертной славой и возвеличить свои гербы!

Сэр Рейнхолд, он же арман, добавил красивым мужественным голосом:

— В такой великой битве не стыдно и голову сложить!

Сэр Лагерфельд сказал не менее возвышенно:

— Однако с помощью войск Ричарда Завоевателя у нас есть шанс и прославиться в боях, и победить, и вернуться в свои владения со славой!

Мне показалось, что меня стараются загнать в какую-то ловушку, потому заулыбался пошире, простодушные дураки вроде бы везде безобидные, сказал с удовольствием:

— Хорошее у вас вино! Местное?

Флитвуд хохотнул:

— Конечно! Кто же будет везти его издалека?

Норберт показал мне взглядом издали, что у них с Хреймдаром все в порядке, так и надо. Конечно, подумал я кисло, для дела лучше, чтобы они там кое-что вызнали изнутри.

— А что ваш король Ричмонд Драгсхолм? — поинтересовался я так, чтобы это звучало весело и непринужденно, — он у вас король или все-таки конунг?

Флитвуд недовольно двинул плечами.

— Король, конунг, рэкс... Это был великий воин, но, когда уселся на трон, его как подменили. Он отстранил своих друзей, привлек чужих и незнатных, а с соседними землями, куда раньше ходили в победные походы, начал заключать договоры о дружбе...

— И как?

Он ухмыльнулся.

— Вообще-то не очень. Его помнят, потому не слишком верят.

— Сейчас ему друзья не помешали бы, — заметил я. Рейнхольд буркнул:

— Потому он и бросился навстречу Мунтвигу.

— Что-что? — переспросил я. — Он с Мунтвигом?

— Неизвестно, — ответил сэр Рейнхольд. — По слухам, он выехал к нему на переговоры.

— Чего-то добивается?

— Понятно чего... Каждый хочет сохранить свой огород, чтобы не затоптали. Да только получится ли?..

— Да, — согласился я, — времена трудные...

Мы ели, беседовали вроде бы ни о чем особенно, на первых встречах всегда так, время для серьезных вопросов придет позже. Я поглядывал на зал, где интерес ко мне почти улегся, как мой Бобик, что расположился у камина и наблюдает за всеми сонно и равнодушно.

Только один человек и за столом продолжает всматриваться в меня, стараясь делать это не слишком заметно, маг Личфильд, а еще я обратил внимание, что и леди Аллерана, как Грейда и Бренда тоже смотрят на меня не просто с любопытством или интересом, а словно напряженно ждут от меня нечто особенного, но такого, что обязательно случится.

Когда подали второе блюдо, в двери быстро вошла, почти вбежала женщина, и все в зале повернули головы в ее сторону. Высокая и крепко сбитая, в копне черных волос, брови тоже густые и чернящие, почти сросшиеся над переносицей, большие и грозные, как у Чингисхана или Аттилы, глаза — цвета запекшейся крови, щеки полыхают огненным румянцем, что кажется темно-багровым на ее не по-дворянски загорелых щеках.

Она прошла к столу, где сидят Норберт и Хреймдар с другими почетными гостями, блестя белыми, как у молодой волчицы, зубами, но губы полные и сочные, похожие на созревшие черешни, взгляд диковат и опасен.

Разговоры умолкли и не возобновлялись, пока она не опустилась за стол. Мне показалось, что у нее у ключицы расплывается заметный кровоподтек.

Я спросил тихонько у сэра Флитвуда:

— Что за такая необычная... красавица?

— Леди Квиллиона Шелкоперая, — сказал он чуть-чуть недовольным голосом, — одна их тех, кто удрал сюда перед наступлением Мунтвига. Наша дальняя родственница. Но здесь, хуже всего, начала учиться магии у этого...

Он бросил недовольный взгляд на Личфильда и умолк.

— Да уж, — сказал я, — падение дальше некуда. Зачем ей магия, не понимаю.

Он поддакнул:

— Все женщины и так ведьмы.

Разговоры за столами становились громче и свободнее, как всегда, когда вина много, а обязанностей пока никаких. Я видел, как Норберт беседует довольно живо, что для него вообще-то нехарактерно, но здесь не знают его характера, возможно, он такой и есть говорливый и любопытный, Хреймдар больше помалкивает и посматривает по сторонам, как и Личфильд. Похоже, маги предпочитают собирать информацию не так прямо и грубо, что немножко сложнее, зато не соврут прямо в глаза.

После ужина меня повели в ночные покои, Дарабос взялся проводить, а когда остались одни, сказал едва слышно:

— Крепость осмотрена вся, ваше высочество. Только в подвалы доступ закрыт.

— Когда же вы успели, Норберт?

— Пока вас девки мыли, — ответил он без улыбки.

— И это знаешь, — сказал я недовольно. — А что в подвалах?

— Что-то особое, ваше высочество.

— Заперто?

— И даже охранник, — сообщил он. — Я расспросил челядь обо всяком разном, заодно узнал, что охранника туда поставили только сегодня. Похоже, чтобы мы не заглядывали.

— А местные туда заходят?

Он покачал головой.

— Думаю, им достаточно и простого хозяйского запрета. Ну и, конечно, надежных запоров с замком с лошажьей головой на дужке.

Я подумал, кивнул.

— Ну и хорошо. Не думаю, что там нечто опасное. А у нас столько дел, что не до подвалов, хватит с меня этих подземелий.

Он коротко поклонился.

— Чуткого сна, ваше высочество!

Я проводил его до двери, заодно прислушался, что в коридоре, а когда вернулся, сразу же вошел в личину незримника. Злое нетерпение требует активных действий, не могу же вот так сразу лечь и спать, как-то дико прямо, походил взад-вперед по комнате, присматриваясь к окнам и прислушиваясь к запахам.

Послышался стук в дверь, тут же заглянул страж.

— Ваше высочество, — произнес он чуточку виновато, — к вам... гм... гость...

Взгляд его не отрывался от меня, даже от моего лица, словно на мне никакой личины незримника. Я ощутил досаду, что такая моя возможность раскрыта так просто, но это значит, охранять мои покои приставили очень знающих стражей.

— Пропусти, — сказал я. — Все равно спать еще рано.

Он поклонился и отступил, а я поспешно смахнул личину, да не заподозрит меня в коварстве еще и гость, кем бы он ни был.

Через порог осторожно переступила со свечой в руке, что странно и необычно подсвечивает ее прекрасное лицо, делая его совсем не тем, что видел раньше, милая молодая женщина, в длинном до полу платье, что скрывает ее фигуру, но одновременно показывает, что там есть за что ухватиться.

— Вы прекрасны, леди, — сказал я деревянным голосом.

Она сказала с улыбкой:

— Да? А мне казалось, что для мужчин все-таки важнее податливость, чем красота.

Она дунула на колеблющееся пламя, огонек затрепетал, не желая погружать такое дивное лицо во тьму, но покорился, лег в расплавленную лужицу воска и пропал, оставив крохотный сизый дымок, который видел только я.

Глава 16

Ни один мужчина, мелькнула здравая мысль, который намерен сделать что-то важное в этом мире, не имеет времени и денег на такую долгую и дорогую охоту, как охота за женщиной. С другой стороны, когда дичь сама приходит и даже готова снять с себя кожу с перьями и сесть на вертел...

Ага, мелькнула еще более здравая мысль, затем вернулась и уперла руки в бока, а ты не подумал насчет бесплатного сыра? Какая бы ни была у нее цель, но только мои цели заслуживают внимания и выполнения...

— Знаешь ли, — сказал я нерешительно, — у меня вообще-то уже есть... ну, ты понимаешь...

— Знаю, — ответила она.

— Откуда? — спросил я.

Она раздвинула в легкой усмешке полные сочные губы, слегка вывернутые наружу, блеснули ровные зубы.

— Чтоб у принца, да еще такого, не было, с кем разделить ложе? Но они еще не прибыли... я потом уступлю нагретое местечко, а оно будет горячим!

— Договорились, — сказал я с облегчением. — Да, кстати... ты вообще-то... гм... человек?

Она ответила в удивлении:

— Нет, конечно... Я женщина!

— Замечательно, — прошептал я так тихо, словно страшился спугнуть удачу, — а то все люди и люди...

Она вздрогнула, посмотрела с испугом.

— Ваше высочество!... А вы...человек?

Я таинственно промолчал, и она, сильно вздрогнув, зябко поежилась и попятилась к двери.

Как только в коридоре затихли ее убегающие шаги, я повернул на пальце кольцо Хиксаны, а когда начал погружаться в пол, лег плашмя и задержал дыхание.

Грудь погрузилась в камень, сдавило, я опустил голову, чтобы морда выступила там из потолка первой, ага, это тот зал, где ужинали, все в порядке, пусто, темно, горит только свеча у входа.

Извернувшись, я вывалился уже ногами вниз, с четырех ярдов даже не сильно стукнулся пятками, просто отбежал в тень и затих.

Через минуту послышались шаги, один из стражей заглянул и, посмотрев в темноту, вернулся обратно. Либо очень хорошая стража, либо амулеты у всех дай Боже, я же приземлился, как крохотный лягушонок из дебрей Амазонки.

Двигаясь вдоль стены, прячась в нишах и за массивными статуями, добрался до выхода из зала. Даже не выглядывая, убедился, что дальше пусто до самой лестницы.

На спуск в холл затратил почти полчаса, потом пошло проще: выбрался наружу, ночь спокойная, небо привычно закрыто тучами, все-таки север, но на двор падает слабый свет, пробивающийся даже сквозь толстое облачное одеяло.

Я проскользнул в тени вдоль стены, на двери в подвал огромный висячий замок, такие называют амбарными, я втиснулся рядом в стену, несколько мучительных мгновений удушья, затем затхлый воздух подвала.

Ничего особенного, привычные бочки с вином в два ряда вдоль стен, дальше отдельные закрома для мешков с зерном, уложены плотными рядами до самого свода, впечатляет, только на одном хлебе можно продержаться несколько лет...

Ниже уже ничего как будто, если не считать двери в полу, плотно притертой, даже кольцо вбито так плотно, что не подцепить пальцем.

Я сосредоточился и снова пошел вниз через каменный пол, гнусное и неприятное ощущение, вся натура противится вот так просачиваться сквозь камень...

Выпал я в абсолютно темное помещение, настолько темное, что даже я ничего не увидел, пришлось создать шарик света, и сразу озарилась как небольшая комната, так и пять янтарных гробов у стены.

Я стою, оказывается, прямо перед ними, едва не приземлился на один, сквозь полупрозрачную желтую поверхность вижу застывшие лица и фигуры, замороженные как в лед. Лица спокойные, отрешенные, как у монахов, по-своему красивые, хотя что-то в них есть неправильное, немножко не такое, как у всех, кто бегает там наверху и суетливо топчет землю...

Подниматься наверх пришлось труднее, но равно все не мог заставить себя отправиться спать, да еще и с лядью, стражей миновал не столько благодаря исчезновению, как тепловому и запаховому зрению, высчитывая их движения и проскальзывая за их спинами.

Наконец с великим трудом продавился сквозь стену, впечатление такое, что камень спрессован, как кованое железо.

Передо мной раскрылся ярко освещенный зал, удивило обилие свечей, с потолка спускаются на металлических цепях две огромные люстры, у каждой колесо, как от большой катапульты, а весь зал причудливо заставлен столами и столиками, стульев почти нет, да и зачем, если Личфильд, а это его апартаменты, работает один...

Еще некие странные сооружения, нечто причудливо-средневековое, но здесь это явно новинки научной мысли, карты звездного неба на столах и две во всю стену, астрологические знаки и символы, много толстых фолиантов и просто старых пожелтевших листов с полустертыми значками...

Единственное окно непривычно громадное, из цветного стекла, все краски чистые, только теплые, нет ни синего, ни голубого, ни зеленого, только буйство пурпура, оранжевого и золотого огня, неистовство багрянца и насыщенные цвета рубина...

Я прошел вдоль стены, моментально схватывая и запоминая, где что стоит и лежит, это дает точный слепок характера хозяина помещения, позволяет вести разговор, не прокалываясь на глупостях.

Судя по этим предметам, а еще больше по тому, как они расположены, это человек, которого мало волнует, что о нем думают, и который вовсе не старается пустить пыль в глаза. Либо его предсказания оказывались достаточно точными, либо его финансируют в

счет будущих предсказаний, но в любом случае он не тот, кто старается втереться в доверие к королям, чтобы получать от них золото.

Я вздрогнул от сильного насмешливого голоса:

— Что скажете?

Личфильд вышел в трех шагах из незримости и уставился на меня с веселым интересом. Я ругнулся, зря не проверил комнату в тепловом и запаховом.

— Впечатляет, — ответил я сдержанно.

— Всего-то?

— Весьма впечатляет, — сказал я. — Не у каждого королевского мага такие апартаменты.

Чувство опасности все еще молчит, потому я рассматривал его свободно и без стеснения, как и он меня.

— В самом деле? — спросил он. — Мне казалось, у меня лучше, чем у королевских магов.

— Может быть, — согласился я. — Как-то не сравнивал. Не дело благородных лордов интересоваться тем, чем занимаются слуги.

Он ухмыльнулся.

— А чего тогда вы здесь?

— Не спалось, — сообщил я. — А еще я немножко лунатик.

Он продолжал смотреть на меня в упор, что вообще-то считается дерзостью, слуги не должны так вот пялиться на благородных господ.

— Полагаю, — произнес он с холодком, — вы просто вышли из своей комнаты, прошли сюда... и никто вас не остановил?

— Я же благородный гость, — напомнил я.

Он хмыкнул.

— Да, но... ладно, вы так просто сюда забрели или же хотели выяснить нечто конкретное?

— И то и другое, — сказал я. — У меня, знаете ли, возрастная бессонница, кости ломит, суставы на непо-

году... Но раз уж тут, поинтересуюсь: у вас такие аппараты, как вы сами сказали, у королевских магов попроще, это за какие-то особые заслуги или просто наш хозяин обожает магию?

Он поморщился.

— О хозяине говорить не буду, это неприлично и недостойно, а о себе скажу, что услуг я ему оказал в самом деле немало.

— Но не все из возможных, — обронил я.

— Ваше высочество?

— Люди в подвале, — напомнил я. — В янтарных гробах.

Его брови полезли вверх, а в глазах проступило изумление.

— Ого, вы успели и о них узнать?..

— Это было легко, — сказал я с надлежащей скромностью.

— Я вас недооценил, ваше высочество.

— Меня часто недооценивают, — согласился я великосветски, — что и понятно, я же красавец... И что вы о них узнали?

Он развел руками, на лице проступило выражение злости.

— Увы...

— Значит, немного, — определил я.

— Если отбросить шелуху слов, — сказал он резко, — то я не узнал ничего. Они для меня остаются людьми в янтарных гробах. Нет упоминаний в древних рукописях, фолиантах, записях мудрецов или великих чародеев, даже отголосках легенд...

— Возможно, — сказал я, — это простые люди, о которых и упоминать не стоило?

Он нахмурился, переспросил:

— Просто чья-то родня?

— Да, — ответил я. — А сами по себе они ничто.

Он произнес медленно:

— В любом случае эта задача мне пока что не по зубам. Каждый день ищу способы, как их оживить, но пока тщетно.

— А надо ли, — пробормотал я. — Проснутся в чужом мире через сотни, а то и тысячи лет... Хотя, конечно, плевать нам на их чувства. Куда важнее, что можем узнать от них полезного. Ну так как разрушать города одним ударом, сжигать посевы простым плевком, сдвигать целые армии в пропасть, убивать и расчленять без опасения, что дадут сдачи...

Похоже, он уловил сарказм, но не понял к чему, ответил серьезно:

— Да, они могут знать много полезного. А если упрутся и не заходят делиться тайнами, в подвалах замка есть пыточная камера. И тоже, кстати, оборудована неплохо.

— Разносторонний у нас хозяин, — согласился я. — Кстати, что у вас за ранг такой, если лорд сажает вас за один стол, а не отправляет обедать со слугами?

Он ухмыльнулся.

— Я сразу могу сказать, кто замышляет что-то против него, а кто нет. Для этого нужно быть рядом.

— Практичный у нас хозяин, — обронил я. — Когда полезно, то о сословных различиях можно и забыть... И что он услышал обо мне?

— Что увидел, — ответил он. — Искреннее желание помочь отстоять замок от приближающихся войск Мунтвига. К хозяину у вас даже доброе отношение, как ко всякому, кто на вашей стороне. А лендрманн Флитвуд к вам расположен как к великому воину и завоевателю, так и к политику...

— Гм, — сказал я, — а вы?

Личфильд развел руками.

— Сами видите. Я впечатлен. Весьма впечатлен. Я просто не думал, что кто-то может быть великим воином и... магом! Такое встречалось только в старых легендах, но кто поручится, что там все правда?.. Во всяком случае можете считать меня среди своих восхищенных поклонников.

Я зевнул и сказал скромно:

— Спасибо. Видимо, пришло время все-таки заснуть. На сон грядущий вредно наедаться жизнью.

Он поклонился.

— Спокойных снов, ваше высочество. День без ссор — крепкий сон. Спите сном праведника!

— Разве, — пробормотал я, — праведник может спать спокойно?

Глава 17

С утра я принимал разведчиков Норберта, рассказывающих о движении войск Мунтвига, их снаряжении, экипировке, воинской выучке, соотношении конных и пеших, что еще лучше я мог бы им рассказать сам, томился и ждал подхода своей армии, что идет на встречу Мунтвигу тоже тремя гигантскими клиньями.

Личфильд проводил все дни в высокой башне, по ночам остроконечную крышу охватывало зловеще-багровое сияние, и с опускающихся туч время от времени в самый шпиль била ослепительная молния.

Леди Квиллиона Шелкоперая, изредка встречаясь со мной, явно сдерживает смех, рвущийся из нее, опускает голову и проскальзывает мимо.

Однажды я успел ухватить ее за руку, кисть покрыта царапинами и ссадинами, не говоря уже о кровоподтеке у плеча. Она резко обернулась с таким видом, что вот-вот ударит или зашипит по-кошачьи и прыгнет мне в лицо.

Я от неожиданности тут же выпустил, но успел спросить:

— Что с вами, леди Квиллиона?

Она ответила дерзко:

— Ничего, милорд. Все в порядке, милорд! Наслаждайтесь жизнью, милорд.

— А чего ржешь? — спросил я сердито. — Что во мне не так?..

Она пыталась удержать лицо серьезным, но фыркнула так, что из обеих ноздрей вздулись полупрозрачные пузыри соплей и едва не вылетели ей на грудь.

Смутившись, она быстро вытерла лицо платком, но тут же расхохоталась:

— Ой, не могу!.. Как вспомню лицо Амоны...

— Это кто?

Она с широчайшей улыбкой на лице всмотрелась в мои глаза.

— Ах да, вы даже имени не спросили?

— Это кто, — поинтересовался я, — та раскованная леди, что пришла к одинокому мужчине в спальню?

Она скривила личико в насмешливой гримаске.

— Ах-ах, вы такой скромный?.. Но ее можно понять. Маг Личфильд убеждал нас стать его помощниками, вот Амона и решила сперва накопить в себе магическую силу...

— Понял, — сказал я. — А ты?

— У меня ее достаточно, — заявила она нагло, — мне осталось только мастерство немного подшлифовать.

В этот же день, обходя внизу крепость, я нечаянно наткнулся на тихий уголок, где вдали от людских глаз она подшлифовывала то, что назвала мастерством.

Похоже, раз за разом повторяет отбрасывающее заклятие, мечтая, как по одному ее жесту громадного и закованного в стальные доспехи противника отшвыр-

нет, как щепку. Понятно, всякий раз отшвыривало ее, хотя заклинание произносила верно, судя по результату.

Понаблюдав, я спустился в дворик и тихонько зашел со спины. Платье уже потрепано и разорвано в двух местах, обнаженные по локти руки в кровоподтеках и царапинах, волосы в беспорядке, а дыхание, как я услышал, уже тяжелое и хриплое, как у загнанной лошади.

— Передохни, — сказал я мягко.

Она резко обернулась, делая обеими руками отбрасывающий жест. Меня мягко толкнуло в грудь, а она сама брыкнулась на спину и смешно перевернулась через голову.

Я подбежал, помог подняться, она охнула на повернутой ноге и припала к моей груди, но тут же поспешно отстранилась.

— Ну нет, — сказал я и прижал ее хрупкое тело к своему сильнее, чувствуя понятную сладость. — Переведи дух, а то вся магия из тебя уйдет навеки.

Она спросила хриплым шепотом:

— Так бывает?

— Конечно, — заверил я. — Надорвешься, из тебя и... выпадет. Женщинам нельзя поднимать тяжелое.

— Я все делала правильно, — прошептала она мне в грудь, — и я чувствовала, что из меня исходит сила.

— После чего усталость, — продолжил я, — и разбитость на остаток дня?

— Да...

— Тогда все верно...

Она прошептала:

— Но ссадины... царапины... смотри...

Я взглянул и озадаченно присвистнул. Руки покрыты мелкими и едва заметными значками, явно сама старательно рисует на всех местах тела, куда дотя-

гивается, а любая царапина на этом месте нарушает, а то и вовсе стирает значки вместе с клоком кожи.

— Не уверен, — пробормотал я, — что они нужны. Давай я отнесу тебя в дом?

Она сказала слабо:

— Я сама...

— Но я провожу, — сказал я настойчиво.

Она не стала спорить, когда я отвел ее в свои покои, залечил ссадины и кровоподтеки, что, конечно, значки не восстановило. Чувствуя прилив сил, она посмотрела озадаченно.

— Вы... маг, ваше высочество?

— Я паладин, — пояснил я с важностью. — А паладинам дана способность залечивать небольшие раны соратников. А так как я паладин неважный, то и раны залечиваю... неважно.

— Все прекрасно, — сказала она с энтузиазмом. — На мне все зажило!

— Это были не раны, — сказал я скромно. — Давай пока подкрепись, а я выскажу дилетантское предположение, что и в магии срабатывают простейшие фундаментальные законы. Понимаешь? Ну не может женщина с весом ангорской козы отшвыривать мужика в двести фунтов, а в доспехах — в двести пятьдесят. А магией или кулаками — неважно.

Она машинально брала деликатесы, что я ей, бесстыдно хвастаясь, подкладываю на тарелку, лопала, не глядя, тоже мне женщина, глаза стали отчаянными.

— А что делать? — вскрикнула она жалобно.

Я пожал плечами.

— Ну, сперва прислониться к стене. Или к дереву, если в лесу.

— А в степи?

— А что, других заклятий не знаешь?

Она окрысилась, сказала злобно:

— Я только это пять лет учила!

— В степи и пустынях попробуй другой способ, — предложил я. — Универсальный.

— Какой?

— Повернуться и удирать.

Она почти зашипела, как разъяренная кошка, глаза моментально стали злыми.

— Я не хочу бежать!

— Кто не бежит, — сказал я, — тот красиво погибает. Часто — со славой. Кто бежит — может вернуться позже и победить противника. Два равных варианта на выбор. И всегда не прав тот, кто гордо говорит, что у него не было выбора.

Она задумалась и продолжала есть совершенно машинально, пока не копнула ложечкой мороженое и не отправила большой комок в рот, поперхнулась, но проглотила и застыла с вытаращенными глазами.

— Это что?

— Зима, — ответил я. — Не нравится?

— Очень, — заверила она сиплым голосом, — очень нравится. Только необычно. Но... как ты это делаешь?

— Это принесли слуги, — ответил я. — У нашего хозяина прекрасные повара.

— Никогда не пробовала, — сказала она озадаченно.

— А ты давно у него?

— Почти месяц.

— Что, Мунтвиг двигается так черепашисто?

— Я прибыла сюда задолго до слухов о войне, — ответила она. — Мы с Аллераной росли вместе, все мы были бедные, но Аллерана приглянулась проезжавшему через наши края Джобберу, он взял ее в жены, и теперь она обожает хвастаться перед нами своим счастьем и достатком.

— Не по-христиански, — сказал я с укором.

— Зато по-человечески, — ответила она со вздохом. — И очень по-женски. Хотя мы и подруги, но она не упускает случая пригласить нас погостить, чтобы показать, на какой она теперь высоте. Ничего, мы прощаем ей такую слабость, тем более на самом деле ей не так сладко, как старается показать. Но зато знакомимся с молодыми рыцарями, можем выйти замуж...

— Ага, — сказал я саркастически, — прячась от всех на заднем дворе и раздавая стенам магические удары!

Она чуть смутилась, я рассматривал ее критически, она пробормотала:

— Я когда узнала, что такому можно научиться, совсем ошалела. Какие там женихи... Это куда интереснее.

— Как вам Мунтвиг?

— Ненавижу, — призналась она. — Весь край бежит в страхе перед его ордой!.. У нас крохотное поместье, это всего лишь просто большой дом, даже не каменный, но и его жалко, когда сожгут... А его точно сожгут, они все жгут и все уничтожают...

— Ненавидите? — спросил я. — Бери пример с учителя. Ему все равно, кто с кем воюет, кто кого режет, душит, давит, сжигает... Чистая наука, в смысле — грязная магия, превыше всего!

— Не могу, — призналась она. — Пробовала, не получается.

Карл Лагерфельд, двоюродный брат Джоббера, всегда серьезен настолько, что кажется печальным, но привлекал внимание не только женщин. Мужчины тоже внимательно смотрят на его высокую и крепкую фигуру. Вроде бы не человек войны, но чувствуется исполинская сила, а руки настолько толстые, что едва не рвут рукава, будто еще вчера упражнялся с тяжелы-

ми камнями и носил коня на плечах, развивая силу для воинских схваток.

Он прохаживался вдоль стены с развешанными мечами и топорами, шаг широкий и твердый, чуточку наклонившись из-за массы широких плеч, взгляд задумчив, а услышав мои шаги, развернулся и ждал.

Я приблизился, тоже рассеянно расслабленный, ожидающий, он отвесил почтительный поклон.

— Ваше высочество...

— Арман, — ответил я.

Он спросил так же вежливо:

— Оказаны ли вашему высочеству все подобающие его титулу услуги? Нет ли в чем-то урона?

— Ерунда, — заверил я. — Даже если бы и было что-то, я бы не заметил. Понимаете, арман, я не принц из королевского дворца, а принц с поля битвы. Поэтому с ходу замечаю, как наточены мечи и топоры, но на чем сплю — могу не рассмотреть.

Он перевел дух с заметным облегчением.

— Тогда нам повезло. Мы никогда не принимали в нашем уединенном замке высоких особ и не изощрены в подобных умениях. Могу я спросить, ваше высочество, намерены ли вы здесь дать бой полчищам захватчика? Или отступите в сторону Варт Генца?

— На положении вашего замка это не скажется, — сказал я осторожно. — Полагаю, сможете наблюдать все сражения сверху... в прямом и буквальном.

— Все зависит от последнего сражения, — заметил он. — Мы предпочли бы, чтобы оно закончилось разгромом Мунтвига.

Я улыбнулся.

— Нас опасаетесь меньше?

Он кивнул, глаза остались серьезными.

— Варт Генц — наш сосед, потому мы оба присматриваемся друг к другу. До нас постоянно доходят слу-

хи, что вы прекратили начало междоусобицы в Варт Генце, но от предложенной короны отказались. Конечно же, в Бриттии все предпочитают такого соседа!

— Увы, — сказал я со вздохом, — у меня все интересы вообще по ту сторону Великого Хребта. И немалые заботы. Вы даже не представляете, как их много!

Со стены видно, как далеко в долине появилась группа всадников, на большой скорости взлетели на холм, передний требовательно протрубил в рог так мощно, что на всех башнях затрепетали флажки.

Я присмотрелся, в удивлении покачал головой.

— Зигфрид? Быстро же он... Дорогой арман, один из моих телохранителей.

Лагерфельд сказал быстро:

— Вы здесь в полнейшей безопасности!

— Не сомневаюсь, — ответил я, — но принцу полагается служба личной охраны. Я и так сократил ее до неприличия.

Он ответил с поклоном:

— Как вам будет угодно, ваше высочество.

Я бегом поспешил вниз, всадники как раз проехали под аркой ворот замка, слуги разобрали коней, а я поспешил навстречу.

Зигфрид, будучи рыцарем, преклонил передо мной колено, но я поднял его и дружески обнял, как одного из своих самых старых соратников, что пришел ко мне из самого Амальфи.

— Зигфрид, — сказал я, — я рад, что ты догнал нас. Однако сегодня отдохни, ночью выспись, а утром мы, скорее всего, вернемся в лагерь.

— Ваше высочество, — сказал он, — но этот замок так неприступен... Вам здесь безопаснее всего.

— Слишком далеко от войск, — сказал я, — да и гонцы захэкаются ко мне бегать.

Часть третья

Глава 1

Остаток дня тянулся раздражающе медленно, я часто поднимался на башню и рассматривал окрестности, томимый смутным чувством раздражения, что опять война, опять мне мешают строить Царство Небесное вот прямо шас и здесь, но чтобы уничтожить войны... или хотя бы снизить их накал, нужно повысить ценность человеческой жизни, что пока просто немыслимо, и тогда перед умниками остается только одна возможность: захватить весь мир, тем самым покончив с войнами в корне.

Войны гремят всюду постоянно, иногда мне кажется, будто мир — всего лишь короткий сон войны. Как ни скверно это признавать, но мир создается войной.

Вечером после чинного ужина я отправился, как объяснил всем, смотреть на звезды, благо небо очистилось, некоторое время и в самом деле смотрел и прикидывал, воспарить ли птеродактилем, чтобы внести поправки в свои же карты, или же поддаться животному началу и пока что, в ожидании подхода войск, побезобразить с местными женщинами...

А небо все темнело, это появились тучи, звезды гаснут, словно их пожирает Божественная Тень, наконец я оказался в полной темноте

и совсем уже решил, что в такой темноте не слишком удобно рассматривать с высоты передислокацию мунтвиговских частей, лучше уж пойти и в самом деле побезобразить, женщины здесь такие любопытные, как суслики...

...как сверху пахнуло теплым воздухом, донесся запах вонючего тела, и снова все стихло, но сердце мое заколотилось в непонятной тревоге.

Я проследил направление, по которому ушел запах, это четвертое окно снизу, оттуда идет багровый свет, вот мелькнула тень.

«Что за... — мелькнула мысль, — это у них такая голубиная почта? Ночная голубиная, всепогодная, да и голуби тут крупноватые и со свалывшейся шерстью...»

Торопясь, я сбежал с башни, в темноте прокрался к стене замка и, собрав волю в кулак, начал карабкаться вверх к освещенному окну по выступающим камням стены.

К счастью, строители заботились о крепости и надежности, а не изяществе, и я кое-как поднимался, цепляясь за все неровности, пока не поднялся к окну, откуда тянет ароматами горящих свечей.

Некоторое время прислушивался, потом, выбрав момент, осторожно заглянул в комнату, стараясь заглушить в голове все звуки, в том числе и стук собственного сердца.

В комнате двое: сэр Флитвуд и незнакомец в плаще с надвинутым на лоб капюшоном. Флитвуд в кресле, развалился в свободной позе, человек в плаще стоит перед ним, но не похоже, что слуга или подчиненный. Да и стоит он так, словно это он хозяин или по крайней мере человек с огромной властью.

— Ваша крепость выстоит, — говорил он внятно и жестко, — если войска придут и уйдут, но, если коро-

левство будет захвачено, вам придется жить в чужой стране. Когда-то вам придется покинуть крепость...

Флитвуд ответил в меру расслабленным и ленивым голосом:

— Все верно, но здесь одно серьезное допущение...

— Сэр?

— Если королевство будет захвачено, — сказал Флитвуд.

Человек в плаще презрительно фыркнул.

— Вы сомневаетесь? Будут взяты и остальные, вплоть до Большого Хребта. А там Мунтвиг решит, как пройти на ту сторону.

— Вы уверены?

— Уверен, — отрезал человек в плаще. — Да и вы... не поверю, что ставите на этого мальчишку! Мунтвиг — великий полководец, уже пятнадцать лет как гремит его слава, он выигрывает все битвы, а что этот Ричард? В каких битвах отличился? Какие выиграл?.. Мы следим за его успехами, но все они лишь дело случая.

Я стиснул челюсти. Если до этого момента мог думать, что Флитвуд оценивает обстановку с одним из своих вассалов, то теперь...

Флитвуд то ли двуличен, то ли в самом деле не подчиняется даже королю и ведет собственную игру...

— И что вы можете предложить? — спросил Флитвуд.

Человек в плаще сказал размеренно:

— Я мог бы сказать, что жизни и безопасности больше, чем достаточно... но Мунтвиг настолько силен и могуществен, что может одаривать очень щедро и за пустяки.

Флитвуд хмыкнул.

— Вы считаете это пустяком?

— От вас потребуется совсем немного, — сказал человек в плаще.

— Ничего себе!

— Совсем немного, — повторил человек в плаще с нажимом. — На самом деле мой повелитель может прислать сюда за ним и без вашего разрешения и вашей помощи.

Флитвуд потемнел, кровь бросилась в лицо, а голос его прозвучал раздраженно и с неприязнью:

— Тогда в чем же дело?

— Просто чуть больше приготовлений, — объяснил человек в плаще. — Чуть больше хлопот, а еще будет потрачено чуть больше времени. Но в этом случае вам уже не будет оказано тех милостей, что вы могли бы получить...

Флитвуд молчал, лицо снова стало насмешливо уверенным, но заметно не только мне, что колеблется, выбирая, на какую сторону забора упасть.

— Я подумаю, — ответил он наконец.

Человек в плаще произнес холодно:

— Как? Посоветуетесь со своими гостями? В этом случае вас ждет суровая кара. Армия моего хозяина надвигается со стороны севера с неумолимостью ночи. И ее не остановить ничем!

Флитвуд сказал надменно:

— Не в моих правилах раскрывать посторонним мои тайные переговоры. А суровыми карами меня не испугаешь! Уже пятьсот лет наш род стоит, как и наша крепость, вопреки всему миру...

— Тогда что вам обдумывать? — спросил человек в плаще. — Все предельно ясно!

Флитвуд покачал головой.

— Это вам ясно, а не мне. Но я вижу, что и армия этого мальчишки, как вы говорите, идет со стороны юга без поражений. И эти две исполинские волны скоро столкнутся.

— То есть, — проговорил человек в плаще, и я впервые уловил в его голосе изумление, — вы все еще не уверены, кто победит?

— Пусть даже победит Мунтвиг, — сказал Флитвуд, — но у него будет слишком много забот, чтобы заниматься еще и моей крепостью. Если он мудр, то ему проще всего будет оставить нас в покое...

Умен, мелькнуло у меня в спинном мозге. Точно так я поступил с крепостью Аманье, в которую отступил со своим войском лучший полководец Сен-Мари герцог Вирланд. Просто оставил их в покое, ни осад, ни штурмов...

— Мое время уходит, — сказал человек в плаще, — пора возвращаться. Каков твой ответ?

Флитвуд помолчал, я тоже, как и его гость, в напряжении ждал ответ.

— Это пока только слова, — ответил Флитвуд замедленно, он вздохнул и развел руками. — А я человек осторожный. Я отвечу, когда увижу войско Мунтвига внизу в долине. Кто знает, вдруг он вообще не собирается сюда идти?.. И что тогда будет со мной?

Человек в плаще отступил на шаг, поклонился.

— Мунтвиг придет не только сюда, — произнес он ледяным голосом. — Мунтвиг придет во все земли и станет повелителем мира! И тогда вы пожалеете.

Он отступил еще на шаг, я собрался в ком и напряг мышцы, этот странный гость смотрит на дверь, но спиной вперед приближается к окну...

В двух шагах от окна он развернулся с такой скоростью, что я увидел только смазанное движение. Флитвуд тоже не успел шелохнуться, как человек в плаще, прижав руками к телу развевающиеся полы, бросился головой в черный проем звездного неба.

Я отцепился от камня и загородил когтистыми лапами дорогу, но гость Флитвуда ударил всем телом с

такой силой, что меня сорвало со стены. Я инстинктивно вцепился в него изо всех сил, оказавшись на спине, как клещ на летучей мыши.

Ветер засвистел в ушах, а земля далеко внизу начала приближаться пугающе быстро.

Он раскинул крылья, я услышал треск суставов, когда давление воздуха загнуло их так, что с обеих сторон коснулись моей головы. Он отчаянно сопротивлялся, тело тугое и сильное, крылья стали короче и уже выдерживают напор...

Земля ударила снизу с такой силой, что меня вжало в крылатую тварь. Кости затрещали, вроде бы не мои, я перехватил за шею, сдавил, там влажно хрястнуло, и тело подо мной потеряло жесткую упругость.

Я перевернул тварь на спину, бездумно ухватил за горло, дикое и сладостное чувство, когда клыки рвут артерию и тугая струя горячей крови бьет в рот так сладостно...

Опомнившись, с трудом заставил себя отстраниться, быстро утащил в сторону за камни, а высоко в окне башни вспыхнул красноватый свет, показалось встревоженное лицо Флитвуда.

Он швырнул вниз факел, молодец, догадался, но я пригнулся за камнями, а из тела крылатого шпиона выплеснулось недостаточно крови, чтобы заметить это пятно сверху.

Факел остался полыхать, но закатился в ямку и освещает только свою выемку. Я тяжело дышал и всматривался в тварь, нечто вроде гигантского нетопыря, жесткая густая шерсть, злобно перекошенная морда, белые клыки...

Драсьте, сказал я мысленно, а я вот птеродактиль, но все еще живу.

Вздохнув, я тихонько подтащил труп, пригибаясь за камнями. За краем утеса тихо, я перевалил в темноту и выпустил из рук тяжелое тело.

Звук удара о далекую землю если и донесся, то я не услышал, хотя прислушивался старательно.

Глава 2

Обратно возвращаться в открытую не рискнул, стражи могут доложить, что я пришел совсем не от башни, куда ходил смотреть на звезды, и я таким же манером, подумывая, что во мне спит не только птеродактиль, но даже альпинист, а то и вовсе скалолаз, взобрался к окну своих покоев.

Прутья решетки показались поставленными дико тесно, я протиснулся с великим трудом, обдирая бока и с сильно колотящимся птеродактильным сердцем, даже кости скелета кое-где сдвигал, но надо было торопиться, в коридоре слышались приближающиеся шаги.

Я рухнул на пол, но быстро перетек в личину человека. Дверь открылась, я поднялся с самым раздраженным видом, отряхнул брюки.

Зигфрид бросился ко мне, протягивая руки.

— Ваше высочество!

— За ковер запнулся, — сказал я зло. — Понастелили тут всякого... Кстати, хорошо, что зашел. Или у тебя дело?

— Дело, — ответил он кротко и, понизив голос, добавил: — Я проверил здесь все, что смог, Норберт помогает, хотя у него своих дел... Нас маловато здесь, ваше высочество. Им стоит только навалиться...

— Ты им не доверяешь?

Он ответил с неловкостью

— Честно говоря, нет.

— Почему?

— Чутье, — ответил он шепотом. — Что-то такое носится в воздухе...

— Хорошо, — сказал я и увидел удивление в его глазах, — как и сказал, утром вернемся в наш лагерь. Здесь... неудобно со связью, а почтовых голубей у нас почему-то нет.

Он отступил на шаг и, прежде чем скрыться за дверью, сказал с облегчением:

— Коней оседлаю рано утром.

— Не просплю, — пообещал я.

Уже ступив в коридор, он придержал дверь, чтобы мне было слышно, и спросил кого-то враждебно:

— Что надо?

В ответ прозвучал задиристо трепещущий голосок Квиллионы Шелкоперой:

— Я к его светлости принцу...

— Он уже спит, — отрубил Зигфрид. — Без задних ног!

Я подал голос:

— Ладно, пусти ее на минутку. А потом в шею, понятно.

В щель проскользнула Квиллиона и заговорила быстро-быстро:

— Ваше высочество, умоляю, я только на минутку! Вы обещали составить мне протекцию в Академию Магии...

— Какой магии? — сказал я грозно. — Я борец с магией! У меня там академия благородной алхимии, матери всех наук, прародительницы химии, физики, магнетизма и биохренетизма... в смысле, бихевиоризма!..

Она прокричала в страхе:

— Да-да, простите, оговорились!..

— За такие оговорки на костер тащат, — буркнул я, подошел к столу, быстро начеркал несколько слов на листке и сунул ей: — Держи. Учись усердно.

Она жадно ухватила обеими руками, отступила на шаг, посмотрела в сторону двери, мне почудилось, что видит сквозь толщу дерева прохаживающегося взад-перед Зигфрида, затем обратила взор в мою сторону.

— Спокойной ночи, ваше высочество, — проговорила она спокойно и крайне вежливо. — Хотите, я уговорю леди Амону не страшиться вас?..

— Зачем? — спросил я.

— Она придет к вам в постель...

Я отмахнулся и сказал небрежно, даже не покраснев от наглой брехни:

— Знаешь, я люблю спать один. Никто не лягается, не стягивает одеяло...

— Но... как же утети?

— Да ерунда, — сказал я. — Ради пятиминутной, ну пусть чуть дольше, утети терпеть потом всю ночь неудобства? А выгнать вроде бы неудобно, я же галантейный и учтивый, сам удивляюсь такому выверту... Я и вежливость, представляешь?

Она помотала головой.

— Не представляю.

— Ну вот, — сказал я, — потому и не терплю женщин... в моей постели.

Она уже взялась за ручку двери, на мордочке удивленное выражение, брови взлетели на середину лба.

— Что, правда?

— Истинная, — сказал я. — Если хочешь, можешь сама остаться. А потом я тебя сгоню на тряпочку. Тебя можно.

Она сказала язвительно:

— Какая заманчивая перспектива! Конечно же, я... остаюсь. Меня еще никто не сгонял на тряпочку.

— Я так и думал, — сказал я бодро, — что именно на это и клюнешь, как золотая рыбка.

Все-таки она молодец и вся из себя тактичное чудо, даже и не старалась разыгрывать невинность и целомудрие, вообще-то для начинающих ведьм это стыдный недостаток, потому легко выскользнула из платья, а потом так же легко и быстро забралась под одеяло, даже не побахвалилась ладным, крепко сбитым телом.

— Ну? — сказала она через пять секунд.

— Что? — спросил я. — Ах да... ну ты даешь, прям как жена, напоминающая про осточертевшие супружеские обязанности!

Она сказала просительно:

— Просто хочу побыстрее миновать эту обязательную процедуру. Я же ради интересного общения с вами, ваше высочество, это обещает быть увлекательным, вы же необыкновенный человек! Но что делать, если с мужчинами без этой прелюдии ну никак, у вас же все мысли куда-то деваются!

— Ну, — сказал я великодушно, — со мной можно поговорить и сперва...

Она вздохнула:

— Да, но не о том будете говорить, уже знаю. Так что давайте на потом?

— Как скажешь, — сказал я. — Иду тебе на уступки! За это мне какие-то бонусы, скидки...

Она покорно вздохнула, повернулась на спину и раздвинула ноги. На лице терпеливое ожидание момента, когда можно будет поговорить с человеком, который привел огромную армию, имеет великую власть и, главное, так много знает и умеет всякого, в том числе и в такой удивительной магии.

— Кстати, — сказал я, не дожидаясь, когда восстановится дыхание, — мне кажется, этот маг Личфильд не слишком охотно делится с тобой секретами колдовства?

— Не слишком, — ответила она, глаза ее остались такими же чистыми и ясными. — Но это же так естественно... Кстати, слезьте с меня, ваше высочество, вы такой тяжелый!.. Никто не любит делиться своими тайнами, потому магами становятся очень не скоро.

Я скатился с нее и сказал, глядя в потолок:

— Странно, а вот я поделился бы очень охотно. Больше нас, больше наша мощь...

Она быстро повернулась на бок, глаза ее зажглись восторгом и надеждой.

— Правда, поделились бы?

— Конечно, — заверил я. — Огонь не гаснет, когда от него зажигаются другие! Кстати, классные сиськи.

— Ой, — прошептала она. — Это же просто невероятно...

— Что, сиськи? — спросил я. — В самом деле классные. Невероятно почему, что ты красивая женщина? Наверное, с мужчиной я бы делился секретами магии не так охотно. С другой стороны, в нашей Коллегии Алхимии все маги, колдуны, чародеи и волшебники работают сообща...

Она вспискнула:

— Разве такое возможно?

— Это уже работает, — сказал я гордо. — В Геннегау, столице королевства Сен-Мари, в огромном замке совместно работают лучшие из магов не только Сен-Мари, но всех окрестных. Не веришь? Туда я тебе и дал рекомендацию. А так как я и есть главный основатель, покровитель и наставник, то тебя примут без вопросов... А сиськи, да, просто чудо.

Она сказала торопливо:

— Вы, как паладин, умеете заживлять раны соратникам, но как насчет сотворения еды? Это уже не паладинство, а магия!.. А это с паладинством несовместимо!

— Кто сказал? — спросил я. — Кстати, классные сиськи.

— Спасибо, — сказала она и поспешно натянула одеяло до подбородка, — все говорят, что несовместимы. Священники... да и маги.

— Никто из них не обладает монополией на истину, — ответил я, — хотя каждый старается стать посредине и взять на себя функции посредника. Если церковь что-то утверждает громко и уверенно, это вовсе не значит, что так утверждает сам Бог...

Она тяжело и глубоко вздохнула, одеяло снова весьма сползло, а она, не замечая, сказала тихонько и трусливо:

— А... как на самом деле?

— Никто не знает, — ответил я горько. — Ищем на ощупь. И часто ничего не видим во тьме, кроме вот таких сисек...

Она буркнула:

— Вы про них уже говорили.

— Да? Ну это нормально, мы всегда про них говорим.

— А церковь тоже во тьме?

Я подумал, ответил со вздохом:

— Церковь ведет народы в нужную сторону. Но не самой прямой дорогой, а где по камням, где по зыбучим местам... потому что сама на ходу отыскивает дорогу... Да, сиськи в самом деле классные.

Она покорно вздохнула, мужчины с голой женщиной вообще не могут говорить о чем-то интересном, я еще герой, но и у героев есть пределы, я все понял по

ее обреченному взгляду и, сделав умное лицо, сказал веско:

— Склонность к сексу, насилию и даже зверству есть в каждом из нас. Но лишь самообладание является критерием человечности.

Она обалдело раскрыла хорошенький ротик.

— Это... вы к чему, ваше высочество?

— Умничаю, — огрызнулся я. — Показываю свою высокую одухотворенность для контраста. А ты не ценишь, ворона!

— Да я просто не ожидала, — сказала она торопливо. — Все говорят, что вы человек неожиданных решений и поступков. Но я не думала, что настолько!

— Я не настолько, — возразил я, — а то мало ли чего подумаешь. Мы, мужчины, существа ранимые, наше эго задевать нельзя. В общем, если хочешь попасть в нашу Академию Высшей Магии, то...

Она вскрикнула и прижала кулачки к груди. Я начал гордо улыбаться, но внезапный лютый холод приморозил улыбку к губам, тело пронзило стужей, словно наше ложе оказалось среди снегов на вершине горы.

Левая стена, ведущая наружу, мгновенно превратилась то ли в стекло, то ли в прозрачный лед. Я не успел вскрикнуть, как там зло затрещало, ледяные камни щелкнули и разлетелись вдребезги.

Куски покатались по залу, в огромную дыру в стене я успел увидеть черное небо и острые звезды. Ледяной ветер ворвался с ужасным свистом и разом задул все свечи, светильники и даже факелы.

В тот же миг багровый от жара камин стал мертвенно-синим, пурпурные угли — серыми камнями, комната погрузилась в черноту ночи.

Я бросил ладонь к рукояти меча, из ночи прозвучал громовой хохот. Черный провал зло полыхнул крас-

ным, словно там разверзся ад, в комнату швырнуло воинов в красной чешуе гибких доспехов.

Я отпрыгнул уже с мечом в руке, заорал и завертелся, принимая и отражая удары коротких блещущих злыми синими искрами клинков, похожих на римские мечи.

Квиллиона скатилась с кровати по ту сторону и там затаилась. Комната наполнилась багровым светом, а я бешено рубился, взвинчивая скорость. Один из чешуйчатых отпрыгнул, получив удар по руке, но трое неумолимо наступают, стараясь прижать к стене.

— Врете, сволочи, — прошипел я. — Я вам не овца...

Но и они не простые волки, таких бойцов поискать, я то и дело получал болезненные удары, кое-где брызгала кровь, но эта четверка, похоже, не знает, что я не просто паладин, заживляющий раны соратникам, но я особый паладин, не забывающий и о себе, они всякий раз останавливались на миг, ожидая, что я паду и буду кататься на полу в судорогах, но я орал как берсерк и рубил еще быстрее.

Еще один получил прямой удар в голову, выронил меч и попятился. Оставшись всего против двух, я воспрянул духом и с ревом рубил и крушил, пока не рубанул одного так, что у того повисла рука на рассеченном плече.

Но те двое, которых я вроде бы вывел из строя, подхватили мечи и ринулись на меня, уже не надеясь, что умру от ран.

Я отпрыгнул в сторону и поспешно отбежал, а то совсем уже чувствую лопатками стену, успел поймать одного на прием, кончик меча достал его в раскрытый рот, что сразу стал вдвое шире, начал фехтовать со вторым и вдруг ощутил, что еще один из оставшихся противников исчез...

Чувство опасности нахлынуло с дикой силой, и в то же время я обреченно понимал, что не успеваю... но за спиной раздался глухой удар железа по железу, грохот падающего тела.

Я всадил меч по самую рукоять своему последнему противнику, он почему-то замедлился и тупо смотрел мне за спину.

Я молниеносно обернулся, Квиллиона стоит со сковородкой в руках, а на полу лежит распростертый тот гад, что готовился сразить меня со спины.

Я сказал сердито:

— Ну, знаешь ли... Это не по-женски!..

Она пролепетала:

— Что?

— Ты должна, — объяснил я, часто дыша и хватая широко раскрытой пастью воздух, — визжать в испуге, закрывать глаза и падать в обморок. Если не получается или получается недостаточно красиво, то все равно сперва закрывай глаза, потом прячься. Хоть за широкую мужскую спину, хоть за мебель.

Она сказала испуганно и чуть не плача:

— Да знаю, знаю... но вы никому не скажете? А то меня никто замуж не возьмет!

— Ладно, — сказал я великодушно, — за один поцелуй я о чем угодно смолчу!

— Хорошо-хорошо, — сказала она поспешно. — Куда вас поцеловать?

Глава 3

Я запнулся, перед глазами промелькнула целая вереница всякого и с разными вариантами, прежде чем понял, что она спрашивает насчет щечки или моего бараньего лба.

— Потом, — сказал я. — Это непростые гады...

Она в страхе и смятении смотрела то на распростертые тела, то на огромный проем в стене.

— Кто это? Вы их знаете?

Я сказал надменно:

— Я лорд, мне всякую мелочь знать не обязательно. А вот их хозяина...

Она вспискнула, тела на полу задержались, начали уменьшаться, вокруг них закрутился воздух, сгустился, и через мгновение все исчезло.

— Ой, — сказала она, — ой...

Я обернулся, на месте проема снова прежняя стена, а пол чист, никаких раскатившихся глыб камня или льда.

— Перфекционист, — определил я.

Она пропищала испуганно:

— Ваше высочество?

— Любит работать аккуратно, — объяснил я. — Будто лютеранин. Я сам вообще-то такой... в планах, правда. Стремлюсь к совершенству.

Она смотрела дикими глазами.

— Ваше высочество!.. Вам такое... уже знакомо?

Я отмахнулся.

— Даже надоедать начинает. Надеюсь, в новых землях будет что-то поинтереснее.

Он все еще в ужасе оглянулась на дверь.

— Но как же...

Створки распахнулись, словно с той стороны сада нули тараном. Зигфрид ворвался лютый, с вытаращенными глазами, обнаженный меч в обеих раках.

— Ваше высочество! Дверь заколдована?

— Уже нет, — сообщил я.

— Но была? — спросил он свирепо. — Тогда я буду спать в ваших покоях! Возле самой кровати!

— А не укусишь, — спросил я, — когда буду вставать ночью и наступлю на ухо?.. Зигфрид, ты вообще-

то вовремя, давай-ка поднимемся наверх и кое-что проверим. Думаю, кто-то из местных и дал наводку, и помог снять защиту с этого корпуса... Квиллиона, ты остаешься!

Она было шагнула за нами, но голос мой прозвучал, как и подобает мужчине, разговаривающему с женщиной, а она поступила так, как должна поступать настоящая женщина: мгновенно смирилась и торопливо села на край ложа.

Зигфрид спешил по винтовой лестнице вслед за мной, сопел и оттапывал мне пятки, норовя обогнать и пойти первым.

Я остановился перед нужной дверью, Зигфрид замер, повинуясь моему царственному взмаху длани. Я всмотрелся, вслушался и внюхался, а когда Зигфрид начал переминаться с ноги на ногу, сказал негромко:

— Там Личфильд, а с ним пятеро чужих... Какие-то они слишком уж...

Он шепнул:

— Хотите войти?

— Не хочу, — ответил я. — Однако надо.

— Я первым, — сказал он быстро.

— Да, — ответил я, — конечно...

Он не успел шевельнуться, как я мощным рывком распахнул дверь, она едва не слетела с петель, я зря старался, не заперто, а в комнате резко обернулись в нашу сторону маг Личфильд и пятеро... Боже правый, это же почти огры в доспехах, только морды звериные...

— Сэр Личфильд, — сказал я государственным голосом, — точнее, гражданин Личфильд! Именем закона в моем благородном и таком красивом лице вы арестованы. Все, что скажете, будет использовано против вас. Все, о чем умолчите, тоже...

Он прошипел люто:

— Что стоите? Убейте!

Огры быстро надвинулись на меня, но вперед выметнулся Зигфрид и, заслонив своего лорда, с такой скоростью завертел гигантским мечом, что лезвие образовало несколько смазанных кругов из стали, вращающихся одновременно в разные стороны.

Я отступил назад и в сторону, меня трясет от распирающего тело возбуждения, все начинают двигаться медленнее и медленнее, я всадил клинок одному в подмышечную впадину, где разошлись пластины доспеха, тот взревел и отступил, опуская меч и зажимая свободной рукой рану.

Вторым ударом я со злой радостью раскрыл ему голову, быстро развернулся к другому, пригнулся, избегая просвистевшую полосу острой стали, ткнул мечом в живот, кольчугу не пробил, но зверь согнулся в поясе от болезненного удара, а Зигфрид тут же обрушил меч на склоненную голову.

Я отпрыгнул от скатившейся головы и одновременно от двух мечей, взвинтил темп до предела, рубанул одного, тут же еще раз, Зигфрид ревет и рубится рядом, противников осталось всего двое, я прокричал:

— Бросайте оружие!.. Всем дарю жизнь и ограниченную свободу!

Личфильд взмахнул руками, голос его гулко прокатился под сводами его лаборатории. Над столом возникло блистающее облачко.

Он ухватил с горящего тигля горсть зеленого порошка, я видел, как исказилось от боли злобно перекосенное лицо, но пересилил себя и швырнул горстью на середину комнаты.

— Улла-ла маргаст!

Облачко вспыхнуло яркими огнями и пропало, а посредине комнаты возникла плотная масса этих зверей в доспехах. Они зашевелились и начали раздвигаться, я охнул, их не меньше десятка.

Зигфрид прокричал отчаянно:

— Ваше высочество, уходите немедленно!.. Я с ними справлюсь!

Сильный удар обрушился на него со спины, он вздрогнул, но сперва сразил одного из нападавших спереди, а затем резко развернулся и раскроил шлем вместе с черепом ударившего в спину.

Я бросился к Личфильду, тот отпрыгнул к стене, лицо перекошенное в страхе и ярости.

— Прикажи, — заорал я, — всем бросить оружие!

Он почти прошипел:

— Вы не понимаете!.. Я получил приказ от того, кто выше вас!

— Он ответит тоже, — сказал я и быстро ткнул мечом ему в живот.

Он непостижимо быстро скользнул в сторону. Острие со скрежетом раскололо камень стены, а Личфильд метнулся к двери и прыгнул в проем, словно в воду.

— Сломай там шею, — рыкнул я.

Два копья вонзились Зигфриду в спину, я двумя страшными ударами поверг монстров на пол, уже не до мага, одно из копий углубилось с такой силой, что кончик высунулся из груди моего верного телохранителя.

Зигфрид вскрикнул страшно, я попытался пробиться к нему, но дорогу загородили совсем жуткие и огромные твари.

Я рубился с ними, а за их спинами Зигфрид вдруг взревел жутко, шлем слетел с его лохматой головы. Посеченные доспехи ссыпались, как шелуха, а его странно позеленевшее вдруг тело раздалось вдвое, взбугрилось выпуклыми мышцами, заблестело, словно покрытое полированной сталью.

Монстры, опешив всего на мгновение, накинудись на него с удвоенной яростью. Чудовище, в которое

превратился Зигфрид, с яростным ревом молотило лапами, сминая шлемы и со скрежетом разбивая панцири, а в него со всех сторон тыкали копьями и всадили несколько арбалетных стрел.

Я выгнулся от страшного удара молотом в спину, воздух со всхлипом вырвался из моей груди. Второй удар бросил меня на землю, я покатился с гудящей, словно колокол, головой, сверху победные крики, но рукоять меча все еще в моей ладони, я с яростью рубанул одного по ногам, другого ткнул острием снизу в пах, поднялся на колени, принял два слабых удара на щит и начал рубить из последних сил.

Их оставалось трое на ногах, я насел с яростным воплем, они остановились, двое попятились, кончик моего меча достал одного в плечо, тот вскрикнул и, выронив топор, ухватился пятерней за рану, где из-под пальцев побежали алые струйки крови.

Двое один за другим повернулись, я одного ударил в спину, а последнего догнал у двери и свирепо рубанул в затылок, после чего сам рухнул на колени. Грудь разрывается, в голове грохочут молоты, а перед глазами кровавая мгла.

Некоторое время слышались яростные крики, звон металла, затем все стихло, у меня перед глазами проянилось, я заставил тяжелое тело воздаться на ноги.

Шагах в пяти среди поверженных тварей в доспехах распростерлось огромное изрубленное тело монстра, бывшего Зигфридом. Череп разрублен в трех местах, весь в колотых и рубленых ранах, из груди торчит окровавленное острие копья, под ним двое тварей в полных доспехах, которых он сумел удавить в последнем усилии.

Я подошел к нему, шатаясь, рухнул на колени возле его тела. Чудовищная морда с вывернутыми наружу ноздрями дрогнула, толстые веки чуть поднялись, я уви-

дел там красные, как рубины, глаза, а зрачки в виде вертикальных щелей.

Задержав дыхание, я торопливо опустил на его грудь обе ладони и сразу ощутил холод смерти.

Он смотрел на меня в упор, жизнь вытекает вместе с остатками крови из ран, но он нашел в себе силы шепнуть:

— Сэр... Ричард...

— Лежи-лежи, — велел я. — Не мешай, я и так весь помешанный.

Его веки дрогнули, начали закрываться, но он переборол себя и прошептал еще тише:

— Не... пытайтесь... ваша сила паладина не поможет... Вы же видите, кто я...

Я огрызнулся:

— А что я должен увидеть особенное? К тому же все созданы Всевышним... Даже Сатана. А демоны... подумай. Он вас создавал вместе с мухами. Лежи тихо.

Я чувствовал, ничего не происходит, Зигфрид умирает, лицо покрылось смертной пеленой, губы уже синие, а глаза начали закатываться.

— Да будет воля Твоя, — сказал я с яростью и гневом, — да будет справедливость Твоя и суд Твой праведный! Да будет Твое милосердие для всех, а не только тем, кому раздают от Твоего имени служители Твои!.. Они в самом деле Твои?

Ладони все так же чувствуют холод, я стиснул челюсти и взмолился молча, разве поступивший праведно демон не достойнее человека, жизнь прожившего недостойно и в грехах, всю жизнь воровавшего, распутничавшего, ничего в жизни не сделавшего хорошего?

Перед глазами на кратчайший миг вспыхнул свет, словно я получил ответ на мысленный зов. Ладони начали разогреваться, жар потек в тело монстра.

Некоторое время чудовище оставалось неподвижным, затем веки дрогнули и приподнялись. На меня взглянули в великом удивлении уже знакомые глаза, удивительно синие на коричневом от солнца лице. Тепло начало медленно меняться, пошла трансформация, исчез металлический блеск, кожа стала белой, не тронутой жарким солнцем, а под ней вздулись вполне человеческие мышцы.

Он с трудом облизал губы, пересохшие и потрескавшиеся от внутреннего страшного жара.

— Сэр Ричард?

Голос прозвучал без хрипа и ноток рева, прежний голос Зигфрида.

— Полежи чуть, — посоветовал я и отнял ладони, что за это время едва не превратились в ледышки, — оклемайся, я скоро вернусь...

В дверной проем я вылетел почти как и Личфильд, но удержался, ударившись впереди о близкую стену, и понесся вниз, прыгая через три ступени.

Глава 4

Дверь в мои покои распахнута, я замер еще в коридоре, увидев, как разъяренная Квиллиона держит в руке кинжал острием в сторону Личфильда, а тот стоит в двух шагах и смотрит на нее в диком изумлении.

— Что?.. — услышал я его потрясенный голос. — Квиллиона?.. Где твоя извечная трусость?.. Не-е-ет, ты не сможешь меня убить... ты можешь солгать, как все женщины, юлить и хитрить, но... убить? Не-ет... на такое у тебя рука не поднимется, я слишком хорошо тебя знаю...

Она некоторое время держала кинжал острием вперед, затем медленно опустила.

— Ты прав, сволочь, — прошептала она. — Рука не поднимается на такую мразь...

Он приблизился к ней медленно, глаза насмешливые, а на губах ироническая улыбка.

Квиллиона с силой двинула рукой вперед. Острие узкого лезвия с треском вошло через тонкую ткань халата в правый бок мага и погрузилось по самую рукоять.

Он дернулся, лицо перекосила агония. Глаза стали неверящими, я услышал хриплый шепот:

— Как... ты... почему...

— У меня другой учитель, — сообщила она с достоинством.

И, выдернув лезвие, с отвращением вытерла кровь о его щеки. Он, все еще не отрывая от нее изумленного взора, опустился на колени. Видно было, что старается удержаться, но его завалило набок.

Я вбежал в комнату, Квиллиона сунула кинжал в ножны, но руки, как я заметил, крупно дрожат.

— Господи, — вскрикнул я. — Ты просто чудо! Как ты решилась, да ты просто сам не знаю...

Она ответила подрагивающим голосом:

— Сама бы никогда не поверила... Но общение с вами сказывается, ваше высочество!

— Еще не вечер, — пообещал я. — Побудь здесь, мне нужно вернуться. И не дай ему залечиться!.. Ты смотри, у него кровь красная, как у людей...

— Ваше высочество?

— У предателей, — объяснил я, — сердца черные, как уголь, а кровь зеленая... Ну, если верить высокой поэзии.

Она не успела ответить, все еще не отрывая взгляд потрясенных глаз от распростертого у ее ног Личфильда, а я бегом взбежал в комнату колдуна, где Зигфрид все еще распростерт на полу, но при звуке моих шагов он начал подниматься, однако я велел жестом замереть.

— Сперва залечи все раны и повреждения.

Он обшарил быстрым взглядом мое лицо.

— А то... что я... что вы видели?

Я отмахнулся.

— Да ерунда какая-то. Похоже, в минуты опасности ты в состоянии... гм... пользоваться резервами организма? Так, да? Что у нас обычно в неприкосновенном, с ними и умираем?

Он пробормотал:

— Ничего не понял, больно мудроно говорите... Но, думаю, вы ошибаетесь, сэр Ричард.

— В чем?

Он проговорил с огромным усилием:

— Я... демон.

— Ага, — сказал я саркастически, — а я птеродактиль! А то и вовсе дракон! Да еще с крыльями.

— Правда, — сказал он быстро крепнущим голосом, — я только сам недавно узнал, сперва не поверил!

Я, хоть и с трудом, но продолжал смотреть так же спокойно, словно по три раза на день мои телохранители превращаются в монстров и наоборот.

— Чего так?

Он отвел было взгляд в сторону, помедлил.

— Да так... сообщили. Один из моего племени пробегал мимо... Оказывается, я из очень маленького и редкого племени демонов, что разучилось выращивать потомство. И все бы вымерли, если бы не догадались подкидывать новорожденных другим демонам и даже людям. У нас такое свойство, что сразу становимся такими же, как и родители. Меня вот подкинули сеньору Кунингу, он так и не понял, как это у него вместо пяти детей стало шесть, наши как-то умеют задушивать головы. Так что Кунинги вырастили и воспитали меня вместе со своими детьми... Честное слово, сэр Ричард, я сам ничего не знал, это вот полгода назад, когда я

был уже в Сен-Мари, один демон, как я уже сказал, сообщил мне, кто я! Но я ему не поверил.

Я поинтересовался:

— И что, к родным возвратиться не захотелось?

Он ответил с обидой и великим чувством оскорбленного достоинства:

— Моя родня здесь, ваше высочество. Моя семья — благородный род Кунингов! А я Зигфрид — младший сын в роду.

Я сказал одобрительно:

— Это верно, я сам кому угодно могу подтвердить. Так что поднимайся, кукушонок, у нас еще много дел.

Донесся быстрый перестук каблучков, Зигфрид не успел подняться на ноги, как вбежала Квиллиона, ахнула, увидел окровавленного Зигфрида.

Я проследил за взглядом ее расширенных глаз и понял, что она обратила в первую очередь внимание на то, что я и не заметил по нашей мужской невнимательности.

Зигфрид поднялся среди кучи ссыпавшегося с него железа почти голый, покрасневший до корней волос.

— Ох...

— Да ладно, — сказал я великодушно, — что вы оба так застеснялись?.. У Зигфрида прекрасная мускулатура, это должно служить оправданием вам обоим... Познакомьтесь, это Зигфрид, а это леди Квиллиона...

Квиллиона слегка присела, растопыривая края платья в стороны, Зигфрид неуклюже поклонился. Щеки Квиллионы полыхают, думаю, не только из-за быстрого бега по лестнице, голову держит склоненной, не решаясь поднять ее и взглянуть ему в лицо, так как с Зигфрида свалились последние клочья одежды.

Он сам тоже застыл, не зная, что делать дальше и как себя вести.

— Квиллиона, — сказал я, — ты знаешь этот замок лучше, отыщи Зигфриду одежду его размера. А потом оба зайдете ко мне, у меня есть для вас обоих работа... А я пошел, пошел, пошел.

И в самом деле тут же удалился, оставив их объясняться, какого именно размера ему одежда подойдет.

Раньше я полагал, что все эти необыкновенные способности у людей, превращающие их когда в монстров, когда в уродов, а когда и в колдунов, — всего лишь мутации после грязных войн. Дескать, большинство мутантов просто вымерли, нежизнеспособных всегда в тысячи раз больше, но немногим все же уцелеть удалось...

Никто, конечно, не мог подсказать мне, что я дурак и не так мыслю, но остальные еще дурнее. Для них все эти возможности либо от Всевышнего, либо от дьявола, что куда чаще, третьего не существует.

Это я вот только сейчас начинаю понимать, что дело не в мутации. Слишком много встречаю, у кого способности превышают обычные житейские, а даже козе известно, что благоприятных мутаций должно быть намного меньше на единицу площади. Или на миллион человек.

Так что это, скорее, все-таки пробуждение при определенных обстоятельствах латентных способностей. Когда-то люди были настолько могучи, что сейчас и представить невозможно, однако с крахом цивилизации и наступлением каменного века все было потеряно, забыто, утрачено, растоптано. И вот лишь у очень немногих очень редко проклевывается что-то одно, в то время как раньше человек мог, грубо говоря, все, если перевести на наш примитивный язык. И, конечно, недопустимым это считается вполне справедливо, замечу. Несвойственным нынешнему человечеству и стало быть, запретным, то есть у всех должны быть равные стартовые возможности для карьерного роста.

Глава 5

Конечно, никакой работы я для них не придумал и не придумывал, то был повод уйти, и, когда вскоре оба вошли в мои покои, Зигфрид в франтоватом костюме слащавого ловеласа, я поднял голову и долго смотрел на них тупо, не понимая, чего явились и стоят в ожидании.

— Ах да, — сказал я и со скрипом потер лоб, — у вас будет весьма важное задание... ага, зело важное и ответственное...

Я погрузился в раздумье, наконец Зигфрид спросил обеспокоенно:

— Ваше высочество?

— Это я оно, — признался я. — Вот какое задание... В общем, Квиллиона должна находиться здесь и делать вид, что кувыркается со мной в постели. Иногда выходить, таинственно улыбаться, глазки долу, так это намекивающе, как вы все умеете делать... а ты, Зигфрид, никого не пропускай, понял?..

— Понял, — буркнул Зигфрид. — А что сказать?

— Так и скажи, — объяснил я. — Мол, уставший от дел лорд немного решил позабавиться с женщиной. Квиллиона, это ты женщина, если еще не знала. В общем, прикроешь снова, только в более трудной ситуации.

Он буркнул:

— Я предпочел бы в бою прикрыть своим щитом и телом.

— Увы, — ответил я. — Я не только военачальник.

Он спросил с подозрением:

— А вы где будете?

— В покоях, — ответил я строго.

— А на самом деле?

— Зигфрид, — сказал я, — даже, если твое чутье скажет тебе, что меня в спальне нет, ты должен всем говорить, что я вот сейчас в постели с дамой и тревожить меня нельзя.

Квиллиона, похоже, не поняла, к чему такие предосторожности, а Зигфрид посмотрел по сторонам и сказал почти шепотом:

— Подозреваете... что было не все?

— Это на всякий случай, — сказал я, — ты же знаешь, я такой осторожный, такой осторожный! Если кто и остался, пусть думает, что я после такой победы отдыхаю с кувшином вина в одной руке и ледей в другой.

Я с ними говорил спокойно и ровным голосом, да не увидит никто, что я весь вулкан, это уже не властитель, если дергается и взбешивается. Не знаю, в каком состоянии Мунтвиг или кто-то из его близких решил послать группу ликвидации, но я собираюсь нанести ответный удар с холодной головой, горячим сердцем и почти чистыми руками, так как всю ответственность на себя берет тот, кто посылает меня...

Из окна я выметнулся в облике незримника-птеродактиля, уж кому знать, как не мне, у кого здесь опасные для меня амулеты, так что выскользнул в одну из дыр, взмыл повыше, а дальше пошел в уже знакомом направлении, даже не отмечая конные отряды у костров, разьезды, а свирепо обрадовался, когда увидел внизу в черноте широчайшую россыпь звезд, такими показались бесчисленные точки костров.

Еще в прошлую ночь, облетая все четыре их лагеря, я старался понять, где же Мунтвиг: в каждом высится шатер с его знаменем, но я не встречал человека, который может существовать в четырех телах. Хотя... кто знает, если не встречал, это вовсе не значит, что такого не существует. К тому же кто-то намекал, что Мунтвиг не человек, а демон, во что поверить трудно,

демонам наши проблемы, цели и стремления просто непонятны.

Наконец удалось просчитать, что хотя гонцы выскакивают из всех шатров, однако только из одного на полном скаку уносятся за пределы, остальные разносят поручения по другим шатрам. Двух я проследил взглядом с высоты, один промчался в сторону севера, там далеко расположилась на короткий ночлег большая масса войск на марше, а второй поспешил к дальнему из лагерей.

И сейчас я неся под облаками по прямой, свирепый и яростный, весь в жажде ответить за все неудачи и отступления, от позорного пленения в замке герцога Вильярда и провала с выборами короля Сен-Мари, до последних покушений на мою священную и неприкасаемую парсуну, а то и персону.

Приземлился я за пределами лагеря скрытно, хотя ярость все еще дергает за каждую мышцу и требует с грозным ревом ворваться в это сборище гадов и крушить все и вся без всякой пощады и чувствуя только ослепляющую радость победы...

К сожалению, хотя жизнь ночью в лагере вроде бы и замерла, но стража бдит везде, а еще я заметил темные фигуры в плащах с надвинутыми на лица капюшонами, отличительный знак монахов, колдунов, воров и чародеев.

И все-таки эта дикая встряска, по-видимому, могла усилить незримность, я пробрался в самый центр лагеря, никем не замеченный, проскочил между последними шатрами и влетел в кувырке в красный, где полог колышется так приглашающе.

Четверо мужчин вскочили в испуге. Я уже взвинченный так, что вот-вот меня разнесет на мелкие куски, мгновенно ухватил взглядом, запечатлел и оценил всех четверых, в долю секунды понял, что мне повез-

ло: Мунтвиг не ушел спать в другой шатер к бабе, не решил вдруг проверить посты, а вот он прямо передо мной: высокий и с выбритой головой, налитый силой и высокомерием, над верхней губой тонкая полоска усов, кончики свисают по обе стороны, но если другим такие усы придают печальный вид, то здесь как бы говорят о скрытой силе, хитрости, отваге и вероломстве.

Есть люди, что подобны деревьям или рыбам, а в этом скрытой силы на пару вулканов, облик дышит железной волей, такие умеют идти к цели, не отступая даже перед великими трудностями...

— Уми, — проревел я, но еще раньше мой клинок с наслаждением злой стали вонзился в левую сторону груди с такой силой, что, поразив сердце, продолжил путь и высунулся из спины.

В ту же секунду я вырвал меч из тела врага, весь залитый кровью по самую рукоять, крутнулся, как смерч, одна голова подпрыгнула к самому своду, второго я рассек до середины груди, а третий, даже не собираясь защищаться, с криком ринулся к выходу.

Догнав в два прыжка, я с таким же наслаждением раскроил ему голову, словно это еще один Мунтвиг, и не успел выдернуть меч, как в шатер ворвалась толпа людей с оружием.

Я завертелся, как уж на раскаленной сковороде, со всех сторон брызгает горячая кровь, крики, вопли, сдавили так, что уже и мечом не могу, мелькнула мысль, что сейчас бы воспользоваться браслетом Иедумэля, но нужно хотя бы полминуты на сосредоточение...

Донесся вопль:

- Император убит!
- Мунтвиг заколот!
- Брать живым!

Сильный удар в затылок потряс меня с головы до ног. В черноте заблистали звезды, я развернулся и ухватил кого-то за горло, услышал треск костей, второй удар бросил меня на землю.

Я очнулся от тесноты, с трудом разлепил глаза, прямо перед зрачком увидел блестящее и острое, как игла, тонкое лезвие ножа.

Надо мной голос сказал быстро:

— Не двигайся и не шевелись!.. Все твои кольца и амулеты у нас. Ты под прицелом, понял?

Я с еще большим трудом пошевелил губами:

— Понял...

— Тогда можешь сесть.

Я осторожно сел, на мне только набедренная повязка, заменяющая здесь трусы, даже сапоги уперли. Справа и слева по двое с арбалетами, целятся с двух шагов, стальные стрелы смотрят мне в голову, а пальцы, как вижу, на спусковых скобах.

Прямо передо мной, но из предосторожности в трех шагах, приземистый мужчина в цветном халате и шляпе с высоким верхом.

— Прикуйте его к стене, — велел он.

Я огляделся, ага, пока был без памяти, меня притащили сюда. Это не лагерь, стены из старинных блоков, комната явно пыточная, вот торчат толстые стальные клинья, вмурованные между плитами, толстые цепи свисают уверенно и по-хозяйски.

Когда меня приковали к стене, этот в халате сперва осторожно проверил крюки, заходя то справа, то слева, затем отступил и, глядя мне в лицо, с удовлетворением ухмыльнулся.

— Ну, вот теперь поговорим.

— Поговорим, — согласился я. — Давненко я в таком месте не бывал... А так все знакомо: такие же цепи, крюки, горн, тигли, только вот там должна стоять бочка с водой.

— Она там и стоит, — заверил он. — Ее дыба и куча ящиков загораживают. Недавно ремонт был.

— Ремонт, — сказал я, — это важно. Такие нужные в хозяйстве места нужно содержать в порядке.

— Рад слышать, — ответил он. — Ты всегда служил Ричарду Завоевателю?

— Хороший вопрос, — сказал я одобрительно. — Сразу без всяких наводящих и косвенных. Ты не совсем дурак в этом стаде баранов.

— Ну-ну, отвечай!

— Ты прав, — сказал я, — меня послал Ричард. Не сам лично, но его начальник разведки. Прав и в том, что я не всегда служил Ричарду.

Он буркнул, но в глазах блеснуло удовольствие:

— Это было только предположение.

— Но ты высказал его с уверенностью, — похвалил я. — Значит, разбираешься в людях. Да, раньше я служил другим людям.

— А почему пошел служить Ричарду?

Я нагло ухмыльнулся.

— Мне предложили больше.

— Чего?

— Всего, — ответил я.

Он всматривался в меня очень пристально.

— Ты так легко меняешь хозяев?

— Нет, — ответил я гордо. — Это даже не вопрос платы. Но разве не каждый из нас старается подняться выше и служить более великому?

Он хмыкнул, покрутил головой.

— С одной стороны, конечно, ты прав, ибо нет более великого правителя в мире, чем император Мун-

тивиг. И здесь твои поиски самого достойного, кому следует служить, могут закончиться. Но, скорее всего, закончатся по другой причине.

Я сказал весело:

— По какой? Это не совсем то, что очень уж мне сейчас надо, просто я любознательный.

— Нашему повелителю служат многие маги, лазутчики и убийцы, — сообщил он с такой гордостью, что заметно раздулся. — И новые не требуются... Кстати, что ты можешь еще?

Вопрос был задан легким тоном, вроде бы невзначай, только так и надо начинать выznавать тайное, и я ответил так же небрежно, как бы не придавая никакого значения:

— Да всякая ерунда вроде исчезновения, видение альтинга, дар видеть в зеленых черепах и умение говорить с филигонами.

Он покачал головой.

— Ого!.. А что это такое?

Я посмотрел на него с насмешкой, насколько позволяют прикованные к стене руки и ноги.

— Мне кажется, ты не маг. В лучшем случае, старший помощник младшего слуги колдуна средней руки.

Он побагровел от гнева.

— Кем бы я ни был, в моих руках твоя жизнь!

Я фыркнул:

— И чем хвастаешься? Это такая малость...

— Уверен?

— Другое дело, — сказал я, — была бы в твоих руках жизнь кого-то из королей, толстых и богатых...

— И все-таки это твоя жизнь, — напомнил он едко.

— Она мне надоела, — сообщил я. — Не было близкого человека, который бы меня не обманул, не предал, не оставил. Не было женщины, которая тайком не

спала бы с моими друзьями... и ты считаешь, что такая жизнь может нравиться?

Он изучал меня исподлюбя холодными злыми глазами.

— Это объясняет, — сказал он наконец, — почему ты решился на такую безумную дурость, как проникнуть в шатер самого императора. Либо убьют сразу, либо сорвешь самый крупный куш?

— Догадался, — сказал я с удивлением. — Может быть, ты не помощник слуги, а помощник самого колдуна?..

Он холодно улыбнулся.

— Так что за филигоны?

— Ты не старший маг, — определил я.

Он поморщился.

— Ты не обрадуешься старшему.

— Знаю, — согласился я. — Но о таком можно говорить только со старшими. Ранг, что делать. Дорастешь, увидишь, у меня нет другого выхода.

— Даже, — сказал он с иронией, — когда в моей руке раскаленный прут?

— Тогда ты многого не знаешь о магии, — ответил я и посмотрел ему прямо в глаза.

Он выдержал мой взгляд, но на лице мелькнула тень беспокойства, хотя в глазах ничего не изменилось.

— А ты?

Я вздохнул.

— Я же сказал, жизнь мне совсем не дорога... Если начнешь тыкать в меня этим прутом, а я вдруг да почувствую неудобство... ты же понимаешь, в моей профессии к этому давно готовы, то я могу прервать свою жизнь в любой момент. Что, это новость?

Он постоял с прутом передо мной, даже замедленно приблизил раскаленный докрасна конец к груди, я ощутил жар, но заставил себя красиво и гордо улыб-

нуться, выпрямился и вздул грудные мышцы, еще больше приблизив к раскаленному металлу.

— Ну так вот смотри...

Он быстро отступил на шаг, а раскаленный прут вообще убрал за спину.

— Так и быть, побеспокою старшего мага.

Я с самым презрительным видом закрыл глаза, но и через опущенные веки видел багровые силуэты, что выходили и входили в помещение. Все переговаривались мало и шепотом, что не мешало мне слышать каждое слово.

Глава 6

На этот раз в пыточную явились двое вельмож высокого ранга, судя по золотым цепям на груди, а с ними очень старый человек в расшитом золотыми хвостатыми звездами и астрологическими знаками халате.

Он вышел вперед и долго рассматривал меня с удивлением в глазах и полнейшим пренебрежением на лице.

Один из вельмож спросил нетерпеливо:

— Ну и что?

Колдун развел руками.

— Ваша светлость, похоже, он в самом деле наделен даром говорить с филигонами!.. Но только вряд ли говорил.

— Еще бы, — ответил вельможа недобро, — иначе чего бы работал простым убийцей по найму. А ты можешь что-то с этим сделать?

— Что? — спросил колдун. — Отнять этот дар невозможно.

— А как-то... ну, поставить нам на службу?

Колдун сказал безнадежным голосом:

— Как? Только если его самого принять к нам... а уже потом как-то можно подобраться и к филигонам...

Вельможа посмотрел на меня с откровенной ненавистью.

— И этого? Все так и норовят поступить к нашему повелителю на службу!..

— Ваша светлость!

Вельможа отмахнулся, приблизился и встал передо мной, рассматривая с откровенной ненавистью.

— Эй ты, наемник!

— Чё тебе? — ответил я лениво.

— Мы доложим о тебе императору, — сказал он. — Возможно, он изволит тебя посетить. Надеюсь, ты сумеешь вызвать его неудовольствие...

— В этом я хорош, — признался я с гордостью, но в голове лбами стукаются злые и растерянные мысли: император? А кого же я просадил насквозь с таким торжеством стальным жалом?

Вельможа кивнул второму, тот наклонил голову и вышел, а эти двое продолжали рассматривать меня, беспомощного и прикованного к стене, лишённого всех амулетов и колец с браслетами, но молчали и не двигались.

Я тоже хранил молчание, стараясь соответствовать образу холодного, но в то же время бесшабашного наемника, которому жизнь не дорога.

Скрипнула дверь, по ступенькам в подвал спустилась целая группа вельмож, во главе Мунтвиг, целый и невредимый, сразу вперил в меня острый взгляд и некоторое время рассматривал со злобным интересом.

— Ты хорош, — произнес он холодно. — С такой легкостью убить троих моих военачальников, троих телохранителей... гм... даже меня сумел...

Я пробормотал:

— Но как-то плохо получилось.

Он скривил губы в злой усмешке.

— Нет, ты хорош. Твой меч поразил меня в сердце и убил на месте. Но у вашего Ричарда плохая разведка, если до сих пор не знают, что у меня девять жизней. Кое-что я уже истратил еще до тебя, сволочь, но запаса хватит, чтобы покорить весь мир.

— Кто знает, — ответил я. — Много таких было. Но мир все еще раздроблен на десятки королевств.

Он скривился.

— На десятки? На сотни, если не тысячи!.. Но я беру все под мою руку. И никто не сумеет выстоять... Ладно, мне передали, ты согласился служить мне. Конечно, будешь щедро вознагражден. И, конечно же, как понимаешь, примем меры, чтобы ты выполнил наше задание.

Я насторожился.

— Разве недостаточно моей заинтересованности?

Он ухмыльнулся.

— А вдруг ты... из убеждений?

— Кто, — переспросил я в великом удивлении, — это я из убеждений? А что, бывают убийцы, что режут людей из убеждений?

Он кивнул.

— Представь себе, бывают. Я сам таким был. В молодости.

Я прикусил язык, вспомнив родину терроризма с ее бомбистами, убивавшими царей и градоначальников из веры в справедливость своего дела и с чувством выполненного долга перед человечеством, радостно поднимавшимися на эшафот.

— Гм, — пробормотал я озадаченно, — никогда бы не поверил...

— Значит, — сказал он, — ты из другого теста. Мы таких называли продажными шкурами, но, когда повзрослели, поняли, что вы были изначально правы,

ориентируясь только на высокую плату и возвышение. Все остальное — ложь.

— Приятно слышать, — сказал я осторожно.

— Но меры примем, — сказал он неожиданно. — Эй, Тирадур!..

В шатер вошел худой человек в одежде мага, обеими руками держит перед собой клетку с наброшенным сверху красным платком.

— Готово, — сказал он льстиво, — Ваше Императорское Величество!

Все смотрели, как он осторожно поставил клетку на середину стола, поклонился и отступил на шаг.

Двое воинов подошли ко мне справа и слева, разом выхватили ножи и приложили холодные лезвия к шее. Один гад острием едва-едва не рассекает артерию, сволочь, слишком старается.

Я не шевелился, старался даже не дышать, а Мунтвиг сказал почти доброжелательно:

— Мы запустим тебе в желудок аккотису, это ма-а-аленькая такая ящерица. Меньше мизинца. Правда, она не совсем ящерица. У нее есть интересная особенность, что тебя очень заинтересует... Два дня она будет в основном спать и расти на своих запасах, потом... пожирать то, что съешь ты. К концу первой недели вырастет так, что ты ее уже хорошо прочувствуешь... ха-ха... а затем начнет пожирать тебя.

Я чуть скосил глазом на нож у яремной жилы.

— Тогда зачем мне стараться?.. Если погибну в муках?

Он улыбнулся.

— Я уверен, такой герой, убивших троих моих военачальников, а затем телохранителей... уже молчу про пятерых раненых, сумеет выполнить задание гораздо раньше, чем она сожрет твои внутренности, и вернуться сюда. А здесь вытащим ящерицу легко.

Я подумал, спросил:

— А если не вытащите?

— Почему?

Я поморщился.

— Засунуть всегда проще.

Он улыбнулся.

— Да, но эта нам нужна. Ей требуется тепло твоих внутренностей, чтобы у нее появилось это... как ее...

Маг подсказал услужливо:

— Самозарождение!

— Вот-вот, — продолжил Мунтвиг. — У нее что-то изменится, в ней начнут созревать яйца. Или икринки, как их называет Тирадур...

Я передернулся, несмотря на лезвия у горла.

— Какая мерзость...

— Если отложит в тебе, — согласился Мунтвиг, — то да, мерзость, к тому ж начнет пожирать тебя изнутри еще живого... Ну, а так все даже красиво. Ящерицы и змеи откладывают яйца, рыбы мечут икру... Мы успеем извлечь ее раньше, чем она соберется их откладывать. Понимаешь, они нам нужны!

— Понимаю, — пробормотал я. — Думаю, вернусь сегодня же...

Он закинул голову и звучно захохотал.

— Хорошо сказано! Но сперва выполни задание.

Тирадур сдернул красный платок с клетки, там под медной сеткой блеснуло мокрой спинкой нечто похожее на виноградного слизня, размер с половину мизинца. Когда открыли даже не дверцу, а подняли целую стенку, я надеялся, что ящерица шмыгнет в сторону и удерет, но она только прижалась к днищу и часто-часто дышала, раздувая бока.

— Не выносит яркого света, — сказал Мунтвиг. — Ну, приступим!

Стражи чуть усилили нажим лезвий, а маг приблизился с ящерицей на ладони. Я открыл рот и закрыл глаза, чтобы не видеть этой гадости.

Скользнула она мне в глотку достаточно проворно, словно ощутила свою настоящую нишу. Стражи убрали ножи и отступили к Мунтвигу, остальные выставили перед собой копья.

Мунтвиг откровенно скалил зубы.

— А как делают у вас?

— Просто платят, — ответил я угрюмо.

— Дикари, — произнес он снисходительно.

— Я могу идти? — спросил я.

Он кивнул.

— Да, конечно. Ты уже понял, что тебе нужно сделать?

— Что-то сделать? — спросил я. — Я еще что-то должен делать?

Он хохотнул, вельможи угодливо заулыбались.

— Люблю отважных да еще с юмором. Ты должен сделать то же самое, что сделал здесь. Понял?

— Да, — ответил я. — Не думаю, что и у Ричарда девять жизней. Это было бы слишком.

Он кивнул.

— У него не девять. И даже не две. Так что убей и сразу же возвращайся. Кроме того, что уберем ящерицу, ты получишь много золота, титул и, если хочешь, землю.

— Хочу, — ответил я, — но мне нужна моя одежда. Слишком подозрительным будет, если приду в другом. Кроме того, нужен мой меч, лук, кольца и браслеты.

Он повернулся к магу:

— Верните ему все.

Тот подпрыгнул, глаза полезли на лоб и стали огромные, как у морского окуня.

— Ваше Императорское Величество!.. — вскричал он жалобным голосом не мага, а нищего на базаре. — Позвольте задержать на время! Одежду хоть сейчас, а все остальное у него очень непростое, только я еще не понял, какие из них со свойствами...

Мунтвиг поморщился.

— Хорошо-хорошо. Одежду и сапоги вернуть сейчас, а все остальное — когда явится с выполненным заданием.

Маг сразу просиял, низко поклонился.

— Ваше Императорское Величество!

Мунтвиг развернулся и пошел по ступенькам из подвала. Явился кузнец с помощниками, умело и довольно быстро расклепали цепи и сняли с ног и рук железные браслеты.

Один из телохранителей принес одежду и бросил передо мной на пол.

Я спросил надменно:

— А сапоги?

— Несут, — буркнул он.

Пока я одевался, явился еще один с сапогами, блестящими и начищенными. Я огляделся, сел и принялся натягивать их медленно и старательно, хотел даже их заставить помогать, пока в голове стучит мысль, как добыть потерянные вещи.

Обувшись, я сказал с облегчением:

— Хорошо... А теперь принесите белой глины.

Один спросил в недоумении:

— Чего-чего?

— Белой глины, — повторил я терпеливо. — Она у вас прямо в лагере, один из костров разведен прямо на ее выходе наверх.

Они переглянулись, тот же воин спросил с подозрением:

— Зачем?

— Император велел, — напомнил я значительно, — вернуться в тот лагерь в том же виде, в каком вышел, иначе будут подозрения. Но сапоги были испачканы по самые голенища в белой глине. Вы зря их вылизали так тщательно. Языки не болят?

Оба стегнули по мне ненавидящими взглядами, но повернулись и вышли.

Я торопливо сосредоточился, стараясь войти в это странноватое состояние, когда начинаешь чувствовать свои вещи, именно те, что принадлежат тебе, признавшие тебя своим властелином...

Первым ощутил кольцо, полученное от Хиксаны Дейт, затем браслет Иедумэля, а чуть позже и все остальные вещи, отобранные у меня.

— Ну, давайте, — прошептал я и, растопылив пальцы, застыл в страстном ожидании, что вот сейчас...

Ага, вот так сразу, одно дело перемещать в своем замке, другое — в суровой действительности.

Я взмок, устал, когда наконец по пальцу стукнуло, я скосил глаза, и сердце забилося ликующе: колечко Хиксаны уже на пальце, словно не снимал.

Чувство уверенности, оказывается, важнейшее звено, теперь, когда получилось с кольцом, почти без затруднений перебросил к себе и все остальное.

По ту сторону полога слышались приближающиеся шаги, по мелькнувшему силуэту видно, двое несут в корзине столько глины, что могу вымазаться до ушей.

— Ричэль, — прошептал я и повернул одну половинку браслета навстречу другой, — Ричэль, где ты...

Я успел услышать скрип двери, но в следующее мгновение от кисти к плечу пронесли те самые огненные муравьи, вязкая масса сдавила так, что не вздохнуть, в голове пронзительно засвистело.

Глава 7

Через мгновение подошвы моих сапог ударились в твердое, я в шатре, слева стол и длинная лавка, а прямо передо мной грубо сколоченное ложе.

Клемент развалился на нем в позе отдыхающего сатрапа, а тонкостанная Ричэль сидит на нем и, отщипывая от виноградной грозди по ягодке, нежно вкладывает ему в пасть, куда можно бы засовывать целые валуны.

— Приятного аппетита, — сказал я.

Ричэль вспикнула и слетела с Клемента на пол, а он вскочил, инстинктивно хватаясь за меч.

— Ваше высочество?

— Все в порядке, — успокоил я. — Извини, что прервал прелюдию к такому интересному койтусу, но я удирал прямо из шатра Мунтвига... Ричэль знает, что такое Браслет Иедумеля.

Она поднялась с пола, дрожащая и перепуганная. Клемент вложил меч в ножны, а она пропищала:

— А что случилось?

— Неудача, — ответил я.

Клемент покачал головой, лицо обеспокоенное до крайности, всмотрелся в меня из-под массивных надбровных дуг.

— Ваше высочество! Только прикажите.

— Что? — спросил я.

Он замедленно пожал плечами.

— Не знаю. Но вы уж точно быстрее меня понимаете, что нужно делать. Откуда вы... так неожиданно?

Я подошел к столу и тяжело опустился на лавку. Клемент стоит в той же позе, лицо суровое и озабоченное больше, чем если бы здесь появились орды Мунтвига.

— Садитесь, герцог, — сказал я устало. — Ричэль, ты тоже. Хотя ты и нечеловек, но ты дама... В общем, я влип, только никому об этом. Народ должен знать, что я как скала, гордо и надменно... А все случаи, когда мордой или рылом в грязь, нужно утаивать во имя высших соображений и высокого национального самосознания. В общем, я прямо из лагеря Мунтвига.

Ричэль тоже шире раскрыла глаза, явно еще не знает, что такое Мунтвиг: человек, гора или озеро, а Клемент подпрыгнул бы, если бы умел, слон — единственное животное на свете, что не умеет подпрыгивать.

— Но... как вы там оказались?

Я сказал подавленно:

— Да слуру, как я еще могу?... Почему-то решил, что могу решить наши проблемы одним ударом. Или нет, просто в последнее время столько неудач, что я сорвался... Мунтвиг подослал ко мне убийц, что чуть не преуспели, а я сгоряча решил ответить ему тем же, но более успешно.

— И... что случилось?

Я сказал нехотя:

— Не дело принцев ходить в разведку! В общем, сваял дурака, все провалил, да еще и сам попался. Едва удрал.

— Как все произошло?

Я сказал с горечью:

— Мунтвиг хитрее, чем я думал. В его шатре расположилось трое его придворных вместе с ним. Я убил всех, в том числе и Мунтвига! Только шум был такой, что весь лагерь поднялся на ноги. В общем, вбежали телохранители и меня чуть не повязали. К счастью, браслет был на руке, я мигом дал деру. Вот и все.

Ричэль мелко дрожала и смотрела на меня расширенными глазами, Клемент медленно покачивал головой.

— Но... Мунтвиг убит? Но почему у вас нет радости?

— У него девять жизней, — сказал я с горечью. — И неизвестно, сколько осталось еще. Он намекнул, что у него их хватит, чтобы захватить мир.

Он покачал головой, Ричэль смотрела на меня огромными испуганными глазами.

— Да, — пробормотал он, — это подвиг, но... в самом деле лучше помалкивать. Какие-нибудь изменения в планах будут?

— Нет, — ответил я. — Вы сейчас где?

— Между Гендвигом и Урандом, — ответил он. — Еще два дня перехода, и Варт Генц позади, перейдем границу с Бриттией. Я иду с двумя тысячами конницы, остальные отстали, дороги трудные...

— Хорошо, — сказал я, — отдыхайте, но... не увлекайтесь.

И вышел из шатра в теплый ночной воздух, пропитанный запахами костров, поджаренного на вертелах мяса, вина и мужского пота.

Над головой звездное небо, на полмили во все стороны идут костры, багровые блики высвечивают из темноты жующих мирно овес коней.

Я прошел, стараясь держаться бодро, мимо расположившихся на ночь солдат, кивнул часовым и ушел в темноту раньше, чем они встревожились.

Потом из лагеря выбежали несколько человек с факелами в руках, но я успел проскользнуть вниз по ложбинке, пригибаясь к земле, выбрал местечко пониже, а оттуда взмыл в сторону звезд птеродактилем.

Ночь тиха и таинственна, а небо странно сине-черное, облака застыли в оцепенении, как не успевшие вернуться домой шмели и бабочки, но если закинуть голову и лежать вот так, то облака начинают двигаться, а луна поднимается ввысь и понимается, и сколько ни

смотри, все будет двигаться в бездну немислимо высокого купола.

А мы все воюем, мелькнула горькая мысль. Некогда и на небо взглянуть.

Далеко впереди внизу в черноте проступила россыпь багровых искорок, ровная такая решетка, а так как у каждого костра по семь человек, можно сразу определить численность войска...

Я снизился на тот случай, если часовые посматривают и на небо, пролетел над самой землей, почти цепляясь поджатыми к пузу лапами за верхушки кустарника, и бухнулся в землю за сотню ярдов от линии часовых.

Прильнув к земле, я выждал несколько минут, прислушиваясь и присматриваясь, а особенно принюхиваясь, многое могу не только почуять, но и увидеть по запаху.

По пересохшим листьям два муравья, мешая друг другу, азартно тащат, несмотря на глухую ночь, довольную толстую гусеницу, дура не понимает, куда ее несут с таким почетом и даже эскортом.

В соседнем кустарнике вскрикнула спросонья мелкая птичка, им тоже снятся сны. Я поднялся тихонько, отряхнул одежду и неспешно побрел с видом человека, что вышел подышать свежим воздухом, в сторону лагеря.

Из темноты прозвучало резкое:

— Стой, кто идет?

— Свои, — ответил я благодушным тоном, — молодец, не спишь. Давай, бди...

— Ваше высочество?

— Мое, — согласился я.

В лагере тот же порядок и дисциплина, словно Норберт здесь, а не в замке Флитвуда.

— Алана не тревожить, — велел я, — пусть спит. Ничего не случилось, я заглянул с инкогнитной инспекцией, потом двинулся дальше.

В своем шатре я жестом отослал телохранителей наружу, сел за стол и прошептал тихонько:

— Логирд... Ты мне нужен...

В тишине далеко заржал конь, ему откликнулся другой, лагерь хоть и спит, но отовсюду доносится ровный шум, как если бы на пологий берег постоянно набегают волны.

— Логирд, — повторил я. — Ты говорил, что услышишь меня всюду...

Над головой прозвучал тихий голос:

— Я и услышал. Просто был занят. Ваше высочество?

Он опустился по ту сторону стола, настолько четкий и плотный, словно статуя из белого мрамора, а не сгусток тумана. Вместо глаз впадины, однако выражение крупного лица все такое же властное и уверенное.

— Нужна помощь, — сказал я тихонько. — Колдунов, магов и прочих чародеев много, но ты — лучший.

— Польщен, — пробормотал он, — что стряслось?

— Да так, пустячки...

Он внимательно выслушал мои пустячки, нахмурился, некоторое время соображал или что-то перебирал в памяти, наконец спросил с сомнением:

— А она там не переварится?

— У меня тоже мелькало такое спасительное, — признался я. — Но Мунтвиг был так уверен.

Логирд вдруг спросил:

— Но как вы ее только проглотили? Это же так отвратительно... Я бы ни за что не смог.

Я буркнул:

— Подумаешь. Человек не свинья, все ест. Наверное, ты и устриц не пробовал?

Он дернулся.

— Устриц? Как можно есть такую гадость?.. Да еще человеку?

— Ну вот, сказал я мрачно, — а лягушек?.. А кузнециков в сахаре?.. Эх, дикари... Проглотил я легко, а вот дальше?.. Если она в самом деле такая устойчивая к желудочному соку, это такая кислота, скажу тебе... и воздуха ей не нужно, словно анаэробница, то в самом деле скоро начнет поедать меня изнутри.

Он подумал, вдруг просиял, словно в нем загорелась свеча:

— А если вас напоить плохим вином?

— И что?

Он улыбнулся.

— Либо ваше высочество выблюет ее, ибо она сама упьется так, что выберется наружу. Впрочем, может спьяну потерять ориентацию и полезть в другую сторону, а там сорок ярдов одних тонких кишок... гм... Интересно, в каком виде выползет... Или не выползет? Устанет, бедная...

Я сказал зло:

— Ага, пожалей ее, пожалей! Устанет и заснет на полдороге. А то и сдохнет!

— Ну, — сказал он с укором, — уж и пошутить нельзя.

— Узнаю юмор некроманта!

— А если, — проговорил он задумчиво, — вас чем-нибудь напугать? Чтоб от испуга выскочила?

— Не сработает, — сказал я. — Это ж меня напугаешь, а не ее.

— Гм... а если вас бить палкой по животу, ей больно будет?

— Мне будет, — сообщил я ему такую удивительную новость. — А заклятиями ее выгнать нельзя? Или некромантией?

Он вздохнул, развел руками.

— Я вообще-то, — сказал он очень серьезно, — впервые о такой твари слышу, ваше высочество. Видимо, и сама по себе редчайшая, и находят ее где-то далеко. А чтобы воздействовать заклинанием, нужна очень точная настройка на определенный объект.

Я буркнул:

— Как хорошо без магии, просто палкой по голове! Универсальная настройка.

— Это вырождение, — буркнул он с высокомерным выражением. — Мир должен быть сложным. В сложном мире больше возможностей для умного человека подняться, и еще больше для дурака, чтобы рухнуть на дно.

— Понимаешь, — сказал я с удивлением. — Вот только бы сильным не приходилось тащить с собой наверх всю массу дураков и просто ленивых. Во имя милосердия, конечно... А что говорят другие колдуны? Может быть, об этой ящерице знают призраки?

— Я спрашиваю, — ответил он. — Как-нибудь на досуге.

— У меня всего неделя дней, — напомнил я.

— Для вас это целая вечность, — сказал он. — За неделю вы столько дров наломаете, что умный и за всю жизнь... Но есть и путь попроще, не так ли? Не думаю, что вы о нем не вспомнили в первую очередь.

— Какой?

Он сказал безжалостно:

— Вспороть вам живот и вытащить эту тварь!

— Я же сдохну...

— При вашем-то самолечении?

— Могу склеить ласты от болевого шока, — сказал я угрюмо. — Все мои возможности из-за повышенной чувствительности. Кого-то по голове дубиной хряст-

нуть, а он только обернется и спросит: где это стучат?.. а я палец прищемлю — чуть не кончаюсь.

— Палец всем больнее, — возразил он. — Хорошо, я поспрашиваю. К вам идет ваш Алан...

Он исчез за мгновение до того, как откинулся полог и быстрыми шагами вошел Алан.

— Ваше высочество, — сказал он встревоженно, — что стряслось?

Я сказал с досадой:

— Я же велел не будить...

— Меня и не будили, — ответил он живо, — я обходил часовых.

— Иди отдыхай, — велел я. — Скоро начнутся бои, понадобятся все силы. А я как пришел, так и уйду.

— Понятно, — пробормотал он. — Хорошо. Только, ваше высочество, не попадитесь!

Я смотрел, как за ним опустился полог, в голове стучало: мог бы и раньше предупредить... Хотя разве я послушал бы?

Глава 8

На востоке чуть посветлело, но луна ярко и мертво смотрит с самой вершины купола, холодный свет озаряет лагерь и равнину до самых гор, высвечивая даже острые вершины.

Я с тоской ждал рассвета, чувствуя, как быстро утекают минуты моей жизни, и даже вздрогнул, когда прямо предо мной появился бледный, как сгусток тумана, Логирд.

— Что-то нашел? — спросил я шепотом.

— Да, — ответил он так же тихо.

Я протянул руку.

— Давай.

— Ага, — сказал он саркастически. — Держите да побольше! В свои загребушие. Но кое-что я в самом деле узнал...

— Ну?

— Есть, — сказал он тихонько, — одна очень знающая ведьма в далеком-далеком королевстве. Она когда-то сама их выращивала из собранных яиц. Зовут ее Квилла.

— Вот сволочь!

Он сказал брюзгливо:

— Ваше высочество, вы же не простолюдин от сохи? Это им все, что не навоз, противно... Вы даже устриц ели, даже я бы лучше с голоду умер, так что не морщите высокородное... гм... лицо. У людей, что исследуют мир, другое восприятие... чем у тех, кто его убивает, полагая, что улучшает.

— Ладно-ладно, — прервал я. — Где эта ведьма?

Он вздохнул.

— В дальних землях есть такое темное и неведомое королевство, именуемое Мордант...

— Мордант? — переспросил я с живостью. — Так это же рукой подать! У меня там все друзья!.. Ну, пусть не так уж все, но общался, было интересно, даже с мордобоем, как же без него, родимого. Слава Богу, а то я думал, что вообще край света...

Он некоторое время рассматривал меня, не произнося ни слова, затем коротко расхохотался.

— Ваше высочество, вы меня удивляете. Мордант близко?

— Ну да, — сказал я. — За Бриттией, куда мы вошли, расположен Зорр, а от Зорра до Морданта всего три дня на хорошем коне!

Он подвигался над столом из стороны в сторону, это у него что-то да означает, но пока привычки призраков вне моего высокого понимания.

— Хорошо, — сказал он, — тогда я могу показать лес.

— А лес зачем?

— Настоящие ведьмы живут в лесах, — объяснил он.

— А в селах и городах?

Он отмахнулся.

— Мелочь. В городах только мелочь.

— А та лесная точно... может?

Он чисто по-человечески пожал плечами, не рассчитав усилий, упорядоченная структура тумана сжалась гармошкой, а потом раздвинулась втрое шире, образуя разрывы и делая Логирда карикатурно растянутым.

— Кто знает, — ответил он сумрачно. — Я с нею не общался, она некромантов не жалует. С другой стороны, ваше высочество, иных вообще пока не отыскал.

— Тогда летим немедленно, — сказал я. — Пока главные силы Мунтвига не подошли.

В небе пылающие алым облака, край земли горит оранжевым, солнце медленно выглянуло на эту сторону. По земле побежал тот же радостный свет, что уже озаряет небо, а от ночной темноты остались только тени, что спрятались за шатрами.

Логирд появился, когда я уже взлетел из оврага за лагерем, мелькнул впереди и унесся вперед с криком:

— За мной!

Я сразу же потерял его из виду, хотя, подозреваю, он нарочито пролетел медленно, чтобы я запомнил направление. Выбрав взглядом далеко впереди на горизонте заметную точку, я мощно работал крыльями и пер следом, вернее, старался не сбиться с курса.

После часа полета Логирд внезапно возник рядом, сказал, что да, лечу верно, только чуть-чуть левее, самую малость, и пропал снова.

Солнце все еще поднимается к зениту, спина разогрелась так, будто на нее постоянно падает горячий пепел, а накаленный череп потрескивает, словно глиняный горшок в огне. Не знаю, потеют ли птеродактили, но при этом жаре и встречном ветре я лечу, как пересохшая деревяшка, уже и крылья начинают потрескивать...

Внизу облака собрались в сплошное снежное поле, не давая зацепиться за ориентиры, приходится по солнцу, а тут я не весьма. Затем облака потемнели и превратились в грязно-серое месиво из водяного пара, насыщенного электричеством, снизу донесся первый треск, засверкали ветвистые молнии, я поднялся еще выше, где воздух чуть разреженнее, а надо мной почти фиолетовое небо.

Внизу в разрывах туч медленно проворачивается карта поверхности, только жаль, что не политическая, то есть не вижу обведенного жирной красной чертой границ Морданта, все-таки лес одинаков везде...

Эх, не сообразил воспользоваться браслетом Иедумэля, можно бы попробовать настроиться на эльфийку в этом лесу, что тогда с Беатой просвещали меня насчет их Монданта, но я, увы, умный только на лестнице, зато какой неторопливо умный...

Логирд возник прямо перед мордой так внезапно, что я инстинктивно резко затормозил, чуть не ломая крылья, а он прокричал бодро:

— Мордант, ваше высочество!

— Пора вниз?

— Нет, — ответил он, — но уже скоро. Я васведу прямо к домику ведьмы. А дальше сами.

— Так ты уже перестал быть некромантом, — напомнил я.

Он ответил высокомерно:

— Некроманты не бывают бывшими!

Я проскользнул в щель между тучами. Они по-настоящему летние: плотные и компактные, идут каждая по себе, вдруг какая-нибудь начинает сыпать крупным дождем, капли играют в лучах яркого солнца как жемчужины, молния блеснет пару раз ярко и страшно, даже гром сухо и жутко треснет прямо над головой, и тут же снова все тихо, а пролившийся дождь поспешно поднимается с земли плотным белым паром, и чувствуешь себя как в бане.

Логирд снизу помаячил белесым среди зелени, я осторожно растопырил крылья, стараясь не задеть деревья, спланировал, вытянутые лапы легко ударились в мягкий слой прошлогодней листвы.

— Неплохо, — сказал он одобрительно. — Хороший образ, хочу сказать. Умело.

Я перетек в личину человека, буркнул:

— Да, я еще и дизайнер.

— Более отвратительное существо, — сказал он восхищенно, — и придумать трудно.

— Целевая установка, — объяснил я. — Зато никто не позарится на мое мясо.

— Кожа да кости, — согласился Логирд. — Я ж говорю, верный выбор. Похоже на помесь ящерицы с летучей мышью.

— Зато по мне никто не выстрелит, — сказал я. — Главное — результат.

Он растянул призрачное лицо в карикатурной усмешке.

— Помню, какой был рыцарь!..

— А теперь?

— Какой политик, — сказал он со странным выражением то ли восторга, то ли осуждения. — Топайте вот по этой тропке... хотя ее нет, но это неважно, идите прямо, она хоть и очень извилистая, но прямая, а

как только дойдете до куста черемухи, теперь там что-то другое, свернете резко налево...

— А там?

— Чрез пару сот шагов увидите ее домик, — сказал он с ухмылкой. — Я дальше не могу. Мне она вряд ли повредит, хотя кто ее знает, а вот вам наверняка за такие знакомства...

Я кивнул и двинулся по тропке, которой нет, извилистой, но прямой, дошел до куста черемухи, которого тоже нет, но лес достаточно простое образование, с каким бы восторгом о его непознанности ни говорили натуралисты, так что вижу и место, где этот куст некогда рос, и что сейчас с его корнями, и скрытые под землей муравейные туннели, и все обилие жуков и паучков на свежих листьях и в перепрелой каше под ногами.

Домик колдуньи проступил внезапно, я бы должен его заметить раньше, а так открылся разом, когда оказался перед ним шагах в десяти, но даже сейчас стоит чуть сдвинуться — передо мной всего лишь могучий завал из упавших деревьев, распутившиеся на их стволах пышные заросли омелы, путаницы из толстых нитей паутины, где свежей, где древней, опавших листьев и молодых зеленых прутьев, устремленных вверх.

Я сбавил шаг, сердце стучит взволнованно, сказал громко:

— Избушка-избушка, а поворотись-ка... нет, не надо! Ты не избушка, а если повернешься, то пол-леса снесешь...

Над моей головой раздался скрипучий и настолько старческий голос, что уже и не отличишь, мужской или женский:

— Впервые слышу такое заклинание...

Я задрал голову, там никого, повертелся, всматриваясь в окружающие поляну деревья.

— У тебя впервые такой гость!

Тот же голос проскрипел сухо и без оттенков:

— Заходи. Но берегись, если это не так.

— Каждый из нас уникален, — сообщил я на всякий случай.

Проход возник внезапно, я ощутил, что он там и был, это я не видел, да и сейчас, наверно, не вижу многое, а только что бахвалился перед собой видением леса...

Едва переступил черту, отделяющую от леса, как прохлада и свежий воздух зелени наполнили легкие, а глаза мои изумленно уставились в просторную пещеру из дерева, где ни единого просвета, словно мы в гигантском дупле, однако стены выровнены и сухо блестят то ли застывшим соком, то ли вообще лаком.

Пол ровный и блестящий, в центре стол и три кресла, а еще три роскошных ложа, покрытых звериными шкурами с длинным густым мехом, еще один стол, явно рабочий: длинный, в пятнах слизи, растворов, копоты и даже выемках.

На дальнем ложе полулежит, подложив под спину подушки из звериных шкур, очень древняя женщина с грязно-седыми спутанными волосами, серым морщинистым лицом и вздутым под ветхим одеялом животом.

Возле нее сидит в скорбной позе женщина в удивительно зеленом платье с вышивкой в виде листьев каштанов, но сразу же поднялась и выпрямилась в гордой и независимой позе. В глаза бросилось дивно нежное юное лицо и длинные седые волосы, по-настоящему седые, а не блондинистые или пепельные. В самом деле белоснежные, какие видел только у дряхлых старцев, хотя чаще у них на виду белые бороды, как вот у Найтингейла. Но у этой женщины именно волосы — голова не покрыта, а волосы не старческие жидкие пряди, а пышные, здоровые и густые. Перехватывает их изящно вырезанный из дерева обруч, украшенный блестящими камешками.

Я встретил ее внимательный взгляд, по телу прошла легкая дрожь. При всей свежести кожи и пухлости губ смотрит строго, испытующе и совсем не так, как юная дурочка. Хотя и не так, как смотрела бы восьмидесятилетняя старуха.

Я смешался, стараясь охватить взглядом ее всю и составить какое-то мнение. В зеленом платье, что дивно идет ей, вырез не квадратный, как обычно, а довольно узкий, зато опускается глубоко вниз, чуть ли не до живота, а обе груди показывает — это же обязательно! — не сверху, а с боков, что свежо, неожиданно и притягивает взгляд, но эту реакцию от меня и ждут, потому я с усилием удержал взгляд, словно тяжелую гирию на вытянутой руке, и продолжал смотреть ей в глаза.

После паузы я с трудом перевел взгляд на старуху, она все еще не пошевелилась на ложе, и отвесил учтивый поклон.

— Приветствую вас, — сказал я торжественно и восторженно, — великая и замечательная Квилла в вашем прекрасном... даже прекраснейшем из домов. Экологически чистом, без развращающей человеческую душу роскоши городов с их неестественным окружением из — подумать только! — камня и железа... Ах, как у вас прекрасно! Как же вам как бы хорошо!

Она смерила меня мутным взглядом из-под красных набрякших век. Мертвенно-бледные губы чуть шелохнулись, но ничего не сказала, только пожевала, а потом проскрипела, как рассохшееся дерево на ветру:

— Хорошо говоришь... Хоть и врешь, но как умело... Это моя дочь Рамона. Она умеет уже почти все, что и я, хотя мне пришлось учиться этому почти сто лет. Мне бы хотелось, чтобы она приняла от меня... мое умение...

— Приветствую вас, леди Рамона, — сказал я почтительно.

Она чуть наклонила голову.

За спиной пахло лесным воздухом, я быстро оглянулся, хватаясь за рукоять меча. В помещение вбежала молодая девушка, я сперва решил, что это эльфийка: уши длинные и остроконечные, затем рассмотрел золотые надставки, некие колпачки, удлиняющие уши, изяшно расписанные тонкой вязью и украшенные мелкими драгоценными камешками, что поблескивают хитро и таинственно. Правда, глазища огромные, удлинённые и приподнятые к вискам.

Квилла проговорила скрипучим голосом:

— А это вот моя внучка... Сабра. Она не слишком прилежна в магии, еще ветер в голове, но девочка очень смешленная, все хватает на лету... Если все-таки пойдет по нашим стопам, то сумеет обогнать даже меня.

Сабра посмотрела на меня с веселым удивлением.

— Бабушка, кто это?

Голос ее прозвучал звонко, как колокольчик из серебра высшей пробы.

Ведьма произнесла слабо:

— Сабра, иди играй... Потом поговорим...

Сабра зыркнула в мою сторону хитрыми глазами и тут же исчезла, молодая и веселая, как горная коза.

— Очень красивая, — сказал я с воодушевлением. — Полностью в свою бабушку!.. Я смотрел на нее и видел вас!

Старуха проскрипела устало:

— Лыстец... Но говорить умеешь...

— У меня был прекрасный воспитатель, — похвастался я. — Будучи лишенным внимания родителей, я воспитывал себя сам. Как вы себя чувствуете?.. Хотите чашечку кофе? Это взбодрит.

Она буркнула:

— Что за?..

Глава 9

Я торопливо создал большую чашку с кофе, крепким, сладким и горячим, осторожно приблизился и подал ей, не дав перехватить дочери, что смотрит на меня враждебно и недоверчиво.

Ведьма приняла с некоторой опаской, слишком уж необычный запах, сперва долго внюхивалась, потом осторожно отхлебнула, а затем, я не успел предупредить, что горячо, выпила в два мощных глотка, никогда бы не поверил, и, закрыв глаза, надолго замерла, прислушиваясь к ощущениям.

Я не двинулся, а она, подняв веки, проскрипела одобрительно:

— Я сразу почувствовала... да... ты не прост, потому и открыла тебе. Ты хоть слаб и невежествен, но умеешь то, что даже не совсем... знакомо мне.

— Мама, — вскрикнула дочь с укором.

— Это правда, — прошептала старуха.

— Ваша похвала для меня, — воскликнул я патетически, — просто как невероятно и почетно!

— Грубая лесть, — пробормотала она, — так же приятно, как и усложненно вычурная... Может, даже приятнее. Этот твой кофе... странное слово... в самом деле хорош. Но, боюсь, для меня это временное улучшение... Так что говори, красавчик, сразу, что тебя привело ко мне?

Я перевел дыхание, сердце все еще стучит учащенно, будто видит подбирающуюся снизу к нему ящерицу.

— Один гад, — сказал я, — даже не колдун, а просто сволочь, заставил меня проглотить аккотису, так он сказал.

Дочь тихо охнула и посмотрела на меня, как на живой труп. Я умолк на минутку, ожидая, не скажет ли чего, все-таки, если судить по ее реакции, хотя бы слы-

шала о такой твари, а старуха тяжело вздохнула и проскрипела:

— Тот, кто тебя направил ко мне... знал, что я сразу пойму.

— Он так хвалил, — воскликнул я, — так хвалил ваше умение! И даже расхваливал!

— Врешь, — буркнула она, — но все равно... да, я с этим знакома.

Я спросил быстро:

— Вы смогли бы ее вытащить?

Дочь посмотрела на меня сердито, а ведьма некоторое время лежала с закрытыми глазами, наконец прошептала:

— Наверное... Но... зачем?

Я подпрыгнул от неожиданности.

— Как... зачем? Спасете мою шкуру, самую драгоценную на свете!

Она проговорила скрипучим шепотом:

— Самая драгоценная на свете... моя.

— Ну да, — согласился я быстро, — ну да, если в философском контексте, но в реальности — моя, именно моя!

— Я тоже в реальности, — проскрипела она.

— Но тогда, — сказал я жарко, — вы должны спасти мою шкуру во имя человечности! Разве этого мало? Ну хорошо, к чувству хорошо исполненного долга перед всем прогрессивным человечеством я добавлю серебра и золота! Могу отсыпать драгоценных камней...

Она скривила губы.

— А зачем они мне?... Или не видишь, что я одной ногой уже в могиле?

— Не знаю зачем, — ответил я откровенно, — но золото — универсальная платежная единица. Все стараются захватить побольше. Кстати, в ваших ритуалах не предусматриваются захоронения с золотым запа-

сом, драгоценностями, масками из серебра и рубинов, ожерельями из бриллиантов, сундуками с самоцветами?

Она слабо качнула головой, поморщилась от такого трудного теперь движения.

— Думаю, в какой-то момент даже для вас это стало неважным... уже неважным.

— Ну как же, я весьма к золоту расположен!

Она сказала слабо:

— Я сужу по твоему тону и той небрежности, с какой предлагаешь, юноша. Что, не так?.. Можешь не отвечать. Я вижу на твоих пальцах кольца, а на руке браслет. Они точно дороже золота и драгоценных камней... Но мне даже это не нужно.

Я спросил с облегчением:

— А что нужно?

— То, — ответила она скрипуче и с хрипотцой, — что нужно именно мне. И сейчас. Потому готова тебе помочь, юнец, если принесешь мне эликсир Гарганьюла.

— Хоть щас, — ответил я с готовностью. — На каком базаре он продается?

Дочь поморщилась, как от глупой шутки, а ведьма молча смотрела в упор, улыбка стала совсем зловещей.

— На базаре?.. — спросила она медленно. — Люблю, когда шутят.

— А что, дают просто так? — спросил я.

— Да, — ответила она. — Этот эликсир собирается по капле в год. Он настолько ценен, что просто не имеет цены!

— И как же я его куплю?

— Купишь ли, — сказала она медленно, — отнимешь, украдешь или получишь в дар... это не моя забота. Твоя жизнь тоже не имеет цены... с твоей точки зрения?

Я пробормотал:

— Да, это моя забота. Где я могу найти этот эликсир?

— Не здесь, — ответила она. — Слухи говорят, что в последний раз его получили в землях Кандирда. Насколько я знаю, там сотни всяких колдунов, но только один из сильных чародеев.

— Эликсир может быть только у него?

— Не обязательно, — ответила она, — но... я бы все-таки сперва пошла к нему.

— Особенно, — сказал я, — когда времени в обрез. Если я принесу...

— Я вытащу ту ящерицу, — пообещала она. — Ты сам понимаешь, что без того эликсира у меня просто не хватит сил.

— Да-да, — сказал я быстро, — понимаю! Однако...

— Поторопись, — прервала она. — Поторопись, юноша.

— Это и в моих интересах, — воскликнул я, посмотрел на ее дряблое тело с вздутым животом и сказал поспешно: — Теперь буду торопиться вдвое.

Дочь обошла ложе и встала между матерью и мной. Я развел руками и отступил.

— Уходите, — сказала она.

Голос ее звучал нежно, даже не верится, что эта дряхлая старуха ее мать, я поклонился и отступил.

— Ухожу, но... обещаю вернуться.

Логирд появился мгновенно, как только я вышел за пределы поляны, но за всякий случай спрятался за стволом очень толстого дуба.

— Ваше высочество?

— Не получилось, — ответил я коротко.

— Что она сказала?

— Пообещала вытащить ту ящерицу, — ответил я, — как только принесу ей эликсир Гарганьюла.

Он отпрыгнул, исчез на долгие пару мгновений, я успел проломиться через кусты на следующую полянку, как он возник снова и сразу же прошептал громко:

— Эликсир молодости?

— Молодости? — переспросил я. — Ну... тогда понятно.

— Что?

— Она сказала, что без эликсира у нее не хватит сил.

Он подумал, сказал с восторгом:

— Ящерица вырастет к тому времени с крокодила? Вот здорово! Хочу посмотреть, когда выташат.

— Типун тебе на твой призрачный! Где эти земли?

Он чуточку вырос в размерах, оставаясь таким же значительным и внушающим почтение.

— Вам повезло, ваше высочество...

— Я вижу, — сказал я зло. — Так повезло, что даже не знаю...

— Да нет, — сказал он чуточку виновато, — в другом смысле. Я хоть и не бывал в Кандирде, но слышал о тамошних... В общем, знаю направление, но добраться туда... далековато.

— А что остается? — спросил я мрачно. — За дурость надо расплачиваться.

— Не по-королевски, — укорил он. — Правители обычно за свою дурость заставляют платить других.

Я огрызнулся:

— Думаешь, я бы так не сделал, если бы мог?... Щас!.. Показывай, а я буду лететь, пока не упаду.

Солнце долгое время жгло спину и голову, летом дни бесконечно длинные, я иногда видел скользящую внизу растопыренную тень, но, когда горы оставались позади, мир проваливался в бездну, и я несся чуть ли не в стратосфере, наблюдая как краснеют облака, а

солнце опускается к горизонту, хотя для ползающих там по поверхности оно уже скрылось, и на земле длинные тени слились и покрыли мир вечерними сумерками.

Логирд возникал лишь на мгновение, корректируя мой полет, а когда исчезал, я с завистью мечтал вот так передвигаться: р-р-раз — и в нужном месте...

Хотя, кто знает, с моим бараньим упрямством могу проломить и эту стену, вон сколько уже накопал способов передвижения, начал с Зайчика и добрался до зеркал и колец, а при необходимости птеродактилю...

Логирд возник впереди и понесся без всяких усилий, словно приклеенный на прозрачное стекло.

— Ваше высочество, — крикнул он, — держитесь. Еще с десяток миль, и вы на месте.

— Десяток, — прохрипел я, — мне уже пытка каждый десяток ярдов...

За последние пару часов я не видел внизу ни городов, ни сел, ни даже костров бродячих охотников, так что эти земли, скорее всего, никому не принадлежат. Судя по хвойному лесу, климат здесь посуровее, чем даже в Варт Генце и Скарляндах, которые под моей дланью, а еще здесь многовато мелких рек и ни одной крупной, что служила бы надежным водным путем.

Логирд возникал все чаще, наконец пошел вниз по длинной дуге. Я едва не всхлипнул от облегчения, все тело уже не просто ноет, а кричит о боли, растопырил крылья и пошел следом за призрачным силуэтом, просто планируя и надеясь, что не придется маневрировать между деревьями.

Впереди выросла неопрятно голая гора. Лес и кустарники только у подножия, а выше нагромождение камней, глубокие трещины, словно гора вот-вот рассыплется, однако на самой вершине гордо высится башня, не слишком высокая, приземистая, и даже из-

дали видно, что сложена не просто из камней, а из массивных толстых блоков.

Я опустился вслед за Логирдом не на башню, это может быть чревато, но и не у подножия, сил не хватит подняться до темнеющего входа, а плюхнулся среди огромных глыб, похожих на валуны, округленные то ли морем, то ли исчезнувшими ледниками.

Он неподвижно висел в воздухе, а я распластался, как дохлая медуза на горячем песке, не в силах пошевелить ни клювом, ни крылом.

— А дальность полета хорошая, — проговорил он с одобрением. — Особенно на этой предельной скорости... Вы могли бы стать вождем среди таких вот... летунов. Такая мысль не посещает?

— Ничуть, — прохрипел я.

— А зря, — сказал он с укором. — Не любите исследовать неисследуемое!

Я молча собрался с силами и кое-как перетек в людскую личину. Мышцы все еще ноют, но если сосредоточиться, то регенерация освобождает и от усталости, сжигая лишний жирок и превращая его в энергию.

— Я пошел, — сказал я. — Надо успеть до ночи.

— Почему?

— Кто знает, — сообщил я мрачно, — в котором часу он ложится. Старикам вроде бы спать нужно больше.

— Великие маги вообще могут не спать, — возразил он. — Кстати, я там заметил у входа двух каменных львов.

— И что?

— Сторожевые, — пояснил он.

— А они как, — спросил я, — на своих пьедесталах или же прыгивают, если что?

— Спрыгивают, — ответил он. — И догоняют. Весьма даже догоняют. Шустро.

Глава 10

Я, стараясь дышать не так хрипло и прерывисто, начал взбираться на гору, упираясь ладонями в колени. Подошвы оскальзываются на таких же округлых камешках, только поменьше, от лодыжек тут же стреляет острой болью до колен.

Основание башни приближается рывками, я слышал хриплое дыхание, не сразу сообразил, что это мое, все-таки измотался за время перелета, а если дело дойдет до драки, то... лучше быть до предела вежливым.

У входа двое львов, каменные, пошербленные временем, но, когда я пересек незримую черту, оба мгновенно преобразились, чуть приподнялись и посмотрели на меня грозно.

Я прохрипел устало:

— Вот тот назвал тебя облезлым!.. А ты разве облезлый? Ты царь зверей, красавец...

Лев посмотрел на другого с той стороны входа и грозно рыкнул. Тот тряхнул гривой и ответил еще громче. Первый лев прижался пузом к каменной плите, я не успел моргнуть, как он взвился в воздух и обрушился на второго всей тяжестью.

Я добавил подстрекающе:

— Царь зверей должен быть один!

Они сплелись в тугой ком и скатились с пьедестала. Я осторожно проскользнул мимо и сказал громко:

— Победит сильнейший! И, конечно, лучший.

Логирд пронесся рядом и сказал тихонько с укором:

— Нехорошо обманывать животных! Да еще царей зверей.

Я буркнул:

— А кто выше: царь зверей или царь природы?

Дорожка между львиными пьедесталами привела к массивным воротам, абсолютно черным с неприятным

блеском. Над ними каменный фронтон с глубоко вре-
занными знаками магических рун, и чем ближе я под-
ходил, тем размеры становились все больше и пугаю-
ще, словно в самом деле ворота вырастают, чтобы по-
давить меня своей мощью.

Логирд охнул, я увидел, как прямо из почвы поя-
вилась и поползла вверх по стенам и двери, нарушая
все законы гравитации, густая красная жидкость. От
самых крупных наплывов отрывались крупные шмат-
ки и тоже ползли вдолгону.

— Ладно, — сказал я, — на свете есть много чего,
Логирдио, что и не снилось нашим и даже забугорным
мудрецам...

Я поднял кулак, чтобы постучать, но створки два-
жды дрогнули, словно стараются раздвинуться, застря-
ли, затем нехотя и со скрипом начали расползаться,
уходя в щели, а передо мной открылся длинный и ши-
рокий коридор, больше похожий на зал.

Логирд шепнул торопливо:

— Мне дальше нельзя...

— Страшно? — спросил я.

— Нет, — прошептал он едва слышно, — там мощ-
ная защита.

— От призраков? — спросил я.

Он покачал головой.

— Универсальная. В том числе и от людей!

— Тогда и я не пройду...

Я продолжал идти, уже в спину догнал тревожный
голос:

— Да я и не уверен, ваше высочество, что вы, гм,
человек...

— Что-о?

— В смысле, нормальный. А на сумасшедших они
не реагируют. Настроить, я слышал, на таких трудно.

Камень прогретых за день солнцем плит остался позади, под моими подошвами грозно заблистали черные с золотыми звездами квадраты.

Длинный сумрачный зал осторожно двигается мне навстречу, по обе стороны одна за другой выступают из полутьмы толстые колонны, однако идут не от пола, а все на возвышении, где вырезаны странные символы...

Сердце мое застучало чаще и взволнованно. Весь зал выдержан в необычном стиле, очень знакомом, хотя и очень смутно, никогда таких не видел, но нечто близкое мне...

Ощущение от зала такое, что кто-то видел нечто подобное в древности, и это настолько запало в сердце и сознание, что воплотил в камне то, что зрел в металле и неметалле. Возможно, надеялся, что проявятся некие необычные свойства, какие мог наблюдать тогда, или же просто пытался воссоздать, как священное место, святилище...

Непонятные символы, как вижу, пытались воспроизвести, подгоняя под изображение дивных животных, никогда не существовавших...

Хорошо бы Логирду взглянуть, мелькнула мысль, у него знания по древним эпохам из ушей выплескиваются...

Факелы по обе стороны зала горят не слишком, лучше бы вообще не мешали, лестницу наверх я увидел, уже когда приблизился к ней: широкая, мраморная, покрыта толстым зеленым ковром, слишком неудобным, чтобы по нему ходить.

Я двинулся по самому краешку, опираясь одной рукой на массивные перила, настороженно прислушиваясь и внюхиваясь.

Каменные статуи в нишах мало того, что провожают меня взглядами, еще и поворачивают головы. Одна

даже сделала движение сойти с пьедестала и пойти за мной, но я в испуге ускорил шаг, и она, поколебавшись, вернулась на место.

Портреты на стенах тоже не просто смотрят на меня, знаю этот прием художников, но на их лицах появляется выражение заинтересованности, удивления, однажды даже донесся удивленный возглас, впрочем, достаточно сдержанный, все-таки изображены благородные люди, а они умеют себя вести.

Я прошел через зал, все больше замедляя шаг, дальше в стене дверь, вместо ручки львиная пасть, ага, щас я вложу в нее пальцы, украшения из серебра, что обнадёживает, нечисть таких мест избегает...

Дверь я толкнул коленом, совсем уж сапогом пнуть не решился, хоть и принц, но ведь благородный принц, каким себя выказываю избирателям... ну, их пока еще нет, а вот налогоплательщики есть и будут.

Небольшой кабинет, типичная захламленная комната колдуна с множеством фолиантов, с черепами и всякими странностями, за столом человек в свободной одежде, среднее между римской тогой, плащом странника и накидкой патриархов.

Седые волосы падают на плечи, лицо в глубоких морщинах и вообще очень немолодое, но и не старое, а глаза смотрят бодро, хотя и без интереса на неожиданного гостя.

— Здравствуйте, — сказал я почтительно, — меня зовут Ричард.

Он поморщился.

— Мне все равно, как тебя зовут, юноша. Хотя и впечатляет, что ты прошел сюда.

— Это было нетрудно, — сказал я скромно, — господин... господин...

— Магалалэл, — произнес он холодно. — Чародей Магалалэл. Это на тот случай, если ты слышал о таком, и теперь будешь знать, к кому вломился.

Я сказал торопливо:

— Но разве вы не нарочито поставили слабую защиту, чтобы дураков отсеивала, а сильные проходили?

Он поморщился.

— Да, верно, но это было давно. Моя впечатлительность молодости и желание общаться с годами постепенно испарились. Кто ты и что тебя сюда привело? Говори быстро, у меня нет лишнего времени разговаривать.

— Время — деньги, — ответил я послушно, — говорю быстро: мне нужен эликсир Гарганьюла.

Он фыркнул.

— И что? Я должен вот так взять и отдать? С какой стати?

— Чтобы спасти мне жизнь. — сказал я. — Враги засунули мне в желудок аккотису, она за неделю сожрет там все. Вытащить может только ведьма Квилла, но она за эту пустяковую услугу потребовала эликсир.

Он посмотрел на меня злыми глазами. Зрачки сузились.

— Квилла?.. Она еще жива?.. Нас так мало осталось, что радуешься даже тем, с кем раньше воевал.

Я сказал с надеждой:

— Вы дадите эликсир?

Он покачал головой.

— Нет, конечно. Он слишком дорого достается. Даже для Квиллы, хотя и желаю ей долгой жизни, сам вот удивляюсь.

— Но, — сказал я, — может быть... я мог бы сделать что-то для вас?

Он оглядел меня с головы до ног.

— Как в детской песенке, когда посылаешь с поручением к одному, тот к другому, а другой к третьему, пока не выполнишь десять поручений?.. Да, так бывает, героя гоняют по кругу, но в твоём положении, юноша, времени маловато.

— Вы видите меня насквозь, — сказал я. — Такой вот я прозрачный и честный.

— Просто догадываюсь, — пояснил он. — Опыт. А сам ты весьма темный. Даже слишком.

— Но что-то же сделать можно? — спросил я жалко.

Он покачал головой, затем взгляд его упал на мои руки, брови чуть приподнялись.

— Погоди-ка... Что это у тебя за кольцо?

Я поднял руку, на которую он обратил внимание, и растопырил пальцы.

— Какое?

Он подошел, осторожно прикоснулся пальцем.

— Вот это.

Я тупо проследил за его взглядом. Когда исчезла Хиксана Дейт, я подобрал ее платье, пояс, браслет и все кольца с ее пальцев, но применение нашел только одному, с которым могу продавливаться сквозь каменные стены и вообще через камень. Остальные кольца держу в ящике стола, время от времени достаю и напяливаю на пальцы так и эдак, но ничего не происходит, и снова возвращаю туда же, а неделю назад добавил на левую руку еще одно, заметил, что если его повернуть надписью вниз, то в кабинете гаснут все свечи, а это хоть и не нужно, но все-таки указывает, что работает...

— Если бы я знал, — ответил я честно. — Какая-то мощь в нем есть...

— Есть, — подтвердил он. — Даже громадная. И как ты им пользуешься?

— Просто ношу, — ответил я, — как дурак. Заметил только, что если повернуть вот так, то...

Я повернул, во всем громадном зале погасли свечи, стало сумрачно, хотя день за окнами остаточно светлый.

Чародей напрягся, но я не шевелился, и он, быстро выговорив длинное заклятие, взмахнул руками. Свечи вспыхнули все разом, зал озарился ласковым оранжевым огнем.

— Мощь в кольце громадная, — произнес он задумчиво, — конечно, оно не затем, чтобы гасить свет.

— Побочный эффект, — сказал я. — Возможно, в окрестностях исчезли все горы? Или возникли моря?..

Он выглянул в окно.

— Пока ничего не заметно. Хорошо, я готов дать тебе эликсир за это кольцо.

Сердце мое ликующе застучало, но я сказал скорбно:

— За такое кольцо... всего лишь эликсир?

— Это не просто эликсир, — напомнил он, — это твоя жизнь, юноша.

Осторожно вытащил небольшой сосуд, выточенный из прозрачного кварца. Внутри синяя жидкость, ее не больше столовой ложки, пробка из такого же кварца.

— Вот он, — произнес тихо. — Раз в год Мировой Камень выдает по капле... Потому он так и ценен. И нужно собрать именно десять капель! Девять — бесполезно, одиннадцать — убьет.

Я взглянул на него в упор.

— А почему вы отдаете? Вы можете не успеть собрать для себя!

Он грустно улыбнулся.

— Ты прав, юноша. Однако... у меня есть надежда, что успею. К тому же к долгой жизни ведут и другие пути, я их тоже пробую. Пока не выбрал еще, какой лучший. Потому с эликсиром расстаюсь хоть и с сожа-

лением, но... неразгаданная вещица для меня важнее разгаданной.

— Спасибо, — сказал я искренне. — Вы спасли мою шкуру. Надеюсь, колечко вам пригодится.

Я с трудом стащил с пальца кольцо, так заинтересовавшее мага, осторожно опустил на стол. Магалалэл точно так же неспешно и чуточку величаво поставил на другом конце стола сосудик с драгоценным эликсиром.

— Это ваше, — произнес он.

Я, стараясь не делать торопливых движений, могу быть истолкован превратно, потянулся к сосудику, а маг взял кольцо и принялся надвигать на палец.

— Спасибо, — повторил я. — С вашего разрешения, я отбуду немедленно.

Он хлопнул в ладони.

— Слуги проводят вас к выходу.

— Не стоит, — ответил я любезно. — Я уйду, как и прибыл. Там у вас за шторой выход на балкон?

Он насторожился, а я подошел к балкону, взобрался на перила и, раскинув руки для вящего эффекта, рухнул в бездну.

Глава II

Логирд возник сразу же, едва я превратился в падении в крылатую неопрятную тварь, что мне так нравится своей андерграундностью.

Я спешно растопырился весь, стараясь лечь на воздушную подушку целиком и не шарахнуться о землю, а он замелькал передо мной, как огромный белый пропеллер.

— Получилось?

— Да, — ответил я.

— Тогда прямо за мной!

Он унесся, прочертив сверкающий путь, а я сказал молча, ага, щас, не настолько уж я и тупой.

Лес внизу злой и с угрожающе растопыренными ветвями, я пошел круто вниз и с размаху приземлился между двумя деревьями на ворох сухой хвои.

Отдышавшись, нащупал браслет Гонца и начал осторожно поворачивать половинки, одну по часовой, другую в обратную сторону. Хотя ведьма и назвала Сабру своей внучкой, но мне кажется, что приврала. Я не большой специалист по эльфам, но общался с ними уже немало, а я такой, что запоминаю если и не вообще все, то все важное точно.

— Ну давай же, — шептал я тихохонько, — еще... еще... Да, Гелионтэль... прости, но сейчас не до семьи... Изаэль... гм... ты меня поймешь... племя потерянных... потерпите, ребята, скоро почувствуете мои реформы... Ричэль... ты мне как раз и нужна... но чуть позже...

Я провернул кольца браслета трижды, четырежды, всякий раз проходя по одним и тем же смутным образам, пока в воздухе не проступило нечто совсем неясное и почти неосязаемое, но моя трусливая интуиция, что в минуты опасности трудится в бешеном темпе, забарахталась и начала уверять, что это оно и есть, давай жми, не теряй, а то сейчас снова уйдет...

— Сабра, — прошептал я, страшась даже шевельнуться, чтобы не спугнуть. — Сабра... Сабриэль!.. Я иду к тебе... я спешу к тебе...

В голове еще не затих пронзительный звон, однако ноздри ухватили порцию свежего воздуха, наполненного ароматами древесного клея, муравьиной кислоты и лесных цветов.

Закатное солнце еще только опускается за вершины деревьев, вот что значит скачок за тысячи миль, только я могу понять его природу, птицы уже умолка-

ют, укладываясь в гнезда, а шагах в пяти Сабра, присев к самой земле, разглаживает смятый цветок.

Я сперва решил, что она собирает букет, но эльфы не опускаются до такого жесточайшего варварства, чтобы самые красивые цветы сразу же уничтожать, зверски срывая им головы.

— Привет, — сказал я как можно дружелюбнее.

Она подпрыгнула, ухватилась обеими руками за сердце, трепещущая и перепуганная до глубины эльфячей, если у них они тоже есть, души.

— Ты... как ты...

— Для эльфийки ты слишком беспечна, — произнес я дружелюбно и даже отступил на шаг. — Обычно вы чувствуете даже топот бегущего муравья...

— Я тоже чувствую, — сказала она, но опомнилась и добавила быстро: — Но я не эльфийка!.. Я бабушкина внучка, а она разве эльфийка?

— Это не мое дело, — заверил я, — но ты мне здорово помогла. Извини, что напугал, я зайду к твоей бабуле.

Она крикнула мне вдогонку:

— Ты что, в самом деле добыл эликсир Гарганьюла?

— Да, — ответил я, не оборачиваясь.

Она завизжала счастливо:

— Ой, как здорово! Я ее так люблю, так люблю!

Я распахнул дверь и перешагнул порог. Ведьма лежит на ложе в той же позе отдыхающего человека, но любой увидит, что она при смерти, а по ту сторону сидит ее дочь Рамона, кроткая и печальная.

Она первая увидела меня, вздрогнула, на лице отразилось смятение, надежда, потом недоверие.

— Ну как, — спросил я хвастливо, — быстро я?

Ведьма подняла веки, глазные яблоки все в лопнувших кровеносных сосудах, выглядят страшно, синие высохшие губы сперва подвигались вхолостую.

стую, словно вспоминает, что такое речь, наконец проскрипела:

— Даже слишком...

Дочь сказала быстро:

— Ничего не слишком! Ты в самом деле принес?

— Да, — ответил я. — Но помни, ты обещала достать эту проклятую ящерицу!

Ведьма сказала слабо:

— Как только у меня появятся силы для этого...

Она высунула руку из-под одеяла и требовательно протянула ко мне. Я вытащил сосудик и бережно вложил ей в ладонь.

— Выпить нужно все, — сказал я. — Здесь ровно десять капель. Девять — бесполезно, одиннадцать — смерть...

Она прошептала:

— Это я знаю.

Дочь протянула руку, но ведьма покачала головой, сама с усилием откупорила крышку и, жадно распахнув дряблый рот, вылила туда содержимое пузырька, даже некоторое время подержала так, пока не сорвалась последняя капля.

— Как хорошо, — проговорила она.

Лицо ее медленно розовело, а морщины разглаживались. Редкие седые волосы сперва стали гуще, затем неспешно заменились иссиня-черными.

Кожа на скулах заблестела, туго натянутая, а трехъярусные мешки под глазами опустились и пропали. Выше поднялись брови, одновременно превращаясь в тонкие соболиные, выгнутые изящными шнурками, а набрякшие толстые веки потеряли наплывы лишней кожи.

Я сам смотрел с восторгом и жадностью на это чудо преображения, а ведьма, еще не видя своего лица, подняла руки, где только что были безобразно вздутые

и покалеченные ревматизмом и старческими болезнями суставы, обтянутые обвисшей серой кожей, а сейчас тонкие девичьи руки с изящными пальцами и аристократически безукоризненной бледной кожей.

— Свершилось?

Она прислушалась к своему юному голосу, нежно-му и одновременно глубокому, богатому оттенками, радостно засмеялась.

— Свершилось!.. Подействовало!.. Даже сильнее, чем я ожидала...

— Поздравляю, — сказал я искренне. — Но я хотел бы избавиться от ящерицы поскорее...

Она, продолжая счастливо улыбаться, поднялась и села на ложе, ее юные глаза смотрели на меня с благодарностью и нежностью.

— Ну конечно же!..

В сторонке раздался стон. Мы одновременно повернули головы. В кресле лежит в бессильной позе дряхлая женщина, голова откинута на спинку, обнажая дряблую и сильно морщинистую, как у гусыни, шею. Седые волосы схвачены обручем из ясеня, а платье на ней ярко-зеленое с вышивкой в форме листиков каштана.

— Господи, — прошептал я в ужасе. — Что случилось?..

Квилла рывком соскочила с постели, я не успел опомниться, как она с жалобным криком ухватила старую женщину за руки.

— Рамона!.. Рамона!.. Это ты?

— Она, — сказал я, — это же видно.

Квилла сжимала ей ладони, не зная, что сказать, я подошел к двери и распахнул настежь. К нам уже приближается мелкими старческими шажками вторая развалина в женском платье.

Я узнал Сабру только по длинным остроконечным ушам, сейчас потерявшим упругость, где золотые колпачки, так украшающие девушек, выглядят гротескно.

Она простонала каркающим голосом:

— Что... случилось?

— Сабра, — сказал я потрясенно, — понимаешь... что-то пошло не так...

— Я... теперь... старуха?

Я пропустил ее в комнату и сказал упавшим голосом:

— Не отчаивайся...

Квилла вскинула голову, ее прекрасное молодое лицо перекосилось в ужасе.

— Сабра?.. Моя Сабра!..

Я подхватил Сабру под руку и усадил в кресло. Она зарыдала, закрыв лицо ладонями.

Квилла повернулась ко мне, глаза распахнуты в непонимании..

— Что... случилось? Почему?

Я пробормотал в нерешительности:

— Судя по тому, что омоложение и постарение произошли одновременно, то и козе понятно, что... это связано. Я бы сказал, что вы с помощью этого эликсира стали молодой, забрав юность дочери и внучки.

Она охнула, глаза стали огромными, прижала ладонь ко рту.

— Бедные мои... Рамона, Сабра, я их так люблю...

— Это нехорошо, — сказал я, — это нечестно.

Квилла произнесла тихо:

— Это проклятое колдовство. У него всегда такие подвохи... Ничто не дается даром, как все мы ждем.

Рамона что-то прошептала, но мы не расслышали. Она полулежит в кресле в полном бессилии, еще не умея пользоваться дряхлым телом, которое требует для

каждого движения титанических усилий, и которые обязательно сопровождаются болью.

Сабра, наклонившись, спрятала лицо ладонях и горько плачет. Я повернулся к ведьме.

— Им надо вернуть... их молодость. Я слышал, есть заклятие, что может все сделать прежним.

Квилла покачала головой, прекрасное лицо омрачилось.

— Есть, но... я тогда снова стану древней старухой. Ты молод и силен, ты не представляешь, как ужасно находиться в дряхлом теле, что стоит на краю могилы, откуда несет смертельным холодом, а тот сковывает все кости и заставляет в ужасе сжиматься сердце.

— Как сейчас сжимаются сердца твоей дочери и внучки? — спросил я.

Она отвела взгляд в сторону, но голос ее прозвучал достаточно твердо:

— Они просто... люди. И прожили бы свои жизни бесцельно. А я — великая колдунья. Я многое могу и еще большего добьюсь за второй срок своей долгой жизни.

— Но это же твои дочь и внучка, — напомнил я.

Она прошептала с горечью:

— Ничто не дается даром... Сядь здесь и успокойся. Открой рот. Ничего не говори и постарайся расслабиться, сейчас я вытащу эту мерзкую аккотису.

Я сел, она подошла и встала напротив, несколько раз вздохнула полной грудью, я невольно проследил, как под платьем ходят, туго натягивая ее, два тугих полушария, вскинула руки, вокруг пальцев начало появляться розовое сияние.

— Это простейшая ловушка дьявола, — сказал я. — Ты забираешь жизни у самых близких, что есть самый большой грех...

Она пробормотала отстраненно:

— Что есть грех?

— ...и тем самым, — продолжал я, — становишься виноватой в глазах Господа...

— Ах-ха-ха, — сказала она саркастически. — А мне ваш Господь не указ.

— ...также в глазах людей, — закончил я, — и, самое главное, виноватой в своих!

Она вперила в меня злой взгляд. Я медленно поднялся, чувствуя в себе силу, что иной раз ведет нас, не обращая на доводы разума, предостережения, страх и даже панику.

— Я не верю, — сказал я, — что ты не чувствуешь вину. Не верю, что не понимаешь подлость своего поступка... Но все равно, понимаешь или не понимаешь, а я участвовать в этом не буду. Иначе и я буду замаран.

Она не успела ответить, я поднялся, повернулся и вышел. Я почти пересек всю поляну, когда донесся ее крик:

— Погоди!

Я оглянулся, она стоит в дверном проеме и машет рукой.

— Через неделю эта тварь тебя убьет! Выгрызет твои внутренности!

— Может быть, — ответил я, даже не столько я, как ответило за меня то, что живет в нас более высокое, чем мы сами, — а может быть, успею найти другой способ... или мне помогут более чистые люди. А от таких, как ты... убившая свою дочь и внучку... я не приму помощи.

Я повернулся и пошел к деревьям, а когда достиг их и уже начал углубляться в чащу, одновременно ошупывая браслет Иедумэля, как снова со спины долетел ее слабый крик:

— Постой!.. Я прочту заклятие.

Я медленно вернулся, глядя на нее с подозрением. Она выглядит бледной, сломленной, из прекрасных глазах смотрят боль и страдание.

— Если бы ты знал, — прошептала она страдальчески, — как это ужасно... Я уже почти смирилась со скорой смертью, но тут ты принес эликсир, и я стала молодой и красивой, как в своей юности. Я была очень красивой, к моему отцу съезжались женихи со всех земель королевства!.. А красивым стареть намного ужаснее, чем дурнушкам.

— Все в равновесии, — пробормотал я все еще настороженно, — зато в молодости у тебя было больше счастья, чем у других...

Она оглянулась на Рамону, та все так же лежит в бессилии в кресле, похоже, без сознания, посмотрела со вздохом на Сабрину, та горько и неутешно плачет скупыми старческими слезами.

— Заклятие, — напомнил я.

Она вздрогнула, улыбнулась жалко и с неловкостью.

— Еще мгновение... Еще минуту... хочу запомнить это ощущение молодости и силы...

Я указал взглядом на Рамону.

— Эта минута для нее может быть последней. И ты навсегда останешься убийцей собственной дочери.

Она тяжело вздохнула, из глаз побежали слезы, чистые и прозрачные, какие бывают только у детей и очень юных здоровых девушек.

— Ты прав, жестоко прав.

Я отступил на шаг и наблюдал, как она, грациозно вскинув изящные руки, произносит заклинание. В помещении потемнело, завыл ветер, похолодало, под ногами дрогнуло, прокатился далекий гул.

Она продолжала произносить длинные искаженные слова, я старался запомнить на всякий случай, это

у меня уже в крови, а заклятие звучало мрачно и обрекающе, но со скорбной тоскливой ноткой.

Дважды коротко и зловеще между ее рук блеснули синеватые молнии.

Я вздрогнул, ее лицо начало покрываться морщинами, иссиня-черные и густые, как конская грива, волосы быстро белеют, редеют, повисают редкими прядями.

Бережно поддерживая ее ветхое тело, я дождался, пока договорит последнее слово, и почти нежно уложил обратно на ложе.

Рамона и Сабра зашевелились, уже снова молодые, а я сказал ведьме тихо:

— Спасибо, Квилла... Ты совершила... ну не подвиг, хотя, кто знает, может, и подвиг... Даже не знаю, смог бы я вот так, обличая тебя, сам отказаться от возвращения в молодость, если бы мне было лет семьдесят...

Она тяжело и хрипло дышит, глаза закрыты, я едва услышал ее шепот:

— Мне осталось жить считанные минуты... Давай поскорее твою ящерицу...

Сердце мое трепыхнулось, но я посмотрел на нее и сказал трезво:

— Ты даже руки не сможешь поднять.

— Да, — прошептала она, — не смогу, но... сделай мне твой странный напиток...

Я торопливо сотворил чашку кофе, точно такого же, как и в прошлый раз, крепкого, сладкого и горячего, по себе знаю, что кровь сразу же бежит по жилам жарче, проясняется мозг, а все тело требует немедленной работы.

Она пила жадными глотками, на щеки возвращался лихорадочный старческий румянец, тусклые глаза заблестели, а мутный взгляд стал ясным.

— Все, — произнесла она окрепшим голосом. — Давай... поспешим...

Я по ее знаку помог ей приподняться, она положила обе ладони на мою грудь, потом одну сдвинула на живот. От них сразу пошел жар, в голове помутилось, я инстинктивно напрягся, внутри сразу же больно ца-рапнуло, и я заставил все мышцы и внутренности расслабиться...

Ее заклятие сработало, как наркоз, хотя я никогда под ним еще не был, но вроде бы вот так в отупении чувствуешь, что с тобой что-то делают, но сам только со стороны...

Эта мерзость, что уже слишком быстро подросла, начала карабкаться по моей глотке. Там судорожно сокращается, как при рвоте, но ничего не происходит, наконец это вылезло ко мне в рот, задержалось там, я хотел ухватить и придушить, но рука не поднялась, ведьма тоже не шевелится, бессильно опустив обе руки, а мерзкая тварь протиснулась между моих зубов и шлепнулась мне на колени, а оттуда на пол.

Я с трудом сумел пошевелиться, на всякий случай наступил на эту ящерицу, покрытую слизью. Под каблуком чавкнуло, оттуда потекла зеленая лужица.

Ведьма все еще не шевелится, я осторожно взял ее за руку, та уже совершенно холодная, словно труп успел остыть.

Рамона поднялась, бледная и вздрагивающая, глаза громадные, подошла ближе, а к ней прижалась сбоку насмерть перепуганная Сабра.

— Она... как?

— Ушла, как говорится, в мир иной, — ответил я, — и сейчас летит, в звезды врезываясь... Теперь можете продолжать ее дело... Да что значит можете? Вы обязаны!

Рамона торопливо кивнула.

— Да, но...

— Если чему-то научились, — уточнил я. — А можете не продолжать.

Рамона спросила тихо:

— А что... это было? С нами?

Я поерзал мысленно, а в реале ответил с нужной долей грусти и торжественности:

— Заклятие сработало не так, как ожидалось. Это ж магия, а она непредсказуемей женщины! Не дает молодость, как ожидалось, а передает... отнимая у других. Когда ваша мать и бабушка это поняла, она сразу же произнесла возвращающее заклятие, и все вернулось взад на свои места.

Глаза Рамоны наполнились слезами.

— Я даже не представляю, как мы будем без нее!

— Многие не представляют себя без родителей, — ответил я, — однако жизнь как-то идет. Прощайте, леди! Спасибо за гостеприимство.

Уже не таясь, я повернул браслет Иедумэля, образ Ричэль на этот раз вспыхнул под опущенными веками моментально.

Глава 12

Клемент, конечно, заподозрил, что у меня что-то не совсем так хорошо, как говорю, если второй раз уже к нему и без всякой цели. Прибыл, бросил пару слов и сразу сказал, что весь в делах, потому отбываю.

К счастью, на этот раз я застал не на привале, а на марше, и сам мог убедиться, что армия идет уже несколько часов, усталая и покрытая дорожной пылью, а вконец измученных везут в обозе вместе с необходимым скарбом.

На этот раз я облетел крепость Флитвуда, заглянув в окно выделенных для меня хозяином покоев, убе-

дился, что там пусто, и внесся головой вперед, стараясь превратиться в человека раньше, чем коснусь пола.

Не получилось, хрупкое пустотелое крыло с тонкими костями хрустнуло, боль обожгла, как кипятком. Я пошипел чуть, но поднялся уже принцем Ричардом, красивым и собранным, хоть малость и побаивающимся, мало ли что тут стряслось за мое отсутствие.

Дверь распахнулась, вбежал Зигфрид и его двое людей.

— Ваше высочество! — вскрикнул он таким тонким от волнения голосом, что дал петуха. — Да как вы...

— Потом, — оборвал я. — Разыщи Норберта, пусть забирает всех из замка и возвращается в наш лагерь.

— Будет сделано, — воскликнул он обрадованно.

— Ты тоже с ними, — добавил я.

— Ваше высочество!

— Буду ждать в лагере, — оборвал я. — Действуй!

Он выбежал, остальных двух я мановением длани отправил следом, а сам подошел к окну, чувствуя боль в мышцах и слабость. Частые перевоплощения даром не проходят, даже регенерация не спасает, она лечит только тело, а страх снова стать птеродактилем и остаться в нем становится все сильнее...

Я сцепил зубы и, взобравшись на окно, вывалился в темноту.

В лагере я застал, к великому изумлению, Хродульфа и Хенгеста, а еще прибыли гонцы от Меревальда и Леофрига. Разведка Норберта по моему приказу сообщала им все-все, что удавалось узнать, теперь я уже не уверен, что так стоило делать, и как только верховным лордам стало известно, что основной удар Мунтвиг нацелил именно в этом направлении, они все, жажда

подвигов, поспешили сюда, оставив по трети дружин к Корнушире, Вайткабе и Поллоке.

— А где принцесса Лиутгарда? — спросил я.

Они переглянулись, Хродульф ответил мрачно:

— Мы решили, что ей безопаснее будет в Бедивере с отрядом барона Адриана. Там могут и отступить, если что пойдет не так, а здесь мы как в мышеловке.

Я буркнул:

— Так сами же восхотели!

— Сами, — ответил Хродульф за всех. — Но, если выстоим и не сдадим город, наши имена будут покрыты славой уже в начале войны!

— Да, — согласился я, — игра стоит свеч. Но не плачусь ли с вами...

Со звоном стальным подков примчался из замка Флитвуда Норберт и сказал, что совсем близко по направлению к югу расположен город Баббенбург, огромный и с хорошими стенами. Если поторопимся, то успеем войти в него раньше, чем Мунтвиг начнет осаду.

— Тогда поторопимся, — сказал я зло. — Король Ричмонд говорил мне о Баббенбурге... Лорды... Эх, ладно. Надеюсь, ваша отвага столь же велика, как и безрассудство.

Весь лагерь подняли по тревоге, часть легкой конницы помчалась вперед к городу, чтобы сообщить о нашем прибытии и подготовить места для расквартирования пятитысячной армии.

Норберт рассказывал вполголоса, поглядывая по сторонам и понижая голос, как только кто-то приближался, что гибель Личфилда и вызванных им убийц произвела на Флитвуда сильнейшее впечатление. Он рвал и метал, грозил Мунтвику всеми карами, но делал это слишком показушно, так что, ваше высочество, верить ему особенно не следует...

— Да я особенно и не верил, — сообщил я. — Но теперь он будет действительно воевать с Мунтвигом, чтобы доказать свою лояльность, а нам все равно там делать нечего: крепость маловата для пятитысячного войска.

В сторону Баббенбурга двигались несколько часов, за это время нас догнали дружины Леофрига, а потом и Меревальда. Оба сообщили, что обозы в основном остались в тех городах, но кое-что захватили с собой, идут там позади.

К полудню мы увидели невысокую гору с плоской вершиной, а на ней скалоподобные стены, высокие башни и бастионы. Стена, опоясывающая город, настолько высока, что не видно за нею даже крыш домов, только в самом центре высится шпиль городского управления с бодро трепещущим на ветру флагом.

С той стороны горы протекает река, широкая и полноводная. Моста нет, но судя по ширине и спокойствию реки, ее можно одолеть где вплавь, где вброд.

— А город хорош, — сказал Хродульф одобрительно, — я здесь не бывал, но слыхал, за эту реку шли войны.

— Потому и город так укреплен, — заметил Хенгест. — Не город, а сплошная крепость!

— Там в центре города еще и замок, — сообщил Норберт. — Еще называют старым замком.

— А где новый? — спросил Хродульф.

— Новый разрушили, — ответил Норберт, — а старый остался, больно удобный. Его пустили под ратушу.

— Город хорош, — согласился я. — Смотрите, он достаточно четко разделен на четыре части!.. Четыре большие башни и множество мелких, вас тоже четверо. Думаю, защиту главных ворот следует поручить самому старшему... по возрасту, по возрасту!.. и весьма уважаемому лорду Хродульфу. Меревальд Заозерный,

как хороший тактик и мудрый размышлятель, может принять под защиту западные ворота, Хенгест Еафор не допустит врага с южной стороны, а Леофриг защитит восточные.

Они наполовину согласились, но продолжали всматриваться друг в друга, не получил ли соперник в чем-то преимущество, а сэр Сколонд воскликнул просительно:

— А мне? У меня хорошая дружина!

— Видел, — одобрил я. — Будете охранять главную городскую площадь. Дальше сэр Килрик примет на себя охрану ратуши, сэр Ховард перекроет в самом городе подходы к северной башне, сэр Аванандр пусть держит наготове свой отряд, если мунтвиговцы каким-то чудом выбьют ворота...

У распахнутых городских ворот нас встретили конники Норберта. Он сам выехал навстречу и заверил, что отцы города уже в ратуше, срочно совещаются, где распределить наше войско. Для половины места уже найдены, остальные с обозом пока разместятся на городской площади.

— Прекрасно, — одобрил я. — Главное, дружелюбность туземного населения.

Норберт поморщился.

— Когда это выгодно, бескорыстными становятся даже те, от кого уж никак не ожидаешь. Вы прямо к ним?

— Да, дружбу нужно подтвердить личным рукопожатием. Больше нам им предложить нечего.

Он посмотрел на меня с суровой иронией.

— Да? Но вы обязательно что-то предложите?

— Например?

Он пожал плечами.

— Не знаю. Пусть нет никакой выгоды врать — это еще не значит, что надо говорить правду. Я знаю таких, кто врет просто так. Чтоб жизнь была красивше.

— Это быть художником, — сказал я, — или вообще человеком искусства. А мы, увы, приземленные, которые должны думать, как накормить людей искусства, сами они этого делать не умеют...

На улицы высыпал народ, из окон всюду высываются головы, балконы вот-вот обвалятся от выпавших на них толп красоток, что делают глазки проезжающим молодым рыцарям.

Я улыбался и кланялся, с еще большим удовольствием кланялись и расточали покровительственные улыбки верховные лорды, а я с облегчением вздохнул, когда выехали на площадь, где высится старинный замок сурового вида, как понимаю, ратуша.

У входа на ступеньках уже ждут несколько человек в парадных одеждах. Тот, что во главе, сделал несколько шагов вперед, поклонился с достоинством.

— Ваше высочество, — произнес он рокочущим голосом. — Мы получили от Его Величества короля Ричмонда указание принимать войска наших союзников из Варт Генца и оказывать им всяческую помощь... что мы и делаем с огромным удовольствием!

— Спасибо, — ответил я вежливо. — Мы очень рады. Но войска Мунтвига уже близко, давайте посмотрим, чем мы располагаем для защиты города...

Я покинул седло, верховные лорды один за другим спешили, и всех нас с почетом повели к распахнутым воротам ратуши.

Замок в самом деле старинный, крайне неудобный для жизни, но идеально приспособленный, чтобы держать оборону хоть против целой армии. Из охраны только ярко одетые для важности стражи, войск в городе нет совершенно, что и понятно: все в лагерях и в

крепостях, а города, дескать, если уж развиваются по своему усмотрению, а власть знатных сеньоров не признают, вот пусть сами как хотят и защищаются...

Лорды вздохнули с облегчением, с местными никаких трений, а их сеньоры будут отсиживаться в замках, рассчитывая на крепкие стены, рвы и подъемные мосты.

Я выслушал предложения отцов города, как и лордов, явных глупостей не узрел, а неявные и сам могу, сказал мирно:

— Состыковывайте мелочи, а я пока пройдуся... прочувствую атмосферу.

Уже у выхода из ратуши на площадь увидел группу добротнo одетых горожан, явно зажиточных, но не из управы, а то ли гильдевики, то ли старейшины местных производств.

Увидев меня, оживились, сорвали с голов шляпы и низко поклонились. Старший из них поклонился тоже низко, богатство богатством, а все-таки низкого звания.

— Слушаю, — сказал я.

Он распрямился и смотрел на меня вопрошающе и немного тревожно.

— Ваше высочество, — проговорил он. — Я Геит Бейтс, глава гильдий этого города. С вашим появлением наконец-то в нашем городе сила, что может помочь нам!

— Да-да, — ответил я нетерпеливо. — Враг не пройдет, и все такое. Что-то еще?

Он помотал головой.

— Мы не о Мунтвиге, ваше высочество. Об этом вы говорили с верхушкой города, а мы люди помельче, но как раз те, кто город кормит. Раз уж вы появились здесь с благородными рыцарями, то вы поможете нам избежать горькой участи... со стороны людей из воды.

Я отшатнулся.

— Что еще за люди из воды?

— Люди-рыбы, — сказал он, — так мы их называем. Раньше они жили только в озере, оттуда вытекает маленькая речка, что впадает в нашу Интерелу, а потом появились и в Сивашке. Наши рыбаки сперва жаловались, что эти люди-рыбы забирают все из их сетей...

Второй, еще осанистнее, сказал глухим голосом:

— Сейчас они начали нападать на рыбаков...

— И не только, — сказал, осмелев, третий. — Всякий, кто вздумает искупаться в реке, рискует. Если люди-рыбы заметят, то уволочут под воду, а потом можно найти только обглоданный скелет. У них такие зубы, даже кости перекусывают!

Из ратуши вышел Норберт, прислушался, сказал негромко:

— Ваше высочество, они говорят правду. Из моих двое погибли, когда переправлялись через ту речку. Еще пятеро ранены.

Глава 13

Гильдиевики посмотрели на него с благодарностью во взоре. Я поморщился.

— Мне тоже не нравятся эти ихтиандры. К счастью, они, как говорите, не отходят от озера и реки? Значит, особой опасности не представляют.

— Ваше высочество, — запротестовал Бейтс, — уже несколько человек погибло!

Норберт уточнил:

— Не человек, а простого люда. А из наших, как я уже сказал, только двое.

— Значит, — сказал я жестко, — особой опасности не представляют. Достаточно держаться в сторонке от этого озера, нам хватит и других озер, рек и ручьев.

А после победы над Мунтвигом, никто в ней не сомневается?.. разберемся и с этими реками и озерами.

Норберт посмотрел, прищурясь, сколько раз уже слышал от меня подобное, сколько раз натыкались на всякие зачарованные места, где жирует нечисть, но всякий раз более неотложные дела вылезают вперед, и постепенно все это остается за спиной.

— Мы вне опасности, — сказал Бейтс упрямо, — но как же крестьяне? Им и так приходится обходиться без озера! А теперь еще и без реки, откуда берут воду, где ловят рыбу для своих семей? Да и в город на продажу.

Норберт сказал суховаго:

— Я всегда старался избегать этих противоречий между целесообразностью и долгом. Не хотел бы выбирать и сейчас.

Бейтс посуровел, взглянул исподлобья. На лице отчетливо проступило выражение сильнейшего укора.

— Но как же... Вы же рыцари! Вы обязаны защищать тех, кто не может защитить себя сам!

Норберт сказал предостерегающе:

— Ваше высочество, вы не только рыцарь, но и военачальник. От вашего умения командовать и выучки ваших войск уже зависит, выдержит ли наша армия первый удар орды Мунтвига!.. А вы готовы рискнуть судьбой всей войны ради горстки крестьян?

Бейтс нервно сглотнул и посмотрел на меня умоляюще, а остальные гильдиевики переминались с ноги на ногу и вздыхали. Я ощутил себя, как мелкий демон на праведном огне, что-то есть в нас такое, что сколько бы ни сталкивались с мерзостями войны, но всегда чувствуешь себя перед теми, кого клялись защищать, чуточку неловко, словно обманываешь ребенка.

Норберт посмотрел на меня, на Бейтса и сказал веско и коротко, как отрубил топором:

— Крестьянам помочь нужно. Но сделаем это после победы над Мунтвигом.

Бейтс сказал печально:

— А если победы не будет?

— Тогда эти люди-рыбы, — буркнул Норберт, — покажутся крестьянам не самым страшным в их жизни. Мунтвиг еще та рыба! Всем рыбам рыба.

— Да и это будет проблемой Мунтвига, — сказал я и добавил: — Как только он займет эти территории.

Норберт заметил холодно, только я уловил едва заметный сарказм:

— Тогда лучше просто отдать эту землю Мунтвигу? Пусть перебьет людей-рыб, а мы потом отнимем обратно? Или, как изящно выражается наш принц, заберем все взад?

Бейтс смотрел на меня отчаянными глазами. Я чувствовал затруднение, не могу выдерживать этот обвиняющий взгляд, помялся, изображая сложный мыслительный процесс, и спросил медлительно:

— Погодите, а чего эти проклятые рыбы вдруг полезли в реку?

Все замолчали, Норберт сказал медленно:

— У меня догадка, только догадка...

— Ну-ну?

— Алан сообщил, — сказал он словно бы нехотя, — милях в трех выше по течению пороги в три ряда... ни одна лодка не пройдет. А за ними весьма широкая отмель. Река разливается во всю ширь, можно перейти, едва замочив копыта.

Я потряс головой.

— Погоди-погоди. Если я правильно понял... а что там выше по течению еще?

— Иногда, — ответил Норберт, — вы понимаете в самом деле правильно, ваше высочество. Если подняться еще выше миль на десять, там озеро покрупнее.

— Так и думал, — сказал я, — насколько крупнее?

— Раз в десять, — ответил Норберт.

— Ага, — протянул я, — а в то озеро впадает не одна река, верно?

— Три, — ответил Норберт. — Побольше этой. И без порогов.

Лица Бейтса и его гильдиевиков сперва просветлели, что значит врубились, затем так же резко потемнели, поняли, что из этого вывода следует.

Он сказал быстро:

— Эти жабы пытаются расширить свою территорию?

— Им нужно, — подхватил один из его помощников, — всего лишь убрать выше по реке пороги! И свободно пройдут по течению в то большое озеро!

— Хуже то, — сказал Норберт, — что из того озера расплзутся по остальным рекам... Ваше высочество?

Я вздохнул, повернулся к нему всем корпусом.

— Возьми две тысячи копеечников и арбалетчиков. Пока не началась осада, встань у порогов и начинай отстреливать удалцов, что пытаются разобрать пороги. Когда их не останется, начинай медленно спускаться по обоим берегам, просматривая каждый дюйм в воде. И так до самого озера.

Он выпрямился, в глазах восторг и великое облегчение, но сразу же сказал с озабоченностью:

— Ваше высочество, но мы не сможем их перебить в озере! Там глубоко!

— Я туда пришлю алхимиков, — пообещал я. — Если понадобится, они убьют в озере всю живность, вплоть до червячков.

Бейтс вздохнул.

— Это ж и вся рыба погибнет?

— В реке уцелеет, — возразил я. — Течением принесет сверху массу мальков и всякого там биоценоза.

Не спрашивайте, я не знаю, что это, дайте поумничать своему лорду!

Норберт вытянулся, уже всего дергает от избытка рвения и жажды деятельности, в глазах страстная мольба.

— Ваше высочество?

— Действуй, — ответил я. — Но учти, ты нужен и на поле битвы!

Он унесся, словно его выдернуло смерчем, я повернулся к Бейтсу и его людям.

— Они рискуют, — предупредил я. — Если наступающие войска Мунтвига начнут осаду, их отрежут от города.

Бейтс сказал умоляюще:

— Мы это сейчас поняли... Как нехорошо поступаем, только о себе и думаем...

— Ладно, — сказал я, — теперь это наши проблемы.

— А ваши южные священники, — спросил он, — не могут... молитвой?

Я покачал головой.

— Священники хороши только против нечисти. Еще малость против нежити. А это просто люди, только и того, что живут в воде и промышляют разбоем.

— Значит, маги?

— Я уже послал к ним в обоз гонца, — сообщил я.

Мы наблюдали со стен крепости, как через реку переправился небольшой отряд рыцарей, все на добротных конях и в хороших по мерам мунтвиговцев доспехах, и направился в сторону города.

Часть легкой конницы, что Норберт оставил нам для связи, постоянно вертится и перед городскими воротами, один из молодых героев помчался навстречу, быстро переговорил, затем так же стремительно ринулся обратно на бешено храпящем коне, круто взды-

бил его перед воротами и, вскинув голову, поймал меня взглядом и прокричал звонко и весело:

— Ваше высочество, группа рыцарей от передового отряда Мунтвига! Хотят переговорить с вами!

— Прекрасно, — сказал я. — Присматривайте за остальными, а здесь примем все меры. Эй, не поднимать мое знамя!..

Уже не опасаясь выстрелов со стен, вперед выехал красивый и уверенный рыцарь.

— Приветствую вас, сэр, — произнес он с величайшим чувством достоинства. — Меня зовут Ховард Нердермейер, я команду двумя тысячами рыцарской конницы и пятью тысячами легкой.

— Здесь, — сказал я в удивлении, — земли барона Флитвуда, насколько я помню...

Он приятно улыбнулся.

— Барон Флитвуд может получить эти земли от императора Мунтвига, если... принесет ему присягу верности.

Я раскрыл широко глаза.

— Да что вы говорите!.. Какой император Мунтвиг? Императора зовут Карлом!

Он снисходительно улыбнулся.

— Карла больше нет. Он опозорил звание воина, сочтя свое призвание греховным и уйдя в монастырь. Теперь его земли принадлежат Мунтвигу.

— Ка... какие земли? — проговорил я с трудом.

Он ответил терпеливо:

— Все те, которые прошел Карл. Но наш император не просто пройдет. Он... останется!

— Гм, — сказал я, — звучит двусмысленно. Но разве наше королевство зовется не Бриттия? Разве я не верноподданный короля Ричмонда Драгсхолма?

Он улыбнулся и покачал головой.

— Уже нет. Лорды королевства взбунтовались против короля, запятнавшего свою власть различными преступлениями, и свергли его с трона.

Я охнул.

— Что вы говорите? А мы тут в медвежьем углу ничего не знали!.. И кто теперь король?

— Пока никто, — заверил он, — бароны совещаются, а затем, с одобрения императора, выберут такого, что сразу же принесет присягу императору. Потому вам советую поспешить...

— Почему? — спросил я. — Почему поспешить?.. Ах да, вот почему...

Он спросил с подозрением:

— Почему?

— С юга надвигается армия Ричарда Завоевателя, — сказал я. — Он силен и страшен в необузданном гневе. Его страшатся не только люди, но и звери, птицы, горы, леса и земная глыба. Потому, хотя ваше предложение и выглядит заманчиво, я должен посоветоваться с родней... Мы же оказываемся между Мунтвигом и Ричардом, как между молотом и наковальней!

Он надменно выпрямился, красивое лицо покраснело от гнева.

— Вы делаете ошибку! Если примете покровительство Ричарда, наш император разрушит ваш город до основания!

— А если приму покровительство Мунтвига, — сказал я, — то мой город до основания разрушит этот неистовый зверь Ричард!.. Вы же понимаете мое положение?

Он холодно кивнул.

— Но император ближе.

— А Ричард движется быстрее!

— Назад он будет бежать еще быстрее, — пообещал он зловеще, — и все занятые Ричардом земли перейдут под власть императора.

Я поклонился учтиво.

— Спасибо, что разъяснили. Я передам эту потрясающую новость своим людям. Спасибо и прощайте!

Я повернулся, намереваясь спуститься со стены, сэр Нейдермейер крикнул удивленно и обиженно:

— Простите, я не расслышал ваше имя!

— А я и не говорил, — ответил я и пошел вниз во двор.

Мне кажется, не только этот командир армии Мунтвига, но и мои лорды считают, что Карл совершил не совсем достойный и правильный поступок, сняв латы и надев монашескую одежду.

В монастырь если и уходить, то в глубокой старости, когда грешить уже не в силах, только и можно покаяться сразу за все. А как уходить в темный монастырь, когда столько баб, вина, жратвы и снова баб?

Не думаю, что и Карл мог даже в диком сне предположить, что когда-то оставит завоевание, откажется от всего и сядет за Святое Писание в поисках смысла жизни.

Хотя кто знает, не умри Аттила в цвете лет на пиру... Я смутно понимаю Карла, ведь уходили же в монастырь великие люди в расцвете лет и навсегда закрывались от мира, но простому человеку это дико, потому Карл, да, опозорил высокое звание воина и полководца, об этом все говорят, и никто не понимает, что он поднялся на важную ступеньку в своем развитии.

Глава 14

Со стен видно, как в панике к городским стенам бегут люди. Крестьяне тащат коз, кто-то бежит, тяжело топая и сгибаясь под тяжестью мешка с зерном, но большинство просто убегает, а за ними двигается ши-

роким фронтом конница, почти все всадники в темных одеждах, характерный цвет для дальних северян.

Хенгест прокричал зло:

— Дураки, ждали до последнего!..

— До крепостных стен не добегут, — определил Хродульф.

Я сказал со злостью:

— Что за идиоты! Почему не поторопились раньше?

Он указал на реку.

— Это не местные. Смотрите.

В полумиле от города видна пристань, там колыхается на волнах огромная, но уже пустая баржа. От нее в сторону города течет темная река беженцев из дальних мест, пытающихся спастись здесь, еще не предполагая, что война пришла и сюда.

— Кони мунтвиговцев на рысях, — определил Хенгест. — Скоро догонят... вот так не спеша.

Он поглядывал в мою сторону искоса, я вздохнул и сказал в яростной безнадежности:

— А что мы можем?

— Умереть красиво, — воскликнул он. — А можем и не умереть!

Хродульф поморщился.

— Мой благородный друг... вы совсем рехнулись?

Хенгест оскалил громадные лошадиные зубы в зловещей усмешке.

— А если я всегда мечтал погибнуть красиво и на глазах тысяч людей, наблюдающих со стен?

Он довольно быстро, несмотря на свою громадность, сбегал со стены, вскочил в седло. Его люди воинственно заорали, их мечи с лязгом покидают ножны, всадники выпрямляются в седлах, гордые и красивые, возвышенные, на миру и смерть красна, их увидит не только Господь Бог, но и горожане со стен, за которых они отдадут жизни...

Хенгест прокричал страшным голосом, больше похожим на рев разъяренного огра:

— Открыть ворота!

Стражи бросились поднимать гигантскую балку из железных скоб, я открыл рот, чтобы строго велеть не дурить, на войне всегда были и будут потери, но увидел одухотворенные лица рыцарей, что свято верят в нашу корпоративную клятву защищать женщин и детей, мирян и священников, быть честными и праведными в мыслях и поступках...

Они выполняют мой приказ не вмешиваться, надеюсь, выполнят, но всю жизнь будут чувствовать себя опозоренными, спасали свои жизни вместо того, чтобы спасти жизни тех, кого клялись защищать.

— А почему бы и нет? — сказал я со злостью на самого себя. — Умные всегда гибнут, спасая дураков!

Я оказался внизу еще быстрее, чем Хенгест, вскочил в седло, за мной сразу же выстроились в клин воины. Красиво и торжественно целовали мечи, кто лезвие, кто рукоять, как символ креста, на котором распяли Христа, обнимались, быстро менялись крестами, с леденящим звоном опускали забрала.

— Идти широкой цепью, — прокричал я, — надо прикрыть убегающих! Только после этого отступим!

Хенгест первым пришпорил коня, другие отстали от него на доли секунды.

Наш отряд понесся с тяжелым грохотом копыт, в галопе обогнули с обеих сторон бегущих к воротам крестьян, снова сошлись в цепь из полусотни человек и, сверкая мечами, понеслись на десятитысячное войско.

Грохот копыт нарастал, я не сразу ощутил торжественную и красивую музыку, что начала звучать как в этом грохоте, лязге, конском храпе, так и вообще в моем сердце и даже душе, она все-таки у меня есть, оказывается, сам не ожидал, я же в самом деле мчусь

на десятитысячное войско только для того, чтобы задержать их хоть немного и дать возможность этим жалким простолюдинам добежать до спасительных стен...

С той стороны не грохот копыт, а приближающийся грозный гул. С птичьего полета мы выглядим как горстка соли, брошенная в огромный котел с кипящей водой.

Огромное войско не замедлило ход, не ускорило, а двигается все тем же экономным аллюром, рассчитанным на долгую скачку, я уже различил не только лица, но изумление на них, удивленные глаза.

Мы сшиблись с таким грохотом и лязгом, что даже грохот копыт десяти тысяч коней не заглушил звона от страшного удара. Мунтвиговцы намеревались промчаться сквозь нашу цепь прямо к крепости, однако наши рыцари, сразив первые три ряда, двигались некоторое время, как стадо быков среди овец, наконец завязли в массе чужого войска, остановив и весь центр конной армии, рубились красиво и яростно.

Сердце стучит часто и ликующе, для меня все двигаются, как мухи на морозе, я рубил, сбивал с ног, рассекал, повергал, Зайчик озверело пронесся вдоль ряда моих рыцарей, топча чужих коней вместе со всадниками, на меня брызгает кровь, рядом мечи рассекают щиты и рубят живую плоть, со всех сторон яростные крики.

Хенгест сражается уже в окружении, весь забрызганный кровью, я смел с одной стороны его противников, ударил его по щеке с криком:

— Сражаться в строю!

Слева раздался обозленный крик сэра Сколонда. Я успел увидеть, как он покатился по земле, сбитый с коня, на плече зияет длинная рана, оттуда хлещет кровь.

— Руку! — заорал я.

Он инстинктивно поднял руку, я вздернул его рывком на ноги, принял на щит удар топора и крикнул яростно:

— Сражайтесь, пандавы!

Мы дрались яростно и свирепо, я с тоской понял роковую ошибку насчет того, что прикроем бегущих крестьян и вернемся. Или это не ошибка, просто не позволил сознанию вякнуть, когда во весь голос говорили эмоции?

На нас накатывались вражеские всадники волна за волной, но хотя это не легкая конница, однако и законные в металлические доспехи рыцари падают под нашими ударами, как колосья спелой пшеницы под острыми косами умелых работников.

Я потерял счет времени, вокруг только звон металла, хриплое дыхание и сдвоенные крики, яростный бой не утихает ни на мгновение, я старался замечать все, и как только кто-то падал, зажимая рану, я старался успеть к нему и бил по лицу с криком: «Сражайся!»

Рыцари Мунтвига наверняка удивлялись такому зверю-военачальнику, нельзя же настолько издеваться над смертельно ранеными, но еще больше могли удивиться, что те в самом деле поднимаются и продолжают бой.

Хенгест и сэр Аванандр, уже пешие, исколотые копьями, все еще сражаются, стоя друг к другу спинами, лица забрызганы кровью, своей и чужой.

Зайчик пронесся вокруг них, как черный смерч, очищая от противников, я торопливо ударил одного по щеке, затем другого.

— Бог с нами! Так кто против нас?

Оба воспрянули, пощечина быстрее возложения рук, а я ринулся к сэру Сколонду, Килрику и еще одному из наших гигантов, они бьются, встав в круг, а их старается прикрыть сэр Ховард Энглефильд, он один,

кроме меня, остался в седле, но я не успел пробиться к ним, как умело брошенный молот угодил ему в голову. Кожаный ремень лопнул, шлем со звоном взлетел в воздух, один из мунтвиговцев ловко поймал его на кончик копья, а сэр Энглефильд без чувств свалился под конские копыта.

Я пробился к нему, коснулся щеки, он сразу пришел в себя и дико открыл глаза.

— Мы их почти всех побили! — крикнул я.

Он прохрипел:

— Добьем и остальных... Сколько там их осталось?

Еще несколько рыцарей, ступая через трупы, нашли в себе силы прорубиться ближе к троице, где сражаются Хенгест и его рыцари, круг расширился, а я, постоянно отражая удары, носился вокруг и рубил, сбивал с ног Зайчиком, орал и снова рубил и рубил, успел крикнуть Хенгесту:

— Осторожнее!

Он прорычал с тяжелым сарказмом:

— Правда? А я и не знал!

Страшно и красиво рубился Килрик, когда я подоспел и помог срубить двоих, что едва не зашли ему со спины, он повернулся и выкрикнул бесшабашно:

— Все мы когда-нибудь умрем!

— Но не сегодня, — возразил я.

— А чем сегодня, — крикнул он, — хуже другого дня?

Сэр Аванандр в расколотых, как яичная скорлупа под яростными ударами молота, доспехах ревел подобно туру и рубил страшно гигантским двуручным мечом, держа его в одной руке, но слишком выдвинулся вперед, и сразу два копья ударили его справа и слева, а спереди дикого вида воин всадил ему в середину груди до половины лезвие топора.

Я расколол череп дикарю, копейщиков срубили соратники Аванандра, а он сам рухнул на колени, топор торчит из груди, лицо сразу стало смертельно-бледным, а губы задрожали, пытаясь сложиться в улыбку.

— Я всегда, — прохрипел он, и кровь хлынула из рта, — мечтал красиво погибнуть в яростном бою... Но как-то это, оказывается... не совсем, когда вот взял и погиб...

— Да? — спросил я. — Тогда пока живи. В другой раз получится приятнее.

Я возложил ладонь ему на лоб, холод вошел в нее и растекся по телу, силы мои на исходе, но топор выпал из груди рыцаря, а глаза начали расширяться в изумлении.

Ноги подгибаются, но я заставил себя подняться и продолжить бой. Но люди уже с трудом поднимают тяжелые мечи, и на место сраженных мунтвиговцев становятся все новые, однако натиск все слабее. Затем вообще противник начал отступать, образуя сплошную стену. Я огляделся, мы не просто в кольце, а в середине огромного войска, сейчас похожего на исполинскую каменную плиту с небольшой пустотой внутри, а в той пустоте — несколько мелких зернышек.

Пользуясь передышкой, я быстро начал ощупывать павших из своего отряда. Некоторые еще дышат, хоть и страшно изрубленные, я чувствовал настоящий смертельный холод, когда перелил им всем остатки своей мощи. Зайчик всхрапывает сочувствующе над ухом, ходит следом, я пошатнулся и поспешно прижался к его почти раскаленному телу.

Плотные ряды расступились, в нашу сторону движется небольшой отряд мунтвиговцев. Во главе рыцарь в полных доспехах, пусть и грубовато сделанных, но из толстых листов стали, а все сочленения подогнаны с редкостной тщательностью.

Он снял шлем, лицо уже не юное, но и не старое, как раз в расцвете мужской силы и доблести.

— Я граф Чарльз Делстэйдж, — назвался он суровым голосом. — Командую этой армией. Вы совершили подвиг.

Я сказал хриплым голосом:

— Спасибо за оценку.

Он покачал головой.

— Она, увы... правдива. Хуже того, совершили подвиг не только на глазах своих людей, что смотрят и сейчас со стен... но и мои люди видели и... оценили.

Усталость навалилась с такой силой, что я пошатнулся и упал бы, не ухватись за сбрую арбогастра.

— Спасибо... еще раз... Когда такое... от противника... это вдвойне...

Он сказал неприятным голосом:

— Мы можем вас убить сейчас, уже не теряя больше людей, вы ведь представляете, сколько пало от ваших мечей?.. Моим воинам достаточно разом метнуть в вас копья. Или топоры и дротики. Вы просто будете погребены под этой горой.

Я тряхнул головой, стараясь стряхнуть розовую пелену с глаз:

— И... почему... не...

Он поморщился.

— Я никому не позволю, чтобы кто-то перещеголял меня благородством! Если убью вас, что будет самым правильным решением, прославлять будут вас, а не меня. Даже в моем войске!.. Потому я отпускаю вас в ту крепость. Вы все изранены, и почти все не доживете до утра... но ваша смерть будет не на мне, а на ваших лекарях.

Я прошептал:

— Благодарю...

Меня била дрожь, поднять из почти мертвых столь-ко могучих гигантов, да еще и самого Хенгеста лечить трижды, это отняло оставшиеся силы.

Рыцари, что оставались на ногах, помогли подняться остальным раненым, те даже не поверили, что могут воздуть себя на ноги, но собрались, а потом молча погрузили поперек седел павших товарищей.

Исполинская армия расступилась, открыв широкий коридор к воротам крепости.

Граф Делстэйдж величественно простер длань в сторону ворот.

— Идите, вы свободны... Могу я спросить ваши имена?

— Можете, — ответил я.

Он нахмурился, голос его прозвучал резче:

— Назовите их. Такие люди должны быть чтимы и в нашей армии!

Я сказал с горечью:

— Погибли многие очень достойные, их будет оплакивать весь город. Ранены все остальные...

— А вы, сэр? Ваше имя? Вы показали себя наиболее доблестным бойцом!.. И требовательным, кстати, военачальником.

Я чувствовал опасность, однако этот граф кичится своим благородством, а так как уже отпустил нас на глазах всего своего войска, то не рискнет терять лицо.

— Я был счастлив, — ответил я громко, чтобы слышали и другие его люди, — что сражался плечом к плечу с такими героями. А зовут меня просто... Ричард Длинные Руки.

Он дернулся, застыл, замерли его военачальники, и даже огромное войско затихло, хотя слышать меня могли только воины в первых рядах.

— Вы, — проговорил он наконец в замешательстве, — тот самый?.. Мы наслышаны о вас... но с Ричар-

дом Завоевателем должна быть огромная черная собака...

— Собачка ждет дома, — ответил я и учтиво поклонился, придерживаясь за оголовье арбогастра. — Надеюсь, в следующий раз мы встретимся с вами за пиршественным столом, сэр Делстэйдж.

Он не ответил, а мы повели в поводу коней, поперец седла Зайчика два неподвижных тела, остальные — рыцарские. Они тяжело и устало ступают тоже с грузом.

По обе стороны, где враги стоят плечом к плечу плотной стеной, рыцари выхватили мечи и молча вскинули остриями к небу в салюте героям.

Простые воины, на то они и простые, бешено били древками копий в землю и стучали рукоятями мечей по щитам.

— Слава героям!

Глава 15

Ворота распахнулись достаточно широко, чтобы пропустить нас даже не по одному, защитники тоже понимают, что если мунтвиговцы делают такой красивый жест, отпуская нас за проявленную доблесть, то не ворвутся тут же в крепость, используя удобный момент, который обесценит их же благородство.

Багровый от ярости, Хродульф ждал нас сразу же за воротами и прокричал громким срывающимся голосом:

— Ваше высочество, это было безумие!

Я ответил покорно:

— Хуже, это была полнейшая дурость. Признаю. Она осталась безнаказанной только потому, что на той стороне оказались такие же дураки.

Он умолк на миг, затем уставился горящим взором исподлобья, словно готовился всадить в меня рога.

— Признаете?

— Да, — сказал я поспешно. — Более того, заверяю вас и других лордов, что больше такой дурости не повторю. Буду держаться позади войск и руководить издалека. Гибель вожака, понимаю, бывает равна полному поражению. Вы правы, сэр Хродульф. А сейчас давайте займемся скорбным прощанием с нашими боевыми друзьями.

Я уже знал, что все, оставшиеся израненными, выживут, однако второй половине отряда повезло меньше. Правда, мы сумели, находясь на грани полного истощения, привезти в город всех павших. Это в самом деле смерть героев: пятьдесят человек пошли в красивую и безумно отважную конную атаку на пятидесятысячную армию!

Хенгест, скорбящий и торжествующий одновременно, распорядился, какую помощь оказать семьям погибших деньгами, кого пригласить к его двору, кого пристроить на должность, чью дочь выдать замуж, кого достаточно взять под защиту, ибо после смерти кормильца отвечает за его семью лорд Хенгест, сузерен.

Потом собрались на короткий совет, дескать, армия Мунтвига уже подошла и начинает брать город в осаду. Можно еще вырваться, пока только перекрыты главные дороги, а кольца окружения еще нет, но мы обещали защищать город и не можем бросить доверившихся нам людей...

Когда я быстро поднимался в зал собрания, у входа попался навстречу один из героев Хенгеста, которого я успел подлечить дважды. Похоже, он и потом успел получить по голове: верх перевязан белой тряпкой, проступило пятно свежей крови.

— Досталось? — спросил я с сочувствием.

— Ухо срубили, — буркнул он.

— Да ладно, — сказал я, — все равно не музыкант, а на обед тебя и так звать не надо, всегда первый.

— Да на ухо плевать, — ответил он сумрачно, — а вот серьгу с вот таким бриллиантом жалко.

Я вздохнул с сочувствием. За ухо в самом деле даже кружки эля не подадут, а за бриллиант мог бы купить себе целое село.

В моей комнате собрались только наши верховные, несколько военачальников, да еще епископ Геллерий, для меня все еще темная лошадка, обсуждение пошло не то чтобы вяло, но без накала, но затем заговорил Хродульф, и все оживились:

— Ваше высочество, мне кажется, я выражу общее мнение, если заявлю, что вы поступили весьма опрометчиво...

— Очень, — сказал Меревальд, даже не дожидаясь, когда Хродульф умолкнет. — Это было... чистое безумие!

Епископ Геллерий поглядывал на меня от дальнего конца стола, но молчал, а Леофриг поморщился и сказал неожиданно рассудительно:

— Что случилось бы, не окажись граф Делстэйдж таким же благородным рыцарем, мы прекрасно понимаем, а теперь давайте... гм... посмотрим на этот безумный поступок и с другой стороны. Авторитет принца Ричарда взлетел до небес. Везде пойдет весть о нем, как о защитнике тех, кто сам защитить себя не в состоянии. У наших союзников это вызовет... ну да, понимаете... кроме того, население будет отдавать последнее, только бы поддерживать Ричарда, своего защитника...

Хенгест даже сидя высится над всеми, а когда заговорил, пламя свечей задрожало по всему залу, а на столе в подсвечнике огоньки жалобно прилегли, но это их не спасло, от них пошли сизые дымки.

— Все рыцарство, как Мунтвига, так и наше, увидело неистовую доблесть и мужество вартгенцев!.. Это самое главное!.. Имена погибших будут оваяны...

— Славой, — подсказал я.

— Да, славой, — сказал он и поклонился мне. — Мы поразили мир!.. Уверен, вся армия Мунтвига будет еще долго говорить о нас и только о нас. Главное же, там увидят, что им противостоит армия с отважным и благороднейшим рыцарем во главе...

Сэр Меревальд буркнул:

— Хорошо ли это? В больших войнах побеждают не отважные, а изворотливые и хитрые.

Хродульф обернулся в сторону епископа.

— А что скажет достопочтимый отец Геллерий?

Тот пробормотал словно бы нехотя:

— Истинное мужество немногоречиво: ему так мало стоит показать себя, что самое геройство оно считает за долг, не за подвиг.

Похоже, не все даже поняли, что он изрек, пару мгновений помолчали, а потом, словно и не спрашивали епископа, заспорили снова, один Леофриг поглядывал на меня исподлобья, сопел, отмалчивался, наконец Хродульф обратился к нему напрямую:

— А у вас есть мнение, благороднейший лорд Ильместокса?

Леофриг неохотно буркнул:

— Ну... почти есть.

— А можно нам узнать? — поинтересовался Хродульф с ехидцей.

— Можно...

— Тогда поделитесь своими сокровенными и, без сомнения, мудрейшими мыслями!

Леофриг поморщился, бросил на меня сердитый взгляд.

— Не знаю, — сказал он все так же нехотя, — так ли это... Но мне все больше кажется, что сэр Ричард как раз дьявольски хитер и невероятно, просто непостижимо расчетлив!.. Я вот как раз, несмотря на все доказательства, не совсем уверен, что им руководил слепой порыв рыцарской чести, а не тщательно продуманный замысел и сатанинская хитрость!

Я запнулся с ответом, подмывает согласиться, что да, все просчитал и увидел, что выкажем доблесть и вернемся героями, но это возвеличит мой ум и проницательность за счет умаления безрассудной доблести...

...которая в этом мире имеет значение и веса побольше, чем какой-то сраный ум. Проницательность и вовсе нужна только торговцам, а в этом мире безумству храбрых поем мы песню!

— Увы, — сказал я сокрушенно, — я в самом деле поступил бездумно.

Все замолчали, только Леофриг покачал головой и сказал упрямо:

— Вы часто выходите сухим из воды, а из тех мест, где другой сломал бы шею, возвращаетесь, даже не запыхавшись!.. Я не ребенок, в случайности не верю. Либо вы все тщательно просчитываете, либо что-то просчитывает за вас.

А он, оказывается не дурак, мелькнуло у меня ошарашенно-уважительное. Почти подошел к пониманию инстинктов и скрытого от разума молниеносного расчета вариантов поведения, хотя с виду дурак, в обществе репутация только грубияна и человека крайне невыдержанного...

Епископ неожиданно поднялся и с того конца стола перекрестил меня широким взмахом.

— Ты не думал потому, — сказал он неприятным голосом, — что за тебя в тот момент думал Господь. Ты просто повиновался Ему.

Хенгест прогрохотал после неловкой паузы:

— Его благочестие прав, принца вела десница Господа! И всех нас вела, я в это верю! И еще... священное безумие — не его вина и даже не его решение. Сам Господь повел наш отряд отважнейших героев в бой, дабы защитить слабых и сирых, спешивших укрыться за стенами!

Меревальд пару раз зыркнул на меня пытливо, я вижу, как он перебирает все варианты, стараясь выбрать наиболее выгодный, вне зависимости от религиозной или любой другой окраски, наконец сказал со вздохом:

— Возможно, святой отец прав. А что, если в самом деле Господь в своей великой мудрости решил явить нам, верным своим последователям, что для изъяснения своей воли можно воспользоваться даже таким никчемнейшим человечком, у которого почти вовсе нет души... это с точки зрения Господа, который велик и безгрешен!.. как наш принц Ричард.

На него поглядывали с опаской, Хенгест вообще нахмурился и потрогал рукоять меча, но Меревальд продолжил с тем же фальшивым пафосом:

— Принц Ричард в последнее время демонстрировал почти полное отсутствие милосердия и христианской кротости, что коробило присутствующих в войске священников и монахов, потому Господь именно ему вложил в сердце напоминание о рыцарской заповеди защищать слабых, что не могут защитить себя сами!

Епископ перекрестился и пробормотал:

— Это говорит о великом милосердии Господа, что и такого грешника, как принц Ричард, одним шевелением мизинца очищает от скверны и возносит!..

— Слава Господу, — пробормотал Хенгест и перекрестился.

— Господу слава, — откликнулся Леофриг.

Епископ посмотрел на меня сурово и провозгласил:

— Принц Ричард, вы не подсудны в данном инциденте ни нам, ни кому-либо другому. Это сам Господь явил свою волю и обнародовал свой вердикт!.. Однако теперь, очистившись от ранее совершенных грехов таким самоотверженным поступком, вы должны больше не рисковать так глупо...

У меня вырвалось:

— Да ни за что! Я дураком бываю совсем редко, святой отец. Обычно я все хорошо просчитываю наперед, но когда глас Господа, то, вы же понимаете, все летит кувырком, все отменяется, и вот косноязычный Моисей, которого никто не понимал, кроме брата Аарона, да и то с пятого слова на десятое, вынужден сообщать Заповеди, как понял, а я — с оголенным мечом в поднятой руке впереди отряда навстречу ветру и противнику... Господи, каким только дураком ты меня выставил!..

Меревальд наклонился ко мне и, пока другие начали обсуждать вопросы обороны города, шепнул:

— Зато какие дивиденды! В виде репутации, конечно. Все остальные дураки вас обожают, а их, как известно, большинство... Хотя, конечно...

Я спросил затравленно:

— Что?

Он вдруг разом стал задумчив, словно налетел на стену.

— Что-то, — произнес он медленно, — в этой дурости есть. Вот так красиво мчатся впереди войска со вскинутым мечом в карающей длани...

Я скривился.

— Знаете, как я впервые встретил умнейшего и осторожнейшего человека во всем моем окружении армландцев? Это Альбрехт Гуммельсберг, барон Цоллерна

и Ротвайля. Он с разинутой в диком вопле пастью мчался на прекрасном коне, укрытом дорогой попоной кардинальского цвета... в его вскинутой длани как раз был оголенный меч, и солнце страшно и грозно блистало на его лезвии... доспехи, как сейчас вижу, помяты и порублены, но все равно весь светился счастьем... что за дурак, правда?

Меревальд посмотрел на меня странно.

— Что, так и было?.. Господи, какими же дураками мы все бываем... Вот так умные-умные, а потом р-р-раз... и все летит кувырком. Сперва в детстве мы отважные, потом умные и осторожные, затем снова эта дурасть... Это мы так стареем?

— Это не старость, — сказал я угрюмо.

— А что?

— Линька, — объяснил я. — Как сказал один известный рыцарь: змеи лишь меняют кожу, чтоб душа старела и росла, мы, увы, со змеями не схожи, мы меняем души, не тела... Так что, сэр Меревальд, вам тоже еще предстоит всякое и весьма неожиданное.

Он пугливо перекрестился.

— Господи, помилуй.

— Зато дураки никогда не меняются, — сообщил я. — Они тверды в убеждениях всегда! С детства.

— С ними удобно, — согласился он.

— Более того, — сказал я с восторгом, — они основа любого существующего строя!

Лорды продолжали совещаться, Хродульф повернул голову ко мне.

— Ваше светлость, разведка донесла, к городу приближается небольшое по меркам Мунтвига войско в десять тысяч человек.

Я охнул.

— Десять тысяч?.. И мы должны их остановить с четырьмя тысячами своих и полутысячей бриттцев?

Они в тревоге смотрели, как я разложил карту и повел по ней пальцем.

— Если Мунтвиг овладеет вот этой долиной, что идет здесь, смотрите... то не просто войдет в Варт Генц, но и продвинется почти на треть в глубь королевства. А это сочтут поражением нашего войска, начнется паника.

Глава 16

К нам начали подходить крупнейшие из вассалов верховных лордов, а здесь военачальники отрядов, лорд Сколонд, уже оправившийся от ран и рвущийся в бой, всмотрелся в карту и сказал быстро:

— Я поспешу туда и перекрою дорогу!

Леофриг покачал головой.

— Чем, выпятишь грудь?

Сколонд ответил обиженно:

— Я не зеленый юнец! Там хороший лес, устрою завалы. А с гор можно сбросить камни, ни одна конница не пройдет.

— Хороший план, — одобрил я. — А мы постараемся задержать Мунтвига у стен нашей крепости.

— Это город, — возразил Меревальд, — а не крепость. Но стены высоки, башни идут через каждые две-сти ярдов. Да, можно сказать, это город-крепость, и взять его не просто. Если Мунтвиг пройдет мимо, мы ударим в спину. Он это понимает, потому все-таки постарается взять. Это замки и крепости можно безнаказанно оставлять в тылу, но не армию, что укрывается здесь за стенами.

Он разъяснял подробно, так ведут себя достигшие высот в каком-то деле, однако новички в военном, словно другие обязательно должны быть еще глупее.

У нас примерно пять тысяч, стучало у меня в голове, но вообще-то они стоят десяти тысяч, если не двадцати из обычных войск. Почти треть из благородных рыцарей, которых с колыбели учат владеть мечом, топором и копьем, драться конным и пешим, сражаться яростно и умело, не отступая, дабы не посрамить честь рода, а остальные две трети — самые отборные, лучшие из лучших профессиональных воинов, для которых война — ремесло, эти тоже вооружены не хуже рыцарей и владеют всеми видами оружия так же превосходно и умело.

Однако прибывшие десять тысяч плюс те, что уже рыскают по окрестностям...

На другой день утром на той стороне реки затрещали бубны, звонко и пронзительно запели рожки и трубы. Огромная масса придвинулась к берегу, где уже промерили брод, в воду начали спускаться конники по шестеро-семеро в ряд.

Я рассмотрел добротные доспехи, это уже настоящая рыцарская конница. Однако хотя армия Мунтвига превосходит нашу по численности, его воины сильны и свирепы, но вооружение у них резко уступает даже вартгенцкому и турнедскому, не говоря уже об армландцах и сенмаринцах, которые к кому же получают совершеннейшие доспехи и мечи из Вестготии...

Шлемы только у рыцарей, да и то без поднимающихся забрал, у остальных либо кольчужные, либо металлические шлемы самой простой формы, закрывающие головы только до середины лба.

Мои лорды хмурились и сопели, наконец Леофриг, что чувствует себя поблекшим на фоне отважного Хенгеста с его дикой выходкой по защите бегущей черни, сказал зло:

— Самое время ударить!

— Сомнут массой, — возразил Хродульф.

Леофриг смерил его презрительным взглядом.

— Мелочь сомнут, — ответил он гулко, — а мужичину нет.

И, круто повернувшись, начал спускаться по винтовой лестнице. Внизу раздался его зычный рев, созывающий дружину.

Хродульф проворчал:

— Одним дураком меньше...

Меревальд бросил на него взгляд искоса, но промолчал. Внизу распахнулись ворота, дружина Леофрига вылетела, как ветер, блестя доспехами и обнаженными мечами. С той стороны продолжали переправу как ни в чем не бывало, к нам на берег уже переправились около тысячи человек, быстро вскакивают на коней.

Леофриг мчится впереди, в руке обнаженный меч, и, когда всем отрядом ударили со всей мощью, я поведал, что у него в самом деле самая сильная и подготовленная к боям дружина. Почти не замедляя хода, они косили, как траву, выбравшихся на берег. Немногие уцелевшие бросились обратно в воду, а Леофриг с дружиной ворвались в реку и начали рубить всех, кто пытался перейти на эту сторону.

Началась паника, закованные в сверкающую сталь рыцари казались неуязвимыми демонами, что сеют смерть одним своим устрашающим видом.

Меревальд произнес странным голосом:

— А вот и расплата...

Он указывал на верховье реки, там в двух-трех милях по другому броду уже переправилась большая масса конного люда, собралась в лаву и на рысях мчится по направлению к городу.

— Красивая гибель, — сказал Меревальд. — Его запомнят.

— Ненадолго, — буркнул Хродульф. — У всех свои заботы.

— А то и песни сочинят, — сказал Меревальд. — А песни, если хорошие, не забывают.

— Хороших мало, — возразил Хродульф с неприязнью.

Я думал, увлеченный боем Леофриг не заметит опасности, однако он крикнул так громко, что услышали и на стенах города, а его рыцари, демонстрируя отменную выучку, мгновенно развернули коней и помчались на берег, а оттуда галопом к городу.

Внизу поспешно открыли ворота. Леофриг остановил разгоряченного коня по ту сторону и ждал, пока последний из его людей проскочил вовнутрь, затем и сам гордо и надменно заехал шагом.

Воротари с великим облегчением захлопнули ворота и вложили бревно в скобы запора. С той стороны раздался злобно разочарованный вой. Несколько всадников, не удержав коней, с разбегу ударились в тяжелые створки, оббитые широкими полосами железа.

Леофриг тяжело поднялся к нам в надвратную башню, весь забрызганный кровью и став еще brutальнее, чем обычно. Шлем он снял и держал в руках, блестящие светлые волосы упали на спину, как мощная грива викинга, глаза улыбаются, а лицо победно сияет.

— Ну как? — спросил он, все еще тяжело отсапываясь. — Задали мы им?

Хродульф поморщился.

— Что-то изменилось? — спросил он едко. — Вон продолжают переправляться как ни в чем не бывало. А те, что вас едва не догнали, лбами в ворота бьются.

— Уже не бьются, — сообщил Леофриг. — Мои люди отогнали.

— Ваши? — спросил Хродульф оскорбленно. — Да моих здесь на стенах вдвое больше!

— Именно, — согласился Леофриг нагло.

Хродульф спросил с подозрением:

— Что вы хотите сказать?

— Только подтверждаю ваши слова, — ответил Ле-оффиг. — За ворота ни один из них не высунет носа.

Хродульф вскипел, рука метнулась к рукояти меча. Я встал между ними и растопырил руки, удерживая на расстоянии друг от друга.

— Тихо, лорды, тихо!.. Неприятель будет только рад, если поубиваете друг друга. Вообще-то глупая идея всех вас в один город... И кто это придумал?

Они переглянулись, а Хенгест, наблюдавший за противником в трех шагах от нас, сказал, не поворачиваясь:

— Глупые идеи приходят всем сразу. Это умные... гм... только мне одному.

Меревальд засмеялся, разряжая обстановку. Хенгест теперь герой, купается в славе, вряд ли выкинет еще что-то безумное раньше, чем слава начнет меркнуть, не мальчик все-таки, хотя да, у рыцарей мальчишечьи сердца, отвага и чистые души.

Со стен и башен воины и простые горожане смотрели с трепетом, как вдали показалась вдоль всего горизонта темная полоса, что медленно ширилась, пока через несколько часов просторы долины не стали тесными от тысяч и тысяч всадников противника, а вдали грозно заблестали доспехи бесчисленной панцирной конницы, и было ее больше, чем всех горожан, считая женщин и младенцев.

Я смотрел с натянутой улыбкой, хотя в животе тяжело и холодно. Эта несметная рать в состоянии просто втоптать в землю всю Бриттию, сожрать ее всю, как гигантская прожорливая саранча, и хотя отсюда с башни хорошо видно, что это такое же сборное войско, как и ополчение лордов Варт Генца, только на-

много проще, многие отряды просто шайки разбойников, однако они превосходят нас числом двадцать к одному.

На башню, что над воротами, где я терзаюсь в ожидании подхода войск Клемента Фицджеральда, часто поднимались верховные лорды, военачальники и даже простые рыцари.

И все мы могли убедиться, что силу Мунтвиг привел не только грозную, но поистине несметную: вот уже двадцать тысяч рыцарского войска, сорок тысяч тяжелых всадников, шестьдесят легких, пятьдесят пехоты — это только первая волна нашествия, собранная, как уже известно, из остатков армии Карла, а за ней еще более грозная и многочисленная армия самого Мунтвига, что сопровождает его с первых же побед и кормится плодами успешных завоеваний.

В его армии, как доносит разведка Норберта, свирепые ательцы из Аганда, быстрые и яростные кухулы, пришли под знамя Мунтвига непокоренные никем, но легко признающие своим вождем самого сильного сенглы, явились конные отряды из Лидунца, изумительные лучники из области Гергалы, что между Ругендом и Ясти Дерпом, пестрые ватаги неистовых в ярости бергов, прибыли войска всех народов, населявших предгорья Арендских гор, даже из Велечии и Приболья пришли настоящие армии, рвущиеся в яростный бой.

Однажды на башню поднялся епископ Геллерий, мрачный и неразговорчивый, долго смотрел на вражеское войско, я уже и забыл, что здесь кто-то еще, как вдруг он повернулся и, глядя в упор странными немигающими глазами, спросил резко:

— Сэр Ричард, готовы ли вы исповедаться перед битвой?

Я хотел ответить уклончиво, но, с другой стороны, это не отец Дитрих, чего церемониться, покачал головой.

— Исповедаюсь Богу... если встречу его.

Он сказал непреклонно:

— Но так же нельзя, если вы христианин!

— Все, — сказал я, — что ввели люди в закон, можно и отнять людьми. Я могу советоваться с вами, святой отец, но исповедоваться... нет, это слишком личное, чтобы доверять другому человеку.

Он проговорил тверже:

— Сэр Ричард, исповедоваться священнику... на этом стоит церковь!

— Церковь не скворечник, — ответил я, — она не держится на одном шесте. Или даже на столбе. Церковь, к счастью, покоится на таком количестве стоящих вплотную один к другому бревен, уже окаменевших, превратившихся в гранит, что даже если один и рассыплется в прах, церковь этого даже не заметит.

Он пробормотал:

— Ну... это верно, не спорю.

— Церковь должна помогать общаться с Богом, — напомнил я, — а не подменять его. Почему, когда я хочу поговорить с Богом, я говорю с ним, а от вас слышу: говорите мне, я скажу Богу и от него передам ответ?... Почему?

Он выпрямился, глаза свернули гневом.

— Потому что я — священнослужитель!

— А вы уверены, — спросил я, — что Господь именно вас избрал посредником между Ним и людьми?

Он отрезал:

— Уверен!

— Гордыня, — констатировал я. — Дьявольская гордыня ставить себя настолько выше людей, а самого себя возносить к небу. Отец Геллерий, опомнитесь!

Я советую вам поскорее покаяться, и, возможно, Господь по доброте своей и бесконечнейшей милости, мне совсем непонятной, простит вас за попытки решать Его проблемы и толковать Его повеления другим людям.

Он вздрогнул, побледнел, выпрямился так резко, словно получил удар по спине и одновременно — снизу в челюсть.

— Как вы... такое... можете...

Но выглядел потрясенным, удар попал в цель с силой выпущенного из катапульты ядра.

— Господь старается говорить с нами так, чтобы мы поняли, — сказал я, — однако мы все равно из-за своей малости и скудоумия не понимаем и сотой доли того, что он желает от нас! А те крохи, что понимаем, мы все равно перевертываем, истолковываем не так... не так... и что, вы встали между людьми и Богом, чтобы запутать еще больше?

— Сэр Ричард! — вскрикнул он. — Это уже богохульство!.. И отступление от основ!

Я покачал головой.

— Как раз нет. Тот, кто отступает, делает это тайно. Я делюсь своими сомнениями не с единомышленниками, которых у меня в таких вопросах нет, а с вами, отец Геллерий. Потому найдите достаточно веские и зримые слова, чтобы опровергнуть и рассеять мои сомнения.

Он подумал, ответил кратко:

— Хорошо. Я постараюсь подыскать нечто убедительное. Ваше высочество...

— Отец Геллерий...

После того как он ушел, я вернулся к столу с картой, однако из стены напротив вышел скромно и с достоинством одетый господин, вежливо поклонился.

— Мое почтение, сэр Ричард...

— Здравствуйте, сэр Сатана, — ответил я чутьочку сварливо. — Вы что, следили за нашим разговором?.. Присаживайтесь, пожалуйста. Лучше вот сюда, а то там от окна дует.

Он чутьочку улыбнулся.

— Мне сквозняки не вредят, но спасибо за теплоту и заботу. В самом деле очень удобное кресло... Вы не забыли, что я — Дух Сомнения? Как только кто-то усомнится в чем-то, я сразу это слышу... Вы же помните, Змей зародил зерна сомнения в Еве, а потом она и вовсе понесла его семя в своем чреве! Сомнение — одно из моих самых мощных орудий воздействия. Один из мудрецов, что особенно прислушивался ко мне, даже сказал знаменитое «Все подвергай сомнению!». Золотые слова...

Я поспешно сел напротив, чтобы не давать ему преимущество, а то как подчиненный в присутствии начальника, а он лишь улыбнулся, прекрасно понимая мои нехитрые реакции.

— Значит, — сказал я, — мне подвергать сомнению учение церкви не следует... раз вы сказали, что надо усомниться?..

— Почему?

— Но вы ведь Сатана, — ответил я честно, чего уж хитрить, — враг рода человеческого. Вам кофе или вина?.. Такого вина вы не пробовали... Вы человека не любите и стараетесь ему вредить везде и всюду. Засухи, наводнения, саранча...

Он взял чашу с вином, отхлебнул, на лице отразилось удовольствие, сделал еще глоток, побольше.

— Прекрасное вино, — сказал он с чувством. — Всякий раз убеждаюсь, что путь, который я выбрал для человека, прекрасен!

Я буркнул:

— Это вино создано, кстати, монахами в одном из монастырей с весьма строгим уставом.

— И что?

— Вино, — сказал я, — не вы подсказали!

Он светски улыбнулся.

— Монахи — мои любимцы. Простолюдинов не люблю, они тупы, как скот, а монахи — люди пытливые, думающие, любознательные и... постоянно сомневающиеся. Сомнение — отличительная черта умных людей. Так что монахи — мои постоянные собеседники, пусть даже мы и спорим постоянно... Кстати, насчет засухи и саранчи... Вы же прекрасно знаете, это не от меня!

— Знаю, — ответил я мирно. — Но этот ход в пропагандистской войне напрашивается. Бритва Оккама.

— Что за бритва?

— Отсекай все лишнее, — объяснил я. — Зачем громоздить сложные объяснения, непонятные простому человеку, когда он и простые понимает еле-еле? А вот что все нехорошее от вас, сэр Сатана, это он поймет легко.

Он негодуяще фыркнул.

— Нечестно!

— Это я слышу от Отца Лжи? — спросил я. — Зато эффективно. И церкви позволительно прибегать к лжи, если та во благо.

Он воскликнул:

— И вы все еще паладин?

— Мы же говорим детям, — возразил я, — что их нашли в капусте или принес аист, а умирающим — что уже выздоравливают? Женщины врут мужьям, мужья женам, зато в семьях мир и согласие. Политики врут всем, тем самым поддерживают благосостояние страны и всячески избегают войн... Потому и саранча от вас, и засуха, даже корова захромала потому, что вы, сэр Сатана, ей лично по ноге палкой ударили!

— Животных я люблю, — возразил он сердито, — это человека... но и его полюбил, когда он с Творцом

рассорился, как и должно было быть, и ушел, гордый и независимый, несмотря на свою ужасающую слабость. Тогда-то я и взялся протапывать для него дорогу, что приведет к могуществу!

— Только вы?

— Только я, — ответил он твердо. — Кто должен был жить в саду Эдема и не выходить за его пределы?.. Но когда Творец дал вам пинка под зад и вы оказались в диком мире, только я взялся помогать вам и протапывать дорогу!.. В самом деле, прекрасное вино... До чего же я хорош, оказывается, вы не находите?

— Нет, — ответил я сердито. — Когда Господь вытолкал в шею Адама с беременной от Змея женой из сада, он потом несколько смягчился. Правда, как и старые языческие боги, он не мог сделать сделанное несделанным, или, говоря проще, отменить свои же решения, однако он иногда слегонца помогал потомкам Адама, ибо дети за грехи отцов не отвечают... ну, по истечению седьмого колена. Вон Ноя даже предупредил насчет потопа...

— Ага, — сказал он саркастически, — а всех остальных утопил, как котят!.. Вы можете себе представить, чтобы такое сотворил я?

Я покачал головой.

— Нет, конечно. Ваша цель — опорочить человека и доказать Творцу, что тот был не прав, отдавая власть над миром человеку, а не вам, ангелам. Гибель людей вам ничего не даст... Хотя есть что-то неправильное...

Он поставил опустевшую чашу на стол, я тут же сосредоточился и наполнил ее изысканнейшим вином солнечной Франции.

Аромат ощутил даже я, а он подхватил чашу, сделал глоток, блаженно зажмурился.

— Неужели вы думаете... ах, как чудесно!.. что такое вино могли создать Божьи слуги?..

— Ладно, — сказал я, — ваши последователи. Но это мне очень не нравится.

— Что делают такое вино?

— Нет, — сказал я сердито, — мне совсем не нравится, что вы протаптываете для человека одну дорогу, а Творец старается побудить его идти по другой. Дело не в том, что я дурак и не могу выбрать! Дело даже не в том, что на каждой из дорожек свои пряники...

— А в чем?

Я посмотрел ему в глаза зло и беспощадно.

— Мне вообще не нравится это или-или!.. Каждый из вас берется решать за человека, но нужно ли это ему? А если он предпочтет свой путь? И сам протопчет для себя тропку? У нас свобода воли, а не только выбора!

Он отшатнулся с чашей вина в руке, лицо стало полным недоумения.

— Какой? Есть только два пути! Всевышнего и... мой!

— Так было, — согласился я. — Но появился человек... и он протопчет свой путь.

— Что, третий?

— Да, — согласился я, — третий.

Он посмотрел на меня пристально, глаза непроницаемо черные, как холодный космос, лицо неподвижное, но я впервые увидел в нем некую неуверенность.

— Третий, — повторил я. — Да, точно! Пора искать третий путь.

Глава 17

После его ухода, как реакция на мой апломб и самоуверенность, всплыло тягостное воспоминание о полной беспомощности и растерянности, когда замок герцога Вирланда был так изолирован, что в нем и время свое, и существа какие-то непонятные, и меня,

великого героя, если уж правду в глаза, гоняли в толпе слуг, не видя между нами разницы...

А тут еще эта приближающаяся багряная звезда Маркус, у всех при ее упоминании сразу лица вытягиваются, а в глазах выражение полнейшей безнадежности.

А мы деремся друг с другом, как полчища черных и красных муравьев, не замечая надвигающегося лесного пожара! Когда эта звезда, хотя это точно никакая не звезда, приблизится, все человечество сгинет... ну, за исключением тех, кто спрячется в самых глубоких пещерах. Впрочем, и они почти все погибнут, когда начнут двигаться плиты земной коры.

Уцелеют совсем единицы или пара общин на разных концах земли. И начнется снова долгий и мучительный путь от дикости к цивилизации.

Но если Багряная Звезда опускается, чтобы набрать народ, то это как-то не вяжется с высокими технологиями. Будущему не нужны рабы, даже в качестве мяса для еды, еду проще выращивать искусственно. Это так же смешно и глупо, как идущие по земле армии терминаторов, уничтожающие людей. Для того чтобы уничтожить все человечество без остатка, достаточно в вирусе обычного гриппа переставить пару молекул в нужное для этой цели место.

Скорее людей набирают, к примеру, потому, что где-то эти набиратели постепенно перестают давать потомство... Может быть, из-за слишком жесткого излучения, либо еще каких-то причин, но все равно: эти багрянники набирают в свои загоны для скота несколько десятков тысяч людей, затем поднимаются и с высоты зачем-то уничтожают их гнезда.

Видимо, все-таки боятся расцвета их цивилизации. И понимают, часть людей, выползших из пещер, к следующему визиту как раз только-только расплодятся.

Со стены видно, как во дворе епископ Геллерий раздает благословение воинам, причащает перед сражением, я сперва отвернулся, затем быстро сбежал со стены и подошел к ним.

Он перекрестил последнего и повернулся ко мне.

— Сэр Ричард?

— Отец Геллерий, — сказал я почтительно, — церковь мудра и накопила много ответов за свою долгую и такую нужную для всех нас жизнь. И потому священнослужитель, если он достаточно усерден, вскоре обретает знаний больше, чем все государи мира...

Он взглянул на меня остро, веки тяжелые, толстые, покрасневшие от ночных бдений, а глаза вперили острых, как булавки, взгляд.

— Сэр Ричард, что вас тревожит?

— Если по мелочи, — ответил я уклончиво, — то очень многое, но все, что человек может решить или сделать сам, он обязан это делать...

— Золотые слова...

— Но очень многое, — сказал я с горечью, — он и не может.

Он опустил веки и смиренно промолчал и не шевелился, только пальцы все так же перебирают четки.

— Так что вас, сын мой, настолько беспокоило? Что-то даже большее, чем ваш противник?

— Давайте отойдем чуточку в сторону, — предложил я.

Он насторожился, но пошел за мной, а я выбрал местечко, где нас никто не услышит, повернулся к нему.

— Что вас тревожит? — повторил он вопрос.

— Когда ждать Маркус? — спросил я в лоб.

Он чуть вздрогнул, моя солдатская прямота шокирует здесь многих, а монахи и священники привыкли к сдержанности и всячески ее культивируют в обществе.

— Ваше высочество, — ответил он смиренно, — церковь принимает все необходимые меры.

— Какие? — потребовал я.

— Все самое ценное, — сказал он, — а это книги и древние рукописи, сейчас опускают в самые глубокие пещеры. За месяц-два до прибытия Маркуса туда же начнут уводить монахов и монахинь, что должны будут дать начало новому человечеству, когда Маркус отбудет. Остальные же люди на земле, ваше высочество, препоручат свои жизни и души Господу. Все самое ценное, ваше высочество, а это вовсе не бриллианты и золото, будет надежно упрятано.

Я пробормотал:

— Не очень-то надежно, если учесть, что сдвинувшиеся тектонические плиты одни пещеры сплющит, а другим перекроет выход.

— Но кто-то и спасется, — ответил он смиренно, — к тому же самые ценные книги переписаны и укрыты в пещерах в разных концах света. На этот раз спасется намного больше людей, ваше высочество!.. И мы сразу начнем с более высокой ступени.

— Церковь, — сказал я, — великая организующая сила, признаю. Без нее не было бы прогресса... Как я понимаю, где бы ни опустилась эта звезда по имени Маркус, она все равно пройдет над всеми континентами, Север это или Юг, Запад или Восток?

Он перекрестился и ответил очень невесело:

— По всей земле горы будут опускаться, пока там не возникнут моря, на месте пустынь поднимутся горы, всежигающий огонь пройдет по всем землям. Только в море почти все выживет... Потому и говорят, что на дне морском вообще сохранились города, куда ушли те, кто сумел спастись еще во времена первых прилетов Багровой Звезды.

Я проговорил с тоской:

— А как вообще... если погрузиться на корабли и выйти в море?.. Хотя нет, землетрясения приведут к цунами, а те перевернут и разобьют любые корабли.

— Вы соображаете быстро, — сказал он одобрительно.

— Однако можно, — сказал я, — погрузиться на плоты. Их ничто не перевернет. Или наделать ковчегов. Только идиоты думают, что ковчег Ноя, в котором тот переждал потоп, был кораблем. На самом деле это был такой огромный плавучий дом в виде пирамиды со срезанной вершиной. Он никуда не плыл, просто на сороковый день его ветрами и течениями прибило к горе... На нижних палубах располагались всякие там слоны, носороги и бегемоты, а на самом верху всякая мелочь вроде людей, жаб и муравьев. Это придавало устойчивость, и никакие цунами ковчег не перевернули!

Он кисло поморщился.

— Сын мой, это замечательно, что ты додумался вот так сразу, это многое о тебе говорит...

— Значит?

Он ответил со вздохом и печалью в голосе, будто говорит с идиотиком:

— Полагаете, сэр Ричард, эти мысли не приходили мудрецам раньше вашего высочества?

Я спросил настороженно:

— И что?

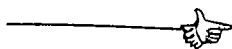
Он покачал головой.

— Багряная Звезда не только ломает всю земную кору, как плуг засохший слой земли, но и сжигает поверхность океана.

— Сжигает?

Он уточнил:

— Нагревает так, что все там кипит. Выжить может только то, что глубже десятка или двух ярдов. Как сами понимаете, никакие ковчег не спасут.

Я со злостью ударил кулаком по колену.

— Ну почему... почему вселенная так нещадна к нам?

— У вселенной нельзя выиграть, — ответил он и перекрестился.

Я процедил зло:

— Это сама вселенная так сказала?... Сколько осталось до Маркуса?

— Не больше года, — произнес он. — А то и меньше.

Я сказал с тоской:

— Как мало осталось, чтобы научиться играть по новым правилам... А мы все воюем!

Со стен отчетливо видно, как из степи двигается несметное стадо могучих волов. Их гонят как для растающего обоза, так и на корм несметному войску, пастухи выглядят больше похожими на огров, чем на людей, огромные и дикие, все в шкурах, косматые и нечесанные, их обходят стороной даже варги, а они, если верить нашей разведке, считаются самими свирепыми воинами в армии Мунтвига.

Воинские дружины их лордов выделяются, как драгоценные камешки среди моря грязного песка, основное же войско состоит из звероподобных и диких людей, то ли спустившихся с неведомых гор, то ли поднявшихся из недр земли: в лохмотьях или звериных шкурах, а если у кого некое подобие одежды, то из невыделанных шкур и мехом наружу. Вооружены кто мечами и копьями, явно подобранными на поле боя, кто луками и стрелами, то и другое плохой работы, многие просто с пиками, у которых и наконечников нет, разве что для крепости обуглили концы в огне.

Со всех сторон в сторону исполинского лагеря тянутся подводы с мясом, рыбой, зерном, битой дичью,

птицей, вином, а там уже всюду полыхают костры, таинственно мерцают багровыми огоньками в железных чанах угли, звучат дудки и бубны, пьяные голоса орут похабные песни, слышится топот множества ног, мужчины танцуют, вставши в круг, боевые пляски...

Я послушал дикие выкрики, многие перепачканы, как будто нарочно, углем или вовсе дегтем, песни и пляски просто дышат безумием и призывом убивать и жечь, наслаждаясь правом сильного...

Со стороны башни вдруг раздались крики, лязг металла. Я с ужасом увидел множество чужих воинов, что набросились на защитников, взявшись из ниоткуда прямо на стене.

Кто-то за моей спиной заорал дико:

— Исчезники!.. Целая армия!

К стене со всех сторон ринулись все, кто оказался вблизи, а мунтвиговцы, сразив часовых на стене, быстро бежали по ступенькам во двор крепости.

Я бросился им навстречу с яростным воплем, но общий порыв злости и отчаяния был так велик, что меня обогнали, и, когда я ударился грудь в грудь с противником, тех уже остановили, я слышал только крики, рев, приказы и леденящий нервы звон металла по щитам и доспехам.

По стене уже бегут с обеих сторон воины, и хотя с той стороны продолжают перепрыгивать закованные в доспехи рыцари Мунтвига, я поверил, что раз их обнаружили, то теперь проход перекроют.

А мы рубились люто, нападающие сперва замедлили напор, потом остановились, а когда мы начали отжимать обратно к стене, стало понятно, чем закончится.

Часовые, пропустившие исчезников, погибли все, однако там наверху на стене идет настолько яростная схватка, что наши с двух сторон упорно сближаются, а

ручеек переваливающихся через край становился все реже.

Наконец там сошлись, оттолкнули лестницы, ставшие зримыми, и закричали хриплыми голосами:

— Ура!

— Победа!

Но внизу, где в окружении осталось около сотни рыцарей, бой шел яростный. Десятник Мел Твердоног в яростном порыве ворвался в ряды врага слишком глубоко и сражался, окруженный со всех сторон. На него обрушились тяжелые удары, он упал на колени и погиб бы через считанные мгновения, но подоспел Алан и, принимая на себя многочисленные удары копий, мечей и топоров, прикрыл Мела щитом, а затем, набросившись на врагов, как орел на ворон, спас от неминуемой гибели.

Они по-прежнему не разговаривали с момента той стычки, когда Алан влупил ему хлесткую пощечину, и даже не здоровались, и Мел, оклемавшись после того, как трупы нападавших побросали со стены вниз, подошел к башне и нацарапал на каменной плите кончиком меча: «Алан спас меня».

Потом был короткий отдых, когда все оживленно обсуждали, как же ловко колдуны прикрыли своих незримостью и что надо сделать, чтобы такое не повторилось.

Я видел, как Мел тяжело прошел к костру, для большинства воинов квартир в городе не нашлось, сел, а тем временем Алан потихоньку прошел к тому месту башни и, хмурая брови, долго читал написанное десятником.

Когда он вернулся, Мел уже обедал в кругу воинов. Алан в нерешительности приблизился, посопел над его головой, но Мел делал вид, что полностью занят

обгладываемой костью, а потом, отшвырнув и ее к стене в сторону вражеского лагеря, потянулся к бурдюку.

Алан хмуро и с подчеркнутой неприязнью, чтоб ничего не подумали, мы все страшимся, чтоб на нас чего-то не подумали, прорычал:

— Слушай, ты! Почему первую надпись сделал на земле, а вторую — на камне?

Мел поднял голову и ответил так же неприязненно:

— Разве непонятно?

Я не стал смотреть, что будет дальше, это уже не то, на драки нам смотреть куда интереснее, пошел по стене, как вдруг сзади со стороны ворот закричали сразу несколько человек:

— Снова идут на приступ!.. Теперь всей армией!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	45
Глава 6	54
Глава 7	63
Глава 8	74
Глава 9	80
Глава 10	89
Глава 11	99
Глава 12	109
Глава 13	118
Глава 14	125
Глава 15	135

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1	143
Глава 2	152
Глава 3	160
Глава 4	167
Глава 5	176
Глава 6	184
Глава 7	192
Глава 8	201

Глава 9	209
Глава 10	216
Глава 11	222
Глава 12	230
Глава 13	240
Глава 14	248
Глава 15	256
Глава 16	264
Глава 17	271

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1	279
Глава 2	285
Глава 3	293
Глава 4	300
Глава 5	305
Глава 6	313
Глава 7	321
Глава 8	328
Глава 9	337
Глава 10	344
Глава 11	351
Глава 12	362
Глава 13	369
Глава 14	376
Глава 15	385
Глава 16	393
Глава 17	404

Литературно-художественное издание

БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Гай Юлий Орловский

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — ВИЦЕ-ПРИНЦ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Стариков*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *О. Шувалова*

Корректор *Т. Бородоченкова*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 17.09.2012.

Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 65 000 экз. (1-й завод — 39 000 экз.). Заказ 9791.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaompk.ru, www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-60008-3

9 785699 600083 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»

E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,**
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховский Оборона, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 6.
Тел./факс: (044) 498-15-70/71.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (062) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ул. Бузкова, д. 2. Тел. +38 (032) 245-01-71.

Интернет-магазин: www.knigka.ua. Тел. +38 (044) 228-78-24.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksmo.kz

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буковед»:

«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

ISBN 978-5-699-60008-3

9 785699 600083 >

Фич@на

Длинные Руки

вице-принц

